ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 1

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 1

Москва
Издательство МАИ
2003

ББК 13.5.1
О 080

О 080 **От солдата до генерала: Воспоминания о войне.** Том 1. —М.: Изд-во МАИ, 2003. — 424 с.: ил.

ISBN 5-7035-1322-7

В настоящем томе публикуются воспоминания советских участников боевых действий Второй мировой войны, подготовленные ими в 2002 году в рамках целевой программы Московского отделения Академии военно-исторических наук.

В томе представлены воспоминания 50 ветеранов войны в авторской редакции.

Книга послужит источником для научных исследований, для создания новых учебников, литературных произведений, а также может быть полезна интересующимся военной историей.

Многотомник является некоммерческим изданием, и первые 500 экземпляров каждого тома предназначены для распространения по установленному Академией перечню библиотек ведущих университетов регионов России и столиц мира, исторических и литературных факультетов университетов, парламентов и руководителей стран, ветеранских организаций и воинских соединений России.

Спонсор издания тома:
Шоль Евгений Иванович, вице-президент Академии военно-исторических наук (www.kontragent.ru/~scholl)

ISBN 5-7035-1322-7

© Московское отделение Академии военно-исторических наук, 2003

Посвящается величию
Подвига Солдата
Великой Отечественной войны

Дорогой читатель!

Перед вами книга солдатских мемуаров. Это волнующие, искренние, простые и правдивые рассказы опаленных войной защитников Отечества. С честью и достоинством они прошли через огонь и дым пожарищ величайших сражений, народ назвал их Солдатами Победы.

Никто не забыт! Ничто не забыто!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к изданию 8

1 **Александров Павел Петрович**
Инженерные войска в годы войны 12

2 **Балдин Юрий Андреевич**
Как все начиналось 16

3 **Белова Зоя Андреевна**
Фронтовая почта 21

4 **Бессонов Евгений Иванович**
О Висло-Одерской операции 27

5 **Бугров Николай Михайлович**
Освобождение города Праги 35

6 **Булыгин Владимир Васильевич**
Воспоминнания артиллериста 41

7 **Верещак Тимофей Яковлевич**
После Штейнау мы долго шли по лесам и болотам 55

8 **Вураки Андрей Фёдорович**
Висло-Одерская наступательная операция 58

9 **Григорчук Александр Алексеевич**
Фронтовые дороги 69

10 **Давидович Михаил Ефимович**
Наш фронт назывался Степным 79

11 **Дементьев Василий Дмитриевич**
О Московской битве 82

12 **Дементьев Юрий Викторович**
Бои за взятие Берлина 91

13 **Добрынин Алексей Степанович**
Красный снег 104

14 **Дубровин Юрий Александрович**
От батальона осталась одна стрелковая рота 109

15 **Емельяненко Владимир Иванович**
Над нашими головами уже пролетали самолеты 115

16 **Железнов Николай Яковлевич**
Уральско-Львовский добровольческий танковый корпус 119

17 **Захаров Борис Петрович**
Все наши танки открыли ураганный огонь 152

18 **Иванов Михаил Константинович**
Нас подняли по тревоге не 22, а 21 июня 158

19 **Игнатенко Павел Викторович**
Юность в солдатской шинели 164

20 **Катков Пётр Фёдорович**
Зеленый танк, черная земля, белый снег, красная кровь 170

21 **Квитченко Яков Порфирьевич**
Была дана команда выехать в разведку ... 176
22 **Колесникова Зинаида Андреевна**
Огонёк ... 182
23 **Корягин Дмитрий Иванович**
Так вот она какая - разведка боем! ... 186
24 **Кузовников Евгений Сергеевич**
О развечиках 62-й гвардейской танковой бригады ... 189
25 **Леонтьева Елена Михайловна**
Ваша любимая когда-нибудь спасибо скажет... ... 199
26 **Лященко Павел Гаврилович**
Похоронили около театра оперы и балета... ... 205
27 **Макаров Пётр Петрович**
Спасая раненых на поле боя ... 210
28 **Малышев Владимир Николаевич**
Сапер ошибается только один раз ... 215
29 **Ментюкова Надежда Александровна**
Дорогами войны ... 223
30 **Мирошников Лев Иванович**
В сражениях на Верхнем и Среднем Дону ... 230
31 **Новиков Николай Александрович**
Завязался короткий бой ... 239
32 **Пархоменко Владимир Иванович**
Я прошел всю войну ... 243
33 **Платов Виктор Григорьевич**
Зенитчики в Великой Отечественной войне ... 255
34 **Рогачёв Александр Васильевич**
Шли непрерывные танковые бои ... 260
35 **Рогов Сергей Павлович**
Мост немного дрожал ... 271
36 **Рубб Александр Арапович**
Я был похоронен ... 277
37 **Рунов Борис Александрович**
Сопротивление бесполезно, вы будете уничтожены ... 282
38 **Рябушко Владимир Михайлович**
При штурме Берлина на канале Тельтов ... 287
39 **Семёнов Владимир Васильевич**
Вместе с танками по фронтовым дорогам ... 293
40 **Серов Иван Семёнович**
Дуэль танка-тральщика с танком «тигр» ... 310
41 **Следин Леонид Никитович**
Атака на танк ... 315
42 **Супрунов Яков Семёнович**
Фронтовые этюды ... 330

43 **Тарасова Вера Дмитриевна**
Шли вместе с автоматчиками, давая телефонную связь ... 352
44 **Тройнин Митрофан Иванович**
Суждено жить ... 358
45 **Фишман Михаил Семёнович**
За «языком» ... 361
46 **Шиманкин Владимир Васильевич**
От обороны под Сталинграадом к штурму Берлина ... 370
47 **Шишкин Николай Константинович**
Фронтовые пути-дороги ... 383
48 **Шустин Ефим Григорьевич**
Переправиться через реку Дон
и захватить прибрежную полосу ... 406
49 **Эфрон Константин Михайлович**
В долине появились пять танков «тигр» ... 410
50 **Якушов Михаил Иванович**
Как я выкрал Власова ... 415

Предисловие к изданию

Во всемирной истории Вторая мировая война занимает особое место. Главным героем священной войны с фашизмом стал советский солдат. В грозный час смертельной опасности он не дрогнул, не пал духом, не склонил голову перед захватчиками. Не щадя себя в яростных и ожесточенных боях, сражаясь за каждый рубеж и высоту, он остановил врага у стен Москвы, обескровил его отборные войска, покорившие Европу, а затем отбросил их на сотни километров, одержав первую историческую победу под Москвой.

Это он окружил и уничтожил крупнейшую группировку врага под Сталинградом, разгромил его хваленые танковые армады на Курской дуге, форсировал Днепр, освободил блокадный Ленинград, все наши земли, а затем и народы Восточной Европы, штурмом взял Берлин, водрузил Красное знамя над Рейхстагом, освободил Прагу и принес народам мира Победу. Она стала возможной в результате великого единения армии и народа, большой организаторской деятельности ВКП(б) и всех государственных органов, подвига солдата и труженика тыла, партизана и подпольщика. Эта слава на века, радость и гордость, слезы и горечь утрат, клятва помнить павших в боях, наука побеждать — урок недругам, зарящимся на чужие земли. Победа — это Знамя, которое объединяет всех людей Земли

Выдающийся полководец и Маршал Победы Г.К. Жуков высоко оценил роль солдата на этой войне: «Кровью и потом солдата добыта Победа над сильным врагом. Он умел прямо смотреть в глаза смертельной опасности, проявил высшую воинскую доблесть и героизм. Нет границ величию его Подвига». Свой знаменитый труд «Воспоминания и размышления» прославленый маршал посвятил советскому солдату.

Всемирно-историческое значение Великой Победы в послевоенный период описано и доказано арсеналом фундаментальных военных трудов по истории, исследованию и изучению опыта Второй мировой войны.

Вместе с тем в военной мемуарной литературе преобладают воспоминания полководцев и видных военачальников. Даже мемуары командующих армиями стали появляться лишь в последнее десятилетие. Крайне редко издаются солдатские мемуары рядовых, сержантов, старшин, командиров взводов, рот, батальонов и им равных в различных родах войск и служб.

Не бывает армий без солдат, а боя — без бойцов. Именно они составляют основную массу непосредственных участников боевых действий, исполнителей замыслов и решений командиров и начальников. Лицом к лицу встречались они с врагом, смерть ходила рядом, но им выпало жить. Они носители и первоисточники самой подробной, детальной, объективной и достоверной информации, интеграция и анализ которой позволял командирам и штабам получить наиболее полную, правдивую и обоснованную оценку хода и результатов боя.

Первыми, кто пытался собрать и издать солдатские мемуары, были известные писатели С.С. Смирнов и К.М. Симонов. Их выступления по телевидению, радио и в печати пользовались большой популярностью, но по ряду объективных причин таких как значительная стоимость работ и недостаточный материально-технический уровень издательской базы, эта работа продолжения и развития не получила. Были и субъективные, к которым следует отнести недооценку значения солдатских мемуаров.

Память о войне не подвластна времени, интерес к героическому подвигу армии и народа продолжает возрастать. Открываются новые страницы патриотизма, геройства, стойкости, силы духа, верности долгу, мужества, чести и доблести. В них — ключи к решению многих задач, стоящих перед современным обществом.

Народная мудрость гласит: чтобы понять и оценить настоящее и предвидеть будущее, надо знать и помнить прошлое. Память о воине направляет наши мысли на патриотические дела в интересах народа и государства.

В преддверии 60-летия Великой Победы еще более ощутим стал недостаток в солдатских мемуарах. Стала явной и насущной потребность собрать, сохранить и издать воспоминания всех участников боевых действий.

Редеют ряды ветеранов и поэтому становится бесценной фронтовая, подлинная и достоверная, простая солдатская правда о воине.

Большой размах и авторитет в стране приобрело ветеранское движение. Ветеранские организации вместе с учебными заведениями стали ведущей силой в решении задачи воспитания у молодого поколения высокого чувства патриотизма, долга и готовности к служению Отечеству.

По инициативе заведующего кафедрой истории Московского авиационного института (государственного технического университета) при поддержке его сотрудников и ветеранов 4-й гвардейской тан-

ковой армии 22 мая 2003 года учреждено Московское отделение Академии военно-исторических наук (АВИН). Главными целями деятельности Московского отделения АВИН стали как исследование актуальных вопросов военной истории, так и подготовка и издание воспоминаний всех участников войны, а также активное участие в патриотической работе с молодежью.

Работа уже началась. Так, 18-19 апреля 2003 года Московским отделением АВИН совместно с Ассоциацией «Аэрокосмическое образование», Межвузовским центром по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации и Московским авиационным институтом (государственным техническим университетом) была проведена Международная научная конференция «Мы победу приближали как могли. 1941–1945 годы (с акцентом на события 1943 года)».

Московским отделением начата работа по созданию многотомной серии воспоминаний всех участников боевых действий Второй мировой войны — от солдата до генерала. Для оказания помощи в подготовке воспоминаний к каждому ветерану прикрепляется студент учебного заведения. Совместная работа ветеранов и студентов имеют огромное воспитательное значение.

Достигнутый уровень компьютеризации учебных заведений и современная полиграфическая база способствуют решению задачи издания воспоминаний всех участников войны. Стало возможным с высоким качеством и в короткие сроки издавать серию книг до 50 воспоминаний в каждом томе с фотографиями ветерана и студента. За счет спонсорской помощи предпринимателей и организаций каждый том предполагается издавать минимум в 600 экземпляров, первые 100 из которых передаются ветеранам и студентам, а остальные 500 экземпляров направляются в библиотеки ведущих университетов, музеев, ветеранских организаций и военных комиссариатов всех регионов России, а также в библиотеки ведущих зарубежных университетов мира.

Этим томом начинается издание долгожданной серии солдатских мемуаров. В нем помещены воспоминания 50 ветеранов прославленной 4 гвардейской танковой армии, которая с честью и достоинством пронесла, свои боевые знамена от Москвы до Берлина и Праги. Воины армии вписали немало золотых страниц в летопись боевой славы России. В честь 4 гвардейской танковой армии Москва салютовала 27 раз, 128 ее бойцов удостоены звания Героя Советского Союза и 48 стали полными кавалерами ордена Славы.

Массированные танковые прорывы армии в оперативную глубину противника и дерзкие рейды по его тылам стали классикой военного искусства и изучаются во всех военных академиях мира.

В настоящее время ветераны 4 гвардейской танковой армии занимают ведущее место в ветеранском движении Москвы по организации и проведению воспитательной и патриотической работы со школьниками, студентами, солдатами и офицерами. Изданные воспоминания фронтовиков, их живая правда о войне и подвиги танкистов без сомнения займут достойное место в истории.

Инициативу Московского отделения АВИН и ветеранов 4 гвардейской танковой армии поддержал Московский комитет ветеранов войны. Общими усилиями ветеранов и молодого поколения россиян будет создана серия солдатских мемуаров, которая станет бесценным источником для научных исследований молодых историков, для создания новых учебников и литературных произведений, а также для патриотического воспитания молодежи.

Академия военно-исторических наук приглашает деятелей общественных, научных, государственных и административных организаций, а также препринимателей принять участии в многотомном издании солдатских мемуаров «От солдата до генерала. Воспоминания о войне» под девизом «Никто не забыт, ничто не забыто».

Шоль Евгений Иванович
Вице-президент Академии военно-исторических наук

Пархоменко Владимир Иванович
Председатель Совета ветеранов 4 гвардейской танковой армии, генерал-майор в отставке

Порохня Виктор Сидорович
Председатель Межвузовского центра по историческому образованию в технических вузах Российской Федерации, заведующий кафедрой истории Московского авиационного института (государственного технического университета), председатель Ученого совета Московского отделения Академии военно-исторических наук, профессор

Александров Павел Петрович

ИНЖЕНЕРНЫЕ ВОЙСКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Родился 1 июля 1924 года в деревне Кокуи Буинского района республики Татарстан. Русский, православный. В прошлом член КПСС.

В 1941 году я окончил среднюю школу, в 1943 – военное училище, затем, уже после войны, в 1952 году окончил военную академию (Военно-инженерная академия имени В.В. Куйбышева) г.Москва.

Первый день войны я встретил в родном Буинске, что расположен в 100 км южнее г.Казань – столицы Татарстана. День был солнечный, теплый и вот … во второй половине дня из репродуктора прозвучали грустные слова о внезапном нападении германских войск на нашу страну.

Войну в какой-то мере ждали. Ведь не даром в школе мы, особенно ребята, овладевали знаниями и навыками молодого бойца. С честью и достоинством носили значки: «Готов к труду и обороне», «Ворошиловский стрелок» и др. Однако что такое война представляли только по кинофильмам, в них мы всегда были смелее, сильнее противника.

Несколько дней позднее, когда началась мобилизация, люди были уверены, что война продлится не более 3—4 месяцев, и ни кто не сомневался в победе. Только бывалые солдаты, прошедшие первую Мировую и Гражданскую войны предупреждали, сколь сильным, коварным врагом будут немцы… К сожалению они оказались правы.

Первое боевое задание мне довелось выполнять аж зимой 1945 года. А до этого времени окончил Московское военно-инженерное училище,

командовал взводом в учебной инженерной бригаде, в 68 саперном батальоне 5 гв. механизированного корпуса, который в январе 1945г, после переформирования был направлен в состав 2 Украинского фронта.

Корпус вводился в сражение в общем направлении на Моравскую Остраву в условиях сильно пересеченной местности поздней зимой. Поэтому самая распространенная инженерная задача – проделывание проходов в заграждениях противника выполнялась сложно и трудно. Мины вмерзли в грунт и отыскивать их приходилось с помощью коротких щупов. Противник находился в непосредственной близости, поэтому солдаты, особенно молодые «необстрелянные» чувствовали себя не совсем уверенно. Хотя выдвигались ползком, вроде тихо, скрытно, но противник обнаружил нас: взвились ракеты, засвистели пули, когда одна мина разорвалась в нескольких метрах от меня, подумал: это конец. Однако, когда обстрел закончился и мы встали, оказалось, что у меня в нескольких местах рассечена осколками плащ-палатка. Пришлось отойти и ждать пока противник не успокоится. Второй раз действовали увереннее, однако проходы были проделаны только к рассвету и по ним пошли танки.

Через трое суток столкнувшись с упорным сопротивлением противника и ограниченными возможностями маневра в условиях горной местности, наступление корпуса прекратилось. 5гв. МК был переброшен в состав 1 Украинского фронта.

После переправы через реки Нейсе и Шпрее корпус был введен в сражение и вскоре вышел на оперативный простор, действуя вдоль автострады Бреслау – Берлин. Саперной роте, которой я командовал, приходилось действовать с танками и мотопехотой, поэтому и характер выполнения задач включал их сопровождение: устройство проходов в минных полях, восстановление небольших мостов, реже – ремонт и обозначение путей. Здесь, за неоднократное, образцовое выполнение заданий, мне была вручена первая боевая награда – орден Красной Звезды.

Затем участвовал в бое под Беелиц, когда саперы вместе с пехотой, артиллеристами, зенитчиками, отражали наступление прорывавшейся группировки из окруженного Берлина. Приходилось это на майские праздники, а уже 2 мая 1945 г, 5гв. МК в составе 4 гв. ТА устремился на юг, на помощь восставшей Праге. Двигались днем и ночью. После преодоления Рудных гор от связистов узнали, что 8-го мая был подписан акт о капитуляции. Для кого-то это был последний день войны, а нам предстояла встреча с группировкой фельдмаршала Шернера, прорывавшейся на запад, к американцам. Мне пришлось обеспечить продвижение корпуса по одному из маршрутов. И вот, 9 или 10 мая я со

взводом саперов встретился с частями тыла группировки, которые двигались на встречу с белыми флагами. Остановились. Затем, вчетвером: зам. комбат саперного батальона Карпушкин Н.П., я, и двое сержантов, пошли к колонне немцев, от котрой тоже отделилась группа офицеров. Встретились, объяснились, приказали оставаться на месте и сбрасывать оружие в кювет. Через 1,5 часа подошла пехота, которая продолжила интернирование, а мы устремились дальше к Праге. На всем пути нас встречали ликующие чехи. Таким образом, для нас последним днем войны было 14 мая 1945 г, когда 68 гв. саперный батальон остановился в деревне Мшец около г. Кладно.

На общем фронте наступления запомнились некоторые личные впечатления:

Это и радостная встреча с освобожденными в Ютеборге девчатами, которые были насильно вывезены из разных городов Украины. Это и воспоминание о целых, но пустых городах Даме, Лукенвальце, улицы которых белели от множества белых флагов, вывешенных на окнах и балконах зданий.

Вспоминается и мой боевой товарищ Володя Табаровский, тоже командир саперного взвода, Москвич, который для меня исполнял «Сентиментальный вальс» П.И. Чайковского, один раз на пианино, чудом оставшегося на втором этаже разрушенного дома, а второй раз на органе костела в Ютеборге. Кстати с колокольни этого костела мы сначала «сняли» двух немецких наблюдателей.

Из боевых эпизодов наиболее запомнились оборонительные бои юго-западнее Берлина.

После окончания войны возвращался через Западную Украину в город Мары (Туркмения) в июле 1945 года.

В 1964 году мне было присвоено звание полковник.

Я награжден орденами:

- «Орден Красной Звезды»,
- Отечественной войны 2-й ст.,

медалями:

- «За боевые заслуги»,
- «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу в Великой Отечественной Войне»,
- более чем пятнадцатью медалями за выслугу лет, и в память о юбилейных датах.

В 1984 году я был уволен из Вооруженных Сил по возрасту, и назначен на должность доцента, на кафедру Военной академии, в качестве служащего Российской армии.

Участник двух юбилейных парадов на Красной Площади: в 1995 и 2000 годах, в честь 50 и 55 лет со дня Победы.

До настоящего дня являюсь сотрудником Военно-инженерного университета.

Автор более 60 научных и 50 учебно-методических трудов.

Автор сценариев и консультант 4-х военно-учебных кинофильмов, посвященных вопросам полевого водоснабжения войск.

Автор учебных пособий и более чем 20 лекций.

Редактор и соавтор пяти учебников.

В 2001 году я написал и опубликовал очерк своих воспоминаний о Великой Отечественной Войне в сборник «Фронтовики вспоминают».

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Разгулов Михаил Андреевич***, *студент 3 курса Московского авиационного института*

Балдин Юрий Андреевич

КАК ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ

Я окончил Ленинграский политехнический институт в 1939-м и был направлен на работу в Архангельскую область, в город Северодвинск.

В сентябре 1941 года нашу стройку, а строили мы оборонный завод, начали консервировать. Часть инженерно – технического персонала командировали на Урал. Меня направили на строительство оборонного завода в районе горда Соликамска. Работал я прорабом, работа была тяжёлая: строили днём и ночью, рабочий день длился 12 часов, и было всего два выходных дня в месяц.

В декабре 1942-го меня наградили орденом «Знак Почёта» за выполнение заданий правительства по строительству оборонного завода.

В марте 1943 года началось формирование Уральского добровольческого танкового корпуса (УДТК). Заявления с просьбой зачислить их в ряды корпуса подавали почти все инженерно-технические работники стройки, включая начальника строительства. Но отпускали не всех – работала «тройка» из представителей администрации, партийной и профсоюзной организации.

В то время я жил в одной комнате вместе с Ю. Абрамовым, который тоже закончил ЛПИ на год или два раньше меня. В результате работы «тройки» его отпустили, а меня – нет. На следующий день я зашёл в обеденный перерыв в прорабскую, и тут по телефону меня

вызвал Соликамский РВК. Звонивший человек сказал, что меня вызывали на медосмотр, но не нашли. Я этому поверил, отдал вещи знакомым и поехал в РВК, где меня быстро осмотрели и признали годным. В конце дня вся команда из 30 человек села в поезд и приготовилась к отъезду. В это время в вагон зашёл генерал – начальник отдела кадров строительства и приказал мне выйти из вагона. Сказал, что меня будут завтра судить за самовольный уход со стройки. Но старший нашей команды ответил генералу, что он не может меня отпустить, иначе будут судить его, если он привезет в корпус на одного человека меньше. Генерал согласился и пожелал нам успехов в учёбе и боях.

Пермская танковая бригада, куда прибыла наша команда, формировалась в городе Кунгур Молотовской (сейчас – Пермской) области. Другие танковые бригады и приданные части корпуса формировались в Свердловске, Челябинске, других городах Урала. Всего личный состав корпуса насчитывал около10 тысяч солдат и офицеров. Основное вооружение – танки Т-34.

Из города Кунгур в части Пермской бригады давали направления начальник политотдела и комбриг. Меня направили в саперный взвод роты управления рядовым сапером – военной специальности у меня не было. В саперном взводе я узнал, что, кроме меня, еще числятся рядовыми три инженера. Первоначально мы были недовольны, потому что надеялись, что будем воевать танкистами. Только потом поняли, что начальник политотдела, направляя нас в саперный взвод, подарил нам жизнь. Если бы мы служили стрелками-радистами, то вряд ли остались бы живы. Основной состав взвода был из шахтеров и строителей. В саперном взводе три месяца шла учеба. Изучали мины: наши и немецкие, взрывчатки, капсюли-детонаторы, бикфордов и детонирующие шнуры, доты и дзоты, минные поля и минные заграждения…

Орловско-Курская дуга

В июне корпус прибыл в Подмосковье, а в начале июля – на Брянский фронт, где получил задачу – перерезать шоссейную и железную дороги Орел – Брянск, чтобы отрезать пути отступления на запад фашистам. Служа в саперном взводе, я, конечно, не имел возможности детально знать о боевых делах корпуса и его частей, поэтому в дальнейшем буду останавливаться только на действиях сапёрного взвода.

В начале наступления танки нашей бригады подошли к небольшой речке, переправы через которую были частично разобраны, но прогоны и стойки сохранились. После восстановления настила и проверки на минирование командир саперного взвода дал команду одному танку на движение по переправе. Танк вышел на сопрягающую дамбу, и раздался взрыв- перебило гусеницу у танка, был ранен командир нашего взвода. Оказалось, саперы плохо искали мины. После повторной, более тщательной проверки мы всё же обнаружили мины неизвестной нам конструкции: выше поверхности земли были только три соединённых между собой проводка. Для снятия мин пришлось вызвать помощников из приданного корпусу сапёрного батальона.

Затем нашему взводу было поручено построить переправу через другую речку с илистым дном. В створе переправы река была шириной 20 метров и глубиной до 0,5-0,7 метра. Мы разобрали в ближайшей деревне несколько пустых бревенчатых домов, связали тросами и проволокой плот длиной 20 метров и затопили его в створе переправы, пригрузив камнем по краям. Это переправа исправно действовала несколько дней. На берегу мы выкопали щели , но плохо их замаскировали, и немецкие самолеты сбросили на них противопехотные мины в контейнерах, однако нам повезло – мины упали рядом со щелями, Но не взорвались была какая-то неисправность, иначе бы мы потеряли много бойцов.

Кроме строительства переправ, саперы нашего взвода строили дзоты и командные пункты, а также минировали и разминировали пути движения частей и предполье обороняемых участков фронта.

В районе города Каменец-Подольского

В начале ноября 1943 года наш корпус перебросили города правобережье Украины, где 10-й УДТК участвовал в освобождении Каменец-Подольского. Весной 1944 года остатки нашей Пермской бригады попали в окружение и заняли оборону на опушке леса. Комбриг приказал сапёрному взводу заминировать дорогу в тыл, что и было выполнено: установили на проезжей части дороги немецкие противотанковые мины, а справа и слева от дороги противопехотные заграждения.

Плохо было с продуктами, и командир роты приказал мне сходить в ближайшую деревню и привести корову. Когда с группой бойцов мы зашли в один из домов и стали разговаривать с хозяином, подошли солдаты части, размещённой в деревне, и сказали, что их

командир полка издал приказ: «за грабежи у населения – расстрел». Мы вынуждены были вернуться в своё расположение и доложить командиру взвода о неудачном походе.

Ранняя весна 1944 года на Украине отличалась обилием осадков, и войска передвигались только по дорогам. Из нашего расположения была видна дорога, по которой длинной, многокилометровой колонной двигались на запад войска гитлеровцев. Нас они не замечали, а у танкистов осталось лишь по 2-3 снаряда на пушку. Наконец мы увидели хвост колонны немцев, а через некоторое время появилась другая колонна, которая направилась прямо в лес. Подали команду «к бою», но потом в бинокль увидели, что это движутся наши войска. Сапёрам дали команду разминировать дорогу…

Освобождение города Львова

В июле 1944 года наш сапёрный взвод двигался в сторону города Львова на грузовой машине ЗИС-5. На правом переднем крыле лежал сержант Тимошенко. Он наблюдал за дорогой и должен был предупредить наезд на мину. Но видимость была плохая. И автомашина задним правым колесом наехала на противотанковую мину. Раздался взрыв. Почти всех солдат выбросило на дорогу слева от машины. Хорошо, что не сдетонировала взрывчатка и мины в кузове – их укладывали в передней части.

Примерно половину солдат отправили в санчасть, а оставшиеся пешком, с грузом мин, двинулись в сторону города Львова. В момент взрыва я сидел в левой передней части кузова, и меня из машины не выбросило, но повредило позвоночник, о чем я узнал уже после демобилизации. У Тимошенко вся спина и ноги были в занозах, так как мина была советская, в деревянном ящике, и он ходил несколько месяцев в санчасть для удаления заноз. А Ю. Абрамову поломало позвоночник, он остался в живых, но больше не воевал.

В начале боев за город Львов наш взвод двигался вслед за пехотой для обнаружения и уничтожения мин на городских улицах. Мы опрашивали жителей и по их указанию искали мины, но в большинстве случаев результат был нулевой. Затем командир взвода приказал мне (тогда уже старшему сержанту) с отделением саперов принять участие в танковой разведке. 25 июля три танка Т-34 с разведчиками, саперами и связистами на броне двинулись в обход города, с запада. Вскоре мы подъехали к глубокой выемке без объездов, оказавшейся

на нашей дороге. Командир танка приказал мне проверить на минирование дорогу в выемке. Я послал сапера Белкина с миноискателем для проверки дороги, а сам поднялся на откос. На поле оказались густые высокие посевы. Я стал кричать Белкину, чтобы он работал лёжа, забыв, что он в наушниках. В этот момент автоматной очередью меня ранило в ногу, я скатился под откос. Начальник инженерной службы бригады на своем мотоцикле отправил меня в санчасть.

27 июля город Львов был освобожден от немецко-фашистских оккупантов, а меня направили в госпиталь в Нальчик. В госпитале я пролежал полгода, после чего служил в запасном саперном полку в городе Изюм. Там и встретил День Победы.

А 10-й гвардейский танковый Уральско-львовский добровольческий корпус в дальнейшем участвовал в боях на территории Польши, Германии и в боях за взятие Берлина и Праги. После демобилизации мне присвоили звание инженер- лейтенанта, а за выполнение приказов командования в войне с немецко-фашистскими захватчиками я был награжден медалью «За отвагу», орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Боткин Павел Сергеевич***, студент 2- го курса профессионального училища № 5

Белова Зоя Андреевна

ФРОНТОВАЯ ПОЧТА

Родилась я в небольшом провинциальном городке Шуе Ивановской области 9 сентября 1923 года в православной русской рабочей семье. В 1930 году с родителями приехала в Москву, обосновались на окраине города в районе Измайлово. Мой отец Белов Андрей Васильевич вместе с рабочими Электрозавода по вечерам отстраивали поселок. Это были стандартные двухэтажные дома, состоящие из восьми трехкомнатных квартир, и это было самое прекрасное время. Наша квартира была интернациональной(евреи, татары и русские). Каждая из семей отмечала свои национальные праздники, и в них принимали участие все национальности. Все взрослые работали на одном заводе, а их дети дружно ходили в школу. Именно ходили, так как никакого транспорта не было, а школы только еще строились, и их приходилось постоянно менять.

Наконец в 1938 году была построена новая четырехэтажная каменная школа, которой был присвоен номер 441, директором этой школы была Герой Социалистического Труда Мария Васильевна Гоголева.

Красивая молодая женщина, которой мы, девочки, старались во всем подражать.

В школе была налажена военно-патриотическая работа, действовали различные кружки; посещали тир, работали с противогазами в газовых камерах, мальчики учились прыгать с парашютной вышки, были уроки воздушной тревоги, мы школьники чувствовали приближение войны, и нас готовили к ней.

14 июня 1941 г. я окончила 10-й класс, а Великая Отечественная война началась в памятное воскресное утро, когда после выпускного бала еще звучал последний школьный вальс, счастливые напутствия учителей и однокашников, а там, на западе, уже гремели орудийные выстрелы, разрывая тишину раннего летнего утра, которое несло несчастье людям.

В полдень все выпускники были в школе, строгие, суровые, подтянутые, готовые к защите своей Родины.

Мы, бывшие школьники, повзрослели сразу, у нас не было юности. Война украла ее у нас. Никто не мог себе представить, что для некоторых из нас это была последняя встреча.

В военкомате, отстояв огромную очередь, мы услышали: «Надо учиться». В школе был организован госпиталь, где, обучаясь на курсах медицинских сестер, девочки проходили одновременно практику, куда привозили с фронта раненых и обмороженных бойцов. Фронт бым рядом, на 41-м километре у станции Крюково. И после одной из неудачных попыток, когда я и две мои подруги, Маша Копралова и Анна Егорова, пытались перейти линию фронта, я очутилась в комендатуре г. Москвы.

Узнав о том, что я владею немецким языком, меня направили, естественно после тщательной проверки, на службу в органы госбезопасности, где я проработала 18 месяцев (с 10.10.1941 по 31.03.1943).

К сожалению, Маша погибла при переправе через Днепр, а Анна попала в плен и вернулась совершенно больной.

В апреле 1943 г. по приказу райкома комсомола я добровольно была призвана в ряды Красной армии и после месячной стажировки в одной из московских школ была направлена в Кубинку на формирование 30-го (ныне 10) Уральского добровольческого танкового корпуса, который родился на Урале и состоял из добровольцев заводов Урала, Нижнего Тагила. Все оружие, танки производились тружениками Урала. В Свердловске, перед отправкой добровольцев на фронт, с наказом выступил 1-й секретарь Челябинского обкома партии Н.С. Патоличев, под руководством которого я после войны поработала до выхода на пенсию все 40 лет.

Я была зачислена в военную цензуру 23960 литер А, в состав которой входило 20 молодых грамотных девушек от 17 до 20 лет во главе с командиром капитаном Барановым из г. Владимира. Военная цензура работала в сложных условиях фронта и тыла. Землянки, мы работали в них, а наверху пушистый лес, и никогда не поверишь, что рядом идет война, рвутся снаряды до нас долетают звуки ударов зе-

ниток и снарядов, а мы сидим и при свете керосиновых ламп перечитываем измятые военные треугольники, зачеркиваем, замазываем нестрящие нецензурными словами строчки писем, следим, чтобы в письмах не просочились военные сведения, такие, как номера воинских частей, их размещение, имена военачальников, затем уверенно ставим свой персональный штамп и отправляем их по адресам.

Я без прикрас могу сказать: война меня сделала человеком, научила меня смелости, мужеству, я научилась разбираться в обстановке, в людях, понимать жизнь, держать слово, сохранять бодрость духа, помогать слабым. За письмами стояли люди, они учили меня жизни. Читая их, я пыталась определить характер человека, его состояние, отношение к родным и близким. Письма приходили веселые и грустные, смех и слезы в нашей службе были постоянными друзьями. Мы ждали ответа на их письма, а когда долго их не было, мы нарушали инструкции и писали их сами.

Боевое крещение я получила летом 1943 г. на Орловско-Курской дуге. Танкисты – смелый и мужественный народ, уходившие в бой, возвращались полусгоревшими, полуживыми, едва успев выбраться из горевших танков, подбитых фашистами. Чумазые от гари, перевязанные бинтами, показывали в сторону поля боя с криком: «Там танки друг на друга лезут!». Это было на танковом побоище в июле 1943 года. Там же наступил перелом. Здесь я впервые увидела «тигров» и «фердинандов» противника, которые совершали тараны наших танков Т-34, которых И.В. Сталин ласково называл «ласточками» за их высокую маневренность, огневую мощь, прочность брони. Гитлеровцы боялись этой машины, а наши танкисты творили на ней чудеса героизма. Однажды, будучи в окружении противника, мне и четырнадцатилетнему воспитаннику Васе Черемисову, переодетым в деревенскую одежду, пришлось с письмами пройти через фашистское окружение, к нашим. Туда мы прошли нормально, а возвращаясь, чтобы в темноте не попасть на мины, мы решили переночевать в воронке и были страшно удивлены, когда, с рассветом проснувшись, увидели рядом спавшего немца. Здесь я вспомнила знание немецкого языка, полученное в школе, и объяснила ему, что немцы находятся в деревне, и мы идем туда. Наши разведчики оказались на высоте, и мы передали его в «теплые руки». Здесь я впервые участвовала в допросе, и с тех пор мне доверяли переводить немецкие листовки и случайно попавшие к нам немецкие письма. На меня легла большая ответственность.

Еще будучи в школе, изучая немецкий язык, все московские школьники распевали: «Я немецкий не учу, потому что не хочу, я живу в

Стране Советской, на фига мне знать немецкий». Кто тогда знал, что «тихая» профессия станет дефицитом. Если бы мы знали, как он нам будет нужен. Но мне еще в школе повезло с подругой, у которой была бонна немка, звали ее Вельгельмина Яковлевна, она же нас учила в 3 и 4 классах и требовала от нас общения только на иностранном языке. Боже мой, какая она была умница.

Но там на фронте требовалось совсем другое, нечто большее, необходима была военная подготовка, языковая практика, специальная военная терминология, быт, нравы и прочее. Естественно, мои познания были скудными. И при допросах я с трудом понимала, вернее догадывалась, о чем говорили пленные. Хотя я и старалась, но мне было очень стыдно за скудные переводы.

Но вскоре, к моему счастью, в штаб прислали настоящего опытного переводчика, и я снова вернулась к своим пенатам, т.е. к письмам.

В освобожденных городах, где мы останавливались в полуразрушенных домах, обычно на окраинах городов, нам разрешали выходить в «свет». Надевали штатскую одежду и при случае отвечали, что мы с «торфоразработок» или «лесозаготовок». Но, к сожалению, все это скоро кончилось. В свободное время мы сами устраивали разрядку. Кто-то из бойцов принес нам трофейный патефон и пару пластинок, которые были так заиграны, что слов уже не было слышно, а музыка еще тихо, но звучала.

Однако все было небезопасно. Впоследствии я узнала о трагической судьбе девушкек из ВЦ. Это было за пределами нашей Родины. Враг, почувствовавший свою гибель, окончательно озверел ,и, когда группа девчат, оставшихся без охраны, попала в окружение, фашистские отморозки уничтожили их спящими. Им было 20, и они были добровольцами.

К июлю 1944 года войска нашей армии подошли ко Львову. Нас везли на грузовиках, когда последовала команда: «Укрыться в кюветах». Мой прыжок оказался очень неудачным, в результате открытый перелом правого голеностопного сустава, невыносимые боли и полевой госпиталь № 3334, который с тяжелоранеными перемещался в тыл.

Здесь пригодились мои знания, полученные на курсах медсестер запаса, которые я окончила с отличием, и практика, полученная в госпитале. Ничего нет страшнее тревоги в госпитале, где одни лежачие. Каждый умоляющими глазами смотрит на тебя и ждет от тебя помощи и спасения. Нечуткому человеку здесь работать нельзя. Целый день на ногах, вес каждого с гипсом около 100 кг, вдвоем еле поднимали

носилки, чтобы перенести больного в операционную. Бессонные ночи над операционным столом, ампутация ног, стирка бинтов, перевязки. И как бы ни было больно раненому в живот, он доверял мне эту сложную перевязку, и многие просили, чтобы перевязку им делала «веселая сестра», так меня величали раненые. За проявленные в госпитале старания начальник медицинской части госпиталя профессор Василий Тимофеевич Леонов, в дальнейшем главный хирург Западного фронта, научивший меня сложным операциям, связанным с ампутацией конечностей, и бывший моим учителем и наставником, перевел меня на службу в только что открывшийся в Москве Центральный научно-исследовательский клинический госпиталь Красной армии № 2901 на 4-й Сокольнической улице. Это был госпиталь для высшего комсостава.

Все оборудование и медикаменты поступали из Америки. Здесь я и больные впервые увидели пенициллин в больших ампулах и часто отказывались от этих бесценных уколов. Здесь я прослужила до конца войны, а увольнение получила в связи с поступлением в институт и получением новой специальности.

Окончание войны, как и ее начало, я встретила на Красной площади столицы. Тогда, в 41-м, было обычаем: после выпускного бала все десятиклассники собирались на лучшей площади столицы, где звучал последний школьный вальс, а в день окончания войны тысячи людей плакали от счастья под орудийные выстрелы салюта Победы.

В сентябре 1945 года я успешно поступила в институт иностранных языков им. Мориса Тореза и по распределению была направлена на работу в качестве иностранного корреспондента в Министерство внешней торговли, где министром был Н.С. Патоличев. За время работы в качестве переводчика с французского и немецкого языков с группами специалистов была во многих странах Европы и Африки (Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Бельгия, Франция, Италия, Германия, Швейцария, Испания, Лихтенштейн, Монако, Египет). За 40-летнюю работу в МВТ неоднократно поощрялась руководством. Награждена Знаком Отличия МВТ. Занесена в книгу Почета МВТ.

За время работы получила более 50 благодарностей и столько же премий.

После ухода на пенсию я продолжала работать переводчиком в Центре международной торговли при Торгово-промышленной палате СССР. Дважды выезжала с правительственными делегациями во Францию и Германию.

В настоящее время продолжаю выполнять общественную работу, являясь членом комиссии по работе с молодежью в Российском комитете ветеранов войны и военной службы.

Награждена:

- орденом Отечественной войны II степени;
- 10 юбилейными медалями, Почетным знаком Всероссийского Совета ветеранов, Почетным знаком РК ВВВС, «Участник парада 9 мая 2000г.», медалью 850-летия Москвы, медалью ветерана труда;
- грамотами – Российского комитета ветеранов войны, Совета ветеранов ЧГТА, 20-го гвардейского армейского корпуса г. Воронеж.

Окончила войну и военную службу в звании старшего сержанта медицинской службы. Замужем. С мужем встретилась после войны, хотя на фронте были где-то рядом.

Такова судьба…

Города, которые я помню: Калуга, Юхнов, Козельск, Орел, Брянск, Каменец-Подольский, Львов.

Фронт Западный, 1-й Украинский.

Хочу поблагодарить за совместную службу и выживание в военно-полевых условиях: Веру Тумакову, Августу Кашину, Нину Железняк, Лиду Пшеничную, Шуру Быкову и многих других, живущих в настоящее время в «ближнем зарубежье». Низкий им поклон.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Попов Владимир Алексеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Бессонов Евгений Иванович

О ВИСЛО-ОДЕРСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Родился я 20 июля 1923 года в Москве, на улице Фридриха Энгельса, бывшей Ирининской. Отец мой, Иван Васильевич Бессонов с 7 лет работал подпаском (помощник пастуха), в Москву приехал в 1908 году пятнадцатилетним деревенским парнем. Мама же, Ольга Павловна, была коренной москвичкой. Отец работал до революции приказчиком, а после в государственном торговом секторе. Мама была портнихой до революции, а после Октябрьской революции не работала, растила меня и трех моих старших сестёр – Елену, Галину и Любовь.

Приблизительно до 13-14 лет я рос болезненным и худым ребенком. Часто болел, перенес скарлатину, корь, воспаление легких и среднего уха. Был застенчивым, часто терялся на уроках, не всегда правильно мог сформулировать свою мысль. Сначала тяжело давалась математика, затем исправился, но грамотно писать так и не научился – всю жизнь пишу с ошибками.

Для укрепления здоровья я стал заниматься спортом: подтягивался на турнике, ходил на лыжах, играл в футбол и волейбол. С ребятами мы соревновались в прыжках в длину и высоту. Два года занимался на стадионе «Локомотив» в секции борьбы, там же поднимал штангу и гири для укрепления мышц. В школе на большой перемене мы с ребятами занимались на брусьях, прыгали через коня. В 10 классе я занял первое место в школе по прыжкам в высоту, участвовал в рай-

онных соревнованиях по лыжам, правда, больших успехов не достиг, так же как и в борьбе. Занятия спортом пошли мне на пользу. Я физически окреп, и даже болезни отступили.

При призыве в армию в августе 1941 году мне было тогда 18 лет, мой рост был 180 см и вес – 70 кг, нормальные данные для восемнадцатилетнего парня. Спорт помог мне в дальнейшем легко переносить физические нагрузки в армейской жизни и на фронте.

Позднее, в армии, у меня обнаружилась способность к стрельбе из любого индивидуального вида оружия, особенно из пистолета. Меня решением комсомольской организации избрали председателем добровольного общества ОСОАВИАХИМА (после войны эта организация стала называться ДОСААФ). Не скажу, что работа в этой организации школы кипела, но по рекомендациям районного Общества, райкома комсомола, а также райвоенкомата, школьное общество изредка проводило соревнования по стрельбе в тире, особенно нужное ребятам, устраивались походы в противогазах; даже уроки и другие мероприятия проводились в противогазах.

К сожалению, в последней, четвертой, четверти, учебного 1941 года мы прекратили заниматься спортом – надо было готовиться к выпускным экзаменам. После длительного обсуждения несколько человек из моего класса, в том числе и я, решили поступать в Севастопольское военно-морское училище, но я не прошел в это училище по зрению. Медицинской комиссией у меня был обнаружен дальтонизм, правда, незначительный. Но все равно комиссия определила негодность к службе в военно-морском флоте и в авиации. Я пытался поступать и в аэроклуб.

О войне мы, одноклассники, не думали и к тому же считали, что война будет проходить на чужой территории; тогда мы были беспечные. Выпускные экзамены, кроме сочинения, я сдал на отлично. Выпускной вечер состоялся 17 июня 1941 года, нам были вручены аттестаты зрелости. Через пять дней началась война.

Я встретил известие о начале войны в городе. Вместе с Владимиром Гривниным, одноклассником, мы собрались пойти в кинотеатр Повторного фильма, который находился у Никитских ворот. Известие о войне мы, мое ребячье окружение, встретили спокойно, предполагали, что фашистскую армию вот-вот отбросят от границы страны. Но получилось совсем иначе. Самая жестокая из всех войн длилась для нас 1418 дней, или 3 года, 10 месяцев, и 17 дней.

Числа 25-26 июня 1941 г. меня и других комсомольцев пригласили в Бауманский райком комсомола. Там нам предложили поехать в Брянскую область на строительство оборонительных сооружений.

Вечером этого же дня с кое-какими личными вещами и продуктами нас погрузили в эшелон и отправили на запад на строительство оборонительного рубежа. Мы начали работать под городом Кировом Брянской области.

Работали мы по 12 часов в день и, непривычные к физическому труду, здорово изматывались. Засыпали моментально, как только касались «ложа» из сена или соломы, приготовленного в основном в сараях. Рыли противотанковые рвы, окапывали берега рек, копали окопы, ставили проволочные заграждения. В некоторых случаях восстанавливали после бомбежек железнодорожные пути. Но основным для нас занятием было рытье противотанковых рвов.

Кормежка была плохая, нам её не хватало, а население деревень не отличалось добротой. Приходилось нашему прорабу, прибывшему вместе с нами из Москвы, проводить беседы с жителями, чаще с руководством колхоза, села, если они не были призваны в армию, об оказании нам помощи хотя бы картошкой. Редко, но помогало.

Нас несколько раз бомбили немцы, с перепугу мы разбегались как зайцы. Молодые были, здоровые бегали быстро. Правда, потерь не было, тем более, что бомбы рвались в стороне, но дрожь в ногах, у нас, необстрелянных, была. Работали мы там 45 дней, до 8-го августа 1941 года, а затем в спешном порядке нас посадили в эшелон и утром 9-го августа привезли в Москву, на Киевский вокзал. Студентов институтов на месте призвали в армию и направили по воинским частям.

Когда мы, 5-7 человек, вошли в вагон поезда метро, на нас стали обращать внимание пассажиры. Мы были оборванные, грязные, в заплатках на рубашках и брюках, волосы на голове отросли. Но затем нас обступили женщины и стали расспрашивать, кто мы и откуда. Когда узнали, что мы с трудового фронта, то стали, как все матери, задавать вопросы о своих детях, но мы никого из них не знали и не встречали.

По прибытии домой меня ждала повестка о призыве в Красную Армию с явкой на сборный пункт – Токмаков переулок, 11 августа 1941 г. Это был сборный пункт Бауманского райвоенкомата Москвы. Такие повестки получили, кроме меня, и многие другие мои соседи и одноклассники.

В ночь на 12 августа 1941 года нас поместили в эшелон, в товарные вагоны и мы отправились на восток. По дороге отдельные вагоны отцепляли, и ребят направляли в военные училища.

Недалеко от Челябинска нас разместили в палатках Чебаркульского военного лагеря, куда выезжали на летний период воинские части Уральского военного округа. До наступления холодов мы прожи-

ли в этом лагере, и с нами занимались в основном строевой подготовкой. Одежда на нас была наша, гражданская. С наступлением холодов нас перевели в летний кинотеатр парка культуры Челябинска. Такие летние кинотеатры до войны имелись и в Москве.

Осень на Урале была холодная, в кинотеатре мы мерзли. Стали болеть, у многих ребят обувь развалилась, да еще питание было паршивое, кое-кто стал заниматься воровством. Потом где-то вверху приняли решение избавиться от многочисленной неуправляемой разношерстной компании – а нас было не менее 500 человек, большинство из которых с утра разбегалось по городу в поисках еды. Стали постепенно отправлять эту братву к местам службы, кого куда.

В октябре нас, человек двадцать, отобрал незнакомый старшина, и с ним мы выехали в колхоз на уборку картофеля, который не убрали местные жители до заморозков. Разместили нас в неотапливаемом помещении, мы мерзли по ночам, но за день так уставали, что этого холода не замечали. А был это Урал, и была уже середина или конец октября.

Жители села нам ничем не помогали, ни продуктами, ни дровами, даже картошку сварить было не в чем. Ходили всегда голодными, к тому же простудились многие, в том числе и я. Наш старший тоже не проявил должной заботы, хорошо что принял решение возвратить нас в Челябинск. В какой-то мере понятно высказывание одной крестьянки из села, где мы рыли противотанковые рвы в июле 1941 г., которая отказала, нам в продуктах, заявив: «А чем я буду кормить немцев, которые скоро придут?». Но ведь то было в Брянской области, а не на Урале, от которого немцы далеко. Никогда в жизни таких людей не встречал, не зря их «чалдонами» зовут. Такое отношение было к нам еще только на Западной Украине. Но это уже бендеровские регионы, которые вошли в состав СССР в 1940 г.

Моя цель – показать Великую Отечественную войну глазами непосредственного участника. Не маршала или писателя, а глазами командира взвода и роты танкового десанта мотострелкового батальона, механизированной бригады 4-й танковой армии, в составе которой я провоевал без малого два года – с 1943 по 1945 гг. – и с которой прошёл по фронтовым дорогам около 3.800 километров – таков мой боевой путь. Это очень много для командира моего ранга, непосредственного участника атак в общей цепи атакующих бойцов или на броне танков, развернутых в атаку. Неоднократно меня спасали от гибели интуиция, фронтовой опыт и знание действий противника. Но главное, по-моему, – это везение. На фронте это играло большую роль, что я испытал на себе, и неоднократно.

Висло-Одерская операция

Закончилась наша подготовка на Сандомирском плацдарме (р. Висла) к предстоящим боям. На плацдарм мы были переброшены еще в августе 1944 г. из-под г. Самбора (Украина) на помощь советским армиям, которых немцы стремились сбросить с плацдарма. А он для наших войск играл исключительную роль для дальнейшего наступления.

В конце декабря 1944 г. наша 49 механизированная Каменец-Подольская бригада 6 гвардейского Львовского механизированного корпуса 4 танковой армии вышла из мест формирования, где после летних кровопролитных, ожесточенных боев наступило затишье и нашу 4 танковую армию – во второй эшелон.

В район сосредоточения мотострелковые батальоны бригады в декабрьские морозы продвигались своим ходом, танки продвигались отдельно и другими маршрутами. В этом районе сначала спали под открытым небом у костров, пока не построили землянки. Мороз, по нашим понятиям, был не очень большой – градусов 8-10, но за сутки на морозе дрожь пробирала до костей.

Офицерский состав несколько раз вывозили на передний край, знакомили с маршрутами движения танков и нас – десанта. Знакомились с экипажами танков. Мы не знали, когда начнется наступление, это было секретом под большим замком, но «солдатское радио» предчувствовало, что скоро наступит такой момент.

И он наступил - 12 января 1945 г. После длительной авиационно-артиллерийской подготовки общевойсковые соединения перешли в наступление, стремительной атакой захватили и первый, и второй оборонительные рубежи противника.

После прорыва обороны противника общевойсковыми частями настала наша очередь перейти в наступление. Задача бригады (и армии) – войти в прорыв, развить наступление к р. Одеру и захватить на западном берегу плацдарм.

Наша мотострелковая рота, как и другие роты батальона, на танках бригады десантом начала движение вперед. С дороги опасно было сворачивать, минеры еще не успели разминировать эти участки. Командир нашей бригады, полковник Туркин П.Н., на легковой машине подорвался на мине, но случайно остался живым. Шофера и ординарца убило.

Весь день 12 января удачно продвигались вперед, но все-таки както медленно. Авиация противника не действовала – была низкая облачность. Однако к вечеру наше движение было приостановлено сильным огнем противника – впереди лежащего населенного пункта.

Роты развернулись в цепь, покинув танки, и при поддержке танковым огнем стремительно перешли в атаку, ворвались в село и вышли на его противоположную окраину, захватив немецкие траншеи. Противник бежал. Дальше мы не пошли – впереди виднелись немецкие танки «тигры», которые вели из орудий огонь по нашим танкам «Т-34-85», сиоявшим перед селом за домами или в ином укрытии.

В период атаки я потерял связь с взводом старшего лейтенанта Гриши Вьюнова и командиром роты старшего лейтенанта Черныщовым Николаем. А со мной были два взвода: лейтенанта Шакуло П., который был ранен, и подошедший ко мне пулеметный взвод нашей роты во главе с лейтенантом Александром Гущенковым.

Бригаду и наш мотострелковый батальон остановил крупный резерв противника, я напротив роты насчитал не менее 8-10 танков «тигр», (это когда немцы бросали осветительные ракеты впереди своих сил, да и мои солдаты мне подсказали). Пехоту не было видно, но ее присутствие ощущалось.

Немцы свои траншеи, которые мы только что взяли, кое-где заминировали. Я предупредил своих бойцов, чтобы ни к чему немецкому не прикасались, но один солдат из взвода лейтенанта Шакуло П.С. что-то неосторожно задел и погиб от взрыва мины, называемой «сюрпризом».

Бой завязался на всю ночь. Немецкие танки то подходили близко к селу, то от огня наших танков и артиллерии отходили назад метров на 100-150. Пехота тоже пыталась атаковать нашу роту, но каждый раз от огня наших бойцов отходила назад. Особенно удачно действовал пулеметный взвод, из двух пулеметов, лейтенанта Гущенкова А.Ф., в упор косил атакующую немецкую пехоту.

Ночной бой – сложный бой: плохая видимость, теряется видимая связь между подразделениями, командирами, противника тоже не видно. Ротные пулеметчики «максимы» скосили одну группу в 15-20 метрах от себя. Для освещения наших позиций немцы стали поджигать дома. Село горит, противник ведет огонь орудийный и пулеметный, мы тоже отвечаем на его огонь, но в темноте результаты стрельбы не видны. Стоит гул, горят сжигаемые дома. Рвутся снаряды, визжат осколки от них, свистят пули

Позади роты находились наши три танка «Т-34» – «тридцатьчетверки», в порядке поддержки нас огнем. Экипажи этих танков были необстрелянные, в бою впервые. Многие солдаты нашей роты тоже не были в бою, а тут «из огня да в полымя». Надо было проявить осторожность и внимательность, хотя я и надеялся на своих солдат и на танки, но в такой обстановке некоторых мог охватить страх. Каждому дорога жизнь, сама природа наделила нас инстинктами самосохранения. Другое дело - уметь владеть чувствами, научиться подчинять их своей воле. А сколько же таких легендарно смелых, отважных бойцов сложили свои головы в боях за Родину!

В этом бою большую помощь мне оказывал помком-взвода сержант Савкин Николай Михайлович, 1925 г. рождения. Мне приходилось все время быть на виду у солдат, то на одном фланге, то на другом, поддерживать их дух, их стойкость, вести огонь по противнику, не обращать на танки противника внимание. Нельзя было допустить панику и покинуть поле боя. Это несовместимо с полученной задачей. Груз ответственности, взваленный на наши молодые плечи войной, был тяжел, приходилось отвечать за жизнь подчиненных солдат, за порученное дело, но ни я, ни мои бойцы не согнулись в этом бою, не сломались, и я был рад этому.

Немецкие танкисты вели огонь чуть ли не по каждому бойцу. В какой-то миг я спрыгнул в окоп, и тут же на бруствере разорвался снаряд, почти завалив окоп землей. В голове стоял гул, но все обошлось.

Когда с рассветом наша артиллерия и катюши открыли огонь по танкам и пехоте, противник перестал рваться на наши окопы и танки быстро ушли на запад. Видимо, у них была цель сдержать наше наступление, чтобы вывести свои войска от разгрома на другом участке фронта, вывести их из окружения. Потери с нашей стороны были незначительны. Утром мы установили связь с командиром роты и другим взводом. Были рады, что вышли живыми из этого боя.

Через некоторое время десантом на танках продолжили движение на запад, к Одеру.

Закончилась война Великая Отечественная война 1941 1945 гг. Она продолжалась 1418 дней и ночей, и почти половину из этих дней я прошел по дорогам войны. Это война никого не щадила – ни солдата, ни генерала.

Бессмертна заслуга советских воинов в защите Родины – Союза Советских Социалистических Республик. Великий подвиг великого народа будет жить в памяти потомков.

Моя юность – это военная юность. Для моего поколения она оказалась жестокой. Кто-то подсчитал, что из воинов 1923 года рождения осталось, в живых только три процента. Страшно представить. Это мой год рождения, но меня хранила судьба – я уцелел (из 100 человек осталось в живых только 3).

Рассказать о Великой Отечественной войне я считал своим долгом перед всеми – и теми, кто не вернулся с войны, и перед своими

товарищами-однополчанами. Дать возможность понять людям, что мы пережили и испытали, какой дорогой ценной досталась нам Победа.

В войне гибнет самое ценное – Люди! Склоняю голову перед павшими, перед их подвигами. Вечная Слава им. Их подвиги не померкнут в веках. Память о них останется у меня до конца моей жизни!

Скромные памятники и обелиски на братских могилах – это узелки нашей памяти о погибших за Отечество Россию.

Мы должны выразить глубокую признательность и благодарность всем оставшимся в живых за то, что у них хватило сил пронести на своих плечах тяжкое бремя войны.

Изложенное в воспоминаниях – это моя личная точка зрения, мои личные суждения, моё восприятие жизни. Это взгляд на прошедшую жизнь простого советского человека, профессионального военного, отдавшего службе в Красной Армии, а затем в Советской Армии 35 лет: с 1941по 1976 год. Службу я начал с 18 лет и закончил ее в возрасте 53 лет в звании полковника.

Я был убежденным коммунистом, членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) – ВКП(б), затем – коммунистической партии Советского Союза, в рядах которой состоял с октября 1942 года по август 1991 года. Закоренелый атеист. Свои суждения не изменял. Перевертышем не был и не буду.

Великая Отечественная война легла тяжелым грузом на Советский Народ, на нашу Родину, но как ни тяжело было, народ и, в первую голову, русский народ, выстоял. С большими потерями, но выстоял, хотя было очень тяжело, как на фронте, так и в тылу.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Аксенов Кирилл Николаевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Бугров Николай Михайлович

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРОДА ПРАГИ

Я родился 22 января 1921 г. в городе Новосибирске. По национальности русский, беспартийный.

До войны окончил Уральский государственный университет имени М.Горького, факультет журналистики. В 1941 году окончил Новосибирское военное пехотное училище.

По призыву на фронт я прибыл в состав 4-й гвардейской танковой армии. Я был назначен на должность лейтенанта в составе военного соединения 62-й гвардейской танковой бригады 10-го У-ЛДТК под командованием капитана Арутюняна А.А. , находившегося в должности командира моторизованного батальона автоматчиков. Наше войсковое соединение участвовало в боях на 1-м Украинском фронте под командованием маршала И.С. Конева.

В 1945 году в мае 10-й гвардейский танковый корпус, а в его составе 62-я танковая бригада, в которой я командовал взводом мотомехпехоты, преодолев перевалы Рудных гор, вступил в борьбу с фашистскими захватчиками на территории Чехословакии.

Перед нашим 10-м гвардейским танковым корпусом была одна задача: быстро продвигаться вперед, на помощь восставшей Праге.

Оставалось два дня до капитуляции фашистской Германии, но тогда никто из нас об этом еще не знал. Советское командование повернуло от Берлина третью и четвертую гвардейские танковые армии в направлении Чехословакии оказать братскую помощь восставшей Праге.

Гитлеровское военное командование намеревалось остановить советские танки возле Дрездена и перед проходами из Саксонии в Судеты через Рудные горы. На нашем пути немцы поставили заграждение из танков, артиллерии и пехоты с противотанковыми патронами (панцер-фаустами).

Плотная масса наших войск быстро рассредоточилась. Дорога опустела. Подчиненный мне взвод получил задание наступать на труднопроходимом участке без танков. Подаю команду развернуться в одну шеренгу, и мы покидаем дорогу. Пройдя шагов двести-триста, натыкаемся на вражеский пулеметный расчет. Пулеметчикам достаточно нажать на спуск, и кинжальным огнем нас скосит. Я всегда буду вспоминать этот момент. Мгновенно созрело решение, и я громко крикнул по-немецки:

– Встать! Война кончилась. Идите по домам.

Пулеметчик нерешительно убрал руку со спуска. В его глазах растерянность. Я прошел к стрелковому окопу, где находилась пехота. Оглянулся. Пулемет был в руках наших солдат. Немцы самостоятельно уныло направились к дороге. Я то же самое крикнул и пехотинцам. Неприятельские солдаты увидели, что их товарищей не тронули, побросали оружие и, подняв руки, вышли из окопа.

Из глубины вражеской обороны по нам открыли автоматно-ружейный огонь. Мы залегли и ответили выстрелами. Разгорелся бой. С той и другой стороны никто не хотел уступать. Появились убитые и раненые. Постепенно стрельба ослабла и прекратилась. До сознания врагов дошло – война заканчивается, а они погибают. Оставшиеся в живых эсэсовцы вышли с поднятыми руками.

На других участках тоже стихла стрельба. Пленных, раненых и убитых отправили в тыл, а мы уселись на танки и устремились через проход в горах. Еще одна победа, хотя и маленькая и незаметная на общем фоне, доказала, что мы сильнее хваленых гитлеровских вояк. Пусть мы в полинялых гимнастерках и, несмотря на жару, в танкистских шлемах, зимних шапках и засаленных пилотках, но мы победили. Пусть наше обмундирование не знало утюгов, как у наших союзников, но победителей видно по их делам.

День 8 мая выдался жаркий. Солнце припекало по-летнему, и тем, кто сидел в танках, было жарко вдвойне от накалившегося металла брони и работающих двигателей.

По обеим сторонам дороги – поля, изрытые траншеями, а за фруктовыми деревьями, возле кюветов ячейки одиночных окопов для немецких танков. Однако появление советских танков было настолько неожиданным и настолько стремительным, что фашистское командование не успело посадить в окопы солдат. Да какое могло быть сопротивление, когда по трассе Берлин Дрезден Прага в три ряда двигался бесконечный поток автомашин, гвардейских минометов и танков.

Под вечер танк, вместе с которым действовал мой взвод, остановился в лощине, недалеко от Кладно. Мотор не в силах был вытащить на подъем стальную громадину. Водитель, измазанный маслом, ободрил нас: «Мы на нем без ремонта Россию, Польшу, Германию и Чехословакию с боями проехали. Выберемся и сейчас».

Действительно, двигатель заработал. Машина дрогнула и медленно полезла в гору. Мы спешили к Праге. Местные жители встречали и провожали нас с цветами и теплыми улыбками. Мы приветливо махали руками и, не останавливаясь, продолжали движение.

Ночная Прага встретила нас отблесками пожара и стрельбы. Мы подъехали к столице с северо-западной стороны. Отсюда никто нас не ожидал: ни восставшие, ни немцы.

В памяти на всю жизнь запечатлелась тревожная ночь. Столица утопала во тьме. Никто не знал, где немцы, а где чехи. Солдаты подчиненного мне взвода держатся ближе к домам и тяжело шагают по брусчатой мостовой. Улица, по которой мы идем, словно вымерла не слышно ни единого звука, не видно ни одного человека.

Вдруг раздаются выстрелы и взрывы гранат. Невольно прижимаюсь к стене. Вижу: на окне осторожно отодвигается уголок занавески, и к стеклу прильнуло лицо женщины. Она всматривается в темноту улицы и сокрушенно вздыхает: «О, Езус Мария, когда это кончится».

Робкий рассвет начинающегося дня 9 мая застал нас в центре города, среди битого стекла витрин магазинов. Через некоторое время солнце брызнуло издалека ослепительным светом по черепичным крышам и позолоченным куполам костелов.

Взвод собрался на узкой и пустынной улице. Из подъезда, оглядываясь по сторонам, выскочила молодая женщина и замерла от страха: в нескольких шагах стояли мы - в незнакомой ей военной форме. От нас отделился молодой солдат и подошел к ней.

– Пани, дайте воды!

Чешская женщина, не отрывая взгляда от маленькой красной звездочки на пилотке и орденов на гимнастерке, пыталась понять солдата: язык напоминал ее родной. Она не ответила, а побежала в подъезд. Послышался ее громкий, взволнованный голос:

– Руде Армада в Праге! Русские братья пришли!

Через минуту-другую к нам отовсюду бежали люди. От радости одни плакали, другие смеялись, третьи обнимали нас... Местные жители помогали отыскивать гитлеровцев, не успевших убежать.

В этой быстротечной операции танковыми соединениями были взяты в плен тысячи вражеских солдат и офицеров. К полудню население Праги вышло на улицы, чтобы приветствовать нас, советских воинов. Мы ехали на танках и автомобилях, запыленные, усталые, но счастливые. У празднично одетых пражанок чувство радости вырывалось наружу, плескало и бушевало в громком, всезаглушающем крике «Наздар!»

После обеда 9 мая стало известно: фашистская Германия безоговорочно капитулировала. На следующий день наша танковая бригада вместе со своим корпусом выехала в юго-восточном направлении от Праги и перекрыла врагу дороги в зону, оккупированную американцами.

Время за полдень. Мы идем по Вроцлавской площади, где стеной стоят пражане, приветствуя нашу армию. В разных местах жители расчищали улицы от баррикад. Молодые чешские парни вступали в отряды полиции. Им вручали трофейное оружие. Со всех сторон в Прагу входили советские войска. На улицах города стало тесно.

После бессонных ночей 9 мая на территории местного пивоваренного завода отдыхали солдаты нашей роты. Ко мне подошел старшина и передал: Вас вызывает командир роты.

На веранде за круглым столом в плетеных креслах сидели командиры взводов, ротный и его помощник, напротив них – хозяин пивовар. На столе стояли бутылки с пивом и хрустальные фужеры.

Произносили тосты за чешский народ, за армию-освободительницу, за вечную и нерушимою дружбу.

На веранду с широкой улыбкой вошел взволнованный старшина и протянул нам армейскою газету. На первой странице большими красными буквами нам бросились в глаза слова:

БЕЗОГОВОРОЧНАЯ КАПИТУЛЯЦИЯ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ

Какое-то время все молчали, переваривая в сознании важность сообщения. Потом выскочили во двор и открыли стрельбу вверх. Радости не было границ – кончилась война, и мы остались живы. Солдаты, узнав, в чем дело, присоединились к нам и также начали стрелять в воздух…

Прошло 16 лет после войны. За это время мои виски покрылись сединой, лицо прорезали глубокие морщины. Я второй раз ехал в Чехословакию, но уже не с Запада, а с Востока – как турист. Поезд все дальше и дальше удалялся от границы. Железнодорожное полотно то извивалось между гор, то вырывалось к самому берегу быстрой реки, то пролегало по обширной равнине.

На одной из станций в вагон вошла высокая молодая женщина с пышными каштановыми волосами.

Здравствуйте! сказала она и, окинув взглядом пассажиров, спросила: – Здесь едут советские туристы?

– Получив утвердительный ответ, перекинула с плеча на плечо сумку на длинном ремне и представилась:

– Я ваш экскурсовод. Зовут меня Божена Дубская.

И вот Прага. Староместская площадь. Я стоял здесь в День Победы. Обгорелые руины городской ратуши зловеще зияли тогда пустыми оконными проемами. Чудом удерживался на небольшом каменном выступе сорванный циферблат часов. И дальше – что ни здание, что ни улица – то воспоминания. Когда приехали на площадь Мира, Божена показала на большое, массивное здание и сообщила:

– В этом доме моя квартира. Отсюда я впервые увидела советских солдат. – Она подвела всю группу к церкви с высокими стенами, узкими окнами и двумя почерневшими от времени башнями.

– Перед вами готический собор. Он не так красив, как, скажем, собор Святого Вита или Святого Николая, но он ценен для нашего народа как памятник чешских зодчих…

Больше ничего из того, что объясняла Божена, я не слышал. В моей памяти вдруг ожили те незабываемые дни сорок пятого года.

…Было ясное солнечное утро. После первой встречи с местными жителями взвод тогда пошел дальше. Не опасаясь нападения, мы шли посреди улицы, приближаясь к площади. Неожиданно на одной из башен церкви глухо огрызнулся пулемет. В то же мгновение мы увидели девочку на мостовой. Вокруг нее трассирующие пули ощупывали каждый камень.

– Снять пулеметчиков! – скомандовал я.

Прижимаясь к стенам домов, бойцы открыли из автоматов огонь по башне. Гитлеровцы, оставив ребенка в покое, стали отстреливаться. Перебегая от укрытия к укрытию, я кинулся к девочке. Поднял ее легкое неподвижное тельце и одним броском достиг безопасного места. Девочке было лет семь. Придя в себя от испуга, она рассказала, что отец ее на баррикадах, а мать дома, больная. Из окна она увидела, как несколько гитлеровцев с пулеметом, завидев русских, быстро скрылись в церкви. Чтобы сообщить об этом советским солдатам, она выскочила навстречу, а фашисты, заметив ее, начали стрелять…

Перестрелка продолжалась. На помощь нашему взводу подоспели артиллеристы. Орудийный расчет готов был снести башню вместе с пулеметчиками. Неожиданно подошел гражданский, перетянутый широким ремнем, с трофейной винтовкой за спиной: «Пан поручик, собор дорог нам. Не стреляйте из пушки. Швабов и так выбьем».

Я знаю, как туда пройти, сказала девчушка. Она показала дорогу через дворы к маленькой церковной калитке. Щелкнул замок, и в узкий проход ворвались бойцы. Под дождем пуль упали замертво двое:

неразлучные солдаты-пермяки Федор и Сергей. Но сочтены были и минуты жизни фашистов…

Когда все стихло, хоронили погибших товарищей. Простившись с друзьями, мы присели на зеленую траву возле могилы и мгновенно задремали. Вдруг я почувствовал прикосновение легкой ручонки. Передо мной стояла девочка. Она, как видно, уже успела побывать дома, переоделась в новенькое платье, голову украсила цветами.

Папа сказал: это вам в память о Праге… Девочка протянула конверт. Я извлек восемь маленьких, еще не высохших фотографий, на которых были запечатлены улицы и баррикады восставшей столицы.

Мне хотелось что-нибудь тоже подарить малышке. Я достал из кармана гимнастерки сложенную вдвое почтовую открытку с изображением картины Репина «Три богатыря». Подписал ее, подал ей. Девочка долго и внимательно рассматривала открытку…

Обо всем этом я рассказал туристам, остановившимся перед старым собором. Не проронив ни слова, слушала меня и Божена Дубская. А потом первая нарушила глубокое молчание: «Подождите, я сейчас».

Через несколько минут, тяжело дыша, Божена вернулась и молча протянула мне знакомую русскую открытку с богатырями. Я осторожно взял ее в руки, повернул. На обороте было написано: «На память Боженке в день освобождения Праги. 9 мая 1945 года». И моя подпись.

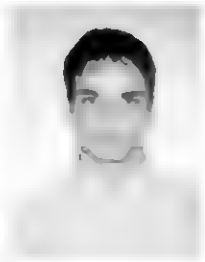
В боях под Москвой я получил ранение – контузия.

За участие в битве под Москвой получил медаль «За оборону Москвы». А также за участие в битвах в Чехословакии и Германии получил медаль «За победу над Германией».

Мои публикации:

- «Первый день мира»//«Вечерний Новосибирск». 5 мая 2001 г., суббота.
- «Два дня до конца войны»// «Вечерний Новосибирск».

Февраль 2002 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Забродин Александр Евгеньевич***, студент 2-го курса профессионального училища № 5

Булыгин Владимир Васильевич

ВОСПОМИНАНИЯ АРТИЛЛЕРИСТА

Я родился 14 января 1922 года в городе Вологде. По национальности – русский. Атеист, состоял в КПСС.

Окончил школу в 1940 году, далее в октябре того же года был призван в ряды Красной Армии. После призыва направлен в военную часть, дислоцированную в Монголии, вблизи города Баян – Тюмен на реке Керулен.

О начале войны узнал 22 июня, проходя службу в Монголии в звании рядового. Во второй половине дня была объявлена боевая тревога, которая нам показалась необычной. Объявили построение по частям, и нам сообщили о нападении Германии на СССР.

Наша дивизия была снята с места дислокации и отправлена на фронт 8 октября 1941 года. Я был в звании сержанта и служил в составе 82-го артиллерийского полка (впоследствии 51-й Гвардейский артиллерийский полк), 82-й мотострелковой дивизии (впоследствии 3-я гвардейская мотострелковая). Командовал дивизией полковник Карамышев.

Прибыли на станцию Загорск 16 октября.

В ночь с 24 на 25 октября полк получил боевой приказ и выступил на Можайское направление вместе с другими частями дивизии. Дивизионы двигались по двум дорогам: по Минскому и по Можайскому шоссе.

25 октября заняли боевые позиции на Минском шоссе. Встречались отступающие одиночные солдаты и группы. 27 октября отбили наступ-

ление немцев и отбросили их на 15 км, заняли поселок Дорохово. В этот день была первая боевая потеря на своем наблюдательном пункте погиб командир второго дивизиона старший лейтенант Поярков Василий Иванович.

28–29 октября бои продолжались с прежним ожесточением и с той же силой. К вечеру наши части вышли на рубеж: Болтино, опушка леса юго-западнее Кузовлево. 30 октября противник неоднократно переходил в контратаки, пытаясь занять более выгодные позиции. Артиллеристы вместе со стрелками под непрерывным огнем минометов и артиллерии отбивали эти ожесточенные контратаки.

2 ноября 1941года под превосходящими силами противника вынуждены были отступить, заняв оборону на реке Нара у деревни Наро-Осаново. Заняв оборону, продолжали держать противника в напряжении, не давая ему снять часть сил и бросить их на фланги, где он продолжал наступление. Там наши дела шли неважно. Здесь стояли в обороне до декабря 1941, когда началось наступление наших войск и дальнейший разгром немцев.

5 декабря 1941 года войска Западного фронта перешли в наступление, ударив по выдвинувшимся далеко вперед флангам войск противника. Наступление велось на флангах Западного фронта, а наша дивизия оборонялась в середине, и в наступлении пока не участвовала. В эти дни она вела активную оборону, не давая противнику снимать свои части с этого участка фронта.

9–10 января 1942 года противник начал отступление на нашем участке фронта. В первый день удалось продвинуться на три километра, но это были километры, пройденные на запад. К исходу дня заняли Наро-Осаново, Дубки, Крымское. 11 января заняли Труфановку, Лях0во, Анашкино – это те самые деревни, где полк вступил в бой 25 октября 1941 года. На следующий день освободили Капань, Костино.

13 января освободили Дорохово, Шелковку. Впервые увидели на западной стороне неба черные клубы дыма. Это немцы начали жечь деревни. Во время наступления прошли деревню Петрищево, где была казнена Зоя Космодемьянская.

16 января вышли на подступы к Можайску. Заняли Кожухово. 17 января заняли пригородные деревни Чертаново, Ильинское, Александровку. Город решили брать, обходя его с двух сторон стороны старой Можайской дороги, через деревню Кожухово и со стороны Минского шоссе по направлению к железнодорожной станции. 19 января заняли восточную часть города и железнодорожную станцию, а 20 января заняли весь город.

К вечеру 21 января, преодолев все преграды, завалы, объехав взорванные мосты, батареи первого дивизиона, быстро заняли позиции и

открыли огонь. Немцы немедленно отошли. Преследуя противника, продвинулись до Фомкино, где и заночевали у костров сожженной деревни. Далее прошли Горки, Бородино, Шевардино, Семеновское, Колоцкое. Наши атаки продолжались на границе Московской и Смоленской областей до 4 февраля, противник сел здесь на заранее подготовленную оборону, сбить его не удавалось, и наша дивизия перешла к обороне.

Наш новый рубеж обороны проходил по пересеченной местности, с небольшими массивами леса, в 17 километрах восточнее Гжатска (теперь Гагарин). Передний край обороны противник выбрал так, что перед ним было в основном открытое пространство. Это не позволяло нашим воинам незаметно, скрытно приближаться к его позициям. Противник установил минные поля, построил проволочные заграждения, отрыл окопы, траншеи, ходы сообщения и блиндажи. Было получено приказание приступить к оборонительным работам. Полк занимал оборону севернее Батюшково. Теперь дорог с твердым покрытием осталось не две, а одна – Минское шоссе. Оно служило основной транспортной артерией, по которой шло снабжение дивизии и полка. Оборона была активной. Противник был все время в напряжении, мы не давали ему снять войска с этого участка и бросить их под Вязьму, где шли бои с нашими конниками и десантниками. Остро ощущалась нехватка снарядов: дивизиону выделялось от 25 до 48 снарядов на сутки. Мы несли потери в людях и в технике. Наши позиции обстреливались очень часто и интенсивно, противник проблем с боеприпасами не имел.

18 марта 1942 года приказом народного комиссара обороны СССР И.В. Сталина № Д 73 нашей дивизии было присвоено почетное звание ГВАРДЕЙСКОЙ дивизии. Теперь она стала называться 3-я гвардейская мотострелковая дивизия.

24 апреля получили приказ сдать свой участок обороны соседу – 32 сд (29 гвардейская дивизия). Полк был снят с передовой и отправлен на переформировку.

Металл и тот устает, а человек тем более. 26 апреля полк своим ходом прибыл на отдых в район восточнее Моденово. Это 90 километров западнее Москвы. Мы его освобождали в студеном январе 1942 года.

В окрестных лесах дивизионы разместили так, чтобы они перекрывали Минское и Можайское шоссе.

Там люди постепенно отходили от ужасов войны. Почти полгода они вели тяжелейшие бои, смерть ходила рядом. И никто не был от нее застрахован: она всегда неожиданная, незваная гостья на войне. Теперь, далеко от фронта, еще не надо бояться смерти, ожидать ее, не надо все время маскироваться. Теперь можно просто ЖИТЬ...

Как только прибыли на место – сразу же начали обустраиваться. Оборудовали парки для орудий и автомашин. Для людей построили шалаши, землянки, домики. Благо лесу хватало. Главные усилия были направлены на приведение в порядок и на ремонт всей техники и оружия и, в первую очередь, на организацию быта личного состава. Техникой и оружием занялись всерьез, работы вели капитально, основательно, не торопясь. Ведь за последние полгода им досталось основательно. Теперь настал черед все проверить, посмотреть и отремонтировать.

Построили хорошую баню с дезкамерой. Люди, не торопясь, вволю мылись, стирались. Тут же стриглись, гладили обмундирование, его только что выдали. Скоро бойцы стали, как в народе говорят, «женихами». Построили клуб, ленинские комнаты, все это в лесу. Теперь лес покрылся молодой зеленой листвой. Она пахла, как до войны, напоминая воинам о доме, о родной стороне. Многие написали домой письма, некоторым писать письма было некуда: их родные места захватили оккупанты. В полку был письмоносец – он получал на полевой почте всю корреспонденцию: письма, газеты, журналы. В 1942 году полк получил 128 экземпляров газет.

Все работы делали старательно и аккуратно: соскучились по работе. Когда основные работы были закончены, люди приведены в порядок, командир полка полковник И.В. Гудимов провел строевой смотр полка. Все дивизионы, батареи, подразделения показали «товар лицом». Что не успели сделать до смотра, доделали после него. Так спокойно, незаметно, в трудах пролетело теплое летнее время – май, июнь. В первой половине июля перебазировались поближе к фронту в район Марфин Брод, Артемки – это недалеко от Бородинского поля. Там занимались до 27 июля.

Ржевско – Сычевская операция 1942 года

27 июля полк совершил марш сначала по Минскому шоссе, потом на север через Уваровку, Поречье, Дор, Середа, до сожженной деревеньки Спас – Вилки. Остановились в лесах и начали подготовку к новой операции.

Наступать предстояло в глухом углу на стыке трех областей: Московской, Смоленской и Калининской. Местность здесь лесистая, заболоченная. В народе говорят: «Бог создал небо и землю, а черт Дорогобуж, Ельню и Смоленскую губернию».

Дороги полевые, на них, даже летом, не везде просыхают лужи. Ни проехать, ни пройти, особенно на автомашинах.

12 дней полк готовился к наступлению. Работы было невпроворот: выбрали и оборудовали наблюдательные пункты, огневые позиции,

протянули линии связи, одним орудием провели пристрелку и сделали необходимые расчеты для стрельбы. Спланировали ведение огня, отработали вопросы взаимодействия и установили линии связи между взаимодействующими частями. Разведчики, по прибытии, сразу же установили круглосуточное наблюдение за противником.

Перед нами была долговременная, хорошо оборудованная линия обороны со всеми ее «прелестями»: минными полями, «сюрпризами», проволочными заграждениями, отсечными и ложными позициями, траншеями, дзотами, блиндажами и малозаметными препятствиями.

На переднем крае противника была сожженная еще в январе деревенька Крутицы. Это были уже третьи Крутицы на нашем пути – под Дорохово, под Гжатском и здесь. От деревни остались только печные трубы, да старые березы, общипанные осколками снарядов и мин. На восточной окраине Крутиц прямо посередине улицы стояли два наших танка Т-34, их подбили немцы еще зимой. Так они и стояли с обгорелыми башнями. Чуть в стороне, справа виднелась деревня Аржаники, перед нею большой сосновый лес, основательно побитый снарядами.

В то время, когда мы собирались наступать, стратегическая инициатива вновь перешла к противнику. В результате неудач наших войск на других фронтах были оставлены Севастополь, Крым. Под Харьковом наступление наших войск окончилось полным провалом. Войска противника захватили Донбасс – нашу кочегарку, на Дону вышли к Воронежу и захватили его. Немцы продолжали наступать, стремясь выйти к Волге и на Кавказ. Это были тяжелые дни. Некоторым казалось, что теперь уже ни что и никто не сможет остановить победное шествие немцев на таком широком фронте, но таких были единицы.

Наши войска отступали с тяжелыми потерями. Оставляли врагу богатые сельскохозяйственные и промышленные территории.

Вот в таких очень тяжелых условиях проводилась эта первая крупная плановая наступательная операция. Она началась 30 июля 1942 года. Войска Калининского фронта перешли в наступление, потом в дело вступил и наш Западный фронт. Целью операции было сковать на московском направлении силы немецкой группы армий «Центр», лишить гитлеровское командование возможности перебрасывать свои соединения на юг, под Сталинград и на Кавказ, где противник продолжал развивать свой успех.

Наступление дивизии началось рано утром 9 августа 1942 года. Стояло тихое летнее утро. Солнышко только недавно взошло, по долине Рузы легли полосы седого тумана. От реки тянуло сыростью. Солдаты оставили старшинам свои шинели и вещмешки и приготовились к атаке.

Залп «Катюши» был сигналом к началу артиллерийской подготовки. Она длилась 45 минут. Полк вел огонь по переднему краю и по тылам противника. Артиллерии было явно мало, и многие цели не были уничтожены, да и снарядов недоставало.

По сигналу зеленой ракеты вперед пошли танки. Таких танков раньше не видели. Это были «Валентайны» и «Матильды» – американского и английского производства. За танками цепями бежали стрелки: цепь за цепью по всему полю. Без шинелей они бежали легко и свободно, не отставая от танков. Саперы поставили дымовые завесы перед первой траншеей немцев. Наступление поражало своей стремительностью и четкостью – совсем как на учениях.

Впереди танков шел редкий огневой вал разрывов наших снарядов. Первая цепь еще не добежала до первой немецкой траншеи, как над полем боя появились немецкие бомбардировщики и обрушили на головы наступающих бомбы. Артиллерия и минометы противника открыли огонь по цепям наших стрелков. Они ускорили бег, стараясь выйти из-под огня артиллерии противника.

Стрелки, неся потери, продолжали бежать вперед, а многие танки загорелись, встали. Они работали на бензине, броня у них была тонкая и легко пробивалась немецкими снарядами. Гусеницы танков были узкие, траки сверху покрыты резиновыми пластинами и, танки машина чуть что буксовала.

Несколько наших полковых наблюдателей находилось в танках, они оттуда корректировали огонь батарей. Из-за недостатка снарядов многие огневые средства противника не были уничтожены и активно вели огонь по наступающим. Все три наших батареи тяжелых гаубиц вели контрбатарейную борьбу, стараясь подавить вражеские батареи.

Наконец, стрелки ворвались в первую траншею, выбили оттуда немцев и продолжали наступление. Вместе с ними шли орудия нашего первого дивизиона. К обеду Крутицы были взяты. Южнее Крутиц на рощу наступал гвардейский мотострелковый полк. Здесь наступление застопорилось: оборона противника оказалась покрепче. Пришлось досрочно вводить в бой дополнительные силы из резерва.

Только к вечеру роща была взята. К слову сказать, от этой рощи после артподготовки остались только голые стволы обгоревших сосен, похожие на обгоревшие спички: короткие и обугленные.

Все бойцы и командиры горели желанием как можно лучше выполнить поставленную задачу. По раскисшим дорогам автомашины не могли подъехать к орудиям и доставить снаряды. Тогда все свободные от обслуживания орудий люди подносили снаряды за несколько километров на руках.

Авиация противника целый день висела над головами, нанося бомбовые удары. Наши истребители, как правило, опаздывали и были в меньшинстве

10 августа заняли Савино, в трех километрах западнее Крутиц. Там стояла большая церковь из красного кирпича – очень хороший ориентир и наблюдательный пункт.

13 августа прошли лесом семь километров и заняли две деревни Большие и Малые Носовые (такие необычные названия).

В этих лесах немцы бросили склады с имуществом и техникой. Потом многие солдаты укрывались теплыми верблюжьими одеялами из этих складов, а ремонтники, работали добротным немецким инструментом, какого у них до этого никогда не было.

По реке продвинулись вперед ещё километра на три и нарвались на огонь станковых пулеметов. Слева стояли дома деревни Пудыши, ее обороняла штрафная офицерская рота. Пудыши плохо просматривались с наших НП.

Все попытки взять Пудыши с ходу провалились: штрафники дрались отчаянно. Обойти их мешала пулеметная рота, стоявшая правее деревни в лесу. Наших танков больше не осталось, их остатки догорали на склоне холма перед этой деревней.

10 дней, не стихая, шли бои за эту деревеньку из 22-х домов. Кто был под Пудышами, тот запомнил их надолго. Офицеры- штрафники оборонялись до последнего.

Так и шли бои день за днем.

В это время в Сталинграде и на Кавказе продолжались величайшие сражения Великой Отечественной войны. Сражаясь под Карманово, бойцы понимали, что помогают защитникам Сталинграда. Во всех батареях были проведены беседы «Стойкость и мужество защитников Сталинграда», в личных беседах также говорили на эту тему.

В обороне с питанием стало получше: на огневых позициях горячая пища выдавалась три раза в сутки, на НП ее приносили два раза: утром и вечером. На сутки выдавали 900 грамм хлеба, 35 грамм сахара, 20 грамм жиров, сколько-то овощей на одного человека. Неожиданным дополнением к пайку стала картошка, что осталась неубранной на полях и огородах. На нашем берегу Коротынки было большое картофельное поле, куда заглядывали не только наши солдаты, но и немецкие.

Оборонительные бои на этом рубеже продолжались весь октябрь и ноябрь. Это были самые тяжелые времена для нашей Родины. Враг вышел к Волге, к Сталинграду и почти занял его; вышел к Кавказскому хребту, улучшения положения не было видно. Но вот 19 ноября заб-

резжил рассвет: под Сталинградом наши войска перешли в наступление, окружили большую группу войск противника. У нас же пока перемен не намечалось.

Дивизия оборонялась активно. Прощупывали врага то там, то здесь, пытались отбить то рощицу, то высотку, не давали ему возможности снять с обороны ни одного солдата. Так мы помогали далекому Сталинграду.

Наступление окончилось южнее Карманово. Наша дивизия наступала на самом левом фланге войск, участвовавших в операции, что накладывало на дивизию особую ответственность. Надо было внимательно следить за противником и быть готовым отразить его попытки ударить под основание фронта наступающих войск, т.е. во фланг. Эту очень ответственную задачу дивизия решала успешно.

С боями полк прошел всего 40 километров, освободил 12 деревень. Казалось, итоги более чем скромные. На самом деле это наступление не позволило немецкому командованию снять с нашего участка фронта и послать под Сталинград ни одного танка, ни одного солдата, самолета, или орудие.

Кроме того, часть стратегических резервов, предназначенных для южных фронтов, немецкое командование было вынуждено направить сюда, на Ржевско Вяземский выступ, где фашисты были изрядно потрепаны.

Это была существенная помощь героическому Сталинграду, который в это время, истекая кровью, отбивал неистовые атаки противника.

Это главный итог прошедшего наступления. За время наступления полк истребил более 500 фашистов, уничтожил 14 орудий, сжег 6 танков, разбил 18 пулеметов, подавил 12 артиллерийских и минометных батарей.

Ржевско-Вяземская операция, 1943 год

После зимнего наступления наших войск под Москвой 1941 1942 линия фронта получила форму выступа в сторону Москвы. Его назвали Ржевско-Вяземским выступом. Немецкое командование рассматривало его как плацдарм, с которого можно было начать новое наступление на Москву.

И в самом деле, от нашего переднего края до Москвы было всего 153 километра, если ехать по Минскому шоссе. В начале 1943 года войска Брянского и Центрального фронтов на Орловско Севском направлении вели успешное наступление. Это заставило немецко-фашистское командование снять с выступа несколько соединений, чтобы усилить свою Орловскую группировку, остановить наши наступающие войска. Ставка Верховного Главнокомандующего приказала войскам Западного и Калининского фронтов перейти в наступление, сорвать планомерный отход Ржевско-Вяземской группировки войск противника и разгромить ее. На нашем участке фронта немцы начали отход 4 марта 1943 года, оставляя долговременные оборонительные сооружения, которые они совершенствовали более года. Это была глубокоэшелонированная оборона, построенная по всем правилам немецкого военного искусства.

Перед первой линией окопов шли сплошные проволочные заграждения в три кола (в три ряда). Эти проволочные заборы шли зигзагом, не по прямой. Между ними и перед ними были минные поля, за ними полоса малозаметных препятствий (спираль Бруно).

Окопы отрыты в полный рост. Траншеи, ходы сообщения. Стены окопов и траншей обшиты досками. Между первой и второй линиями обороны – минные поля, обозначенные низенькой оградой из тонкой проволоки.

Здесь же размещались различные ловушки, «сюрпризы» и прочие «хитрости». Это были прыгающие мины, фугасы, противотанковые мины и артиллерийские снаряды, к ним были протянуты тонкие незаметные проволочки. Потянешь или наступишь на проволоку – заряд взорвется.

Немецкие землянки обычно были в три наката: вперемежку три слоя толстых бревен и три слоя земли. Стены и потолки землянок обшиты досками, в каждой землянке чугунная печка, деревянные нары. Перед входом овальная березовая дощечка, на ней обозначено подразделение. В каждой землянке обилие журналов с фотографиями женщин во всех позах и одеждах, начиная с костюма Евы. По снегу протоптаны тропинки, сбоку от них ни одного следа: немецкая аккуратность и порядок. Было много дзотов.

Много всего понастроили немцы за год, не сидели даром. Немало крови пришлось бы пролить, прорывая эту оборону, немало положить солдат на проволочных заграждениях, минных полях, перед дотами и дзотами. Наши войска вынудили противника покинуть эти укрепления. Он начал вынужденный отход, оставляя важный стратегический район.

Полк поддерживал части 32 СД. 5 марта дивизионы вошли в город Гжатск. В этот же день, не задерживаясь, полк вышел на Минское шоссе, оно было в десяти километрах южнее Гжатска, и вернулся в свою 3 гвардейскую мотострелковую дивизию. Выйдя на широкое, свободное от снега, прямое, как стрела, Минское шоссе, все с облег-

чением вздохнули. До шоссе пришлось на себе тянуть машины и орудия по снежной целине, по пояс в снегу, через проходы в минных полях, через заграждения и препятствия, что были в избытке в немецкой обороне. Минское шоссе показалось просто райской дорогой.

Всё бы хорошо, но мосты на шоссе и мостики взорваны, объезды заминированы, под асфальтом – противотанковые мины. Кругом одни «сюрпризы», и езда по такому шоссе не так уж приятна, как могло показаться с первого взгляда. С машинами и орудиями было куда сложнее: надо было искать объезды по пояс в снегу, проталкивать машины, опасаясь попасть на мины.

Отступая, немцы оставляли за собою выжженную землю. Теперь они сжигали все дома в деревнях, не оставляли ни одного дома или сарая, где могли бы погреться люди. Опять, как и в январе 1942 года, на западе стояли горькие столбы черного дыма это горели наши деревни и села. От домов оставались только закопченные печные трубы, да скрюченные от огня железные кровати подобно могильным крестам. Мирным людям негде было приютиться с детьми малыми, со стариками немощными.

Только умелые ночные обходы позиций противника по проселкам, по бездорожью, позволяли заходить к немцам в тыл. Тогда они поспешно отходили: им было не до поджогов, и села оставались целыми.

Очень плохо было и с боеприпасами: не хватало снарядов, патронов. Немцы отходили с таким расчетом, чтобы за день, до вечера, наша артиллерия не успела приблизиться на расстояние выстрела.

Опять запах гари провожал нас от деревни к деревне. Неистребимый запах лихой беды. Наступление продолжалось. 6 марта заняли Белкино, Буднево, Красную Слободу. Все дотла было сожжено.

Из-за препятствий, создаваемых противником, и весенней распутицы темп выступления был невысоким 6-8 километров в сутки. Противник отходил по ночам и к утру занимал новый рубеж обороны. Наши батареи, естественно, отставали и только к вечеру догоняли стрелковые роты, да и то не всегда.

А тут появилась новая беда: очень многие солдаты и сержанты стали болеть куриной слепотой. Днем они видели как обычно, нормально, а с наступлением темноты слепли. Ночью полк терял боеспособность. Болезнь была вызвана нехваткой витамина А в пище. Он содержится в сливочном масле. Офицерам каждый день выдавали по 20 грамм масла, и у них не было этой слепоты, а солдатам не выдавали.

Уже 9 марта более 100 солдат и сержантов болели этим недугом. Это просто беда была. Днем все боеспособны, а ночью: шоферы не видят дороги, наводчики не видят точки наводки, заряжающие снарядов.

Ночью можно было видеть, как один зрячий ведет за собою целую цепочку незрячих, взявшихся за руки. Медики срочно начали варить в полевых кухнях настой из сосновых веток и поить этим противным зельем всех подряд: неважно, болен или нет. Они строго следили, чтобы никто не уклонялся от этой неприятной процедуры.

11 марта подошли к Вязьме – старинному русскому городу, славившемуся своими пряниками. Город Вязьма лежит чуть в стороне от Минского шоссе - это крупный узел железных и шоссейных дорог.

Город был хорошо виден в этот солнечный мартовский день.

Над Вязьмой клубились и возникали новые огромные облака дыма. Немцы жгли и взрывали дома и строения, железнодорожные объекты.

Бухали взрывы. Синее весеннее небо было замарано грязными тучами. Запах гари был невыносимо тяжел. На наших глазах противник уничтожал город.

Земля Смоленская вновь стонала под сапогом войны; горела и плакала, терзаемая взрывами, сжигаемая пожарами, политая горькими слезами русских людей.

Здесь люди потеряли всё: жилища, скот, пищу, своих близких. Разорение и пустоту, горе и слезы оставили немцы на Смоленщине, а еще тысячи и тысячи могил в городах и селах, в лесах и полях, по берегам рек, озер и болот и на мирских погостах...

Все видели, как уничтожается город, видели, но ничего сделать не могли: не было сил. Рано утром все же удалось ворваться в город. Как выглядел город? Его центр был совершенно разрушен, здания взорваны, закопченные остатки стен. Особенно пострадал огромный железнодорожный узел. Рельсы, виадук, мосты, станционные здания – все было искорежено взрывами, сплетено в немыслимые узлы и завалы. Хаос, разрушение, груды кирпича и камня, смешанные с бревнами, прутьями ржавого железа, куски бетона.

На самой окраине города, по дороге на Семлево, сразу за поворотом, было немецкое кладбище. Огромная площадь размером примерно три на три километра была уставлена бесчисленными березовыми крестами. Они стояли ровненько: так – ряд, и так – ряд, как деревья в хорошем саду.

15 марта заняли Новую Деревню и Гавриково, а 17 марта по лесным дорогам полк вышел к заранее подготовленной обороне противника в районе: Лужки, Беломир, Максименко. Это восточное Днепра в районе Дорогобужа. Здесь дивизия встала в оборону. В обороне люди почувствовали усталость. За эти восемь месяцев все вымотались: слишком много сил, физических и моральных, потребовали от людей

эти бои. Да и потери были немалые и убитыми, и ранеными. Ведь каждый день люди подвергались огневому воздействию противника. На дорогах бойцов подстерегали мины, их бомбила авиация, обстреливала артиллерия. То же самое ждало и в обороне. В апреле в полк прибыло пополнение, оно было более чем кстати. Прибыли из госпиталей, люди обстрелянные, прибыли и новички. Молодые офицеры пополнили ряды офицерского состава.

28 апреля дивизия сдала свой участок обороны и маршем вышла в район западнее Вязьмы. По прибытии на место сразу же начали приводить в порядок людей и технику, помылись в хорошей бане, постриглись. Починили и обмундирование, и обувь. Занялись ремонтом оружия и техники. Все работы велись по плану. Начались занятия по боевой и политической подготовке. Постепенно люди отходили от горячих боев. Часто вспоминали прошедшие бои, кто и что делал, и очень хорошо смеялись даже над самыми не очень смешными случаями. Это была разрядка.

Несколько заключительных слов об этой операции. Полк принимал участие в освобождении Гжатска и Вязьмы. Линия фронта была отодвинута еще на 160 километров от Москвы.

Тактика у противника была простая: отойти на следующий рубеж на такое расстояние, чтобы наша артиллерия за день, преодолевая препятствия, не смогла приблизиться на дистанцию меньше предельной дальности. Если наша артиллерия все же открывала огонь – немцы немедленно покидали рубеж и отходили, чтобы не нести потерь.

30 мая полк погрузился в железнодорожные вагоны и отправился на восток, к Москве. Теперь поехали назад, мимо тех мест, где совсем недавно шли вперед, на запад, преодолевая снега, бездорожье, где гремели бои, где навеки остались могилы наших однополчан. Была весна, леса зеленели, поля покрыты молодой травой.

Вот город Гжатск, мы его освобождали, но прошли, не разглядев. Вот наш бывший передний край. Здесь всё знакомо, как в своей родной местности. Вот Бородинское поле русской славы. В Можайске стояли долго, но никого никуда не пускали. Потом Дорохово. Кубинка – здесь 2-го и 3-го декабря 1941 года отбивали атаки немецких танков, последние их атаки. Голицыно здесь, в лесах, готовились к первому бою. Пошли пригороды, а потом и сама Москва. В Москве почти не стояли, через Лосиноостровскую проследовали на Ярославскую дорогу. Теперь все следили за станциями: Пушкино, Хотьково, Загорск. Стоп, приехали. Приехали? Быстро разгрузились и своим ходом двинулись по Ярославскому шоссе на север, до Бужаниново. Стали лагерем в молодом березовом лесу. Сразу же принялись обустраиваться.

Курская битва, Орловская операция

Наша 3-я гвардейская мотострелковая дивизия прибыла из – под Вязьмы в район Загорска. Теперь здесь формировалась новая 4-я танковая армия. На базе нашей дивизии формировался 6-й гвардейский механизированный корпус, он входил в состав 4 ТА. На базе нашего 51-го гвардейского артполка были сформированы два артиллерийских полка: 51 гвардейский легкий артполк (ЛАП) и 1 гвардейский в – самоходный артиллерийский полк (САП). Часть личного состава полка пошла на комплектование артиллерийских дивизионов, что организовывались в механизированных бригадах корпуса. Бывший командир полка полковник И. В. Гудимов был назначен командиром 1-го гв. САП. Его заместитель подполковник В.М. Лахтин стал командиром 51 гв. ЛАП.

В 1-м гвардейском самоходном полку я исполнял должность стрелка-радиста в танке Т–34 командира полка полковника И.В.Гудимова.

3 июля 1943 года полк совершил марш: Загорск – Мытищи – Москва — Подольск – Серпухов – Тула – Белев. Это примерно 400 километров. Район сосредоточения был Иваньково Ясенки. Подошли к линии обороны противника, теперь она уже была прорвана. Здесь увидели глубокоэшелонированную первую полосу обороны с проволочными заграждениями, минными полями, дотами, дзотами. Вся местность была изрыта воронками самых разных размеров. Видимо, немалых трудов стоил прорыв такой обороны. Это сделали до нас другие части.

К лету 1943 года Великая Отечественная война подошла к новому рубежу. В битве под Москвой рухнули планы фашистского блицкрига – плана молниеносной войны. Под Сталинградом фашистскому зверю был сломан хребет. В ходе зимней кампании линия фронта в районе Курска имела форму большой дуги, выгнутой в сторону противника. Её назвали Курской дугой.

У немцев были созданы и поступили на вооружение новые образцы оружия, техники: танки «тигр» и «пантера», самоходное орудие «Фердинанд», новые типы самолетов.

Это была мощная ударная группировка хорошо вооруженных, оснащенных современной техникой войск, одержимых жаждой реванша.

Здесь, в центре России, летом 1943 года окончательно потерпела крах наступательная стратегия вермахта. Был развеян миф о том, что немцы наступают летом, а русские зимой.

12 июля войска Западного и Брянского фронтов перешли в наступление, прорвали долговременную оборону противника и продвинулись вперед. Так началась Орловская наступательная операция.

Принимая участие в битве на Орловско – Курской дуге, я был ранен 4 августа 1943 года в районе города Орла и направлен на лечение в Тулу, затем в Казань. Лечение проходил в течение 5 месяцев.

После лечения вернулся в 51 ГАП.

Далее принимал участие в Проскуровско – Черниговской операции, в освобождении Каменец – Подольского весною 1944 года. Потом была Львовско Сандомирская, операция 1944 года по освобождению Западной Украины. Во время этой операции я получил осколочное ранение в затылок 15 июля 1944г. у города Золочев. Лечение проходил в медсанбате.

Затем освобождали город Львов.

В феврале 1945 года Висло – Одерская операция, Нижнесилезская операция – это уже было на германской земле. В феврале 1945 года у деревни Штрон был ранен в правый бок. Лечение в медсанбате.

8 мая приняли радостное сообщение о капитуляции немецких войск и двинулись на помощь Праге в Чехословакию, где и закончили свои боевые действия.

Далее наш полк до 1946 года стоял в Германии, Венгрии, потом был переведен на Украину.

Я демобилизовался в феврале 1946 года (город Ахтырка, Сумской области).

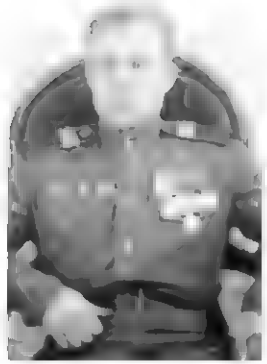
Имею 28 наград, звание «Почетный гражданин города Можайска» и «Заслуженный энергетик РСФСР».

После окончания войны мне было поручено собрать материалы об основных этапах боевых действий нашего полка.

Некоторые записи из этих материалов использовались в данной статье

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Коршилицын Анатолий Васильевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института



Верещак Тимофей Яковлевич

ПОСЛЕ ШТЕЙНАУ МЫ ДОЛГО ШЛИ ПО ЛЕСАМ И БОЛОТАМ

Я родился 6 апреля 1925 года в посёлке Дертка Житомирской области Дзержинского района. Живу в Москве с 1934 года. По национальности я русский. В партии не был, хотя был членом комсомола.

До войны окончил школу в городе Загорске. В Москве поступил в речной техникум. Ушёл оттуда добровольно в типографию.

О начале войны я узнал на даче в посёлке Семхоз Загорского района. Помню, мы тогда с отцом пилили дрова. Когда услышал о войне, подумал сначала, что немцев «закидаем шапками», а вон как вышло.

Был призван в армию 21 февраля 1943 года, откуда был направлен в Сокольники в учебный полк связи, где изучал морзянку. Из-за болезни я попал в госпиталь имени Бурденко, а после госпиталя в августе 1943 был отправлен в Ленинградское танковое училище на Большой Пироговке. Изучал танки и получил звание сержанта. (После войны присвоили звание старший лейтенант в 1971 году, а потом отправили в отставку в возрасте 56 лет.) Уехал 25 декабря 1943 года в город Горький за получением материальной части.

На войну попал в составе добровольческого 10-го танкового корпуса. Танк получил направление в Сормово. В танке имелась радиостанция РСБ – радиостанция скоростных бомбардировщиков (брала расстояние 800 км с самолета). 4 марта 1944 года наш корпус прибыл на станцию Фридриховка, где уже шли бои. Служил под командова-

нием полковника Фокина (начальник связи 10-го танкового корпуса). Был переведён в 62-ю танковую бригаду этого же корпуса под командованием полковника Денисова, а начальником штаба был подполковник Мокшаков. Боевой путь проходил через Каменец-Подольский (март 1944). Немцы чуть было не прорвались через Крымский мост. Помощь «Катюш» в этом бою была неоценима. Стояли в Питгайчиках. Там корпус был на переформировке. Оттуда двинулись на Львов. В районе города Перемышль пришлось пробиваться через простреливаемое немцами поле. Помню, подбили «пантеру» и захватили зенитную батарею. Немцы угоняли эшелон. Кто-то из наших взорвал паровоз. Ну и богатый провиант нам достался!

Во Львов ехал в колесной радиостанции. Машина задним мостом попала на камень и встала под деревом. Вдруг налетели два «мессера» и уничтожили все машины впереди колонны. Позади шли два танка, и один из них подбил «мессер». В танке оказался мой друг, с которым вместе учились в Ленинградском танковом училище и получали танк.

В конце июля 1944 года взяли Львов. Когда вошли в город, половина его принадлежала немцам. Трудно было их выбивать: постоянно попадали под обстрел. Во время налётов немцы сбрасывали бомбы, которые разрывались в 100 м над землёй и разбрасывали противопехотные мины. Люди прятались под арки кирпичного завода.

Подошла 3-я танковая армия и «обложила» немцев. Рядом с ней шла 13-я мотострелковая армия. Со Львова пошли на Самбор (июль 1944). Дальше оказались на Висле. В сентябре 1944 года форсировали Вислу и разместились на Сандомирском плацдарме (конец сентября 1944). На Сандомире стояли до 12 января.

12 января началось наступление. Дошли до Одера. В Штейнау взяли мост. На ту сторону по мосту прошли два танка. Немцы их сожгли, а мост взорвали. Положение усложнялось тем, что берег Одера с нашей стороны был пологий, а с немецкой стороны – крутой.

Денисов (командир 62-й танковой бригады; после Штейнау был отозван в тыл из-за больших потерь, а на его место назначен подполковник Прошин) начал наводить понтоны, но все старания по переправе на другую сторону оказались тщетны. Какие-то наши части смогли переправиться ниже по течению и обойти немцев. Немцы попали в окружение. Помню, было очень много пленных. После Штейнау мы долго шли по лесам и болотам сквозь горящие торфяники и клубы дыма и оказались на западной стороне Берлина, где меня ранило, и я был вынужден отправиться в госпиталь.

23 апреля 1945 года в городе Штанцдорф попал под миномётный налёт и получил тяжёлое осколочное ранение. Идти в госпиталь не хотел, но пришлось. Госпиталь находился в Лигнице. Лежал там до

начала августа. Из госпиталя я убежал. На попутной машине доехал до Дрездена (август 1945), на поезде добрался до Праги (август 1945). Потом опять же на поезде доехал до Братиславы, из Братиславы перешёл чешско-австрийскую границу и на «товарняке» добрался до Вены (август 1945). В Вене нашёл машину своей части и доехал с ней до Шапрона, где стоял 10-й танковый корпус, а 62-я танковая бригада стояла рядом в городе Дойчкройце. Австрийско-венгерская граница проходила как раз между этими городами. У меня гнила рука и была пробита нога, но я решил, что долечат меня в части.

В Дойчкройце наша часть стояла до весны 1946 года. Весной 1946 она переехала в Чаквар. Потом передислоцировались в Дебериц и стояли там до 1948 года. В 1948 передвинулись в Крампниц, где я и демобилизовался в мае 1950 года, хотя приказ был от 16 февраля 1950. Задержка почти на три месяца произошла из-за того, что я оказался в оккупационных войсках и нас проверяли. Домой я ехал через Калининградскую область и через Вильнюс до литовской границы. На территории СССР в Москву ехал через Смоленск. Домой прибыл 2 июня 1950 года.

За свой фронтовой путь был награждён следующими наградами:

- орден Великой Отечественной Войны 2-й степени № 587028
- орден Красной Звезды № 2091647
- орден Красной Звезды № 2091676
- медаль «За боевые заслуги» № 146504 (получена за Сандомирский плацдарм)
- медаль «За победу над Германией» от 20 марта 1946.

Эти медали были вручены в январе 1947 полковником Прошиным, командиром 62-й танковой бригады

- орден Отечественной войны 1-й степени № 1460119 от 11 марта 1985. Вручил Перовский военкомат.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Анашкин Александр Юрьевич***, студент 3 курса Московского авиационного института

Вураки Андрей Фёдорович

ВИСЛО-ОДЕРСКАЯ НАСТУПАТЕЛЬНАЯ ОПЕРАЦИЯ

Родился 13 декабря 1922 г. в городе Ялта, Крымской АССР, в семье потомственных чернокрымских рыбаков. Отец-Вураки Федор Андреевич-по национальности грек; мать-Вураки Анна Михайловна русская. До 1929 г. семья проживала в г. Ялта; с 1929 по 1933 г. – в г. Сухуми (Абхазская АССР); с 1933 г. – в г. Батуми (Аджарская АССР). В июне 1941 г. окончил среднюю школу номер 17. г. Батуми.

О начале войны узнал 22 июня, на выпускном вечере. Будучи кандидатом в курсанты Севастопольского высшего военно-морского училища им. Фрунзе, поступить в училище не успел, т.к. оно эвакуировалось из Севастополя в Ростов-на-Дону. В июле 1941 году поступил в Севастопольское училище зенитной артиллерии (СУЗА), которое окончил в июле 1942 года. В городе Уфа и получил воинское звание «лейтенант».

По окончанию СУЗА проходил службу в войсках Забайкальского (город Чита), Московского и Приволжского военных округов на должностях командира зенитного взвода и зенитной батареи.

С октября 1943 года командир зенитной артиллерийской батареи 1999 зенитного артиллерийского полка (зенап) 68 зенитной артиллерийской дивизии (зенад) Резерва Главного командования (РГК) (Приволжский ВО, Пензенский учебный лагерь Войсковой ЗА)

С апреля 1944 г. 68 зенад входила в состав войск 1-го Украинского флота и до июля 1944 года находилась в оперативном подчинении 38-й

общевойсковой армии. С июля 1944 года 68 зенад вошла в боевой состав 4 танковой армии и до конца войны выполняла боевые задачи по противовоздушной обороне войск армии: во Львовско-Сандомирской (13.07-29.08 1944 г.); Висло-Одерской (12.01-3.02.1945 г.); Нижне-Силезской (8-24.02.1945 г.); Верхне-Силезской (15-31.031945 г.); Берлинской (16.04-6.05.1945 г.) и Пражской (6.05-11.05.1945 г.) операциях.

Войну закончил 12.05.1945 г. в должности командира 4-й батареи 432 гвардейского зенитного полка 6-й гвардейской зенитной дивизии в городе Либушин (Чехословакия).

На боевом счету батареи: 11 сбитых и 6 подбитых фашистских самолетов ФВ-190 и Ме-109; уничтоженых бронетранспортеров – 4; автомашин 6; огневых точек 3; живой силы противника - 111 человек; взято в плен – 65 человек.

Службу в Вооруженных Силах СССР продолжил до сентября 1987 года. В послевоенные годы служил в Войсках ПВО страны (Ленинградский ВО, Московский округ ПВО). С 1974 года старший преподаватель Академии Генерального штаба, кандидат военных наук, доцент. С мая 1966 года –генерал-майор (с 1987 года в отставке).

Награжден 9 боевыми орденами:

- Орден Красного Знамени (№186568, № приказа 037/Н от 11.04.1945). Награждён за проявленный героизм и бесстрашие в бою при форсировании р. Одер, выход на плацдарм и его удержание.
- Орден Красного Знамени (№ 33760. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 22 февраля 1968 года). Награждён за освоение нового вооружения и успехи соединения в боевой и политической подготовке.
- Орден Александра Невского (№39606. Приказ № 011/Н от 26 апреля 1945 г.) Награждён за умелое руководство подразделением и проявленные мужество и отвагу при выполнении боевых задач в Берлинской и Пражской операциях 1-го Украинского фронта.
- Орден Красной Звезды (№3503056).
- Орден Красной Звезды (№3786761. Указ Президиума ВС СССР от 3 марта 1987 г.).
- Орден «За службу Родине в ВС СССР» III ст.(№11548, Указ Президиума ВС СССР от 30.04.75 г..
- Орден Отечественной войны II ст.(№282716).
- Орден Отечественной войны I ст. (№453650).
- «Чехословацкий военный крест 1939 года». Награждён генералом Свободой 8 мая 1947 г. за заслуги в освобождении Чехословакии.

Награжден медалью «За боевые заслуги» и 31 памятными и юбилейными медалями.

Освобождал в составе 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советсткого Союза Конева, 4-й гв. танковой армии генерал-полковника Лелюшенко, 68-й зенад подполковника Козлова, 6 гв. зенад полковника Богуна, 1999 зенап майора Иванова:

- город Львов (июль 1944 г.),
- город Пиотркув (или Петраков, или Петракув) в январе 1944 г.,
- город Берлин в апреле – мае 1945 г.,
- город Прагу в мае 1945 г..

За участие в форсировании реки Одер представлялся к званию «Герой Советского Союза».

Имел одно ранение – легкое осколочное от авиабомбы (левая голень). На лечение не убывал.

К 20.01.1945 г. главные силы 4-й танковой армии (10-й Уральский добровольческий танковый корпус и 6-й механизированный корпус со средствами усиления), нанеся решительное поражение противостоящим 17-й пехотной и 4-й танковой армиям Кельце-Радомской группировки войск противника, получили новые боевые задачи: продолжая преследование отходящего противника, стремительно наступать в общем направлении на Бреслау, с ходу форсировать реку Одер, не дать возможности противнику закрепиться на мощном подготовленном оборонительном рубеже вдоль западного побережья реки, захватить плацдармы, удержать их до подхода главных сил с целью развития дальнейшего наступления в глубину германской территории.

Форсирование р. Одер предполагалось на двух участках: 10 танковый корпус- в районе Штейнау; 6 механизированный корпус – севернее населенного пункта Кёбен.

К намеченным участкам форсирования главные силы армии выдвигались перекатами по двум маршрутам, а передовые отряды корпусов зачастую отрывались от главных сил вперёд на 60-70 км и более. Значительно отставали тыловые части и подразделения, что существенно отражалось на темпах выдвижения войск и своевременном обеспечении ГСМ и боеприпасами.

Используя складывающуюся обстановку, авиация противника вела усиленную разведку с воздуха и существенно активизировала бомбоштурмовые удары по выдвигающимся войскам, применяя различные тактические приёмы. Истребители бомбардировщики Ме-109, ФВ-190, пикирующие бомбардировщики Ю-87 действовали, как правило, с малых и предельно малых высот парами, небольшими группами (6-8, иногда до

12 самолётов в группе). Бомбометание с пикирования производилось под большими углами и последующим переходом на штурм с бреющих высот. Воздушная разведка осуществлялась самолётами Ю-88 и Ме-110 со средних и больших высот. Если обнаруживались зенитные средства, то для их подавления и уничтожения применялся весь арсенал бортового вооружения самолётов, использовались средние и большие высоты, массированные и «звездные» налёты различных типов самолётов.

Противовоздушная оборона войск в подвижных высокоманёвренных видах боя имела исключительно важное значение. Поэтому танковые, механизированные и мотострелковые части, особенно передовые отряды и главные силы, усиливались зенитными средствами малого калибра (37мм АЗП) и подразделениями зенитных крупнокалиберных пулемётных установок (ЗПУ ДШК 12,7 мм).

Как правило, все зенитные средства (штатные и приданные на усиление) объединялись в зенитные артиллерийские группы (ЗАГ) под единым командованием.

В Висло-Одерской наступательной операции в 4-й ТА имелось три ЗАГ: армейская (АЗАГ) – для ПВО штаба армии, группировки артиллерии, объектов тыла и усиления прикрытия главных сил на средних высотах; две корпусные ЗАГ – КЗАГ-10 и КЗАГ-6.

В состав КЗАГ-10 входили 356 корпусный зенап и 1999 зенап из состава 68 зенад. 1 и 2 батареи 1999 зенап усиливали провоздушную оборону 61 и 63 танковых бригад, а 3 и 4 батареи – 62 танковой и 29 мотострелковой бригад, которые, как правило, назначались в состав передового отряда корпуса.

10 тк в район, предназначенный для форсирования р. Одер, выдвигался двумя колоннами: по первому направлению– передовой отряд корпуса (62 тбр и 29 мсбр), по второму – главные силы (61 и 63 тбр и корпусная артиллерия).

Зенитные средства ЗАГ-10 действовали двумя группами батарей, размещая огневые средства в колоннах выдвигавшихся войск, в постоянной готовности к ведению огня с ходу. Особое внимание уделялось прикрытию мостов, наводимых переправ и штурмовых групп при овладении плацдармами.

4-я батарея 1999 зенап получила боевую задачу: во взаимодействии с 3-й батареей полка (командир батареи старший лейтенант Козюлин П.Ф.) и приданным зенитным пулемётным взводом прикрыть от ударов с воздуха передовой отряд 10 тк при выдвижении на исходный рубеж для форсирования р. Одер, в ходе форсирования реки и на

захваченном плацдарме. Основные усилия сосредоточить на прикрытии мостов, наведенных переправ и штурмовых групп. Быть в постоянной готовности к ведению боевых действий с наземным противником. Дополнительно батарея была пополнена боекомплектом 37 мм снарядов, средства тяги – полной заправкой ГСМ.

Важность полученной боевой задачи, ощутимые потери личного состава в предыдущих боях с наземным противником в районе н/п Камоцка Воля и Ипсдорф 19.01.45г. требовали максимальной мобилизации личного состава на её выполнение

Рассредоточение огневых средств в походных, предбоевых и боевых порядках прикрываемых войск требовало непрерывного и гибкого управления подчинёнными, тесного и согласованного взаимодействия с командирами танковых и мотострелковых подразделений и 3й зенитной батареей полка. С этой целью временное исполнение обязанностей командиров огневых взводов было возложено на наиболее подготовленных командиров орудий.

Противник продолжал поспешный отход к подготовленному оборонительному рубежу, ожесточенно сопротивляясь и действуя небольшими разрозненными группами из засад и с выгодных рубежей. Нарастала активность действий его разведывательно-штурмовой авиации в светлое время суток, несмотря на ухудшение метеоусловий. Только за последние 4 часа светлого времени 24.01 авиация противника совершила до 250 самолёто–пролётов для действий по наступающим войскам, а в течение первых 5 часов светлого времени 25.01 – более 500 самолёто–пролётов.

В соответствии с решением командира 10 тк форсирование реки намечалось в тёмное время суток – в ночь на 21.01 с ходу, с использованием стационарного каменного 60 тонного моста южнее Штейнау. Но при подходе передовых подразделений к мосту противник оказал жесточайшее огневое сопротивление, используя стационарные оборонительные сооружения (доты, дзоты, скрытые артиллерийские и миномётные огневые позиции и др.).

В тёмное время суток батареи МЗА осуществляли перегруппировку и занимали более выгодные огневые позиции. Личный состав батареи тщательно готовился к предстоящей борьбе с воздушным противником, особенно с наступлением светлого времени суток. Нарастало предбоевое напряжение. От командиров огневых взводов и взвода управления поступили доклады о готовности к выполнению боевых задач.

Предчувствуя приближение жарких боев, я совместно с орудийными мастерами, старшиной и санинструктором батареи еще раз обо-

шел все орудийные окопы и, убедившись в достоверности докладов командиров взводов, занял свое «рабочее место» - в центре боевого порядка батареи на БКП (батарейном командирском пункте), где размещались средства связи и наблюдательный пункт разведчиков. Убедившись в нормальном функционировании проводной и радиосвязи, я доложил на КП полка о готовности батареи к выполнению боевой задачи и о прибытии «на усиление» парторга полка старшего лейтенанта Рапопорта М.И. Доклад принял начальник штаба полка майор Царапкин В.Ф. Он проинформировал меня о порядке и сроках перемещения КП полка и приказал получить новую разведывательную сводку о воздушном противнике у начальника разведки полка капитана Воронина А.С.

Из полученной информации стало известно, что противник в течение двух прошедших суток сосредоточил на ближайших полевых аэродромах значительное количество пикирующих бомбардировщиков Ю-87 и истребителей бомбардировщиков ФВ-190, переброшенных под Штейнау с других направлений. Предстояла жаркая схватка с воздушными стервятниками. Об этом же все чаще стали напоминать усиление артиллерийского огня с обеих сторон и нарастающий гул автобронетехники.

С наступлением светлого времени суток (примерно в 6.20 6.30 25.01.) на БКП поступил первый доклад командира отделения разведки младшего сержанта Озерова И.В. об обнаружении двух групп самолетов противника (по 8 самолетов в каждой), приближающихся с западного направления. Дальномерщики определили высоту полета и дальность до цели, а затем уточнили типы приближающихся самолетов. Батарея изготовилась к бою.

Не долетая 3-4 км до уреза воды, самолеты противника, разделившись на пары и снизившись на высоту 150-200 м, совершили маневр: первая группа, изменив курс на 90 градусов, ушла в южном направлении,. не входя в зону огня батареи; вторая группа, совершив подобный маневр, ушла в северном направлении, вызвав на себя огонь из пулеметов и стрелкового оружия войск, выдвигавшихся к реке.

Через некоторое время (видимо, на обратном курсе) в зону огня батареи, на высоте 150-200 м, внезапно вошла пара ФВ-190 с восточного направления и, пролетев вдоль русла реки, удалилась на запад. Огонь по самолетам было разрешено вести только зенитно-пулеметному взводу, чтобы соблюсти маскировку и не вскрыть боевого порядка батареи. Самолеты поражены не были. Сразу же была усилена воздушная разведка, в работу включились все дальномерщики. Опыт предыдущих

боевых действий показывал, что перед массированным применением авиации противник проводил воздушную разведку с целью вскрытия системы зенитного артиллерийского огня на возможных направлениях форсирования реки нашими войсками. Возможно, ему это удалось, и в ближайшее время следовало ожидать массированных налётов его бомбоштурмовой авиации.

В порядке взаимодействия была уточнена наземная обстановка и установлено: передовой отряд 10 тк – 62 тбр подошел к мосту через р. Одер южнее Штейнау в ночь на 24.01. Но мост оказался заминированным, бригада вынуждена была занять оборону в районе моста на восточном берегу реки.

Примерно к 13.00 24.01 подготовленные штурмовые группы из передового танкового батальона 62 тбр на больших скоростях ворвались по мосту на восточную часть Штейнау и заняли небольшой плацдарм (ошеломлённый дерзкими действиями воинов штурмовых отрядов, противник не успел взорвать мост). Однако основные силы бригады задержались с выходом на занятый плацдарм. Воспользовавшись этим, противник взорвал первый и последний пролёты 60-тонного моста, отрезав штурмовые группы от остальных сил бригады. Попытка форсировать р. Одер с ходу не удалась и 62 тбр с 17.00 24.01 заняла оборону на восточном берегу реки в районе н.п. Ибсдорф. Гитлеровцы бросили в этот район авиацию против танков.

Примерно в 7.10 – 7.15 25 января разведка доложила об обнаружении на дальних подступах больших групп самолётов противника, приближающихся с западного направления. В последующем было определено, что это группы бомбардировщиков Ю-87 (по 12 самолётов) в сопровождении истребителей Ме-109 на высотах 3000 – 4000 м, приближающихся с разных направлений. Примерно в 7.50 – 8.00 в зоне обнаружения батареи появились 10 Ю-87 на высоте 2700 3000 м, под прикрытием 6 Ме-109. Бомбардировщики стали перестраиваться в боевой порядок «Круг» и сбрасывать бомбы с пикирования под углами 40 – 50 градусов. На втором заходе, снижаясь до 1500 – 1700 м, они стали сбрасывать контейнеры с «прыгающими» минами (контейнеры раскрывались примерно на высоте 50 – 60 м). На третьем заходе самолёты снижались до высот 200 – 250 м и вели огонь из пулемётов и пушек по наземным целям. В конце налёта бомбардировщиков, который длился примерно 15 – 20 минут, в зоне огня появились истребители-штурмовики ФВ-190 (действуя парами). Они штурмовали огневые позиции артиллерии, понтонно-мостовые и инженерные части. Особенно яростной штурмовке подверглась батарея и вырвавшиеся вперёд танки, бронетранспортёры, а также войска, закрепившиеся на плацдармах. Одновременно в зоне огня батареи находилось до трех самолётов, действовавших с различных направлений, с разных высот, с применением противозенитного манёвра. От гула самолётов, рвавшихся «прыгающих» мин, орудийных и пулемётных очередей усложнилось голосовое управление огневыми средствами, и командиры орудий действовали в соответствии со складывающейся обстановкой. Встретив организованный и интенсивный огонь зенитных средств, особенно на подступах к ВРБ (вероятному рубежу бомбометания), у противника не выдерживали нервы, и зачастую летчики сходили с боевого курса и сбрасывали свой смертоносный груз не доходя до ВРБ или в стороне от намеченной к поражению цели. Если же огнём зенитчиков поражался или подбивался самолёт, противник, как правило, отказывался от выполнения задачи и позорно выходил из боя.

В этом бою мне пришлось столкнуться с ранее не встречавшимися случаями отказа в работе материальной части. От интенсивного огня по целям длинными очередями сильно разогревались стволы орудий, начала отказывать автоматика, снизилась кучность и точность стрельбы. Заметив замешательство во втором огневом взводе (врио командир взвода сержант Чайка Ю.), я поспешил на помощь. Орудийный расчёт спешно пытался заменить ствол, используя только специальный ключ, позабыв воспользоваться так называемой среди орудийных расчётов «прищепкой» (деревянными брусками, предохраняющими руки от ожогов). Оказалось, что вывести ствол из замка не так-то просто. Наброшенная на ствол мокрая телогрейка моментально «запарила», оба орудийных наводчика получили ожоги ладоней. Пришлось воспользоваться водой. Положившись на орудийных мастеров и санинструктора, я возвратился на БКП и продолжил управление боем. От разорвавшейся недалеко от БКП бомбы (весом порядка 50 80 кг) засыпало землей окоп радистов, в котором находились командир отделения связи и парторг полка капитан Рапопорт. К счастью, они получили только лёгкие ранения. Лёгкое осколочное ранение от «прыгающих» и прицельные получили рядовой Кривошеин и ефрейтор Шемухин.

Налёт воздушного противника был отбит. Сосредоточенным огнём первого и третьего огневых и зенитно-пулемётных взводов был сбит ФВ-190, подбит Ю-87, который задымился и, снижаясь, удалился в западном направлении. Прикрываемые подразделения 62 тбр существенных потерь от ударов с воздуха не понесли и продолжили выполнение боевой задачи.

Боевые действия батареи в районе Штейнау показали, что применение авиацией противника контейнеров с «прыгающими» минами по огневым позициям зенитных средств осуществлено впервые. В подобных ситуациях боевой порядок необходимо строить рассредоточенно. Кроме того, я пришёл к выводу, что необходимо совершенствовать навыки орудийных расчётов по замене стволов в условиях сложной боевой обстановки и иметь в составе возимого орудийного ЗИП-а дополнительно изготовленные приспособления для замены стволов «прищепки».

Неудача с форсированием Одера и захватом плацдарма в районе Штейнау 24 – 25 января вынудила командование 4-й ТА изменить решение в состав передового отряда10 тк была назначена 29 мсбр, которая должна была выдвинуться на новый рубеж форсирования в районе н.п. Кёбен (севернее Штейнау), где имели успех 16 и 17 мбр 6 мк.

В ночь на 26.01 29 мсбр форсированным маршем вышла в район Кёбен и силами штурмовых групп в первой половине дня 26.01 форсировала Одер и захватила плацдарм на западном берегу реки.

Батарея получила новую боевую задачу: к 6.00 26.01 занять новую ОП в районе Кёбен, прикрыть от ударов с воздуха передовые части 29 мсбр при форсировании и на захваченном плацдарме.

Первоначально со стороны наземного противника не было оказано существенного сопротивления, и передовые части бригады организованно вышли к участку форсирования. Батарея заняла временную ОП вдоль берега, огневые взводы имели линейный боевой порядок, размещая орудия в 30-50 м от уреза воды. Это обеспечивало наиболее выгодные условия для борьбы с наземным противником, активных действий которого следовало ожидать с утра 27.01, а также с воздушным противником, особенно с истребителями-штурмовиками, которые, как правило, действовали вдоль русла реки на малых высотах. Основные силы воздушного противника были направлены на авиаподдержку своих обороняющихся войск в полосе действий 16 и 17 мбр 6 мк.

С наведением понтонной переправы вместе с мотопехотой и танками на западный (господствующий) берег Одера переправились второй и третий взводы батареи и заняли боевой порядок на плацдарме у н. п. Кёбен. К утру 27.01 батарея в полном составе была готова к боевым действиям с воздушным и наземным противником.

Из полученной разведсводки стало известно, что в направлении н. п. Кёбен выдвигается большая группа пехоты с бронетранспортёрами и танками (впоследствии было установлено, что это были курсанты полицейской школы из Штейнау).

Примерно в 7.00 27.01 противник, поддерживаемый с воздуха, с ходу пытался атаковать подразделения 29 мсбр, закрепившейся на плацдарме, с целью сбросить их на противоположный берег. Это была «психическая атака». Завязался ожесточённый бой с воздушным и наземным противником. Приняв решение и поставив боевые задачи первому и второму взводу на сосредоточение огня по воздушному противнику, а третьему огневому и зенитно-пулеметному взводам по наземным целям, я убыл в район третьего взвода, который имел боевой порядок на возвышенном участке местности, вдоль лощины, откуда ожидался главный удар вражеской пехоты. Первый бой завязался с наземным противником, который с бешеными воплями и непрерывным автоматным огнём ринулся по лощине в сторону батареи. Первым открыл огонь зенитно-пулемётный взвод из установок ДШК, затем короткими очередями (3-5 выстрелов) в бой вступили артиллеристы-зенитчики.

Первые потери ошеломили противника, тем более что стрельба осколочно-фугасными снарядами по живой силе врага имела исключительный эффект и моральное воздействие. Фашисты стали панически разбегаться, попадая под автоматно-пулемётный огонь мотопехоты. «Психическая атака», не успев развернуться, захлебнулась. Подтянув силы примерно минут через 15-20, противник попытался возобновить атаку. Но и на этот раз огонь артиллеристов-зенитчиков прямой наводкой и пулемётчиков сорвал атаку, а подоспевшая мотопехота стала обходить противника с флангов и полностью завершила разгром фашистов, обеспечив закрепление главных сил бригады на захваченном плацдарме. Неорганизованный автоматно-пулемётный огонь при отсутствии артиллерийской поддержки и поддержки с воздуха не мог нанести значительного ущерба нашим войскам. Пулевые ранения, в основном касательные, получили два пулемётчика и три орудийных номера.

Противник оставил на поле боя порядка 150-160 человек убитыми (его потери нами не подсчитывались). Впоследствии нам стало известно, что атаковавшие фашисты были поголовно пьяными и не успели закрепиться на оборонительном рубеже.

В это же время первый и второй огневые взводы батареи вели борьбу с воздушным противником. В зону огня батареи входило 9 самолётов (все истребители-штурмовики), которые пытались разрушить наведённую понтонную переправу и задержать выдвижение на плацдарм главных сил 10 тк. Самолёты действовали с использованием только малых высот, в основном с западного направления. Бата-

рея вела огонь способом «по штурмовикам» и не допускала прицельного бомбометания. Понтонно-мостовая переправа была сохранена и обеспечила выдвижение главных сил армии на плацдармы. Огнём батареи был сбит ФВ-190, который упал в реку и взорвался. Огнём противника были повреждены один орудийный тягач «студебеккер», один «додж 3/4» и хозяйственный «форд-6».

Опыт показал, что одновременное ведение боя с воздушным и наземным противником является наиболее сложным видом боевых действий войсковых средств ПВО и наиболее часто применяемым в условиях высокоманёвренных действий прикрываемых войск.

Последующие наступательные операции, в которых принимала участие 4 гв. ТА (Нижнесилезская, Верхнесилезская, Берлинская и Пражская), подтвердили это. Внесённые коррективы в боевую выучку личного состава и подготовку материальной части позволили батарее успешно решать боевые задачи и завершить войну, имея на счету 11 сбитых и 6 подбитых самолётов противника.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Чердынцев Дмитрий Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Григорчук Александр Алексеевич

ФРОНТОВЫЕ ДОРОГИ

Я родился 14 января 1925 г. на Украине, в Житомирской области, Володарск-Волынском районе. По национальности украинец. Атеист. Член КПРФ. В партии с августа 1944 г.

В начале июня 1941 г., благополучно сдав вступительные экзамены, поступаю в Киевское военное училище связи. Но попал я туда случайно. Намеревался я поступать в Киевское танкотехническое училище имени Тимошенко, сдал документы, но меня даже не допустили до экзаменов, молод, сказали, погуляй годочек. Возвращаться домой мне ужасно не хотелось, но делать было нечего. Я сел в трамвай и поехал на вокзал. На одной из остановок в трамвай вошли два молодых лейтенанта, видно, только что выпустились из училища. Не знаю, что на меня нашло, но я подошёл к ним и рассказал о своей печали. Оказалось, что они выпускники училища связи. Выслушав меня, они, недолго думая, сказали: «Пошли с нами». И я пошёл. Привели меня к серому одноэтажному зданию, где располагались поступающие.

- Заходи туда. Там будет кровать с матрацем, а может, и без него, но ты всё равно ложись и отдыхай, – сказали они и ушли.

Я не знал, что делать. Может, это шутка, а может, и нет, но все же зашёл. В темноте на ощупь нашёл кровать и провалился в сон. Проснулся я только утром при команде «Подъём». Все ребята вскочили и стали строиться по группам. Они, видимо, уже знали, кто где

должен находиться, а я не знал, поэтому примкнул к первой попавшейся. Нас построили и повели на завтрак. После должен был начаться первый экзамен, а какой- я не знал, но пошёл вместе со всеми. Оказалось, что экзамен по математике. Я решил почти всё, кроме одной задачи. Кроме того, со мной рядом сидел молодой сержант, он служил в армии и приехал поступать. Я и ему помог с заданием. Во время перерыва я рассказал ему, как сюда попал и что не знаю, как себя вести и что делать. «Держись меня», – сказал сержант.

На следующий день было письменное сочинение по литературе. Я писал не очень грамотно, но сами сочинения у меня получались неплохо. А после была физика.

Примерно числа 13, а может, и 15 июня нас всех выстроили на плацу и стали объявлять фамилии для выхода из строя. Я тогда не знал, в чём дело, и думал, что не прошёл, так как из 120 человек вызвали только 13, среди которых был и я. Но оказалось, что это вызвали поступивших. Нас послали в строевую часть, где выдали проездные документы. Перед началом учёбы предоставили двухнедельный отпуск, и я поехал домой. Конечно, радости моей не было предела, и я ехал в великолепном настроении. Мне хотелось быстрей со всеми поделиться своей радостью. В этот же день я прибыл домой.

Отдохнуть я успел только одну неделю 22 июня началась война, и по домашнему адресу прибыла телеграмма: вызывали в училище.

Конечно, об учебе уже речи и не шло. Занимались мы в основном хозяйственными работами, и где-то через дней восемь, в конце июня, нас послали в командировку. Это было, конечно, огромное нарушение, так как мы ещё не приняли присягу. Ведь каждый военнослужащий в армии, да и курсант тоже через два месяца должны принимать военную присягу. А за это время необходимо изучить оружие, уставы.... В моём личном деле записано, что начало моей службы первое июля 1941 г. Тогда я официально стал курсантом. Но в условиях войны на это уже не обращали внимания.

Какая же была наша задача? Нас посадили по четыре человека в кузова грузовых машин ЗИС-5, наполненные оборудованием, закрытым тентами. Как мы узнали позже от руководителей группы, это имущество нужно было передать в одну из фронтовых частей в районе Броды Львовской области.

Маршрут нашего движения пролегал от Киева по Брест-Литовскому шоссе на Житомир, далее Бердичев и Старо-Константинов. По всему маршруту непрерывным потоком двигались машины с беженцами и всяким имуществом, а в воздухе кружили немецкие самолёты,

сея панику среди людей. Впервые, не зная оружия, я стрелял по самолётам, когда машины останавливались и мы отбегали от дороги.

Когда мы приехали в Старо-Константинов – это было в июне 1941 г., произошел один эпизод. С фронта бежали одиночки красноармейцы. Местные жители приносили им кто молоко, кто корку хлеба, кусок сала. Они берут это и дальше бегут. А на фронт шла организованно одна рота солдат.

Наши четыре машины остановились на площади в Старо-Константинове. Старшие группы (два лейтенанта, фамилии, их не помню), ушли узнавать обстановку, а мы остались в машинах в тревожном состоянии от увиденного за последние двое суток. Помню, подошёл к нам уставший сержант и начал говорить: «Что воевать, вокруг предательство. Сын Сталина с большой группой самолётов улетел в Берлин...» Говорил ещё что-то подобное. Это потом мы разобрались, что это был один из немецких лазутчиков, заброшенный в тыл, чтобы сеять панику.

Вскоре возвратились старшие и сообщили нам, что тот район, куда нам следовало прибыть, уже захвачен немцами, и наша группа двинулась обратно. Такую же ужасную картину, как и по дороге в Старо-Константинов, мы наблюдали и на обратном пути: пожары в населённых пунктах и городах, подбитую технику вдоль дороги и погибших людей, ужас на лицах беженцев. Наша колонна возвратилась почти в полном составе. Потеряли мы трех курсантов.

Последние две недели мы занимались хозяйственными работами: жгли архивы, отгружали в эшелоны имущество и технику. В середине июля одним из эшелонов выехал из Киева и я. Лишь в начале августа мы прибыли в город Красноярск, куда было переведено Киевское военное училище связи Красной армии. Закончил я училище в начале октября 1942 г. в звании «воентехник 2-го ранга». Наш взвод отправили в Москву в резерв ГУСКА (Главное управление связи Красной армии).

В начале января 1943 г. я получил назначение в 1063 зенитно-артиллерийский полк, который находился возле Рязани в Октябрьском городке, на должность радиотехника. В этом полку я находился всего полтора месяца. Начальник связи этого полка получил повышение-начальником связи дивизии, в которую входил этот полк, в город Ногинск. И я, видимо, ему понравился, потому что он, когда прибыл в штаб, попросил, чтобы меня перевели к нему помощником по радио. А заинтересовал я его благодаря одному случаю. Когда я приехал в часть, этот начальник связи очень обрадовался и сказал: «У нас

26 радиостанций, и ни одна не работает!» Он–то думал, что специалист по связи пришёл. А я ещё и плохо подготовлен был. У меня, кроме отвёртки, ничего не было. Пришёл я на склад. Стоит двадцать шесть этих радиостанций. Все молчат. И вот я думаю, что мне с ними делать, бедному,– первое крещение. Вытащил эти панели, начал смотреть и вижу, что такое? Ага! Задымление на одном сопротивлении. Потом заметил на другой радиостанции дросселёк подгоревший. И я подумал: в одной радиостанции сопротивление смещения сгорело, а в другой модуляционный дроссель. А давай я их перекину. В ту радиостанцию, где дроссель целый, сопротивление переставлю, а в другую, соответственно, дроссель. Для этого немного нужно, только паяльник. Так что я в течение где-то пяти-шести часов тринадцать радиостанций исправил. Пришёл начальник связи.

Как дела? спрашивает он меня.

– Вот, исправил 13 радиостанций.

Не может быть!

Начал включать эти радиостанции. Всё верно, настраиваются. И у него сложилось впечатление, что я очень хорошо подготовлен. Почему он и попросил перевести меня в штаб помощником связи по радио. Ну, меня тут же и откомандировали.

Когда я приехал в Ногинск, параллельно со мной в штаб дивизии прибыл один старший лейтенант, уже с фронта. Тоже на должность помощника по радио. Я говорю начальнику связи дивизии:

Он старше меня, опыта у него побольше. Пусть он будет помощником по связи!

Хорошо, говорит начальник связи. Но тебя я тоже не отпущу.

И назначает меня в другой полк начальником связи полка. Я был назначен начальником связи 797-го зенитно-артиллерийского полка 8-й зенитно-артиллерийской дивизии.

Где-то в конце февраля 1943 г. дивизия выехала на фронт, на Курско-Белгородскую дугу. Мы приехали на Обоянское направление и встали на огневые позиции. Таким образом, у меня в личном деле записано: начало боевых действий – февраль1943 г.

С марта по июнь мы стояли на огневых позициях, а в начале июля начинается Курско-Орловская битва.

Она для нас началась трагически. Немцы прорвали нашу оборону… Была такая большая плотность живой силы и техники, что орудие от орудия, ну, без преувеличения, стояло на расстоянии 50–70 метров – это по фронту. И в глубину метров, наверное, двести.

Нам помогло ещё и то, что Ставка Верховного Главнокомандования предвидела (по агентурным данным и т.п.), что немцы готовятся перейти в наступление. И наше командование упредило немцев. Более часа гремела артиллерия, и наши самолёты бомбили боевые порядки немцев. Но даже такая сильная подготовка не сломила их сопротивление. Немцы всё ещё имели огромные силы и прорвали первую и вторую линии обороны наших войск. И я наблюдал, как по склону двигалось множество немецких танков. Обстановка настолько была накалена, что считать их было уже некогда. Командир полка не решался снять полк с боевых порядков без приказа. И вот,помню, мой радист (я и фамилию запомнил), младший сержант Ройтман, вызывает по радио штаб дивизии, чтобы получить разрешение оставить огневые позиции. Не можем никак связаться! Помню, как командир полка стоит уже весь на взводе, с пистолетом в руке (как будто он ему поможет). А у этого бедного радиста руки трясутся, он уже не может говорить, заикается.... Нет связи, и всё! Так и не связались. И тогда командир полка сам принимает решение об отступлении. Но две передние батареи уже было бесполезно снимать. Немецкие танки подходили прямо к ним. А две тыльные батареи он [командир полка] снял, их начали вывозить в тыл. Я как начальник связи сматываю связь. Мои связисты идут катушки мотают, а я в машине с шофёром принимаю эти катушки. И вдруг летят немецкие самолёты. Это ужас, сколько их было! Это «Хенкели-111». Летят строем: один, потом два по бокам… Самолётов шестьдесят, наверное. А как раз в этом месте была пахота. Мы вышли из машины, отбежали, залегли. От страха закрыли глаза и уши. И я чувствовал, как рвутся эти бомбы: меня прямо поднимает этой волной. Открыл уши тишина. Потом глаза темно, как ночью! Думаю, что такое, неужели слепой? Протёр глаза, а это,оказывается, пыль такая поднялась от пахоты. Слышу стон. Ой! Это, наверное, шофёр. А он действительно метрах в пятнадцати-двадцати от меня корчится. Осколок перебил ему ногу. Что делать? Я оторвал у себя рукав, перевязал ему ногу выше колена, чтобы остановить кровотечение, а что дальше делать- не знаю. Машину-то я водить не умею. Я втащил его в кабину на своё место, а сам сел за руль. Он мне, стиснув зубы, говорит:

– Выжми сцепление... Включи скорость... Дави на газ…

К моему счастью, я завёл машину. Как-то так неумело включил скорость, да ещё не первую, а вторую или третью. Она как прыгнет, но не заглохла. Пошла, пошла... Я думаю, хоть подальше. Связисты мои бегут, вбрасывают в кабину катушки, кто успел смотать. Я ско-

мандовал, чтобы бросили всё и садились в машину. И вдруг впереди длинный такой пологий овраг, а у меня машина заглохла. Я подумал: «Тормозить не буду. Только бы не перевернуться». Нажимаю тихонько на тормоз. И мы тихо так, метров, наверное, триста, по этому оврагу спустились. Здесь стояла кухня нашего полка, а возле неё два шофёра, которые потеряли свои машины. Один из них сразу сел на моё место, и мы отступали восемнадцать или двадцать километров. Наша дивизия была в составе первой танковой армии, которой командовал генерал Катуков. Спасла нас 6-я танковая армия под командованием Ротмистрова. Её выдвинули вперёд, она поставила заслон и спасла 1-ю танковую армию от полного разгрома.

Через две недели мы пополнили потерянную материальную часть и личный состав. И армия пошла обратно тем же путём в наступление. Тут уже остановки не было. Мы проходили мимо знаменитого Прохоровского поля, где был тяжелейший танковый бой. С обеих сторон в бою участвовало восемьсот танков. Там такие были позы, что трудно передать! У одного танка пушка разорвана, у другого башню заклинило, гусеницы перебиты... Люди в разных положениях, как снопы, валяются. Страшно смотреть было!

Наступление армии развивалось в направлении станций Тамаровка, Богодухов, Ахтырка, города Сумы. Сумы немцы оставили, и уже двое суток город обороняли власовцы. Они такие были беспощадные. После двухдневных кровопролитных боёв была отдана команда никого в плен не брать. В Сумах мы стояли суток двое-трое. После пошли на город Ромны, оттуда на Пятихатки – это севернее Киева. И приблизились к Днепру. Это уже была середина октября 1943 года. На правом берегу Днепра был взят населённый пункт Лютеж и образован Лютежский плацдарм, на который были переброшены две наши батареи.

Бои на Лютежском плацдарме шли, наверное, недели две, потому что Киев был освобождён к шестому ноября.

Был у меня там один неприятный случай. Прервалась связь с двумя батареями на правом берегу. И мне командир полка приказал как начальнику связи обеспечить связь. А как радиостанции переправить на ту сторону? Наши только наведут переправу через Днепр, а немцы налетают и разбивают её. Правый берег крутой, виден был пригород Киева Приорка это северная окраина вдоль Днепра. Там немцы. Им всё видно с возвышенности. И когда стало вечереть, я нашёл лодку, взял две радиостанции с источниками питания и отправился на тот берег. Я никогда в жизни на лодке не плавал. Это хорошо, что осень – Днепр мелеет. Там появляются такие островки... А так, если бы река была

полноводной, то я бы тогда погиб. И даже при таком обмелении Днепра я перевернулся. Ну, думаю, всё! Я же в шинели, в сапогах. Просто не смогу выплыть. И тут на моё счастье под ногами почувствовал почву! Вылез я на этот островок и почти всю ночь мокрый просидел на нём. Это-то во второй половине октября. Бегал, бегал – жить-то хочется. Наступает утро. Что делать – не знаю. Немцы обстреливают наш берег, могут ведь и меня увидеть. И тут так получилось, что наши начали делать понтонную переправу через Днепр, а чтобы затруднить бомбометание, они пустили дымы. Ветер дым отнёс на правый берег и закрыл Приорку. Я стал махать руками, привлекая к себе внимание. Подплыли два пехотинца и забрали меня.

Когда я явился в часть, у меня уже температура была под сорок градусов, воспаление. Меня смогли откачать только благодаря тому, что молодой. Две недели я пролежал на лечении. За это время взяли Киев. От Киева мы пошли на Житомир. Подошли к городу, а нас обратно потеснили на Киев. Не дошли мы до Киева двадцать восемь километров – это населённый пункт Юрьев. Там остановили немцев. И уже опять в наступление мы на Житомир не пошли, а двинулись на Казатин. Армия настолько уже измоталась, потеряла много личного состава, техники, что под Казатином её вывели в тыл для пополнения и отдыха. А меня откомандировали в штаб фронта за новым назначением. Это был уже февраль 1944 года.

Прибыл я в штаб фронта, в город Славута. И там оказался знакомый капитан, мой бывший начальник штаба по предыдущему полку. Дали два дня отдыха. После вызывают меня в штаб и дают назначение начальником связи полка в

38-ю армию 37-ю дивизию 1412-й полка.

Подъезжая к полку, я встретил одну машину и спросил у сидевших в ней солдат, не знают ли они, где дислокация 37-й дивизии.

– О! Так мы с этой дивизии, – ответили мне.

А 1412-й полк?

– Мы будем его проезжать.

Ну, я подумал, что залезать в кабину не стоит, и встал на подножку. Одной рукой держусь, а в другой были личные вещи. И вдруг визг – летит немецкая мина. То ли шофёр немного перепугался, то ли выбоина под колесо попала, одним словом, я слетаю с этой подножки и ударяюсь головой о мостовую и теряю сознание. Они перепугались, что убили офицера. Я ведь тогда был в звании лейтенанта. Разворачивают машину, грузят меня и везут в госпиталь в Ровно. Очнулся я уже в кровати. Одна нога у меня была в гипсе, и страшно болела

голова – я получил сотрясение мозга. Получил я эту травму числа тринадцатого марта, лечился в госпитале до восьмого-девятого апреля. После излечения меня опять отправляют в этот полк. Я доехал до него. Зашёл в штаб, сдал документы. А начальник штаба и другие, кто там был, смотрят на меня – что-то они там заподозрили. Вид у меня какой-то нездоровый был. Вызвали врача, он посмотрел и говорит:

Да у него острая малярия.

Меня в машину и снова в госпиталь. Мне казалось, что второй раз меня поместили в тот же госпиталь, что и с контузией. Номер второго госпиталя я запомнил – 475-й эвакогоспиталь. Но когда мне уже позже понадобилась справка о том, что у меня была контузия, то мне присылали подтверждение только лишь о малярии, а контузии вроде как и не было. Я хотел в этом разобраться, а как найдёшь нужный госпиталь, когда в то время, я потом уже узнал, в Ровно было тридцать девять госпиталей. После войны я этим уже не занимался.

Когда я после малярии прибыл в штаб, то моё место оказалось занято. И меня опять отправляют в штаб фронта. Числа двадцать пятого апреля 1944 г. в штабе фронта я получил новое назначение – начальником связи 2007-го зенитно-артиллерийского полка, 68-й зенитно-артиллерийской дивизии, которая дислоцировалась в городе Залещики на реке Днестр. Я приезжаю туда, а командир полка говорит, что у них есть начальник связи. Ну что делать! Опять расстройство. Меня хотели уже откомандировать, но задержали. Оказалось, что в полках вводят офицеров разведки. Потом они начали называться начальниками разведки полков. Командир меня спрашивает:

Пойдёшь?

– Конечно, пойду, – отвечаю я.

И начал я служить в 2007-м зенитно-артиллерийском полку офицером разведки полка.

В середине июля 1944 года начинается Львовско-Сандомирская операция. Довольно успешно. Дивизия входит в состав 4-й гвардейской танковой армии, которой командовал генерал Лелюшенко Д. Д.

После взятия Львова наша армия движется на Вислу. Форсирует Вислу и захватывает Сандомирский плацдарм. Располагается на нём с середины сентября 1944 года. И лишь четырнадцатого января 1945 года армия пошла в наступление и участвовала в Висло-Одерской операции. Далее были Нижнесилезская операция, Верхнесилезская, Берлинская и последняя была Пражская операция. Семнадцатого марта.

1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР 68–я зенитно-артиллерийская дивизия переименована в 6-ю гвардейскую зенитно-артиллерийскую дивизию.

Боевые действия закончил 9 мая 1945 г. в Чехословакии под городом Кладно в составе 6-й гвардейской зенитно-артиллерийской дивизии, 434-го гвардейского зенитно-артиллерийского полка, в должности офицера разведки полка, в звании капитана. Находился я тогда под командованием командира полка подполковника Ашкерова Василия Павловича.

После окончания войны мы месяц находились в Чехословакии. С июня 1945 г. по июнь 1946 г. – в Венгрии в городах Кесег, Кажберг и Эстергом. С июня 1946 г. по июнь 1948 г. находились в составе оккупационных войск в Германии и дислоцировались в городах Бизенталь и Фюрстенвальде. В 1948 г. я уехал в Ленинград для поступления в Военную академию связи, которую окончил в сентябре 1953 г. в звании майора. Получил назначение на должность старшего преподавателя связи в Камышинское ракетное училище. С февраля 1962 г. по февраль 1963 г. работал начальником штаба космической части в посёлке Мирный на Камчатке. С марта 1963 г. по февраль 1967 г. – командир космической части в Грузии (35 км от Тбилиси).

Демобилизован в Москве 1 июля в 1968 г. из войсковой части 32103 с должности начальника лаборатории ионосферных и гелиофизических станций. С 1968 г. по 1985 г. работал инженером в Управлении связи по эксплуатации линейно-кабельных сооружений. После выхода на пенсию с 1985 г. и по сей день я являюсь ответственным секретарём Совета ветеранов 6-й гвардейской Львовско-Берлинской орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого зенитно-артиллерийской дивизии.

Награждён:

- Орден Красной Звезды(№1129340).
- Орден Отечественной войны II степени (№282706).
- Орден Отечественной войны II степени (№546508)
- Медаль «За боевые заслуги» (б/н).
- Орден Красной Звезды (№3434506).
- Медаль «За освобождение Праги» (№174201). Вручил командир 434-го гвардейского артиллерийского полка подполковник Пайс 1 апреля 1946 г.
- Орден Отечественной войны II степени (№25582123).

- Медаль «За взятие Берлина» (№019203). Вручил командир 434 гвардейского артиллерийского полка подполковник Пайс 29 октября 1945 г.
- Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945 гг.». Вручил командир 434 гвардейского артиллерийского полка подполковник Пайс 15 сентября 1945 г.
- 15 юбилейных медалей.

Статьи и книги об авторе воспоминаний

1. *В.П. Ашкеров.* В боевом заслоне под Берлином. Военно-исторический журнал. 1970. № 6 С. 61–64 .

2. *П. Пащенко.* Тревога. М.: Форум, 2000.

3. *В.П. Ашкеров.* Зенитные ракетные войска и зенитная артиллерия. М.: Изд-во ДОСААФ, 1968.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Окунский Роман Николаевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Давидович Михаил Ефимович

НАШ ФРОНТ НАЗЫВАЛСЯ СТЕПНЫМ

Я родился 28 апреля 1925 года, в Москве. До войны место, где я жил, было селом Алексеевским, Ростокинского района, улица Извилистая, дом 11 «а». Сейчас там находится Аллея космонавтов, ВВЦ.

Национальность моя – еврей. Как и все в то время, я был атеистом. И сейчас тоже. Состоял в партии с сентября 1944 года.

В 1941 году окончил 8 классов. Завершить среднее образование и поступить в вуз помешала война. Мечтал стать археологом, но авантюристические планы Гитлера порушили не только мои мечты, но и мечты многих миллионов людей.

Война для меня и моих друзей началась внезапно. В летний солнечный день я со своими друзьями сидел на стадионе «Динамо». Нам дали бесплатные билеты, на детский праздник «Мастера спорта детям», за то, что наша команда выиграла чемпионат по волейболу среди мальчиков. В 12 часов дня прервалось внутреннее вещание на стадионе и было объявлено, что выступает В. М. Молотов. В своём сообщении он сказал, что немцы вторглись на нашу землю без объявления войны.

Все бросились бежать со стадиона, люди были очень напуганы этим известием. Еще больший испуг был из-за аэродрома, который находился недалеко от стадиона. На этот аэродром прилетали немецкие пассажирские самолеты, и чтобы произвести посадку на нём, они разворачивались как раз над самым стадионом. Мне стало страшно, и я побежал домой.

На фронт я пошёл добровольцем. 12 января 1943 года был направлен курсантом в Новосибирское военно-пехотное училище. Начальни-

ком училища был генерал-майор Добровольский. Ему и его преподавателям была поставлена задача сделать из нас командиров взводов танковых пулеметов (пулеметов Мосина). На это ему был отведён один год.

Никаких командиров из нас не сделали, просто не успели. Однажды утром нас всех построили по тревоге, и генерал-майор Добровольский объявил, что училище преобразовано в дивизию. На этом учёба закончилась. Это произошло в июне месяце, мы отучились почти полгода. Командиром нашей дивизии был назначен начальник училища генерал-майор Доброволский. Весь преподавательский состав, а это были офицеры старшего звена, занял все остальные командующие должности, мы же стали обычными рядовыми солдатами. Училище стало 8-й гвардейской воздушно-десантной дивизией, которая вошла в 4-ю воздушную гвардейскую Красную Армию под командованием бывшего маршала Кулика.

На следующий день нас всех посадили в эшелоны. Путь был очень далеким. С севера нас везли на Украину. Сразу из поезда сели в машины – и на передовую. На месте были в июле 1943. Наш фронт назывался Степным. Он находился на Украине, район Котельва, на подступах к Полтаве. Перед рекой Ворскла мы заняли оборонительную позицию. Я был удостоен звания сержанта и командовал отделением.

21 сентября 1943 года в селении Великий Будище было наше контрнаступление. В тот день, в рукопашном бою я был тяжело ранен. Я был готов ударить своей винтовкой немца, как вдруг ощутил адскую боль. Я не чувствовал своей правой кисти, и ужасно болело левое плечо. В меня попало сразу две пули. Одна – разрывная – попала в кисть и разорвалась. Моя ладонь представляла собой один большой кусок мяса. Это выглядело просто ужасно. Вторая пуля пробила плечо, она влетела и вылетела. Если бы эти пули перепутались, то есть та, которая пробила плечо, попала в руку, и наоборот, то я бы сразу попал на тот свет. Этого не произошло. Меня положили в госпиталь. Там пролежал с 21 сентября 1943 по 5 декабря 1943 года. Чуть не лишился своей кисти, но нашёлся хороший врач. Он что-то делал, и кисть осталась со мной.

После того, как меня выписали, я был направлен в 25-й танковый корпус 111-й танковой бригады, в которой провоевал до окончания войны. Командиром корпуса был генерал-майор Фоминых. Командиром 111-й танковой бригады назначили полковника Грановского. Полное название нашей бригады было: 111-я танковая Новоград-Волынская краснознамённая орденов Суворова 2-й степени и Богдана Хмельницкого бригада. Такое длинное название мы получили за наши подвиги. В том числе и за взятие Новоград-Волынска 31 декабря – 2 января. Далее наш путь проходил через города: Дубно, Ровно, Немиров, Глогау,

Котбус, Остров, Хомутов, Бжезянка. После взятия города Кельцы – узла обороны немцев сам главнокомандующий И. В. Сталин объявил благодарность. И в честь этой победы в Москве был салют. Воевали и в Берлине. Наш полк подошёл к нему с юга, раньше, чем Белорусский. А самый запомнившийся эпизод был очень интересный.

В те дни широкую известность получил подвиг заместителя командира 1-й танковой роты по технической части, ветерана 162-й танковой бригады техника-лейтенанта Гусельцева. Будучи раненным, он возглавил бой с противником, укрывшимся в бетонированных сооружениях. Успешному решению боевой задачи способствовала применённая командиром смекалка. Имитировав атаку с фронта, танкисты под прикрытием дымовой завесы зашли с флангов и меткими выстрелами вынудили врага сдаться. В этом бою танкистам помогали мотострелки под моим командованием.

Войну я закончил 12 мая 1945 года, в звании сержанта.

Был награжден:

- орденом Отечественной войны 1-й степени,
- орденом Красной Звезды,
- медалью «За боевые заслуги»
- медалями «За взятие Праги», «За взятие Берлина».

После окончания войны остался служить в армии, в Ораниенбурге, ГДР. Прослужил там до 1950 года.

В 1951 году демобилизовался, приехал в Москву. Почти сразу поступил в Московский институт инженеров транспорта на заочное отделение, факультет путестроительства. Параллельно с учёбой работал строймастером. Окончил институт. С 1957 года работал в центральных мастерских «спецдеталь». Проработал там три года. Потом получил повышение. Стал заместителем директора Московского энергомеханического завода ЦЭ МПС.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Орешенков Михаил Викторович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Дементьев Василий Дмитриевич

О МОСКОВСКОЙ БИТВЕ

Родился я 15 июля 1917 г. в поселке Александровка Кустанайского района Кустанайской области Казахской ССР. Русский. Православный. Член КПСС с декабря 1941 г.

До войны окончил в 1934 г. 7 классов школы, в 1938 г. Свердловский эксплуатационно-электротехнический техникум железнодорожного транспорта.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. мне пришлось участвовать в Московской битве, Погорело-Городищенской операции (с 23.07 по 5.09 1942 г.), в боях под Сычевкой (декабрь 1942 г.), в освобождении Вязьмы (март 1943 г.), в Курской битве, в Проскуровско-Черновицкой (март-апрель 1944 г.) и Висло-Одерской (январь-март 1945 г.) операциях, Берлинской битве и освобождении Праги (ЧССР).

Во всех этих операциях было нелегко, но больше всего пришлось пережить лишений в Московской битве.

О начале войны я узнал вечером 22 июня 1941 г. Я служил в 82-й мотострелковой дивизии, которая после боев на Халхин-Голе в 1939 г. дислоцировалась в городе Баин-Тумен (ныне Чойболсан) Монгольской народной республики. С 6 по 23 октября 1941 г. по приказу Государственного Комитета обороны по железной дороге дивизия была переброшена в город Загорск (ныне Сергиев Посад) в распоряжение командующего Западным фронтом. 25 октября 82-я мотострелковая дивизия

была передана в 5-ю армию и в ночь на 26 октября 1941 г. своим ходом прибыла на 74-й км Минского и Можайского шоссе, где в 9.00 была остановлена и с ходу вступила в бой с частями 7-й Мюнхенской дивизии СС, шедшей на Москву из Можайска. В то время я был в звании «сержант» и командовал расчетом 45 мм противотанкового орудия взвода ПТО мотострелкового батальона 601-го Краснознаменного мотострелкового полка под командованием майора Ширяева, участника боев на Халхин-Голе, награжденного орденом Красного Знамени.

В этом полку я служил до 24 апреля 1942 г. и последовательно занимал должности: командир орудия 45 мм, командир разведвзода полка, командир стрелковой роты, командир батареи 45 мм пушек, комсорг полка, затем перевели служить в штаб дивизии.

Первичное офицерское звание «младший лейтенант» мне присвоено 16 февраля 1942 г., а в октябре этого же года я стал капитаном.

На Минском шоссе дивизия воевала до мая 1943 года. В июне 1943 г. на базе 5-й гвардейской Краснознаменной (бывшей 82-й) мотострелковой дивизии был сформирован 6-й гвардейский механизированный корпус, который вошел в состав формирующейся под Москвой 4-ой танковой армии. В её составе корпус прошел с боями более 2200 километров. За это время я участвовал во всех вышеперечисленных операциях и закончил войну в Праге 9 мая 1945 г. в звании «майор», в должности заместителя командира – начальника политотдела – танковой бригады.

Почему я считаю, что особо тяжелыми для меня (да, видимо, и для других участников Великой Отечественной войны) были бои в Подмосковье.

Во-первых, тяжело было в моральном отношении. Красная Армия отступала. Гитлеровцы успешно продвигались в глубь нашей страны и подходили к столице Родины.

Впереди частей дивизии на Минском и Можайском шоссе никаких войск не было. Мы встречали измученных боями бойцов и командиров, которые пробивались к своим из окружения под Вязьмой и из войск, оборонявшихся на Бородинском поле. Они много говорили нам о превосходстве гитлеровских войск и беспорядке в рядах советского командования.

Во-вторых, противник имел явное преимущество в танках и авиации. Его самолеты бомбили нас по несколько раз в день, а нашей авиации мы почти не видели. В дивизии танков было несколько штук (в разведбатальоне и при штабе дивизии), да и те были старых образцов. Приданные дивизии две танковые бригады(18-я и 20-я) имели в

общем количестве 5 танков: 1 танк КВ и 4 танка Т-34-76. Остальные танки бригады потеряли в боях на Бородинском поле.

В-третьих, поскольку заводы и фабрики, эвакуированные с запада на восток страны, еще не успели развернуться на полную мощность, мы испытывали затруднения с боеприпасами. Например, в ноябре 1941 г. мне на орудие командир батальона установил лимит – 4-5 снарядов в сутки. При этом говорил: «Стрелять будешь лишь по моему приказу!»

В-четвертых, уже в ноябре под Москвой начались холода. В декабре 1941 – январе 1942 гг. ночами мороз достигал 35 и более градусов, много было снега. Обогреться было негде. При наступлении шли по полю (по лесу). Дороги были сильно заминированы. Артиллерия отставала от пехоты, машины ждали, когда саперы снимут вражеские мины. Горячее питание доставлялось с перебоями. Усталость валила наступающих с ног. Спать приходилось на ходу, а на привалах – на снегу, прикрываясь от ветра копониром из снега.

И несмотря на такие условия бойцы и командиры боевые приказы выполняли точно.

Нас, воинов 82-й мотострелковой дивизии, вдохновляли успешные боевые действия в первые дни наступления (с 26 по 31 октября) и последующие действия в обороне и наступлении.

Так, утром 26 октября, вступив в бой сходу, мы не только остановили части 7-ой Мюнхенской дивизии СС, но и отбросили их на 14 км назад. Освободили к исходу дня 12 населенных пунктов и ворвались на восточную окраину поселка Дорохово, где успешно отражали контратаки фашистов.

Мне – сержанту – командиру противотанкового орудия особенно запомнился бой 27 октября 1941 г.

Полк в ночь на 27 октября отошел из Дорохово и занял оборону на опушке леса восточнее этого поселка. Утром, около 9 часов, немцы начали артиллерийско-минометный обстрел наших позиций, а затем и наступление. Впереди на фронте 300-400 метров шло 18 танков, за ними, как на параде, появились 3 шеренги по 80-100 солдат в каждой. Расстояние между шеренгами 30-50 метров. Солдаты первой шеренги вели бесприцельный массированный огонь из автоматов и ручных пулеметов по нашему переднему краю.

С нашей стороны открыли огонь артиллеристы, минометчики и стрелки. Но немцы приближались. И вдруг с нашего правого фланга во фланг первой шеренге врага застрочил станковой пулемет. В стане противника сразу же нарушился строй. Одни солдаты падали, другие продолжали идти вперед, а третьи – бежать или ползти назад. Наш

пулеметчик, разделавшись с первой шеренгой, перенес огонь на вторую, затем третью шеренгу врага.

В этом бою, продолжавшемся на участке обороны 1-го батальона полка не менее 4-х часов, 7 немецких танков было сожжено перед нашим передним краем, 6 танков прошли наши окопы, но были уничтожены в глубине нашей обороны, а остальные 5 танков сумели отойти в Дорохово. Было убито более 250 солдат и офицеров врага. В этом бою расчет нашего орудия поджег один танк Т-3 и вместе с другим орудием такого же калибра сбил гусеницы с еще одного немецкого танка. Экипажи этих 2-х танков покинули свои машины, но были уничтожены огнем наших пехотинцев.

На следующий день редакция дивизионной газеты «За Родину» выпустила листовку, где сообщалось, что пулеметный расчет в составе сержанта М. Петренко и рядового К. Заикина уничтожил более 200 фашистов. А вскоре весь полк знал о героях боя. Оказывается, наш командир батальона Петров предположил, что немцы с утра 27 октября будут наступать, определил пулеметному расчету сержанта Петренко позицию на правом фланге обороны батальона несколько впереди окопов первой линии и поставил задачу: «в случае наступления немцев с танками, танки пропустить и бить пехоту врага во фланг». И не ошибся. Комбат – участник боев с японскими захватчиками на реке Халхин-Гол, награжденный орденом Красного Знамени.

14 января 1942 г. воины дивизии освободили Дорохово. Мы увидели много могил фашистов, а жители поселка нам говорили, что здесь, под каждым березовым крестом, по приказу немецких начальников они захоронили 3-5 немецких солдат и офицеров, всего не менее 330 вояк Вермахта. Много вы их уничтожили 27 октября 1941 г.

Уже через 5 дней после вступления дивизии в бой, Военный Совет 5-й армии в своем приказе № 03 от 31 октября 1941 г. объявил благодарность всему личному составу 82-ой мотострелковой дивизии и призвал все войска армии брать пример с этого соединения.

Очень тяжелым для дивизии был день 2 ноября 1941 г., когда по Минскому и Можайскому шоссе немцы пытались прорваться к Москве силами дивизии 40-го мотокорпуса. Здесь запомнился бой у деревни Копань (84-й километр Можайского шоссе), где оборонялся 210-ый мотострелковый полк с приданными частями и подразделениями. Бой с танками и пехотой противника продолжался весь день. Воины полка уничтожили более 40 танков противника, десятки орудий и минометов, не менее 600 солдат и офицеров врага. Немцы не смогли прорвать нашу оборону, хотя полк понес большие потери. Погибли

командир полка, полковник Н.Н. Соловьев, комиссар полка батальонный комиссар Белявский, многие офицеры (в том числе и штаба полка), свыше 200 рядовых и сержантов.

Воины полка показали величайшую стойкость. Особенно запомнился такой случай. Утром 2 ноября на командный пункт полка, что располагался на небольшой возвышенности в центре обороны полка, повар и хлеборез принесли завтрак. И не успели офицеры и солдаты командного пункта покушать, фашисты начали наступление. Командир полка дал команду: «Всем занять оборону, быстро взять гранаты, бутылки с зажигательной смесью и оружие!». Заняли оборону и пришедшие с завтраком повар и хлеборез. Через некоторое время в направлении командного пункта прорвались 7 немецких танков. И надо же было так случиться, что именно на ячейку хлебореза рядового Поповского, двигаясь один за другим, направились танки.

Поповский не растерялся. Подпустив на близкое расстояние, он поджег первый (головной) танк, затем вышедший вперед второй, замахнулся бросить бутылку «КС» в третий, но пулей или осколком снаряда бутылка в руках солдата была разбита, жидкость из нее вылилась на Поповского, и он вспыхнул, как факел. Товарищи потушили огонь, уложили сильно обгоревшего бойца на плащ-палатку и по приказу командира понесли его на медицинский пункт полка. По дороге их встретил командир саперного батальона дивизии капитан Пивоваров Е.И. и доставил пострадавшего в медсанбат дивизии. К сожалению, судьба этого героя осталась неизвестной. В списках эвакуированных из медсанбата в госпиталь Поповского мы не нашли, и в числе умерших в этом медицинском учреждении он тоже не значился

До 10 ноября дивизия вела ожесточенные бои. Затем, после очень короткого относительного затишья, с 15 ноября последовало второе «генеральное наступление» на Москву фашистских войск. И на участке обороны дивизии тоже начались бои, которые в это время шли и днем и ночью. Воины 82-й мотострелковой дивизии неоднократно переходили в контратаки.

За ноябрь 1941 г. только на участке 210-го мотострелкового полка было уничтожено 95 танков и бронетранспортеров врага (ЦАМО СССР, ф.610, оп. 496841, д.1, л.51), а 601-й краснознаменный мотострелковый полк под командованием полковника Берестова П.П. истребил до 1500 гитлеровцев (ЦАМО СССР, ф.326, оп. 5064, д.13, л.350).

18–20 ноября у деревни Труфановка отличились 36 воинов 210-го мотострелкового полка под командованием старшего лейтенанта Г. Волкова. Охраняя фланг своей части, они двое суток отражали атаки во

много раз превосходящего по силам противника. Ими было уничтожено больше батальона гитлеровцев и 4 танка. В неравном бою пали смертью храбрых 30 воинов, в том числе, старший лейтенант Волков, сержанты Мекоткин и Кириченко, младший сержант Ершов, рядовые Поляков, Колесов, Михайлов и другие, но не пропустили врага..

Начало декабря (особенно с 1-го по 4-е) ознаменовалось новыми ожесточенными боями. Убедившись в крепости обороны на Минском и Можайском шоссе, фашисты предприняли наступление с севера и юга. 2 3 декабря противник бросил по шоссе из Нарофоминска на Кубинку (где у нас был штаб дивизии) более 40 танков с пехотой. Наши части совместно с подразделениями 32-й стрелковой дивизии, при поддержке артиллерии 5-й армии, наступление пехоты и танков противника отразили. Только за эти 2 дня боев дивизией во взаимодействии с другими частями 5-й армии было уничтожено 40 танков, до 60 автомашин и батальона пехоты (1 ЦАМО СССР, ф.82-й мсд, оп. 218510, д.1, л.23). Путь врагу на столицу был прочно закрыт. Ныне там, на 73-м километре Минского шоссе, в память о мужестве и бесстрашии защитников рубежа стоит памятник воинам 5-й армии – знаменитая «тридцатьчетверка».

1–2 декабря большая часть подразделений 601-го мотострелкового полка была срочно переброшена в район г. Звенигород, где немцы и финны теснили части 144-й стрелковой дивизии. Совместными усилиями противник был обескровлен и отброшен на исходные позиции, оборона наших войск восстановлена. Наши подразделения 3-го декабря вернулись на Минское шоссе.

В этих боях, будучи командиром разведвзвода полка, я был свидетелем многих умелых действий своих однополчан. Приведу лишь один пример.

Младший сержант Бузин Павел Тимофеевич начальник счетверенной зенитно-пулеметной установки роты ПВО полка, 1920 года рождения, комсомолец, уроженец Горьковской области, 1 декабря в боях у деревни Козьмино (под Звенигородом) в течение дня выдвигался со своей машиной на левый фланг второго батальона 601-го мотострелкового полка и огнем своей установки во фланг наступающим немцам уничтожил не менее 150 человек.

Он же 2 декабря у деревни Синьково несколько раз выезжал на отражение атак фашистов и уничтожил свыше 100 немецких солдат и офицеров

Своим расчетом Бузин в ноябре 1941 г. сбил самолет врага. К сожалению, Бузин и его расчет, как и сотни других наших воинов, за свои

действия не были отмечены правительственными наградами. Да и вряд ли кто из фронтовиков в то время думал о наградах. Все помыслы защитников Москвы были о том, чтобы разбить врага, внести больший вклад в дело победы. Даже умирая, воины сожалели о том, что сделали мало для победы, что могли бы еще вогнать в могилу несколько гитлеровцев.

6 декабря 1941 г. войска правого и левого флангов Западного фронта перешли в контрнаступление, а 82-я мотострелковая дивизия двумя полками с 7 декабря 1941 г. по 9 января 1942 г. держала на Минском и Можайском шоссе активную оборону, вела разведку боем и готовилась к решительному наступлению, которое для нас (для дивизии) началось 10 января.

За это время взвод разведки днем с переднего края (2-3 разведчика) вел наблюдение за противником, а ночью ходил в его тыл брать «языка», или разведать огневые позиции артиллерии, место расположения штабов, тыла и т. п. Или участвовал в «разведке боем».

В декабре 1941 г. взвод захватил и доставил в штаб полка двух немецких солдат, нанес на карту расположения двух минометных и трех артиллерийских батарей, установил место штаба полка. Все эти цели были затем уничтожены или подавлены огнем нашей артиллерии. Мы за этот месяц потеряли 12 разведчиков. Из них разведчик Крымских в тылу врага был окружен немцами, гранатой подорвал себя и уничтожил 6 гитлеровцев. О чем нам сообщили пленные немцы в январе 1942 г.

Прорвав оборону противника, части и подразделения дивизии уже в начале наступления применяли обход, обхват, удар во фланг и тыл противника, нанося ему неожиданный удар.

14 января дивизия освободила Дорохово. Затем совместно с 60-й стрелковой бригадой 20 января был освобожден город Можайск, который немецкое командование считало неприступной крепостью. Двое суток шел бой за город. Куда мы ворвались 20 января в 3-4 часа утра. Каждая рота (а я перед наступлением на Можайск был командиром стрелковой роты) имела красный флаг, который должна была водрузить на здание Горсовета. Однако первым нашел здание Горсовета парторг 601-го Краснознаменного мотострелкового полка политрук Колтунов Климентий Данилович и с помощью солдат водрузил Красное Знамя на это здание.

После освобождения Можайска дивизия за трое суток освободила 77 населенных пунктов, выполнив при этом сложную и почетную задачу - разгромила противника в районе исторического Бородино, не дала повредить памятники русской воинской Славы.

Освободив Бородино, части дивизии продолжали наступление до подступов к городу Гжатск (ныне Гагарин) и до 24 апреля 1942 г. занимали активную оборону на рубеже 142-146 км Минского шоссе.

За стойкость в обороне Москвы в тяжелых и сложных зимних условиях, за успешное наступление на Можайском направлении 82-я стрелковая дивизия 18 ноября 1942 г. приказом Министра Обороны была преобразована в 3-ю гвардейскую мотострелковую дивизию и награждена была орденом Красного Знамени.

Бывший командующий Западным фронтом Г.К. Жуков дал высокую оценку действиям 82-й (3-й гвардейской Краснознаменной) мотострелковой дивизии. В своей книге «Воспоминания и размышления» он писал: «Эта дивизия в первом периоде Отечественной войны исключительно упорно дралась на можайском направлении».

После окончания войны вместе с 4-й гвардейской танковой армией я был передислоцирован в Венгрию, а с июня 1946 года в группу советских войск в Германию, откуда поступил в Военно-политическую академию, которую закончил в 1952 году.

До 1961 года я служил в войсках, затем был преподавателем, доцентом, профессором Военно-политической академии. В декабре 1973 г. уволен из рядов Советской армии и с этого времени до октября 1992 г. был доцентом, профессором кафедры истории СССР советского периода и одновременно деканом факультета Московского Государственного историко-архивного института.

Награжден:

- медалью «За отвагу» (№104539 в феврале 1942 г. за участие в освобождении г. Можайска);
- орденом Красной звезды (№270280 в августе 1943 г. за освобождение г. Болхов (Курской области);
- орденом Отечественной войны I степени (№501320 за освобождения г. Каменец-Пододьский);
- орденом Красной Звезды (№385289 в июне 1945 г. за берлинскую операцию);
- медалью «За боевые заслуги» за выслугу лет;
- орденом Почета в 1995 г. за активную работу по патриотическому воспитанию молодежи Москвы;
- орденом ЧССР «Военный Крест 1939 г.» в июне 1945 г. за освобождение Праги;
- орденом Отечественной войны II степени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г.;
- всего 40 наград.

28 октября 1941 г. я был легко ранен при освобождении деревни Хомяки Можайского района.

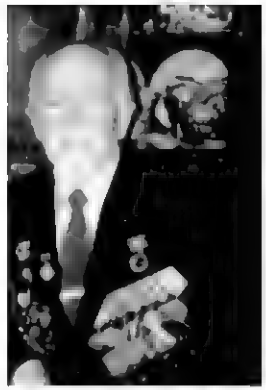
22 февраля 1943 г. тяжело контужен при наступлении на Вязьму.

Мною написаны 2 монографии, 16 брошюр, статьи в военной энциклопедии, главы в 8 учебниках – всего 52 труда общим объемом 146 печатных листов.

Имею почетные звания: «Почетный гражданин города Можайск» и «Почетный гражданин города Каменец-Подольский».

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Соколова Надежда Андреевна***, студент 5 факультета Московского авиационного института



Дементьев Юрий Викторович

БОИ ЗА ВЗЯТИЕ БЕРЛИНА

Я родился 22 октября 1925 года в г. Красноуфимске Свердловской области.

В 1935 г. в связи с переводом отца по работе семья переехала в г. Свердловск, где я продолжил учебу в школе.

В 1941 г. после окончания 8 класса мы, группа учащихся, совершили туристический поход по азимуту с мыса Гамаюнь на Верхисетском пруду до станции Северка. Поход был недельным, и мы возвращались домой 21 июня 1941 г.

Что нас удивило в то раннее утро – это то, что один за одним проходили мимо станции эшелоны с красноармейцами и военной техникой, даже электричка прибыла на станцию с опозданием.

Возвратившись домой в Свердловск часов в 8 утра, я усталым лег спать. Родители предложили мне пойти в зоопарк, они повели туда двух моих сестренок, но я из-за усталости отказался.

В 12 часов дня сигналы радио из репродуктора меня разбудили, и я с тревогой стал слушать сообщение В.М. Молотова о нападении Германии на Советский Союз без объявления войны. Дрожь прокатилась по телу. Все кругом сразу посуровело, красивый солнечный день потемнел в моих глазах

Это событие сразу отразилось тревогой на лицах уральцев. В те дни появились очереди в магазинах за хлебом, за продовольствием. На Урал спешили эшелоны с эвакуированными заводами и фабрика-

ми с запада страны. Уплотняли семьи, куда размещали эвакуированных. Многие школы, здания техникумов занимались госпиталями, или на их территории размещались эвакуированные заводы.

Для общей картины 1941 года следует сказать, что и природа вела себя необычно. Ранняя осень, снег на Урале в Свердловской области выпал 20 сентября, а обычно он появлялся в конце октября. Нас, старшеклассников, послали в колхозы, по деревням, в частности я был в Красноуфимском районе Свердловской области. Задание было, косить из-под снега овес. Конечно, результата от нас не было он был неудачным, хотя мы и старались.

До этого никто из нас, городских учащихся, не держал в руках косу, а косить овес, да еще из-под снега, полегший, нам было не под силу, а подсказать, как это делать, никого не было, т.к. деревенских мужчин уже не было, их призвали на войну и деревни Урала очень опустели.

В общем, мы что-то старались сделать, но результат был плачевный, т.к. ноги промокали, и мы просто простывали, учитывая нашу скудную одеженку. Каждый из тех, кто сейчас жив, знает, что и Москва вся была закутана в снежное одеяло, и парад на Красной площади проходил, когда шел снег, и наступали сильные морозы до 25, что было не поплечу немцам, да, но и нам от морозов тоже доставалось.

Еще для полной картины тех лет мне хочется сказать, что 1942 год был очень голодным годом, горожане страдали от недоедания и собирали у себя все, что можно обменять в деревне на картошку. Так, на пригородных поездах ехали в районы области и меняли все, что осталось от былой роскоши, на ведро картошки, которая спасала нас от голодной смерти. Поездки были очень утомительны, т. к. приходилось бродить в деревне от дома к дому, предлагать свой товар,радоваться, когда этот товар у тебя принимался. Очень хорошо обменивались спички, мыло и соль. Но вставал вопрос, где все это взять. Вот так доставалось голодным, измученным людям ведро картошки, чтобы пережить эту страшную пору зимы 1942 г.

Так, сознание понимало, что надо помогать Родине, и обстоятельства требовали, что нужно оставить школу и идти работать на завод. И это я сделал 1 декабря я был принят на завод 474 учеником токаря. Постепенно стало очень голодно, чувствовалась нехватка хлеба и продовольствия. На заводе были выданы карточки в столовую, но обеды были не – калорийные, и через час хотелось снова есть. Карточки на продовольствие были введены по всей стране.

Трудились много, не думая о себе, все время отдавалось работе и сну тревожному. Вставали очень рано и бежали на работу к станку,

стараясь выполнить порученную тебе норму. Особенно трудным был 1942 год.

В конце года по постановлению правительства стал формироваться Уральский добровольческий танковый корпус, куда я и подал заявление с просьбой зачислить меня добровольцем. В 1943 г. в марте месяце сформировались Свердловская, Молотовская и Челябинская танковые бригады. Танки, оружие и обмундирование, в общем все, что необходимо для воинской части, было создано уральцами в неурочное время, и бойцами этих бригад были рабочие и крестьяне Урала. Кагановический Райвоенкомат г. Свердловска счел нужным меня, как комсомольца, учащегося 9 класса, послать на курсы в г. Ульяновск, куда я прибыл в конце мая или начале июня 1943 г.

Курсы, которые назывались Специальные курсы усовершенствования офицерского состава шифровально-штабной службы Красной армии (СКУОСШШСКА), я окончил через 7 месяцев, получив звание – младший лейтенант.

Когда я учился в Ульяновском училище, нас, курсантов, осенью 1943 г. послали в Ульяновскую область помочь убрать урожай. Мы копали картофель, срубали на грядках кочаны капусты, а часть курсантов убирали хлеба. Меня посадили на сенокосилку, в которую впряжены две лошади, и послали косить пшеницу. Мне показали, как нужно обращаться с этим агрегатом, и я пошел косить на поле. Дело шло хорошо, и было приятно, что поле становится все меньше. Но вот лошади устали и приостановились, я дал им отдохнуть, а затем, стегнув правую и левую лошадь, решил снова начать косить пшеницу. Я стегнул кнутом правую, а затем левую лошадь, но получилось так, что правая лошадь не пошла, а левая двинулась с места, и зубцы сенокосилки врезались в ноги правой лошади, по сути дела перерезав ей задние ноги.

Лошадь упала, я испугался, растерялся и побежал в сельсовет, одновременно полагая, что меня теперь сошлют в штрафной батальон или роту. На душе было очень горько. В сельсовете как-то к этому моему горю отнеслись спокойно и, прихватив лошадь с телегой, пошли за мной. Раненную лошадь отстегнули и завалили на телегу, крепко привязав ее. Мне велели сесть и одному ехать с лошадью в Ульяновск в ветеринарную лечебницу, чтобы зафиксировать сей факт. Я всю дорогу чувствовал всю свою вину и вину хозяев, что они мне не сказали, что так может случиться. Я бы подобного не допустил. Уже к вечеру, измученный подобным истязанием, я вернулся в колхоз. Колхозники были почему-то очень довольны моему возвращению.

Я был удивлен их поведением, и только позже осенило меня: они заколют лошадь , и каждому достанется какое-то количество мяса в се-

мью в то голодное время, поэтому руководству курсов об этом случае доложено не было, но для меня этот урок остался на всю жизнь.

Я и по сей день вижу перед собой эти глаза со слезинкой и слышу этот стон в дороге. Этого, конечно же, не должно было быть, может быть, мне умышленно не подсказали, что пока правая лошадь не пойдет – левую не трогай.

Эх, молодость-молодость!

8 января 1944 г. я был направлен в Генштаб КА, откуда меня распределили на 1-й Украинский фронт и направили в штаб фронта на Украину в м. Андрюшевка.

В первых числах февраля 1944г. я с группой офицеров был в Киеве. Моросил мелкий, холодный дождь, шинель моя промокла, было не по себе – замерз. Вокзал был разбит, и я решил заскочить в вагон, в эшелон с ранеными, стоявший на путях станции, вместе с товарищем по курсам Вайсманом.

Состав состоял из закрытых товарных вагонов, в которых были размещены раненые, в середине эшелона находился зеленый пассажирский вагон с медицинским персоналом. Его, видимо, было недостаточно, чтобы обслуживать такой большой эшелон раненых, в каждом вагоне были двойные нары и размещалось несколько десятков раненых фронтовиков.

Первая попытка и мы в вагоне, но там было так душно, и такой стоял запах от гниющих ран, что мы выскочили из вагона, но, подумав, что это неправильно с нашей стороны, вновь залезли, туда к пышущей жаром буржуйке. Раненые на нас внимательно смотрели, все лежали в два яруса.

Придя в себя, я стал общаться с бойцами и спел для них несколько песен, что нас очень сблизило, и посыпалась масса советов, как вести себя на фронте, а затем многие с нескрываемой радостью показывали свои давно не перебинтованные раны и говорили, что в них завелись черви, а это значит, что гангрены не будет и их руки и ноги будут целы.

Я не скажу, что это было страшно слушать и видеть, просто вызвало большое удивление у нас, ведь такого никогда не приходилось слышать или читать в книгах. Расстались мы очень тепло, наши шинели высохли, и мы ушли. Вначале на машине, а затем пешком мимо минных полей мы добрались до штаба фронта, где оказались в приемной 8-го управления фронта, расположившись на полу вдоль стен, и сразу же глаза сомкнулись. Когда меня вызвали, я вскочил с пола и сразу же упал, вновь вскочил и снова упал, так сильно я отлежал ноги.

Наконец, все уладилось, меня представили майору, который с интересом меня рассматривал, видимо, удивляясь моему юному возрасту и тому, что одет я был в старое обмундирование с заплатами, которое было выдано в училище. Старшина наш считал, что на фронте выдадут новое.

Еще следует сказать, что на пути в штаб армии мы ночевали в хате, где утром женщина-украинка благословила меня и подарила вышитый рушничок, это меня очень как-то по особому тронуло и, пройдя весь фронт, я его хранил как талисман.

Майором оказался начальник 8-го отдела штаба 4-й танковой армии Заворотный. Меня на машине доставили в Киев в район Святошино, где располагался штаб 4-й ТА. После голодной жизни в училище в столовой штаба армии я съедал по два первых и по два вторых блюда. Офицеры отдела надо мной смеялись, но относились ко мне по-товарищески и весьма были внимательны.

Итак, я на фронте, в боевой части, шифровальщик штаба армии. Это требовало большого внимания, терпения, усидчивости, умения не обращать внимания ни на какие выстрелы, быть очень сосредоточенным, чтобы не допустить какой-либо ошибки при расшифровке или зашифровке важных оперативных документов, полученных из штаба фронта и рассылаемых в корпуса и бригады армии.

21 марта началась Каменец-Подольская операция. В состав 4-й ТА входила 6-я гвардейская МК и 10-я гвардейская УДТК. Оказалось так, что я снова встретился с уральцами и стал воевать с теми соединениями, в которые я подавал заявление о зачислении меня добровольцем. Это произвело на меня радостное впечатление, что я вернулся к своим уральцам. Корпуса и соединения рвались вперед, чтобы окружить противника и освободить город Каменец-Подольский.

Первые ожесточенные бои в весеннюю распутицу марта-апреля 1944 на Украине были серьезным испытанием для совсем еще молодого офицера. Приходилось иногда до слез толкать нашу машину, завязшую в этой грязи; кирзовые сапоги по колено застревали и, вытащив одну ногу, потом с трудом вытаскиваешь другую, и так это чередовалось, бывало, почти весь необходимый путь: артиллеристы маются со своими застрявшими орудиями, танкисты на обочинах дорог старались как-то преодолеть препятствия.

Вообще было ужасно тяжело идти вперед на Каменец-Подольский. Тылы отстали, и части растянулись по всем дорогам, было очень сыро и на душе тяжело. Над нами низко бежали серые мокрые тучи, что не позволяло авиации бомбить противника и обстреливать завязшие на дорогах боевые части. На перекрестках артиллеристы устанавливали орудия, чтобы быть готовыми отразить атаки окруженного нами, тоже завязшего в пути противника.

Были пройдены: Долечье (2.03.44), Хорошев (5.03), Тиофиполь (16.03), Токи (19.03), Клебанувка (23.03), Новосюлка-Скалатска (24.03), Копычинцы (25.03), Скала (27.03), и, наконец, Оринино (28.03). Оринино мне особенно запомнился, т. к. здесь разместился штаб армии.

Части 6-й гв. МК и 10-й гв. УДТК вели бои южнее Оринина и 25 марта освободили г. Каменец-Подольский. Отступающий противник вышел частью сил на Оринино. Я вспоминаю, было раннее-раннее утро. На улице только-только начал брезжить рассвет, кругом снег, за ночь его выпало очень много. Я в ту ночь дежурил по отделу, и вот вдалеке за окнами раздались автоматные очереди, которые стали приближаться. Я разбудил спавших, и все со вниманием прислушивались к уже бесконечным очередям автоматов и пулеметов.

Оказалось, что на штаб армии вышли войска отступающего из Каменец-Подольского противника из группы армий «Юг», которые пробивались на запад. Это были большие силы противника. Обороной Оринино командовал сам командующий армией Д.Д.Лелюшенко. Все штабисты были подняты на ноги. Д.Д.Лелюшенко лично участвовал в отражении атак превосходящих сил противника.

Нам пришлось покинуть наши хаты и отойти в лес на пригорок, что находился за Оринино. Я был оставлен охранять часть имущества отдела. Стало не по себе, когда в 250 метрах я увидел отдельные группы гитлеровцев, которые, с трудом преодолевая снежные сугробы, двигались в мою сторону черными силуэтами на чистейшем снегу. Признаюсь, что стало страшно, но через некоторое время появилась наша машина трехтонка, меня быстро схватили, и мы отошли туда, где находились некоторые наши части, в этот лесок, откуда бил наш 122 мм миномет. В общем, приходилось трудно всем, но противник не имел разведки, и поэтому, не зная наших сил, обошел Оринино и вышел на наши тылы армии, где досталось нашим госпиталям и службам тыла армии.

Бои в Оринино длились 5 дней, противник, оставляя на дорогах значительное количество техники и трупов, учитывая, что не удалось нашим армиям замкнуть кольцо окружения, прорвался частью сил на запад. 4 апреля штаб армии миновал Копычинцы, 7 апреля – Лясковцы, 10 апреля – Буданув, и 20 апреля окончательно разместился в местечке Яблонув, где и находился до июля 1944 г.

Закончилась Каменец-Подольская операция. Армия встала в оборону на пополнение боевой техникой и личным составом. Дел было очень много. Весна на Украине для меня была после уральских весен очень необычной, удивительно цветущей и довольно спокойной.

В войсках фронта шла подготовка к Львовской операции. 3.07.44 штаб армии передислоцировался в Черниховцы, а 12 июля - в Плешковцы. Началась Львовская операция. 19 июля в районе села Нуще штаб армии вошел в прорыв, в коридор, который был шириной в 4-6 км и длиной в 12 км. Здесь мы подверглись страшному обстрелу с обеих сторон, что приводило к серьезным жертвам. Так, у нас погиб шифровальщик лейтенант Юрий Александрович Курлыков, горьковчанин. Славный был молодой человек, всего на два года меня старше.

Только в январе 1963 г., будучи в командировке в г. Горьком, я через адресный стол нашел его родителей. Он был единственный сын. Вот тогда я и рассказал стареньким родителям о его гибели, как это произошло. До своей смерти они все называли меня сыном Юрием, я каждый год затем бывал у них, и они бывали у нас в гостях в Москве, но свозить их на Украину в м. Нуще мне не удалось, место захоронения найти мне было невозможно, т.к. он был захоронен на месте своей гибели, накрыт шинелью и засыпан землей, в то страшное время прорыва, под сильнейшим обстрелом мы никаких почестей отдать не смогли.

Мне очень запомнились эти бои. Шли сильные дожди, и все дни бесконечно мы подвергались обстрелам, снаряды падали вокруг и рядом, но каким-то образом я уцелел.

21 июля мы расположились в Новосюлках, 22 июля в Золочеве, а 23 – в м. Княжев, где 25 июля на штаб армии вышла Бродская группировка противника, отступавшая на юг, в леса от ударов войск 1-го Белорусского фронта. Удары противника начались рано утром, обрушился на нас минометный и артиллерийский огонь, два самолета «Фокке-Вульф-190» бомбили нас и уничтожили своим огнем наши ПО-2, затем все сильнее и сильнее прижимали нас ко рживущиеся на юг части противника. Было очень туго.

Нас выручили танки 93-й гвардейской танковой бригады нашей армии, тем самым штаб армии был спасен. Обороной штаба армии командовал начальник штаба генерал-майор танковых войск Упман К.И.. У меня еще долго после этих сражений стоял гул в ушах, и часто снились эпизоды этого сражения.

26 июля мы были в Романуве, а 28 июля – в освобожденном нашей армией г. Львове, и затем – в Зимна-Вудка.

Мне часто приходилось докладывать шифровки командующему армией Д.Д. Лелюшенко, начальнику штаба армии К.И. Упману и начальникам отделов штаба армии. Днем это было в порядке вещей, а бывало, поступали срочные шифровки, и докладывать их приходилось поздно вечером, когда на улице стояла непроглядная темень и фона-

риком пользоваться было нельзя. Вот в это время идти было очень трудно, нужно было иногда пробираться и через грязь, все зависело от расположения отделов штаба армии. Обычно брал пистолет, загонял патрон в патронник и шел, любой шорох вызывал холодный пот, приходилось быть очень внимательным, чтобы, не дай Бог, не наткнуться на какого-нибудь лазутчика

Дмитрий Данилович был человеком экспансивным, на месте не сидел, мог ругаться, однажды при мне он так отчитывал начальника политотдела полковника Кладового, что мне было не по себе. Вообще, Лелюшенко не пил и не курил, но ругаться мог отменно. Прямая противоположность ему был начальник штаба армии Карл Иванович Упман. Ему докладывать шифровки было приятно. Он был очень спокойным человеком и относился ко мне весьма внимательно. Его спокойствие, вероятно, доминировало в отношениях начальника штаба и командарма. Это помогло им вместе пройти до конца войны.

1 августа штаб армии разместился в Ракове под Самбором. Затем Витошницы – это была уже Польша. 8 августа – лес 4 км. Восточнее Бирча (Карпаты). 9 августа Дыдная и 14 августа Дурды, здесь мы форсировали р. Висла (Сандомирский плацдарм). 18 августа лес 4 км севернее Вянзовица и м. Сулишув, где штаб армии находился до конца года. На Сандомирском направлении 4-я ТА помогала стрелковым 5-й гвардейской и 13-й армиям удерживать все это время плацдарм и готовиться к новой операции. Для меня же это время было суровым испытанием-болезнь малярия. Приступы впервые появились в местечке Яблонув, но там они были еще редкими, а здесь меня трясло через день и температура поднималась свыше 40 С°, в начале декабря меня увезли в армейский госпиталь №5252 на ту сторону р. Висла в г. Падев, где меня основательно подлечили, а затем смена мест мне помогла совсем избавиться от этого жестокого недуга.

12 января 1945 г. началась Висло-Одерская операция. Штаб армии 11 января передислоцировался в Рудки, это запад Сандомирского плацдарма, а затем уже мы пошли за наступающими частями армии: 15.01.-Забоже, 16 – Лопушно, 19 – Скурковице, 20 Закшиве, 22 Щерцув, 23 Злочев, Пиотрокув, 24 Лутутуа и, наконец, 25 Трахенберг. Он находился уже на территории Германии, мы пересекли немецкую границу. Как мы ликовали: 26 января – Радунген, 28 – Лойбель, 31 – Лазе, река Одер. Началась Одерская операция.

Надо сказать, что польские земли особого впечатления не оставили, города мы проходили, не задерживаясь, а крестьянские селения были весьма бедными. Да и некогда было на что-либо обращать внимание, наши танковые корпуса рвались вперед, громя немецкие

соединения, много немцев оставалось в тылу, они не успевали отступать и сдавались иногда не оказывая особого сопротивления.

Перешли немецкую границу впечатление другое. В первую очередь, например, город Трахенберг был в огнях. Везде горело электричество, в квартирах все было в полном порядке, заправлены постели, хорошо прибрано, радиоприемники работали, и было тихо. Немцы, боясь возмездия, бежали на запад. В непривычных для нас так называемых деревнях кирпичные дома. А в печах стоят горшки с супом, жаркое. В доме ни души. Мы вначале раздумывали, стоит ли это есть, думали, что эта пища отравлена, но потом находился кто-нибудь, кто пробовал, мы видели, что он цел, и все принимались за вкусную еду. Да, это было так, я сам ел с большим удовольствием, отравленной пищи нигде не встречалось.

В погребах оставался так называемый неприкосновенный запас: сахар, различные компоты, жареные или вареные куры, гуси и свинина, все в стеклянных банках. Так, вероятно, после войны этому научились и наши женщины, готовя домашние соления. И во всех далее проходимых населенных пунктах не было ни одной души, видимо, боялись расплаты, но затем, например в Браунау, уже встречались семьи и, естественно, никто их не трогал.

Итак, с боями, но уже вдохновленные нашими победами, форсировав Одер, наши войска двинулись в логово фашистской Германии к Берлину. 7.02 – Дейкслау, 10 – Браунау, 11 – Кандерейс, 12 – Шенбрун, 13-19 Бенау, 21-Гадлиц. На пути марша были пройдены города Лигниц, в котором почти из каждого окна свисали нанизанные на палку белые простыни, Примкенау, Шпроттау, Заган, Зоммерфельд, Зорау, Форст. 10 марта – Пагарель. После этих боев началась Опельская операция.

Следует отметить, что очень серьезные бои штаб армии принял в Бенау. Здесь нашим офицерам штаба армии вновь пришлось взять в руки автоматы и вступить непосредственно в сражение с превосходящими силами противника. Командованием армии были вызваны на помощь подразделения армии. Враг нес значительные потери, но и у нас были серьезные потери. Погибли командир 68-й зенитно-артиллерийской дивизии подполковник А.Ф. Козлов и командир 22-й самоходно-артиллерийской бригады подполковник В.И.Приходько. Бои длились два дня, и 14 февраля враг был разбит.

17 марта – Коппендорф, 20 – Билиц, 25 – Гросс-Грауден – конец операции. 3 апреля Рассельвиц, 10 -Мильденау и 15 Цибелло. Начало Берлинской операции. Все наступление шло почти без передышки. 17 апреля Тшернитц, проехали по автостраде Котбус, 17 – 18 –форсиро-

вали реку Шпрее. 19 – Калау, 20 – Плешкендорф, 21 -Шарлотенфельде, 23 – Шенхаген, 25 – Шенкендорф в 10 км от Берлина, 25 – наш 6-й гвардейский МК соединился с войсками 1-го Белорусского фронта, завершилось окружение берлинской группировки противника.

26 апреля 1945 года – Потсдам и 3 мая Берлин, Рейхстаг. Конец операции.

Следует сказать, что в Шенхендорфе наш 8-й отдел штаба армии расположился в уютном местечке с краю этого населенного пункта, за ним шли цветущие яблоневые сады. Как-то, чтобы немножко развеяться, я вышел покурить в этот сад, любуясь цветом яблонь, и вдруг увидел двух немецких офицеров, идущих мне почти навстречу. Это были два молодых лейтенанта. Я вынужден был их остановить и спросить, куда они идут, они ответили: nach hause, т.е. домой. Я вынужден был их пленить и привел в разведотдел армии, где уже толпилось несколько десятков пленных. Я передал их часовому и спокойно ушел к себе, удивляясь, что и мне пришлось так просто привести двух пленных, притом офицеров.

К утру 2 мая на штаб армии вышли части немецких подразделений в количестве до 10 тыс. человек. В общем, мощное подразделение, ставившее себе задачу вырваться из Берлина на юг. Помню раннее утро, все офицеры отдела повыскакивали по тревоге со своих мест. Я вспоминаю, что соскочил с кровати, и мгновенно, без портянок, влетел ногами в свои кирзовые сапоги. Мы с автоматами залегли в канаву около нашего дома. Бой принял угрожающую обстановку. Нами командовал начальник штаба армии генерал-лейтенант К.И. Упман. Были срочно вызваны подразделения армии. Через 15 минут прибыл 7-й гвардейский мотоциклетный полк с десятью танками и артиллерией, через 25 минут подошли саперы и артиллеристы и ударили по врагу, в результате чего противник остановился. К нему был послан парламентером майор разведотдела Мирон Ткачук. В результате переговоров было пленено 6 тысяч гитлеровцев, сдавались они поротно, шли строем, как на параде, за этим я с интересом наблюдал. Так прорваться на юг из Берлина им не удалось. 2 мая Берлин пал.

4 мая войска армии сосредоточились в лесах южнее Берлина и в 8.30 утра 6 мая после короткой артподготовки передовые отряды армии пошли в наступление на Прагу. Враг не ожидал такого наступления наших войск. 6 и 7 мая войска каждый день проходили 50-60 км. 7 мая во второй половине дня на штаб армии вышли немецкие войска с северо-востока, и нам пришлось отойти в лес в районе г. Фрейберг. Нас выручил 7 гв. танковый корпус 3 гв. танковой армии. А затем уже пошло наше продвижение более быстро. 7 мая войска 4 гв. ТА преодолели

Рудные горы в Чехословакии. Штаб армии 5 мая находился в районе Шлибенберга, 7мая – Штраба, Фрейнберг, р. Эльба, 8 мая – Фрауенштайн, 9 мая Янов Мост, это Чехословакия, 10 мая -Княживка (Княжевес), 11 мая Прага и 12 мая Кладно, местечко Разделув. Конец операции. Конец войне!

Невероятные впечатления мы получали, проезжая по дорогам Чехословакии. Население встречало нас цветами, криками «Наздар», все были одеты в праздничные наряды, все улыбались и нежно обнимали нас, приглашая к себе в дом, угощали своим виноградным вином. Это были незабываемые встречи, сердца стучали взволнованно, душа ликовала, ведь это был конец войне.

Я хочу сказать, что войска 4 гв. ТА и первым из них 63 гв. танковая бригада в 2.30 ночи ворвалась в Прагу, а в 4 утра 9 мая наш 10 гв. УДТК вошел в Прагу. Таким образом, столица Чехословакии была освобождена. Я помню, как по радио чехословацкий диктор обращался к нам, чтобы наши войска помогли восставшим пражанам в освобождении Праги. По-моему, 7 или 8мая мы столкнулись с войсками противника группы армий «Центр» генерала Шернера. Это была огромная группировка, она стремилась выйти к союзникам, в рядах ее насчитывалось до миллиона солдат и офицеров. Но, благодаря стремительному наступлению наших войск, был полностью разгромлен штаб группы «Центр», на земле валялись повсюду бумаги отделов этого штаба, а затем я наблюдал, сидя на башне танка, как сдавались эти многочисленные подразделения.

Поротно, под музыку губных гармошек, шли хорошо обмундированные, довольно крепкие парни. Их проход в плен даже восхищал нас своей дисциплиной. Вероятно, если бы они прорвались к союзникам, нам пришлось еще много воевать, теперь же немецкая армия капитулировала, и наступил долгожданный мир.

Штаб нашей 4 гв. ТА раздислоцировался в м. Разделув под г. Кладно. Душа радовалась, и как-то захотелось сразу домой, в объятия родных и близких. Но, конечно, нужно было наводить порядок в своих делах по отделу, готовить документы к передаче в архив, что требовало много времени, сосредоточенности и внимания.

В июне месяце поступил приказ 4 гв. ТА передислоцироваться в Венгрию. 11 июня 1945 г. мы проехали столицу Австрии г. Вену, а 12 июня были уже в Венгрии, в г. Чепрег. 15 июня штаб армии раздислоцировался в г. Сомбатхей. Здесь мы находились по 18.09.45. до новой передислокаци, уже в Австрию, в г. Айзенштадт, где мы находились с 19.09. по 25.11.45.

Австрия оставила приятное впечатление. Особенно Альпийские горы в прекрасных еловых лесах и населенные пункты, расположенные в долинах среди гор. Я отдыхал там в курортном городке Бад-Тацмандорф. Принимал нарзановые ванны и пил нарзан. Душа начала успокаиваться, все вело к скорейшему возвращению домой, на любимый Урал.

27 ноября наша армия вновь была передислоцирована в Венгрию, штаб армии размещен был на берегу оз. Балатон в курортном месте Балатон-фюред. Отсюда в феврале 1946 я был демобилизован и в марте прибыл домой к родителям в г. Свердловск в звании гв. лейтенанта. На улице стоял мороз –25°. Меня демобилизовали по моему рапорту, где я представил документы, что учился в горном техникуме, и хотел продолжить учебу.

На Сандомирском плацдарме за Каменец-Подольскую операцию я был награжден медалью «За боевые заслуги», номер 1278496. Медаль вручал начальник 8 отдела подполковник Заворотный. В мае 1945 г. за участие в боях в Польше и Германии я награжден орденом «Красная Звезда» номер 1530793. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 г. я награжден орденом «Отечественная война II степени» в ознаменование 40-летия Победы АЛ№890194, № ордена 3060794. Кроме того, награжден 16 медалями, из которых очень дорожу медалями «За взятие Берлина», «Освобождение Праги» и медалью «100 лет со дня рождения В.И.Ленина». Указом ВГК ВС РФ №2 от 27 апреля 2000 г. присвоено звание капитан.

В войне погиб в боях под Тихвином в 1943 г. мой дядя, брат отца Дементьев Петр Иванович. В 1942 г. в Красную армию был призван отец 1900 г. рождения, Дементьев Виктор Иванович. Он воевал на Кенигсбергском направлении. Что интересно: когда отца призвали и он уходил на фронт, то он дал клятву, что если вернется с фронта домой, то обязательно будет второй сын, что он и выполнил. 21 ноября 1946 г. у мамы родился сын, мой брат Евгений, разница у нас с ним почти 22 года.

В ноябре 1946 года я поступил в Свердловский горный институт. Там проучился 2 года, и меня пригласили в 1948 г. в Управление Госбезопасности по Свердловской области, где был избран освобожденным секретарем комсомольской организации управления. В 1949 г. поступил в Уральскую консерваторию на вечернее отделение, которую окончил в 1954 г., но до этого, в 1953 г., был по конкурсу принят в Большой театр СССР солистом оперы, где работал по 17 марта 1977 г. солистом оперы.

В апреле 1976 Президиумом Верховного Совета РСФСР мне было присвоено звание «Заслуженный артист РСФСР». 17 марта 1977 переводом я был назначен первым директором строящегося в Красноярске театра оперы и балета. Я участвовал в его строительстве и создании труппы театра. 20 декабря 1978 г. состоялось открытие первого сезона Красноярского театра оперы и балета. За 1,5 года я сумел создать театр, который и сейчас служит своим искусством краю и выступает в других областях России и за ее рубежом.

Сердечно вспоминаю тех боевых друзей, с которыми я рядом, деля радости и невзгоды пройденных фронтовых дорог, прошел весь боевой путь армии, ощущая их искреннее внимание, их умение помогать в тех трудных боевых обстоятельствах, что позволило мне с честью выдержать это труднейшее испытание четырех лет жесточайшей войны. Я с любовью называю их имена. Это: Георгий Александрович Стеценко из Запорожья, после войны он работал в Москве в ЦК Партии; Николай Васильевич Маракулин из Кировской области; Александр Григорьевич Евсеенко из г. Чернигов; Николай Андреевич Гутаров, москвич; начальник 8 отдела армии Заворотный; Николай Трофимович Бобков из Белоруссии и др. К великому сожалению, из них уже никого не осталось в живых, и только память хранит их имена. Мы все вместе встречались в Москве на праздновании юбилейных дат армии и, конечно же, в день празднования Великой Победы 9 мая.

Обо мне есть публикация, – называется она «О нашем фронтовом товарище», напечатана в газете Большого театра «Советский артист» от 11.02.1975 г.

Еще хочется сказать, что женился я в мае 1947 года. Жена Дементьева Анастасия Маркеловна. Вот уже 56 лет мы несем нашу любовь. У нас дочь Эля, которая одарила нас двумя внуками, а они, в свою очередь, подарили нам трех правнуков, которые растут и радуют наши сердца. Жизнь идет!

Январь 2003 года

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Минаев Юрий Дмитрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Добрынин Алексей Степанович

КРАСНЫЙ СНЕГ

Я родился 24.04.1922 в Москве, русский, православный, член ВЛКСМ с апреля 1939, член КПСС с февраля 1945.

До войны окончил 9 классов и затем работал на 1-м шарикоподшипниковом заводе в должности рабочего – электрика, возглавлял молодёжно–комсомольскую группу по борьбе с зажигательными бомбами.

Узнал о начале войны по радио 22 июня 1941 г.

Я хотел бы рассказать о некоторых эпизодах на фронте: в боях за город Воронеж и на Среднем Дону операции «Малый Сатурн», участником которых мне пришлось быть.

Более 200 дней и ночей в районе Воронежа шли ожесточённые бои наших войск против фашистских оккупантов. Это был второй переломный – год Великой Отечественной войны советского народа. Город Воронеж стал последним рубежом продвижения немецких войск на восток на этом участке фронта. Город выстоял и победил.

В кровопролитных боях за Воронеж участвовал и наш 25-й танковый корпус. Я, выпускник Моршанского пулемётно-миномётного училища, младший лейтенант, командовал пулемётным взводом 16-й мотострелковой бригады, входившей в состав корпуса.

Тяжёлые и кровопролитные бои танковые бригады и 16-я МСБ вели во второй половине 1942 года в районе сёл Сосновка, Подклетное, Подгорное, Ямское. В конце июля 25-й танковый корпус был выведен с передовых позиций на доукомплектование людьми и техникой. В августе нами изучался приказ Народного комиссара обороны №227 от 28 июля 1942, который мобилизовал каждого воина на укрепление боевого духа, строгой дисциплины, стойкости и самоотверженности.

В нашу бригаду, понёсшую в боях значительные потери, прибывало новое пополнение, оружие, боеприпасы. Проводились дневные и ночные учения с пулемётчиками повзводно и в составе роты по оборонной и наступательной тактике.

В середине сентября 1942г. 25-й танковый корпус был вновь выдвинут на передовые позиции. Начались тяжёлые бои за Чижовку – пригород Воронежа на правом, западном берегу реки Воронеж. Танкисты вместе с пехотой штурмовали опорные пункты противника, блокировали доты, бились за отдельные здания, отражали контратаки гитлеровцев.

Уличные бои в правобережной части Воронежа становились всё более ожесточёнными. Главная борьба шла за важный узел – Чижовский плацдарм. Одним из главных узлов сопротивления была школа связи. Это здание неоднократно переходило из рук в руки, однако закрепиться в нём фашисты так и не смогли. Случалось так, что на разных этажах здания были и немцы, и наши бойцы. В этих боях умело и мужественно действовали и пулемётчики.

Вот что написано в книге А.Гринько «В боях за Воронеж (хроника героической обороны города)»:

…«При отражении очередной атаки врагов отлично действовали пулемётчики взвода младшего лейтенанта Добрынина. Все воины были комсомольцами, мастерами меткого огня. Во время одной из редких передышек они провели собрание. Под рукой не оказалось бумаги, и тогда Добрынин на чистой страничке своего комсомольского билета записал карандашом решение: «Мы поклялись, что будем бороться с проклятыми фашистами до полной победы. Сентябрь 1942…»». Свою клятву бойцы пулемётного взвода выполнили с честью.

Августовские и сентябрьские бои за Чижовку вошли в историю сражения за Воронеж страницами мужества, самопожертвования и героизма советских воинов. Именно в это время в частях и подразделениях корпуса появилась песня «Чижовка», и с большим удовольствием её распевали все наши бойцы на мотив «Каховки»:

На миг, на минуточку вспомни, товарищ,
Как бой за Чижовку вели.

Мы шли в наступление при свете пожарищ –
То склады горели вдали.
Предместье Чижовка. Задание ясно:
Брать штурмом пришлось каждый дом.
На улице Светлой, на улице Ясной
Врага мы встречали огнём.
Штыком и гранатой, бойцовской сноровкой
Мы взяли немало наград,
Мы знали сражаясь за нашу Чижовку,
Мы бьёмся за свой Сталинград.

После обороны Воронежа наш корпус был переброшен на Средний Дон, где мне пришлось побывать участником операции «Малый Сатурн». Вспоминаются мне холодные декабрьские ночи 1942 г. Все мы, солдаты и офицеры 16-й МСБ, понимали, что со дня на день начнётся большое наступление наших войск на Среднем Дону. И вот вечером нашей пулемётной роте был дан приказ – форсировать реку в районе Верхнего Мамона. Под ураганным артиллерийским и минометным огнём, по льду с многочисленными полыньями, при двадцатиградусном морозе, по колено в ледяной воде мы успешно преодолели водный рубеж и закрепились в балках, оврагах и на отдельных высотах на другом берегу Дона.

Наутро мощный шквал артиллерийского, минометного, пулемётного и ружейного огня был обрушен на передовые позиции фашистской обороны, а завершили разгром залпы «катюш». Затем десятки танков, сотни пехотинцев, пулемётчиков, минометчиков устремились вперёд. Остановить продвижение наших войск враг уже не мог.

Вскоре стрелковому батальону капитана Хмелёва, куда входил мой пулемётный взвод, была поставлена задача преследовать отступавшего противника вместе с танковыми подразделениями. Внезапно батальон остановился, солдаты залегли и стали окапываться в снегу, так как продвигаться дальше было невозможно. Справа господствовала высота, с которой из дотов противника хорошо просматривалось и простреливалось обширное пространство. Из амбразур фашисты поливали огнём наши боевые порядки, не давая подняться нашим солдатам. Что предпринять? Танки уже ушли вперёд, обойдя эту высоту с флангов. А за ней открывался путь стрелковым подразделениям. Надо было взять её до наступления ночи во что бы то ни стало.

«Младшего лейтенанта Добрынина к командиру батальона!» – пронеслось по цепи. Ползком в промёрзшем маскхалате добрался до

комбата Хмелёва. Последовало приказание – срочно оборудовать огневые позиции для пулемётов. Нам поручено было уничтожить пулемёты гитлеровцев или хотя бы на время заставить их замолчать. К выполнению задачи надлежало приступить немедленно.

Командир 2-го отделения сержант Скиба поместил свой пулемёт в центре занятой позиции. В 30-40 метрах по обе стороны от него разместили ещё 2 пулемёта. За одним из них залёг я сам. Стволы направлены на одну цель – вражеский дзот. Точно рассчитан прицел, дана команда: по дзоту огонь!

Хлестнули в упор длинные очереди сразу из трёх пулемётов. На несколько минут дзот захлебнулся. Этого было достаточно для того, чтобы наши воины преодолели открытое пространство, ворвались на вражеские позиции и завершили разгром врага.

Однако праздновать победу было рано. Опомнившись от неожиданности, немцы перегруппировались и начали оказывать упорное сопротивление. Особенно серьёзное положение создалось на участке фронта, где наступал наш батальон. Самолёты фашистов вновь стали бомбить наши наступающие боевые порядки. Земля дрожала от разрывающихся бомб. Я почувствовал удар и боль в правой лопатке, на маскхалате появились пятна крови… Бойцы, улучив минутку, перебинтовали рану бинтами из индивидуальных пакетов. Вскоре я был вторично ранен в правую ногу. От потери крови я начал терять сознание, и бойцы нашего взвода вместе с санитарами вынесли меня с поля боя. На рассвете я очнулся в медсанбате, а затем был переведён в госпиталь г. Аркадака.

Досрочно выписавшись уже в феврале 1943 г., я вновь был направлен на фронт, но уже в другую часть – в 203-ю Краснознамённую ордена Суворова 2-й степени Запорожско-Хинганскую дивизию (так она стала именоваться после войны) под командованием генерал-майора Здановича Г.С.

В составе дивизии мне пришлось воевать в Донбассе. Мы освобождали ряд селений, города Краснодон, Антрацит. Вместе с другими бойцами я присутствовал при извлечении трупов советских граждан, замученных фашистами, из шурфов шахт. После разминирования сапёры начали доставать тела. Десять, двадцать, тридцать, пятьдесят… Их аккуратно опускали на землю, перемешанную со снегом, а краснодонцы тихо обходили эти страшные ряды, всматриваясь в обезображенные, посиневшие лица, потихоньку, со слезами уходили, если не находили среди трупов своих родственников. Но кто-то вдруг замирал среди безжизненных рядов, глухо вскрикивал, опускался на коле-

ни и обхватывал тело, встряхивал его, как будто хотел разбудить погибшего.

В боях за Донбасс я был в третий раз ранен – пуля перебила лучезапястный сустав правой руки.

После выписки из госпиталя меня демобилизовали. Весть о Победе я встретил в Москве.

Награды:

- орден Великой Отечественной войны 1-й степени
- орден Красной Звезды
- 25 медалей, среди которых наиболее почётные
  - «За оборону Москвы»,
  - «За оборону Сталинграда»,
  - «Ветеран труда»,
  - «За доблестный труд в ВОВ»

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Гринёв Борис Домирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Дубровин Юрий Александрович

ОТ БАТАЛЬОНА ОСТАЛАСЬ ОДНА СТРЕЛКОВАЯ РОТА

Родился 14 мая 1923 года в городе Пошехонье-Володарск Ярославской области, русский, неверующий, вступил в ВКП(б) в октябре 1941.

В июне 1941 года (выпускной вечер 17 июня) окончил среднюю школу № 34 в городе Ярославле.

Предварительные сведения о том, что в 1941 году начнётся война с фашистской Германией, я получил в октябре 1940 года, когда участвовал в работе отчётно-выборной Ярославской областной конференции ВЛКСМ. Об этом прямо сказал выступивший на конференции первый секретарь Ярославского обкома ВКП(б) Патоличев Николай Семёнович.

А 13 июня 1941 года преподаватель физики в нашей школе Юдин Фёдор Поликарпович, проведя консультацию перед экзаменом по физике, сказал: «Я с вами прощаюсь, ребята, экзамен у вас принимать будет Рачков. А я сегодня вечером убываю в армию. Уверен, что война не за горами, трудная и длительная, и мальчикам придётся тоже воевать». (Ф.П. Юдин уже призывался для участия в военных действиях на Халхин-Голе и с Финляндией).

19 июня я прошёл комиссию в Сталинском РВК города Ярославля, проверку на грамотность: короткий диктант и 3-4 простейших арифметических действия. После чего мне объявили, что я буду направлен для учёбы в артиллерийском училище.

22 июня в 12.00 я слушал выступление В.М.Молотова по радио. 3 июля слушал в 6.00 выступление И.В.Сталина по радио. 12 августа отправился в артиллерийское училище.

В Москве нас переодели в военную форму и тёмной ночью 50 км маршем в расположение 30-го запасного артиллерийского полка в м. Бершеть. Здесь я проходил общевойсковую подготовку, принял присягу и начал обучение артиллеристскому делу в составе курсантского дивизиона.

В сентябре 1941 года мне, как отличнику боевой и политической подготовки и секретарю комитета ВЛКСМ дивизиона, было присвоено звание заместитель политрука. В середине сентября нас перевели в 20-й запасной батальон связи в г. Молотов для учёбы в училище связи, которое было эвакуировано из Ленинграда.

Там я обучался радиосвязи, совмещая это с обязанностями замполитрука радиороты. В октябре был принят кандидатом в члены ВКП(б). Моё обучение радиосвязи проходило успешно, и скоро командир радиовзвода стал поручать мне проводить практические занятия по радиотелеграфии.

В ноябре 1941 года, узнав о формировании лыжных батальонов, подал рапорт о направлении на фронт.

В составе 215-го отдельного лыжного батальона я в конце ноября 1941 года убыл в действующую армию, будучи командиром отделения, начальником радиостанции.

По пути следования военного эшелона в г. Ярославле 215-го ОЛБ получил вооружение и матчасть, в том числе радиостанцию 6-ПК. В начале января 1942 года прибытие на ст. Бологое, двухдневный марш до г. Валдай. А оттуда на какой-то участок Северо-Западного фронта, под г. Старая Русса Новгородской области. Помню первый боевой успех батальона освобождение с. Тополево. Затем рейды в тыл к немцам.

К середине марта 1942 года от батальона осталась одна стрелковая рота. Вышли из строя все командиры и политруки рот, командиры взводов. Из оставшихся помню только комиссара батальона. Последний бой в конце марта 1942 года. Сформированную из остатков 215 ОЛБ стрелковую роту возглавил старший лейтенант Коновалов, прибывший из госпиталя. Я был назначен политруком роты. Взводами командовали сержанты. Нам было приказано выбить немцев из деревни Замошье. Ночная атака в ночь с 24 на 25 марта окончилась безуспешно. Командир роты в начале боя был тяжело ранен. Я в ходе атаки уцелел.

Ранен был в левую руку днём 25 марта 1942 года, когда лежал на поле боя, среди мёртвых, раненых и уцелевших, как я, бойцов нашей роты. Шевелиться было нельзя, тем более отойти назад. Немцы были рядом и стреляли из пулемёта и винтовок. Когда стемнело, по-пластунски выполз назад.

Ночью мне в санпункте сделали первичную обработку раны. Днём 26 марта пешком с другими ранеными бойцами ушёл в медсанбат и поздно вечером добрался до медсанбата на ст. Беглово, где меня прооперировали, извлекали пулю из руки.

Затем – эвакопункт, два с половиной месяца лечения в армейском полевом госпитале и по выздоровлении – направление в 163-ю стрелковую дивизию.

В составе 248-го отдельного батальона связи (радиовзвод, штабная рота, командир б-на капитан, позже майор Шматченко В.Ф.) я участвовал в боях дивизии на Северо-Западном фронте с июня 1942 года по март 1943 года по ликвидации окружённой 16-й немецкой армии в районе г. Демянска.

После этих боёв дивизия была передислоцирована на Степной фронт (Курская дуга) в р-н г. Ливны, участвовала в наступлении на Воронежском фронте в направлении г. Богодухова, Ахтырки, в освобождении Харькова (август 1943 года), освобождении г. Ромны Сумской области (17 сентября 1943 года), за что приказом Верховного Главнокомандующего дивизии было присвоено наименование «Ромненская»; в сентябре октябре 1943 года дважды форсирование Днепра, сначала южнее, а затем севернее Киева.

12 октября 1943 при ковровой бомбёжке расположения штаба дивизии в районе села Гута – Межигорска был тяжело контужен и лечился в дивизионном медсанбате. В госпиталь не пошёл, вернулся в часть и в ноябре вместе с дивизией участвовал в освобождении столицы Украины Киева (6 ноября 1943 года). Приказом Верховного Главнокомандующего дивизия получила в добавление наименование «Киевская». Командовал дивизией тогда полковник (позже генерал-майор) Карлов Ф.В. После этого участвовал в боях по освобождению г.г. Фастов, Васильков (ноябрь 1943 года) и в отражении контратаки немецкой танковой дивизии СС под с. Мохначка Житомирской области 16-17 ноября 1943 года.

В конце ноября 1943 года вследствие контузии выбыл из дивизии и после лечения в Курске в фронтовом госпитале был направлен для прохождения службы в 25-й танковый корпус, в 20-ю мотострелковую бригаду, где был командиром полковник (позже генерал-майор) Иль-

ин. В 20-й мотострелковой бригаде был определён в артдивизион (командир майор Узянов), в 3-ю батарею (комбат старший лейтенант Бойцов), старшим батареи (в ходе боёв был и командиром взвода управления, и ком. отделения связистов, и ком. орудия).

Участвовал в боях по освобождению Новоград-Волынкий Житомирской области 31.12.1943 – 02.01.1944 г., в освобождении г. Дубно Ровенской области (февраль – март 1944 г.), в освобождении г. Броды (Львовской области) – июль 1944 г.; в Львовско – Сандомирской операции – рейд конно-механизированной группы в составе 1-го гвардейского кавалерийского корпуса и 25-го танкового корпуса (командир корпуса Фоминых) по территории Польши от Львовской области до польского города Кросно, июль – август 1944 г. Позже в составе этой же группы участвовал в боях на Дуклинском перевале (Чехословакия) в попытке прорваться на помощь восставшим словакам. Попытка была неудачной, и в ноябре спустились с Карпат в польский город Бжозув.

Затем наша часть была направлена на Сандомирский плацдарм, вблизи польского города Раков. Там пришло пополнение и новая матчасть. 12 января 1945 года наш 1-й Украинский фронт перешёл в наступление. Сразу же 25-й танковый корпус вошёл в прорыв, так как немецкая оборона оказалась слабой. 14 декабря мы были уже в городе Кельце, где мне пришлось расстаться с 20-й мотострелковой дивизией 25-й ТК.

Меня откомандировали в подразделение СМЕРШ. С особым отделом СМЕРШ в сентябре 1944 года у меня было соприкосновение. Однажды оперуполномоченный нашего арт. дивизиона отвёз меня в Особый отдел корпуса, и там мне устроили допрос: «Откуда я знаю немецкий язык?» и «Для чего я перевожу на русский язык немецкие листовки?» На первый вопрос я ответил, что знаю немецкий язык, изучал его в средней школе; а на второй вопрос я ответил вопросом: разве немецкие листовки для Красной армии печатаются на немецком языке? Недоразумение было снято, контрразведчики посмеялись над нелепым доносом, что я перевожу на русский немецкие листовки. Но в памяти у них осталось, что я знаю немецкий язык.

Перед началом вторжения на территорию Германии формировались спецподразделения особых отделов СМЕРШ, так как ожидались на немецкой территории действия в тылу наших войск отрядов «Oberwolfe» – оборотни, типа наших партизан. Вот так я попал в такое подразделение и в нём пребывал до конца войны.

Прошёл всю территорию Германии и закончил войну в Чехословакиию. В Чехословакии после 9 мая 1945 г. не складывала оружие немецкая армия под командованием фельдмаршала Шернера, и наши части блокировали их отход к армии США, наступавшей с Запада. Такую задачу выполнял и 25-й танковый корпус, с которым я расстался.

Затем два месяца на территории Германии проводили проверку военнопленных, освобождённых из лагерей, в том числе и в американской зоне оккупации. В июле – августе 1945 года началось возвращение с территории Германии через Польшу на Украину. Остановились в г. Новоград-Волынске. В ноябре 1945 года отдел расформировали, а я был направлен для прохождения службы в 213-й отдельный гвардейский батальон связи (командир гвардии майор Аколелов Н.В.) 121-й гвардейской стрелковой дивизии, а после её расформирования в июне 1946 года – в 213-й отдельный гвардейский батальон связи 10-й Гвардейской механизированной дивизии начальником радиостанции и командиром учебного взвода.

В марте 1947 года был демобилизован по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 4 февраля 1947 года по возрасту и 5 апреля 1947 года получил паспорт гражданина СССР.

Мои боевые награды:

1) Медаль «За боевые заслуги» в августе 1943 года вручил комдив Карлов Ф.В., полковник, за обеспечение радиосвязью в боевых действиях под Харьковом;

2) Медаль «За отвагу» за участие в боевых действиях на территории Польши под г. Кросно вручил командир арт. дивизиона 20-й СБР майор Узянов В.П.;

3) Медаль «За отвагу» за участие в боевых действиях на Дукельском перевале вручил (через 25 лет после награждения) Военный комиссар Калининского района г. Москвы полковник Сивобород А.Н.;

4) Орден Отечественной войны I степени Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985 года вручён Главным Конструктором ОКБ МЭИ академиком Богомоловым А.Ф.

После окончания службы в Советской Армии учился в Московском энергетическом институте с сентября 1947 г. по март 1953 г. на радиотехническом факультете и закончил с отличием. Учился в аспирантуре, защитил кандидатскую диссертацию. С сентября 1952 года по май 1991 года работал в Особом Конструкторском бюро МЭИ в области космической радиосвязи и радионавигации ведущим инженером, начальником научно-исследовательской лаборатории. За науч-

ные и технические достижения в разработке радиосистем награждён медалью «За трудовое отличие» в 1957 году за участие в создании первого искусственного спутника Земли и орденом Октябрьской Революции № 95404 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7-го мая 1985 г. за создание радиотехнического комплекса измерений.

С мая 1991 года на пенсии. Принимаю участие в ветеранской и военно-патриотической работе.

Состою в содружестве ветеранов 25-го танкового корпуса 4-й танковой армии.

Одновременно состою в содружестве ветеранов 163-й Ромненско-Киевской, Краснознамённой, ордена Ленина, ордена Суворова и ордена Кутузова стрелковой дивизии, являюсь секретарём совета ветеранов 163-й СД. В настоящее время майор в отставке.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Иванов Максим Григорьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Емельяненко Владимир Иванович

НАД НАШИМИ ГОЛОВАМИ УЖЕ ПРОЛЕТАЛИ САМОЛЕТЫ

Родился 30 мая 1923 г. на ст. Выгоничи Брянской обл. Национальность – русский. Вероисповедание – православный. Член КПСС с 1942 г.

В 1940 году окончил 3-ю Московскую специальную артиллерийскую школу и был направлен как отличник в 3-е Ленинградское артиллерийское училище.

22 июня 1941 года мы занимались в летних лагерях в городе Луга хозяйственными работами. В 12 часов дня в училище была объявлена тревога. На общем построении начальник училища полковник Санько объявил нам о вероломном нападении гитлеровцев на нашу родину.

Мы – курсанты – это уже почувствовали и сами, так как над нашими головами пролетали самолеты с крестами на крыльях в направлении Ленинграда. 26 июня 1941 года наш второй дивизион училища погрузили в эшелон, и мы двинулись по маршруту Псков – Остров – Шяуляй.

По пути следования наш эшелон попал под бомбежку. По приказу командования дивизион своим ходом прибыл в город Остров. Здесь нас погрузили на железнодорожные платформы, и в первых числах июля мы прибыли к месту своей дислокации в город Луга. Так началась для меня Великая Отечественная война.

В конце июля курсантам нашего дивизиона было присвоено воинское звание лейтенант. Всех нас, новоиспеченных лейтенантов, доставили в Ленинград в стены своего родного училища.

Здесь нас полностью одели и обули во все командирское обмундирование, погрузили в эшелон, и мы отправились в столицу нашей родины. Ночью 22 июля наш эшелон был остановлен в районе г. Химки, и мы стали свидетелями первого налета немецкой авиации на Москву.

Потерь наш эшелон не имел, прибыли мы и разгрузились в городе Подольске. Здесь на базе пехотного и артиллерийского училища началось формирование нескольких артиллерийских полков резерва Главного командования (РГК). Я получил назначение командиром огневого взвода. Июль, август и сентябрь мы занимались обучением личного состава и готовились к грядущим боям. В конце сентября ввиду сложившейся тяжелой боевой обстановки наш полк получил приказ и был направлен в район Серпухов – Таруса, где шли тяжелые бои.

Наш полк своим огнем тяжелых артиллерийских орудий (152-мм. гаубицы-пушки) наносил большой урон наступающим немецким войскам. К несчастью, 30 октября 1941 года в районе г. Серпухов наша батарея попала под бомбежку, и я получил осколочное ранение правой кисти руки. Ранение было легким, поэтому я убыл в госпиталь 30.10.41 в г. Ногинск, а уже 28.11.41 вернулся к новому месту службы в районе города Кубинка, где занимала оборону прославленная Краснознаменная 82-я мотострелковая дивизия, прибывшая из Монголии.

В артполку этой дивизии я получил назначение на должность заместителя командира батареи. Командиром нашего дивизиона был майор В.Д Морозов. 10 января 1942 года наша дивизия начала боевые действия вдоль Минского и Можайского шоссе в направлении Дорохово – Можайск. Двадцатого января 1942 года Можайск был освобожден. Я принимал участие в этих боях в должности командира батареи. 8 февраля 1942 года на дальних подступах к г. Гжатск был тяжело ранен разрывной пулей в правое бедро. Проходил лечение в госпитале, г. Москва. Вернулся в часть 22.06.42.

После выписки из госпиталя получил назначение на должность нач. разведки артполка мотострелковой бригады. В боях в районе Погорелое Городище был опять ранен пулей в левое предплечье и был отправлен в госпиталь в г. Муром, откуда выписался в середине сентября 1942 года и получил назначение в свой родной артполк 82 МСД на должность командира батареи. К этому времени я уже имел воинское звание ст. лейтенант. В составе артполка принимал участие в боях за город Вязьма. В этих боях за пленение двух немцев с важными документами, которых мы захватили с нашими разведчиками, я получил боевую награду: меня наградили медалью «За отвагу», и мне было присвоено звание капитан.

В марте 1942 года наша бывшая 82-я дивизия была преобразована в 3-ю гвардейскую дивизию. В июне 1943 года наша дивизия была направлена в город Загорск, где формировались части 4-й танковой армии. Наша дивизия стала именоваться 6-м гвардейским механизированным корпусом, командиром которого был генерал Акимов. Дивизион нашего артполка был включен в состав действующих частей 17-й гвардейской мех. бригады.

В артдивизионе я командовал первой батареей, командиром дивизиона был майор Тарасенко. Бригадой командовали последовательно полковники: Щербаков, Медведев, Чурилов Л.Д . В составе этой бригады я принимал участие в июле – августе 1943 года в Орловско–Курской битве; в марте – апреле 1944 года в Каменец–Подольской операции; в июле, августе 1944 года во Львовской операции; в январе феврале сорок пятого года в боях по освобождению Польши. Наша бригада за освобождение города Петроков (в январе 1945 г.) получила наименование Петроковской.

24-26 января бригада первой из состава Первого Украинского фронта форсировала реку Одер и овладела городом Кобин. Далее с ожесточенными боями принимали участие в окружении и взятии Берлина с 30 04.45 02.05.45 , а 9 мая 1945 года наша бригада под командованием полковника Селиванчика одной из первых подошла к столице Чехословацкой Республики к городу Прага, освободив ее от немецких захватчиков. На этом 9 мая 1945 года в должности командира батареи в воинском звании капитан и закончился мой боевой путь.

До сентября 1958 года продолжал службу в Советской армии начальником штаба дивизиона, командиром батареи, а с 1956 года в должности заместителя командира артполка и до конца службы. Уволен из рядов Советской армии по причине сокращения штатов в звании гвардии подполковник

В 1991 году я получил инвалидность (инвалид войны 2-й группы). В 2001 году присвоено звание полковник в отставке приказом главнокомандующего.

Награжден:

– медалью «За отвагу» N246891. Приказ по 3 гв. МСД N08 от 17.03.43г. подписал командир дивизии генерал-майор А.И. Акимов Медаль вручена в г. Вязьма в апреле 1943 года. командиром дивизии генералом А.И. Акимовым. Награжден за участие в боях за освобождение г. Вязьма (12.03.43); во время штурма в одном из домов, с разведчиком Потылициным взяли в плен двух немцев с важными документами.

орденом Отечественной войны 2-й степени N28741. Приказ N08 от 31.08.43 подписал командир корпуса А.И. Акимов. Награжден за участие в боях на Курской дуге. Орден вручен Акимовым А.И. в сентябре 1943г. в лесах под г. Карачевом.

– орденом Красной Звезды N956859. Приказ N038 по 17 гв. мех бригаде от 30.09.44. подписал командир бригады полковник Л.Д. Чурилов Орден вручен комбригом на Сандомирском плацдарме, награжден за участия в боях за город Львов и Перемышляны.

– орденом Отечественной войны I ст N184843 Приказ в гв.мк N020 от 100445г. Подписал командир корпуса полковник В.Ф. Орлов Орден вручен в мае 1945 года в лесах под Потсдамом командиром корпуса В.И. Корецким награжден за освобождение г. Петракув в Польше.

орденом Кутузова III ст N561. Приказ 1-го Украинского фронта N037/H от 11.04.45. Подписал ком. фронтом маршал Конев И.С. вручен в мае 1945 р-ш г.Прага генералом Д.Д. Лелюшенко награжден за форсирование реки Одер.

– медалью «За боевые заслуги» б/н. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15.11.50г. (за выслугу лет)

– орденом Красной Звезды N3436854. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 30.12.56г. (за выслугу лет)

– орденом Отечественной войны I ст. №664234, Приказ министра обороны от 5.04.85г. в ознаменование 40 летия Победы.

Освобождал: поселок Дорохово в январе 1942 года; Можайск 20.01.42 года; Вязьма 12.03.43г. Западный фронт 82 МСД. К-р генерал Акимов А.И., командир артполка полковник Гудимов; Каменец–Подольский 25.03.44 г.. Командир бригады полковник Чурилов Л.Д.; Петракув (Польша) 18.01.45г. Командир бригады Чурилов Л.Д.; Берлин 2.05.45 года Командир бригады Селиванчик Н.Я.; Прага 9.05.45. Командир бригады полковник Селиванчик Н.Я.

В войне 1941-1945 гг. принял участие старший брат Емельяненко Александр Иванович, 1912 года рождения. Умер в 2001 году в звании полковник (награжден 3 орденами, дважды был ранен).

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ельцов Дмитрий Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Железнов Николай Яковлевич

ВОСПОМИНАНИЯ ВЕТЕРАНА 10-ГО УРАЛЬСКО-ЛЬВОВСКОГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОГО ТАНКОВОГО КОРПУСА

Я, Железнов Николай Яковлевич, родился 23 мая 1923 г. в г. Москве. После рождения моя мать, Пелагея Сергеевна, увезла меня в деревню Астапово Луховицкого района Московской области.

Возникает вопрос, почему родился в Москве? Дело в том, что мой отец уехал в 1920 г. в Москву со своим младшим братом Тимофеем Яковлевичем Железновым, так как оба они имели специальность повара.

Определившись на жительство в г. Москве, они нашли в пустующем доме комнаты, отремонтировали их за свой счет и стали в них проживать. Управляющий домами, в частности дома №15, прописал моего отца, Железнова Якова Яковлевича, на постоянное место жительства.

Тогда мой отец работал в качестве повара в столовой №7. Это на Таганской площади.

До 5 лет я жил в деревне Астапово вместе с семьёй. У нас было крестьянское хозяйство. Лошадь, две коровы, овец было 16 шт., два поросёнка, кур было около 30 шт.

Надвигалась коллективизация и в Московской области.

Однажды приехал отец и провёл с нами как бы домашнее собрание, где было принято решение всё продать и переехать на постоянное место жительства в Москву. Это было где-то в августе месяце 1928 года.

Отец, находясь в отпуске, продал всё хозяйство, кроме дома и коровы, которая давала очень хорошее, густое, большой жирности молоко

В 1928 году, в конце августа месяца, наша семья в составе: отец, мать, брат Михаил, сестра Вера, я, сестра Аня -переехали на постоянное жительство в Москву, Гжельский переулок, д.15, кв. 11.

Старшая сестра Вера в 1928 году с 1 сентября пошла учиться в школу. Затем в 1931 году, когда мне исполнилось 8 лет, меня тоже отвели в школу №5. Это была начальная школа от завода «Серп и Молот», в то время этот завод носил название «Гужон».

После окончания в этой школе 4 класса, нас перевели в среднюю школу №37, поздней ей, этой школе, присвоили №466.

Обучаясь в школе, я имел склонность к рисованию. Сперва я был избран в редколлегию. Это было в 6 классе школы №466, где совместно с ребятами оформлял стенгазету. Газета была красочно оформлена и на смотре-конкурсе, который проводился в школе, наша газета 5 класса «а» заняла первое место. С тех пор наша газета была одной из лучших стенгазет школы.

Как-то на нашем пионерском собрании школы встал вопрос о выборе школьной редакционной коллегии. Я в то время учился в 8 классе «а», и меня избрали в школьную редакционную коллегию. Я продолжал учиться и выполнять общественное поручение в редколлегии своего класса и школы.

В 1938-39 учебном году, в ноябре месяце, в школе №466 производилась проверка Городским отделом народного образования. В этой комиссии работал представитель Московского Дома пионеров. Он оказался художником, преподавателем студии художников при Московском Доме пионеров. Ему очень понравилось художественное оформление стенгазет. Директором нашей школы была Шапиро Наталья Львовна.

На разборе комиссия отметила положительные стороны работы школы и недостатки.

На разборе выступил представитель Московского Дома пионеров (я не помню его фамилию), который обратился к директору школы Шапиро Н.Л. и попросил её, чтобы вызвали оформителя стенгазет.

После разбора меня вызвала директор школы к себе. Когда я шёл к директору школы Шапиро Н. Л., то я всё мысленно перебирал, в чём я оказался виновным, почему меня вызывает директор школы. Эта мысль родилась у меня потому, что по дисциплине у меня были погрешности. И вот, придя к директору, я увидел сидящего на стуле интеллигентного мужчину, который решил, что это я и есть, обратился ко мне: «Ты Железнов Коля?». Я ему ответил: «Да, это я!».

И тогда он, заинтересовавшись тем, что я оформляю стенгазеты класса и школы, задал мне вопрос: хочу ли я учиться живописи? Я сказал, что мечтаю быть художником.

Он мне посоветовал, чтобы завтра, после занятий в школе, я, захватив с собой всё, что относится к живописи, приехал в Московский Дом пионеров. Дал мне адрес и сказал, кого найти.

Я так и сделал, как мне советовал этот представитель Московского Дома пионеров.

Оказалось, что я должен был найти его в Доме пионеров. Он руководил студией художников. Оказалось, нас, таких как я, в этой группе 28 человек со мной.

Проучился я два года, и нам, трём ученикам, предложили поступить в студию им. Грекова.

Учился на вечернем отделении, так как отец сказал мне, что 10 классов я должен закончить, поэтому надо устраиваться на вечернее отделение.

Принят я был без экзаменов, так как мои художественные работы были как бы образцом и понравились приёмной комиссии.

В июне месяце 1941 года я закончил 2-й курс художественной студии им. Грекова и 21 июня 1941 года у нас состоялся выпускной вечер 10 классов школы №466.

После выпускного вечера в школе было принято гуляние. И мы совместно с классным руководителем Осиповой Валентиной Петровной пошли на гуляние по набережной реки Москвы, на Красную площадь, затем на ул. Горького (ныне Тверская) и, с появлением первого трамвая №27, который ходил до Заставы Ильича (Рогожская застава), поехали домой. Было очень весело, так как многие из нас играли на гитаре, много пели, плясали, одним словом, выпускной вечер справляли хорошо.

Я лег спать, потому что очень устал, и эта усталость особенно проявилась дома, так как пришел в 6 часов утра.

В этот день, 22 июня 1941 года, мне особенно спалось, так как мать разбудила меня в 10 часов и говорит: «Сынок, послушай радио. Война, немцы напали на нас. Киев и Одессу бомбили».

Тогда мне было 18 лет. Мы были все воспитаны в духе животворного советского патриотизма. Я, например, думал так: война долго не протянется. Немцы будут вскоре наголову разбиты, и победа будет за нами. Война продлится не более 2-3 месяцев.

Но враг оказался значительно сильнее и коварнее, чем мы думали. Враг с боями продвигался вглубь страны. Вот уже взят Минск. Враг опять прорвал оборону и устремился к Смоленску. Развернулись жес-

токие бои. Сообщалось о том, что в боях принимало участие до 3 тысяч танков. Смоленск пал.

Москва уже стала фронтовым городок. Тогда при ЖЭКах комсомольские организации объединяли всю молодёжь, которая не работала. Враг всё ближе и ближе подходил к Москве.

Были созданы из нас молодёжные отряды, которые дежурили ночью и днём на чердаках домов.

В то время поступило распоряжение очистить все чердаки от мусора и хлама, полы посыпать песком. Эту работу мы выполнили добросовестно. Установили бочки, которые расположили друг от друга на 10-15 метров и все бочки заполнили водой.

Налёты немецко-фашистской авиации участились, и нам действительно пришлось установить график дежурства, который четко выполнялся.

В один из таких налетов зажигательная бомба пробила крышу дома, мне тогда пришлось дежурить вдвоём с Алексеем Пузырёвым, так мы с ним эту термитную зажигательную бомбу схватили железными щипцами и бросили в бочку с водой. Бочка едва выдержала, так как бурлящая вода брызнула через край бочки.

Таким образом мы с Лёшкой Пузыревым предотвратили пожар дома, за что получили благодарность от начальника ЖЭК и комсомольской организации.

Отец мой говорит: «Сынок, давай будем как-то определяться, ведь немцы наступают и все ближе к Москве подходят. Давай пока на завод пойдёшь». Пошёл к соседу дяде Косте. Он тогда работал на военном заводе №205 им. Н.С. Хрущёва, который выпускал приборы управления зенитным огнём (ПУАЗО). И вот, на следующий день я с дядей Костей пошёл на завод, где он устроил меня учеником слесаря-механика

Так я стал рабочим завода №205. Работал учеником у дяди Кости. Он был большой специалист, имел 7-й (высший) разряд слесаря-механика. Он меня добросовестно учил, а я добросовестно, во всяком случае, старался выполнить так, чтобы он меня похвалил. Ведь он мой сосед. И показаться ему бестолковым я не хотел.

Когда он меня научил всему, что он умел делать на отлично, он мне и говорит: «Давай обратимся к начальнику цеха и попросим его, чтобы ты работал самостоятельно». Я усомнился, что справлюсь, однако он мне сказал, что со всеми теми операциями, которым он меня научил, справишься.

Было решено проситься на самостоятельную работу. Начальник цеха сборки говорит: «Ну что же, тов. Чижиков К.П., давай определяй ему место, и под твоим руководством пусть работает». Вызвал сменного мастера и приказал выдать мне наряд. «Но я, – говорит мастер, не могу на ученика оформить самостоятельный наряд». Тогда оформи на Чижикова Константина Павловича, а делать будет Железнов Коля. Так было и сделано. Поставили мне станину, и я приступил к работе. Конечно, не всё получалось, как говорят, «первый блин всегда комом». Так, с помощью дяди Кости, я собрал прибор, и военпред, который принимал от меня прибор, похвалил, так как ошибки и погрешности, которые были, легко устранялись.

Когда дядя Костя проверял прибор, то прямо сказал: «Ты весь в своего отца. Он тоже, за что бы ни взялся, всё делал сам», и, похвалив, сказал: «Молодец! Теперь ты можешь работать самостоятельно, но надо получить разряд!»

Он куда-то ходил, с кем-то даже поругался, но через два дня нам, ученикам, устроили экзамен, на котором мы должны были выполнить определённую работу.

Я старательно выполнил все задания, и мне присвоили 4-й разряд слесаря-механика.

И вот я овладел специальностью слесаря-механика по сборке точных приборов ПУАЗО.

А тем временем немцы уже подошли к Вязьме.

Наша семья получила похоронку. Мой старший брат, Михаил, пал смертью храбрых.

Я очень любил своего брата Михаила. Он обладал большим поэтическим даром, я его считал вторым Есениным, а Есенин был наш земляк, он жил от нашей деревни всего в 18 км.

Мне очень хочется прочитать одно его стихотворение «Гроза» , которое мне запомнилось:

Звенящим серебром паля,
Дождя искристые разлёты
Блестят, как вынутые соты,
Под ветром стонут тополя.
Заполоскались в ливне ветлы,
Вскипели чёрные пруды.
Прошли ручьи по огородам,
Живую влагу пьют сады,
Чтоб в них тяжёлые плоды
Наполнились румяным мёдом.
Сверкая проливным огнём,
Проходит туча величаво.

Редеет дождь, слабеет гром,
От радости заплакал клён,
Оспорив светлой жизни право.
Редея, облака прошли.
И снова солнце миром правит,
Гроза идёт за край Земли,
И где-то на небе вдали
Она зелёный праздник славит.

Мой брат Михаил печатался в районной газете Первомайского р-на, в газете завода «Серп и Молот» «Мартеновке».

Когда мы получили письмо, где сообщалось о его гибели и месте захоронения, это для нашей семьи было большой утратой. Все мы очень переживали.

16 октября немцы подошли к Москве. К этому моменту на завод поступило решение об эвакуации завода №205 в г. Саратов.

Я было решил остаться в Москве, как этого хотела моя семья, но это оказалось делом непростым. Когда я сказал о своём желании остаться в Москве, мне начальник цеха сказал: «Нет, браток, ты поедешь с нами в эвакуацию, в г. Саратов, если тебе что-то не ясно, обратись к начальнику отдела кадров». Я пошёл к начальнику отдела кадров. Раньше, бывало, я заходил туда, сидел там дядя Ваня в гражданском пиджаке. Но, зайдя в этот раз, я с удивлением увидел, как преобразился дядя Ваня: на нём была военная форма, в петлицах четыре шпалы, т.е. полковник, а в орнаменте на рукаве «Щит и меч» эмблема НКВД. Вот вам и дядя Ваня, казавшийся всегда простым и доступным! Я както оробел от неожиданной такой перемены, что вижу перед собой военного человека, стою и молча переминаюсь с ноги на ногу.

«Что тебе нужно?» – обратился он ко мне.

Мы были мальчишки и дядю Ваню очень уважали. В прошлом он был кавалерист, командовал эскадроном в Первой Конной армии им. С.М. Будённого, ходил рейдом под Варшаву, где нашим войскам дали, что называется, подзатыльник.

Он мне объяснил, что время сейчас суровое, что никаких соображений и быть не может, а потом, смотря мне прямо в глаза, сказал: «Разве мы вас учили и выучили напрасно, чтобы просто так вас взять и отпустить? Нет! Мы рассчитываем на вас. Так что иди, Коля, работай, а через неделю, двадцать второго, будет отправляться эшелон. Поедешь с ними в эвакуацию. Если решишь своевольничать, то, несмотря на моё к тебе хорошее расположение, мне придётся передать

твоё дело в соответствующие органы. Тебя будут судить по законам военного времени. Все понял?» Я ответил утвердительно. «Вот и хорошо», сказал он.

Пришёл я к отцу и говорю, так, мол, и так, папа, я должен ехать в Саратов. Он тоже спросил: «Нельзя ли остаться?». Я ему рассказал про наш разговор с начальником отдела кадров. Делать было нечего. Стали собирать меня в дорогу. Пошили мне из брезента вещмешок. Рюкзаков тогда мало было, да и стоили они уж очень дорого, а зарабатывали тогда немного. Собрали меня, и 22 октября к 16 часам я прибыл на завод, а в 20 часов наш эшелон отбыл в Саратов.

Когда немцы подошли к Москве, в городе возникла паника. Началась паника 15 октября 1941 года.

Я видел, как рабочие завода «Серп и Молот» вышли на площадь Ильича, от которой начинается знаменитый Владимирский тракт, а ныне это шоссе Энтузиастов. Именно по этой дороге, бросая на произвол судьбы свои предприятия и заводы, а вместе с ними и рабочих, бежали из Москвы чиновники различных рангов. Бежали с домочадцами и со всем скарбом. Для этой цели многие взяли грузовики, принадлежавшие не им лично, а заводам, фабрикам, учреждениям. Заправили их бензином, захватили с собой горючее, погрузили своё добро и рванули на восток.

Но рабочие этому воспрепятствовали: как же так? Начальство бежит, а нас тут бросают без руководства. Рабочие стали останавливать машины, вышвыривать оттуда этих чиновников вместе с семьями, а также и имущество на дорогу, которое тут же разворовывалось. Очень быстро эти волнения распространились по всему городу. Стали грабить магазины. Я видел, как обезумевшая толпа разграбила трёхэтажный универмаг на площади Ильича. Всё расхватали и разнесли по домам.

Вскоре моему однокласснику Жорке Пророкову пришла повестка в военкомат. Он был постарше меня на один год, и ему исполнилось уже 19 лет, и шёл 20-й год. Но друзьям Жорки хотелось проводить его в армию «по-человечески», но водки уже не было, достать где-либо невозможно, и Жоркин отец подсказал нам: возьмите, говорит, политуру! Политура это бесцветный мебельный лак, сделанный на спиртовой основе и расфасованный в пол-литровые бутылки. В каждую бутылку нужно было засыпать две столовые ложки соли, затолкать в бутылку вату и хорошенько этой бутылкой потрясти, да так, чтобы соль растворилась. От воздействия соли лак выпадал в осадок, и вата исполняла роль собирателя лака, а спирт, полученный таким образом, мы сливали в другую бутылку.

Но мы были ещё мальчишками, организмы неокрепшие, и, видимо, мы перебрали, так как были сильно пьяны и, видимо, отравились. У меня, например, по всему телу выступила на следующий день сыпь в виде покраснения.

Именно сыпь-то меня и спасла!

Разумеется, московское руководство не могло оставить случаи грабежей и мародерства безнаказанными, очень много моих товарищей, кто принимал участие в грабеже универмага на площади Ильича, арестовали. За мной тоже приходили, но, увидев, в каком я виде, меня не тронули. Мои родители сказали, что я отравился, будучи на проводах у своего товарища, и в день грабежа меня не было. Вот, как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!

Как я уже говорил, 22 октября 1941 года я уехал с эшелоном в эвакуацию в Саратов.

Позже, в декабре месяце 1941 года, я прочёл в газете «Правда» как раз об этом деле. Оказывается, моих товарищей судили и каждому дали по 10 лет лагерей. В статье писали, что вот, мол, сидят на скамье подсудимых десять выродков, которые пренебрегли всеми советскими законами, превратились в грабителей и так далее. Жестокая статья была. Ведь я их всех знал, кто они и что из себя представляют. Среди них был и мой друг Саша Прыткин, с которым я учился вместе. В день проводов Жорки Пророкова Саша Прыткин куда-то уезжал, и его не было дома, но его всё равно арестовали и осудили. Позже всем им заменили лагерь на год штрафной роты. Саша Прыткин чудом уцелел, чудом выжил. Он был ранен, попал в госпиталь, а из госпиталя вернулся домой инвалидом войны, пожил немного, где-то лет десять, и умер. Ранение у него было очень тяжёлое, рука была перебита, да так, что пальцы едва шевелились. Раздробленные кости не срастались. Осколок в лёгких сидел.

По прибытии в г. Саратов мы быстро восстановили завод. Чтобы понять, какими темпами всё делали, скажу, что на пятый день после прибытия на Саратовский вокзал мы уже приступили к сборке приборов!

Конечно, стен мы не возводили, дали нам уже готовое помещение бывшего Саратовского сельскохозяйственного института. Территориально он находился напротив 1-го и 2-го Саратовских танковых училищ, за городом, рядом с аэродромом.

Работали мы, без преувеличения, и днём и ночью. Где-то в конце февраля – начале марта 1942 года вышло постановление по заводу: перенести койки прямо в рабочие цеха. Кушать мы ходили в столовую, мылись в душе. Работали по 14-16 часов в день, а иногда, может быть, даже больше. Особенно это приходилось на конец месяца. Выходных дней не было. Поспишь часов 5-6 в сутки, тебя будят, встаёшь и идёшь работать. Мы жили и работали с одной мыслью о том, чтобы дать фронту всё необходимое, и это не лозунг и не пропаганда.

Мы действительно так жили, и хотя сейчас это кажется невероятным, но человек может ко многому привыкнуть и многое вынести.

До февраля месяца 1942 г. у нас была военная приёмка, которая осуществлялась офицерами-военпредами. В званиях они были: старший лейтенант и капитан. Возглавлял военную приёмку полковник Фохт.

В феврале месяце 1942 г. старший военпред полковник Фохт вызвал меня, моего друга Волкова Николая и предложил нам работать техниками военной приёмки. Мы сказали, что у нас нет технического образования и мы, наверное, не справимся с этой обязанностью, но он нам объяснил, что мы, делая эти приборы, уже подготовились к этой работе. Я поинтересовался насчет заработка. Он сказал, что заработок нам будет увеличен на 25-30%. Мы оба согласились и стали работать техниками-военпредами завода. Только у нас изменился режим работы. Мы теперь стали выезжать на полигон с приборами ПУАЗО делать пробег 500 км

Всех военпредов-военнослужащих отозвали в Главное артиллерийское управление.

Воспользовавшись тем, что я принимал участок капитана Корлинского, я обратился к нему с просьбой, не мог бы он попутно отвезти моей маме пальто, костюм выходной, потому что я уже тогда собирался пойти добровольцем на фронт. В армии ни пальто, ни костюм мне бы не пригодились. Всё равно пришлось бы отдать кому-то всё за «так». А пальто драповое и костюм пригодились бы в семье. Ведь в то время буханка хлеба на рынке стоила 300 рублей.

Всё в ценности и сохранности капитан Корлинский передал моей матери.

Я уже говорил, что питались мы в столовой.

Все продукты выдавались только по карточкам. Если кто потерял карточку, то это была катастрофа. Этих людей «подкармливали» в столовой из числа того, что оставалось фактически от обеда. Мыло тоже выдавали по карточкам. При этом цены на всё были государственные, а не рыночные.

Мне пришлось работать вместе с моим товарищем, с которым я учился в 466 средней школе, Волковым Николаем. Когда меня дядя Костя, мой сосед, устроил на завод №205, то Волков Николай тоже последовал моему примеру. Он обратился ко мне, чтобы я его устроил работать на завод №205. Но так как этот завод был секретным, то

мне пришлось идти к начальнику отдела кадров, дяде Ване. Я попросил его, чтобы моего товарища завтра пропустили по заявке начальника отдела кадров и взяли на работу.

Таким образом, Волков Николай стал работать тоже слесарем-механиком, а потом техником военной приёмки.

Однажды мы с Колей Волковым разговорились, что жизнь такая надоела, и решили: надо уходить в армию, на фронт.

Я пошёл в Первомайский РВК г. Саратова, где мы были приписаны, обратился к райвоенкому с заявлением, где просил призвать меня в ряды Красной Армии. Подполковник вызвал девушку и дал указание принести моё приписное свидетельство. Она принесла, этот подполковник, прочитав, порвал моё заявление и сказал, чтобы с такими вопросами я к нему больше не обращался. Я спросил: «Почему?». Он мне чётко разъяснил: «У вас бронь Центрального Комитета партии ВКП(б)».

Я приехал на завод с Колей Волковым, обсудили ситуацию и решили идти к Фохту, но тут нам повстречались наши друзья, тоже техники военной приёмки, Смирнов Анатолий и Мухамедшин Мухамеджа Шариджанович. Они поинтересовались, куда мы идём. Мы им рассказали всё, как было. Они поддержали нас, и мы все вчетвером ввалились в кабинет полковника Фохта.

Пришли мы к нашему полковнику Фохту, изложили суть дела. Он спрашивает: «Куда же я вас направлю? Сейчас набора в училище ещё нет, рано. Будет только в июне-июле месяце».

Но всё же он вошёл в наше положение, посадил в свою машину М-1 и поехал с нами в военкомат. Там выяснилось, что есть какие-то ускоренные курсы по подготовке командиров отделений в пехоту. Вот на эти ускоренные курсы нас и определили.

Через полтора месяца мы закончили курсы. Нам присвоили всем звание сержанта – в петлице по два треугольника.

В день выпуска нас построили на плацу. Приехали какие-то офицеры и полковники.

Начальник курсов зачитал с трибуны приказ о присвоении нам звания, поздравил и затем, сойдя с трибуны, скомандовал: «Слушай мою команду! Смирно!

– Кто имеет высшее или неоконченное высшее образование, десять шагов вперёд!

– Кто имеет среднетехническое или неоконченное среднетехническое образование, пять шагов вперёд!

Кто окончил десять классов, три шага вперёд! Шагом марш!»

Мы вышли из общего строя, кто на 10 шагов, кто на 5 шагов, а кто на три шага, и последовала команда «направо» и «сомкнись».

Построили нас и повели к штабу.

Объявили:

Кто желает поступить в военно-политическое училище к полковнику такому-то…

– Кто желает поступить в артиллерийское училище – к полковнику такому-то…

– Кто желает поступить в 1-е Саратовское танковое училище – к полковнику такому-то…

Мы, посовещавшись, решили пойти в 1-е Саратовское танковое училище.

И только мы направились к танкисту, слышу окрик. Меня подзывает полковник, который вербует в Военно-политическое училище. Я подошёл, доложился, сержант Железнов по Вашему приказанию прибыл. Он меня спросил, не хотел бы я поступить в Военно-политическое училище. Я ответил: нет, я решил вместе со своими друзьями пойти учиться в 1-е Саратовское танковое училище.

Он меня стал уговаривать, что, мол, окончишь училище, будешь политработником, а если проявишь себя, то батальонным командиром станешь!

Но я не поддался на уговоры и сказал: «Товарищ полковник, я уже решил. Я пойду со всеми ребятами, моими друзьями, в танкисты».

Так я ушел и был зачислен в 1-е Саратовское танковое училище. Это было где-то 25 июня 1942 года. Сразу после зачисления, все прибывшие прошли карантин.

Вообще, в то время образование 10 классов считалось хорошим, это очень ценилось, поскольку большинство ребят имели образование 4-7 классов. Многие после 7 классов шли либо в техникумы, либо на заводы, либо с 1940 года – в ремесленное училище(более известное как ФЗУ), откуда через 6 месяцев они выходили квалифицированными рабочими.

Проучился я один год, в июне месяце наше училище получило танки Т-34(76), а до этого нас учили на канадских танках «Матильда». Между прочим, пушка у «Матильды» – 40 мм.

Танк «Матильда» – это просто огромная мишень. Лобовая броня составляла 40 мм. Танк в целом был неуклюжим. У него стояло два силовых мотора типа «Леймьед» по 90 л.с. Всего 180 лошадиных сил. Для такой махины было мало мощности. Вес танка 15 тонн.

Итак, с июня по сентябрь месяц нас учили на отечественных танках Т-34(76). Придавалось большое значение изучению материальной части орудия – пушки 76 мм ЗИС – С-35 и изучению двигателя, трансмиссии. Если о башне, корпусе и прочем мы уже имели представле-

ние, то, скажем, о танковом дизеле мы ничего не знали. Двигатель на танке Т-34 стоял весьма мощный, марки В-2В 450 лошадиных сил, а марки В-2К уже имел 500 лошадиных сил.

В 1-м Саратовском танковом училище нас учили на командиров взводов. При сколачивании экипажей танков я, как командир взвода, должен был позаботиться о том, чтобы члены экипажа танка могли друг друга заменить. На танках были установлены радиостанции типа 9-Р, 9-РС или 9-РМ, они нужны были для управления и поддержания связи. Окончил я училище с отличием. Как раз в то время вышел приказ об упразднении института военных комиссаров, (приказ вышел 9 октября 1943 года) и введении института заместителей командиров по политической части.

До этого политработники имели звания: младший политрук, политрук, старший политрук, батальонный комиссар и так далее. Теперь стояла задача обучить и переаттестовать их.

Наш выпуск как раз пришёлся на время начала этой переаттестации. Всем тем, кто окончил училище с отличием и на «хорошо», предложили остаться на три месяца. Предложили и мне. Я согласился быть назначенным командиром взвода курсов переподготовки офицеров политсостава.

Политработники проходили переподготовку, и возраст их колебался от 25 до 42 лет. Мне тогда, в 1943 году, в мае месяце, исполнились 20 лет.

Что характерно, мне тогда было присвоено первичное офицерское звание младшего лейтенанта, т.е. по одной звездочке на погонах. Офицеры-политработники имели от двух кубиков (что означало – лейтенант), до одной шпалы (что означало – капитан).

Вот такое было различие возрастное и в воинских званиях. Мне, юноше, с ними было трудно. Они годились мне в отцы по возрасту.

Помню, однажды, я был дежурным по батальону. Прихожу в казарму, а во взводе стоит только три человека (а всего во взводе было 42 человека). Я у дневального спрашиваю, где остальные? Оказалось, 38 человек в самоволке.

Утром докладываю своему командиру роты, лейтенанту Бочастову: так, мол, и так, во время дежурства обнаружилось, что 38 человек находятся в самоволке.

Он меня спрашивает: «Вы кому-нибудь докладывали об этом или нет?». Отвечаю: «Нет, я никому не докладывал». Он мне говорит: «Молодец, что никому не докладывал».

Потом, когда все вернулись из самоволки, командир роты построил наш взвод и сказал, что это, мол, никуда не годится, что вполне до-

статочно, что по воскресеньям мы Вам даём увольнительную, и Вы отдыхаете. А чтобы каждый из Вас почувствовал ответственность, то мы сделаем так: каждую неделю каждый из Вас по очереди будет командовать взводом, потому что иначе рано или поздно придёт проверка, установит факт самоволки и командир взвода получит служебное несоответствие, и военная карьера его на этом закончится. Вот такой был случай, и я горжусь, что у меня хватило смелости доложить об этом, потому что в самоволку ходили до меня, но никто не докладывал.

После того, как кончилась программа переподготовки, всем офицерам политсовета были присвоены звания и нас отправили в г. Горький, в 3-ю запасную учебно-танковую бригаду, где офицеры получали маршевые взводы, роты. Укомплектовывались подразделения личным составом, материальной частью танков.

Происходило сколачивание подразделений в поле. Например, при сколачивании взвода мы отрабатывали такие задачи, как наступление взвода, взвод в обороне, взвод на марше, отстрел упражнений. Сколачивание роты происходило по той же тематике, что и взвода.

Хочется остановиться на том, что встречается в бою.

Отстрел упражнений, как правило, производился на полигоне из учебных танков. Но мы-то получаем технику с заводов, которая приходит на укомплектование взводов, рот, батальонов и т.д.

Отстрел не производится и, как всегда, танки с разгрузки идут на исходные рубежи и в атаку, а там ведь, если ты промажешь – не попадёшь по цели, то тебя обязательно «вмажут».

Дело ведь вот в чём: мы оказываемся на фронте с незнакомыми машинами. Наводчик командир орудия не знает боя своей пушки, механик не знает, что может и чего не может его двигатель, и так далее.

Разумеется, мы стремились узнать свои машины получше до боя, для этого использовали всякую возможность.

Прибыли мы с маршевой ротой на станцию Боярка, что в 20 км южнее г. Киева, в распоряжение командира 10 гв. танкового Уральского Добровольческого корпуса генерал-лейтенанта т/в Г.С. Родина.

Там размещалась и техническая часть, которую возглавлял инженер-полковник Ширяев.

Так как мой взвод, которым я командовал в маршевой роте, по прибытии в корпус был как бы роздан по танку в каждую танковую бригаду, а мой танк, так как он имел радиостанцию дальнего действия (РСБ), направили в распоряжение начальника штаба корпуса – полковника Лозовского.

Но у полковника Лозовского был уже экипаж, который так же, как и мой экипаж, владел радиостанцией дальнего действия, поэтому

экипаж, с которым я прибыл, был выведен в резерв, а меня, как офицера, направили в распоряжение начальника оперативного отдела штаба корпуса на должность нештатного офицера связи.

В то время часть вела бои за овладение сахарным заводом, станцией и городом Фридриховка.

Части корпуса 61, 62 гвардейские танковые и 29 гв. мотострелковая Унечская бригады попали в окружение, и связь с ними была потеряна. Начальник оперативного отдела штаба корпуса вызвал меня. Он дал такой приказ: пройти через линию фронта, добраться до окружённых частей корпуса во Фридриховке и получить от командиров частей 61 и 62 гв. танковых бригад и 29 гв. мотострелковой бригады данные о списочной численности, потерях в живой силе и технике, вернуться утром с этими данными и доложить.

Для выполнения поставленной задачи в мое распоряжение выделили 7 солдат, вооружённых винтовками и гранатами.

Примерно в 15.00 (числа не помню) я вышел с солдатами для выполнения поставленной задачи и направился лощиной к командиру роты, находящемуся на переднем крае, в окопах.

Когда подходили к переднему краю, нас обстреляли немцы, и наша группа вынуждена была вернуться и дождаться темноты. Раненного в пятку солдата отправили в медсанзвод.

С наступлением темноты мы выдвинулись к переднему краю. Нашли командира роты. С ним я уточнил расположение немецкой обороны, и только после этого двинулись на Фридриховку. До Фридриховки было примерно 4 километра, шли мы лощиной. Подошли к шоссейной дороге, и вдруг донёсся звук работающих моторов. Это шла немецкая колонна танков и очень много автомашин, тяжелых машин типа дизель «Ман». Мы спрятались под мостом. Когда прошли все танки, мы двинулись вперёд. Отошли от дороги примерно метров 300-350, нас окликнули: «Стой! Кто идёт!». Так как речь шла на русском языке, я встал во весь рост и сказал: «Идёт офицер связи штаба корпуса», конечно, пароль я не знал, поэтому последовал приказ: «Офицер связи ко мне, остальные на месте!». Я подошёл, меня, конечно, никто не знал, поэтому для выяснения личности мне приказали идти за солдатом, который привёл меня в блиндаж, где уточнил всё, и нам разрешили следовать в штаб 29 гв. мотострелковой бригады, где я представился начальнику штаба бригады. Меня расспросили о состоянии дел. Составили донесения за все части 61, 62 гв. танковых бригад и 29 гв. мотострелковой бригады. Захватив изрядно трофеев, особенно шоколада, мясных консервов, сыра и пр., мы двинулись в обратный путь, так как было уже где-то 2-3 часа ночи.

Пройдя всё расстояние обратного пути, я решил с тыла подойти незаметно к пулемётному гнезду немцев, которое нас обстреляло из пулемёта МГ-34. Я подозвал к себе командира отделения, поделился с ним этой идеей, он согласился со мной, и мы подползли почти вплотную. До пулемётного гнезда оставалось где-то 15-20 метров. Послали двух солдат с ножами, они бесшумно сняли солдат – немцев. Я подполз в гнездо, мы забрали документы и пулемёт, но в это время с нашей стороны, где стояли наши в обороне, была пущена ракета. Ракета осветила нас, и немцы, увидев нас, открыли огонь.

С большим трудом мы добрались до своих, потеряв двух человек ранеными. Задача была выполнена. Донесение в срок было доставлено в оперативный отдел штаба корпуса и вручено майору Зайцеву В.И.

В этих боях 63 гв. танковая бригада совершала марш из Романувки, танк командира бригады подполковника Фомичёва М.Г. подорвался на мине.

Начальник штаба корпуса полковник Лозовский по приказу командира корпуса передаёт свой танк командиру 63 гв. танковой бригады подполковнику Фомичёву М.Г.

Полковник Лозовский собирает мой экипаж и меня и ставит задачу прибыть на танке в пункт Н, найти подполковника Фомичёва М.Г. и доложить ему, что радийный танк прибыл в распоряжение.

Таким образом, я со своим экипажем прибыл в распоряжение командира 63 гв. танковой бригады.

Далее события развивались исходя из поставленной задачи 63 гв. танковой бригаде войти в прорыв и развивать наступление на г. Каменец-Подольский, составляя передовой отряд 10 гв. танкового Уральского Добровольческого корпуса и так в составе 63 гв. танковой бригады, выполняя поставленную задачу, наступать в направлении г. Скалат районного центра Тернопольской области, далее Гусятин, Каменец-Подольский.

На подходе к городу Скалат произошёл ожесточённый бой, но челябинцы, действуя внезапно, уничтожили противника и 13 марта бригада по существу на плечах немцев, ворвалась в г. Скалат. Помнится мне один случай на окраине города. Вход в город – шоссейную дорогу охранял немецкий танк «тигр», и буквально, как только появился наш танк, он становился мишенью. Надо было как-то уничтожить этот танк «тигр». Подполковник Фомичёв М.Г. вызвал к себе командира взвода роты управления. А в роте управления были два танка типа «Валентайн». Комбриг ставит задачу командиру взвода уничтожить танк «тигр». Командир танка «Валентайн» повёл свой танк кустарником, который примыкал к окраине г. Скалат почти вплотную. Танк подо-

шёл незаметно. Ведь высота танка всего 1,95 м. Видимо, немецкий танкист не видел подошедший танк «Валентайн» на расстояние где-то около 200 метров. «Валентайн» дал один выстрел в борт «тигра», и «тигр» загорелся. Выпрыгнувший немецкий экипаж сразу же попал под огонь наших автоматчиков и был перебит.

И сразу же наши танки во взаимодействии с пехотой пошли в атаку. Немцы, бросив свои орудия и другую технику, бросились наутёк.

А 22 марта вражеский гарнизон, оборонявший районный центр Гримайлув, бросил сопротивление и бежал. Были захвачены пленные и трофеи, причём очень богатые трофеи.

На железнодорожной станции стояло много составов, главным образом с награбленным добром.

Командованием армии было принято другое решение- наступать на Каменец-Подольский.

Город – районный центр – был взят с ходу. Немцы мирно жили и не ждали нас с северо-запада, а когда хватились, открыли беспорядочный ружейно-пулемётный огонь, но было уже поздно. Танки с ходу таранили как бронированные машины, так и транспортные машины.

Теперь мы вышли на дороги, а то ведь земля превратилась в грязное месиво, дожди, чернозём, люди проваливались по колено в грязь, передвигаться было почти невозможно. Все транспортные машины были взяты на буксир. Специально для этой цели были выделены танки батальона майора Гоя. Впереди Оринин – небольшой городок, ныне село. Этот путь мы прошли быстро и 24 марта вошли без боя в г. Оринин. Мой танк первым вошёл в город.

Здесь комбриг сделал бригаде отдых. Мы там дозаправились и пополнили боезапасы. Население Оринина встретило нас с восторгом, очень тепло. Несли к танкам соленья, сало, молоко, творог, сметану.

До Каменец-Подольского остаётся 20 км, командир бригады приказывает включить фары и двигаться с включенными фарами.

Немцы не подозревают, что мы можем появиться в глубоком тылу у них. Спокойно движутся по дороге, но наши танкисты давят обозы, машины, бронетранспортёры немцев. С наступлением сумерек врываемся в Должок, это предместье г. Каменец-Подольского и, почти без боя, овладеваем им. Нам достались огромные трофеи – это около 4,5-5 тыс. автомашин разных марок, причём многие машины были гружёные. На улице Должка шикарные легковые автомашины.

С включёнными фарами врываемся на западную окраину Каменец-Подольского, со стороны Турецкой Крепости. Далее на мост через реку Смотрич.

Гитлеровцы не ожидали, в нижнем белье выскакивали из домов и попадали под губительный огонь наших автоматчиков, сидящих на танках десантом

Кое-где противник стал оказывать сопротивление. Выползавшие из переулков немецкие танки попадали под губительный огонь наших танков. Бои продолжались всю ночь 24 марта и особенно разгорелись днём 25 марта. Приходилось драться за каждый дом. К утру 26 марта бои стихли. Немцы стали сдаваться не только поодиночке, но и взводами и ротами.

В сводке информбюро было записано: «Войска 1-го Уральского фронта, развивая наступление, вчера, 26 марта, в результате стремительного удара танковых соединений и пехоты овладели областным центром Украины – городом Каменец-Подольский – сильным опорным пунктом немцев на Днестре. В боях за овладение городом Каменец-Подольский отличились части полковника Смирнова, полковника Жукова, полковника Денисова, полковника Фомичёва…».

Я, как командир радийного танка командира бригады, стою около Фомичёва М.Г.. Он мне говорит: «Ты, наверное, что-то перепутал». Дело в том, что Фомичёв М.Г. до этой сводки приказа Верховного Главнокомандующего Маршала Сталина был в звании подполковника.

И примерно через 10-15 минут командиры 29 гв. мотострелковой бригады – полковник Смирнов, командир 61 гв. танковой бригады – полковник Жуков и командир 62 гв. танковой бригады – полковник Денисов шумными голосами поздравляют Фомичёва М.Г. с присвоением звания полковника. Фомичёв М.Г. говорит им, что он только что читал сводку. Давайте позвоним в штаб корпуса, так ли это. Начальник штаба корпуса полковник Лозинский подтверждает, что да, действительно, Вам, товарищ Фомичёв М.Г., присвоено Верховным Главнокомандующим досрочно звание полковника.

Ну что? Меня выпроводили, а Сабко М.Н., ординарец комбрига, уже хлопочет в отношении того, чтобы обмыть присвоение звания. Я ушёл к своему танку, и Сабко Марк Наумович прибежал ко мне и говорит: «Дай спирту». Надо обмыть «полковника». Накануне я заправил 90-литровый бак чистым спиртом и 60-литровый бак тоже чистым спиртом на ликёроводочном заводе. Спирт был захвачен нами в качестве трофеев в г. Каменец-Подольском.

К вечеру, примерно к 16 часам, обстановка резко изменилась.

Проскуровская группировка, сосредоточив большое количество танков и живой силы, прорвала оборону Советской армии и двинулась на село Жердье, Оринин, в последующем захватить Каменец-

Подольский. Командование корпуса вынуждено было принять решение и провести тотальную мобилизацию в корпусе, с целью не допустить захвата города немецко-фашистскими войсками.

От командующего 4-й танковой армией генерала Лелюшенко Д.Д. была получена телеграмма, адресованная командиру корпуса генерал-майору Белову Е.Е., немедленно направить батальон танков для оказания помощи штабу армии, попавшему в г. Оринин в окружение гитлеровцев.

Вот наступил тот ответственный момент, когда радийный танк с радиостанцией РСБ дальнего действия был командирован на выполнение поставленной задачи, т. е. идти на выручку попавшего в окружение штаба 4-й танковой армии.

Дорога через Турецкий мост крепости и сам мост были заминированы нашими сапёрами.

Командир взвода сапёров 131 гв. сапёрного батальона лейтенант Рябушко В.М. разминировал дорогу и мост, освободив дорогу, пропустил нас на тот берег, и мы в составе 7 танков направились в город Оринин, где был в окружении штаб 4 танковой армии.

Пошли предместья города Должок и, въезжая в хутор Козак, встретили немецкие танки, которые имели задачу вновь захватить г. Каменец-Подольский. Мы вынуждены были открыть огонь, но и гитлеровцы не зевали. Дуэль продолжалась примерно с час. Гитлеровцы стали обходить нас слева и справа. Мы вынуждены были обходить огородами, прячась от «тигров». Таким образом, отходя к Турецкой Крепости, мы вынуждены были встать в жёсткую оборону. В это время зелень садов пригорода Должок сильно распустилась и мешала прицельному огню. Зелёная листва застилала точное прицеливание и отыскание цели.

Около крепости через дорогу в Должок стоял саманный сарай. Гитлеровская самоходка с 56 мм пушкой выстрелила из орудия по танку Т-34, принадлежащему 16 гв. механизированной бригаде 6-го гв. механизированного корпуса. Я заметил самоходку только после выстрела и, наведя на это место пушку, произвёл выстрел. Самоходка загорелась, и из неё стали выскакивать гитлеровцы, которые сразу же попали под автоматный огонь наших мотострелков.

Атаку немцев поддерживала пехота. Они, видимо, были пьяны и шли во весь рост. Пулемётами, спаренным и лобовым вели непрерывный огонь. Много немцев было перебито. Примерно около 40 человек.

27–28 марта гитлеровцы вынуждены были уйти на запад, обходя город с севера. Гитлеровцам удалось к 2 апреля выйти в район Борщова, что находится между Каменец-Подольским и Бучачем.

Обоюдные атаки продолжались до 18 апреля.

В ночь 20 апреля бригада совершила бросок и заняла оборону северо-западнее города Коломыи. Мы сменили пехоту.

Простояли мы в обороне недолго. Гитлеровцы поняли, что на смену пехоте прибыли танкисты, а мы действительно с ними не шутили, да и гитлеровские сила помякли так, что силы у них оставалось только на то, чтобы удержать свои позиции.

Вскоре нас сменила пехота, а наша бригада в составе корпуса ушла в тыл, на отдых и формирование. 63 гв. Челябинская бригада разместилась в польской деревне, в 7 км от города Коломыи.

Получив личный состав и танки, в бригаде начали настоящую боевую и политическую подготовку, по боевому сколачиванию экипажей танков, танковых взводов, рот и батальонов. На полигоне, где проводился отстрел упражнений, командующий 4 танковой армией организовал соревнования отлично стрелявших из танкового оружия.

Условия соревнования были таковы: танкист с хода или короткой остановки должен был в течение 2,5 минут поразить движущуюся цель размерами с нормальный немецкий танк, на расстоянии 300 метров. 5-ю снарядами отлично, 4-мя снарядами хорошо, 3-мя снарядами – удовлетворительно. Поразить цель 1-м или 2-мя снарядами считалось упражнение невыполненным.

Командующий 4 танковой армией лично проводил соревнование и всем участникам соревнования, которые с пяти выстрелов поражали мишень пятью снарядами, здесь же, у пораженной мишени вручал именной портсигар, на котором было написано гравёром: «Отличнику стрельбы из танкового оружия от командующего и Военного Совета 4 танковой армии».

Я участвовал в этом соревновании. Меня командир 1-го танкового батальона гв. капитан Егоров Н.Н. направил на это соревнование потому, что я вёл в батальоне занятия с командирами орудий (наводчиками), заряжающими и офицерами по изучению материальной части пушки ЗИС-С-53-76 и пулемётами ДТ.

Выполнил я это задание на соревнованиях на отлично.

Мне Д.Д. Лелюшенко в присутствии комбрига полковника М.Г. Фомичёва и комбата 1-го танкового батальона 63 гв. танковой бригады гв. капитана Егорова Н.Н. и судей вручил портсигар именной с папиросами 20 шт. марки «Норд» (Север).

М.Г. Фомичёв похвалил меня и горячо поздравил, а капитан Егоров обнял меня и сказал: «Молодец».

Примерно 3 июня 1944 года бригада получила задачу совершить 200 км марш и 5 июня 1944 года сосредоточиться в районе Игровица.

Стало известно, что скоро будет поставлена задача: наш 1-й Украинский фронт готовится к наступлению. Нам противостояла немецко-фашистская группировка войск «Северная Украина», в которую входили значительные силы: 34 пехотные дивизии, 2 пехотные бригады, 5 танковых дивизий и одна мотострелковая. Эта группировка занимала фронт от Полесья до Карпат.

На пути нашего наступления лежало немало преград: Западный Буг и др. реки, наше направление главного удара: Тернополь Львов.

Накануне наступления 10 июля прошли партийные собрания. На этих партсобраниях меня приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. 14 июля началось наступление в полосе 38 армии в направлении г. Перемышляны. Задача – разгромить львовскую группировку противника, овладеть городом Львов.

14 июля 60-я и 38-я армии к исходу дня смогли продвинуться только на 3-5 км. Противник ввёл в сражение тактические резервы, и бои стали ещё ожесточённее. Прорвать оборону удалось в районе Колтува благодаря 322 стрелковой дивизии, которая прорвала оборону и проделала коридор на глубину 18 км и шириной 3-5 км. Этот коридор создал условия ввода в сражение 16 июля 3-й танковой армии, а утром следующего дня нашей 4-й танковой армии. 17 июля бригада участвует в прорыве вражеской обороны. Прорвав оборону возле села Тростянец, 63 гв. танковая бригада стала передовым отрядом корпуса.

Наступление продолжалось днём и ночью. Ворвались в город Золочев. На улицах идут бои. Челябинцы бьют немцев. Танк старшего лейтенанта Потапова прорвался к железнодорожной станции и разбил паровозы. Вскоре бои перешли за пределы города. Командир 1-го танкового батальона капитан Егоров назначает меня в боковой левый дозор и ставит задачу: двигаться по просёлочной дороге, идущей параллельно шоссе Золочев-Львов в 3-5 км, и охранять слева головную походную заставу.

Танки бригады пошли по шоссе Г.П.З. передового отряда – 1-й танковый батальон 63 гв. танковой бригады.

Примерно прошёл со взводом около 20 км. Держу непрерывную связь и наблюдение и здесь, выходя из леса на опушку, вижу, в 2-2,5 км движется колонна, вся в пыли. Пыль как дымовая завеса.

Я дал команду остановиться, расставил танки и сообщил комбату, что вижу – движутся танки 16 шт., а за ними примерно около 25 автомашин дизель «Ман». В бинокль хорошо видно, усажена пехота гитлеровцев.

Получил команду встретить и расстрелять колонну.

Я дал команду «к бою» и сам влез на танк. Стрелять по команде. Танки немцев -«пантеры» Т-V. По танкам открыли огонь два наших танка Т-34 (76), а третьему я приказал бить по транспортным машинам осколочными.

Бой начался с того, что мы подбили 2 передних танка, они загорелись. Далее всё перемешалось. Танки немцев ринулись в лес. Ещё два танка подожгли. Немцы обрушили весь огонь на нас. Видя, что бой складывается неравный, я приказал танкам уйти в лес и двигаться на соединение с головной походной заставой, т.е. с первым танковым батальоном.

Третий танк моего взвода младшего лейтенанта Нагаева вёл огонь по транспортным автомашинам немцев и точными попаданиями прямой наводкой уничтожил шесть машин. Очень большое количество немцев погибло в этом бою.

Держа связь с капитаном Егоровым, я открытым текстом доложил обстановку и получил команду выйти из боя. И в этот момент болванка немцев попадает в мой танк, в трансмиссионное отделение, и танк загорается. Я дал команду покинуть танк и, остановив один из танков взвода, сел на него, и мы покинули поле боя.

Присоединились к ГПЗ бригады. М.Г. Фомичёв похвалил меня за боевые действия и продолжал двигаться.

Тем временем подходим к населённому пункту Словита. Гарнизон был малочисленным и, увидев большое количество советских танков, немцы, бросая оружие, бросались наутёк. Но были и такие фашисты, которые брались за оружие и били по нашим танкам.

Из-за угла дома показался фаустник, бросился в кювет дороги и хотел прицелиться и выстрелить по впереди идущему танку. Я быстро достал парабеллум, а он был у меня в кобуре, и, прислонившись к башне танка, выстрелил в фаустника, он от нашего танка был примерно в 55-60 метрах. Пуля попала точно в голову, но фаустник уже бесприцельно выстрелил, и фаустпатрон попал в дом. Дом загорелся.

Выбив гитлеровцев, наша бригада полностью завладела Словитой.

Приведя себя в порядок, личный состав хорошо пообедал, так как кухня, следовавшая за 3-м танковым батальоном, накормила нас полным обедом.

Через 15 минут бригада приступила к выполнению поставленной задачи вытянуться в колонну, свернули на лесную дорогу.

Справа от нас остаётся деревня Логодов. Не встречая сопротивления, достигаем шоссе Перемышляны-Львов и видим, со стороны Пере-

мышлян движутся семь самоходок противника. Комбриг даёт распоряжение командиру взвода тяжелых танков ИС-2, прикомандированных от 72 гв. тяжёлого танкового полка старшему лейтенанту Послепову уничтожить самоходки. А тем временем самоходки немцев уже подошли на 250-300 метров и меткими выстрелами уничтожили их. Все семь самоходок горят, а наши автоматчики уничтожили экипажи.

Пока тяжёлые танки поджидали самоходки гитлеровцев, танки бригады вброд форсировали реку Свирж. 20 июля, утром, бригада ворвалась в село Водники, вышли на шоссе Харьков-Львов. Здесь наш 1-й танковый батальон неожиданно наткнулся на значительные силы немцев. Завязался ожесточённый бой. Механик-водитель танка, Аким Басинский, опытный водитель, стремительно ворвался в расположение немцев, раздавил две пушки, несколько пулемётных точек и в этот момент снаряд попадает в башню. Пушка и пулемёт замолкают. Заряжающий сделал перевязку командиру танка мл. лейтенанту Александру Семено. Басинский кричит, спрашивая: «Танк вести назад?». Командир даёт команду: «Только вперёд!». Достигнув высоты, в танк попадает другой снаряд, машина встала, мотор заглох. В живых остался один механик-водитель Аким Басинский. Танк сгорел. Басинский очнулся и вышел из танка.

А тем временем другие танки обошли танк Басинского, и пошли вперёд, бить фашистов. Так механик-водитель остался на ржаном поле один. Членов экипажа он вытащил и похоронил там, около танка.

Бригада шла на Львов, обходя узлы сопротивления, но уже в головной походной заставе шёл 2-й танковый батальон. Впереди головной походной заставы шёл взвод Д.М. Потапова с группой разведчиков десантом на танках.

Встречаем опорный пункт. Старший лейтенант Потапов докладывает, что впереди артиллерийская батарея немцев и 4 танка, из них два «тигра». Комбриг поворачивает бригаду, мы огибаем этот опорный пункт и с хода входим в небольшой населённый пункт Давыдов. В бинокль виден г. Львов, который живёт, ничего не подозревая.

Вдруг, откуда ни возьмись, немецкая авиация. Рассосредоточиваемся. Более 10 юнкеров на небольшой высоте наносят бомбовый удар, и мы теряем три танка и около 10-ти солдат убитыми, не считая раненых.

В 18.00 21 июля 1944 года мы вошли на окраину г. Львова и остановились на зелёной улице.

Начальник штаба подполковник Баранов говорит: «Вот бы сейчас кого-нибудь, кто хорошо знает город Львов». Капитан Гаськов, помощник начальника штаба по строевой части и говорит: «Стоп! Я

знаю, кто из Львова, и он, старшина Марченко Александр, нам поможет». Тогда комбриг приказал найти экипаж лейтенанта Дадонова А.В. и пригнать танк сюда.

Вызвали танк Дадонова А.В., и комбриг Фомичёв М.Г. поставил ему задачу вести танк «Гвардия» к ратуши г. Львова.

В 12 часов ночи танк «Гвардия» выходит вперёд. Ярко светит луна. Танкисты движутся медленно. Впереди пушка и два танка противника. Фомичёв М.Г. приказал лейтенанту Дадонову А.В. атаковать. Танк сходу раздавил пушку и уничтожил один за другим два танка T-IV. Противник не ожидал, что русские появятся с южной окраины города, и принял наши танки за свои, так как было сравнительно темно, хотя и светила луна.

– До центра рукой подать, – говорит Александр Марченко.

Танк «Гвардия» первым подошёл к зданию Ратуши. Фашисты открыли огонь по смельчакам.

Не отрываясь от автоматчиков, танк продвигался вперёд.

Марченко молча пожал танкистам руки и, взяв Красное знамя, побежал к зданию. Поднялся по ступенькам к парадному входу. За ним автоматчики. Благополучно достигли 3-го этажа. Ворвались в коридор. Несколько гитлеровцев пытались преградить путь, но автоматчики быстро с ними расправились. Александр Марченко приблизился к башне, вылез на крышу и укрепил Красное знамя.

Вниз воины спускались радостные и счастливые. Гвардии старшина Марченко первым выскочил на улицу и направился к танку. Но в это время гитлеровцы открыли огонь и две пули вонзились в Марченко. Он упал на мостовую. К нему устремились на помощь командир танка лейтенант Дадонов и водитель Сурков. Они подняли гвардейца и понесли к танку, положили его на моторное отделение и хотели отвезти в безопасное место, а там оказать помощь. Но в это время вблизи разорвался осколочный снаряд, и осколок попал в голову Марченко. Кровь хлынула ручьём. Подбежавший к нему санинструктор Рождественский стал делать перевязку, но немецкий снайпер точно попал, и Рождественский стал тихо склонять голову на грудь товарища. Оба погибли. Мы с болью узнали эту весть.

Бригада освобождала Львов. Мы отбивали улицу за улицей.

Помню: улица и большой сквер, железная ограда. Говорю мл. лейтенанту Нагаеву: «Давай вперёд, по этому газону и посмотрим, что это за дом». Подъехали. Огромный дом, напоминает замок, прекрасный парадный подъезд. На фасаде дома прекрасная лепка. Я послал двух автоматчиков в этот дом, посмотреть, что это за дом, который обнесли железной оградой.

Прошло около 10 минут – ни солдат, ни известий, тогда я пошёл сам и взял с собой механика-водителя Колю Петухова. Пошли в этот дом. Открыли двери. Ручки бронзовые, начищены до блеска золота. Вошли, вижу, парадная лестница. На лестнице ковровая двухметровая аккуратно заправленная дорожка. Я сразу понял, что это какое-то правительственное учреждение немцев. Поднялись на второй этаж. Видим, коврами устлана площадь примерно около 55-60 м^2. Влево уходит коридор. По коридору устлана на всю длину его ковровая дорожка. Прямо перед нами дверь трехметровой высоты. Я говорю Петухову: «Ты пройди, посмотри по коридору, а я загляну сюда, в эти двери».

Вхожу. Вижу, большая приёмная, пол покрыт коврами. Стоит огромный дубовый стол. На столе скатерть из зелёного сукна. Из левой тумбы выброшены ящики и разбросаны по ковру бумаги около ящиков.

Влево тоже трехметровая дверь с начищенными до блеска золота ручками. Открываю и в то же время чувствую на себе чей-то взгляд. Я посмотрел вправо и вижу: вылезает из тумбы немецкий офицер и держит в правой руке пистолет «парабеллум». Я сразу нырнул в открытую дверь, и в этот момент прогремел выстрел, выстрелы последовали в дверь. Но дубовую дверь, видимо, пуля парабеллума не пробила. Я быстро нашел щель между дверями, увидев обер-лейтенанта, я выстрелил из своего парабеллума, и пуля попала этому обер-лейтенанту в плечо, у него из руки выпал пистолет. Я быстро вскочил и закричал: «Хенде хох!». Немец, увидев меня с пистолетом в руке, продолжал левой рукой держаться за рану.

На выстрелы прибежал ст. сержант Петухов Коля и те автоматчики, которых я посылал ранее в дом.

Прибежали и ещё автоматчики, которые были десантом на танке.

Я отобрал у него ключи от сейфа. Забрал парабеллум, снял с него кобуру. А в это время Петухов Коля говорит мне: «Товарищ лейтенант, вы посмотрите, какие у него часы на руке». Да, действительно, у него были часы «Сильвана» – антимагнитные и водонепроницаемые. Он, Коля Петухов, снял с этого обер-лейтенанта часы, подаёт мне и говорит: «Это Вам, товарищ лейтенант, что остались живы». Эти часы у меня до сих пор лежат в моих архивных делах, как память о Львове.

Открыли сейфы, конечно, с помощью этого обер-лейтенанта, так как сейфы, кроме ключей, имели секреты.

В этих сейфах оказались награды Третьего Рейха. Железные кресты различных степеней, прочие награды. Деньги рейхсмарки, очень много. Мне показалось, в трёх сейфах, наверное, миллионов 100-150.

Я приказал эти сейфы закрыть и ключи сдать замполиту батальона.

Только мы вышли из этого дома – откуда-то начался обстрел, и немцы устремились к этому дому. Оказывается этот дом управление Рейхсканцелярии фронта Северная Украина.

Наш танк вёл огонь по немцам из пушки и пулемётов. Подошли ещё два танка, и тут наши танки пошли вперёд. Мы продолжали находиться в этом доме. Это было уже 25 июля, уже день клонился к 17 часам.

Танки наши ушли вперёд, мы вышли из этого дома, и мы с Петуховым вместе решили перебежать газон, а за домами стояли наши танки.

Вдруг откуда-то прилетел снаряд и разорвался, что-нибудь в 50-60 м от нас, мы продолжаем двигаться вперёд. За нами идут автоматчики, я их развернул в цепь и, вдруг, совсем близко разрывается снаряд – один, другой. Я скомандовал всем залечь и только хотел встать, разорвался снаряд, и меня ранило в бок два осколка. Тогда я вскочил и побежал, а за мной поднялись все остальные. А кровь, чувствую, бежит. Я попросил Петухова посмотреть, что у меня. Он вытащил из комбинезона индивидуальный перевязочный пакет. Я снял ремень, поднял гимнастёрку. Носовым платком убрал излишнюю кровь и стал перевязывать меня. Перевязав, он говорит, что за нашей бригадой шла Дара Ефимовна, наш врач из медсанвзвода.

Пошли по улице, нашли Дару Ефимовну Гриценко. Она сняла повязку, осмотрела, кровь опять пошла. Она обработала рану, вытащила пинцетом осколки, ещё раз обработала рану и забинтовала, конечно, записала всё в свой журнал. Я побыл в медсанвзводе бригады где-то около двух суток и ушёл в бригаду.

Она обратилась к командиру бригады и докладывает, что лейтенант Железнов сбежал из медсанвзвода, и я не знаю, где он находится. А Фомичёв ей говорит: «Не волнуйтесь, Дара Ефимовна, он находится в 1-м танковом батальоне».

А тем временем, к утру 27 июля 1944 года общими усилиями подошедших частей город Львов был в основном освобождён и, только ещё в некоторых местах окружённые гитлеровцы оказывали сопротивление.

В то время во Львове чтили память своих освободителей. На здании Городского Совета депутатов была прикреплена мемориальная доска, где было написано:

«На башне этого здания 23 июля 1944 года танкист гвардии старшина Марченко водрузил Красное знамя, ознаменовав этим освобождение города Львова от немецко-фашистских захватчиков».

А танк «Гвардия» 2-го танкового батальона 63 гв. Челябинской танковой бригады возвышался на постаменте, на улице Ленина города Львова.

Совинформбюро ночью 28 июля 1944 года передало сообщение об освобождении г. Львов. Командир бригады собрал всех, до командира взвода включительно, и поставил задачу: не дать возможность противнику закрепиться на водном рубеже р. Висла. Ставка Верховного Главнокомандования поставила задачу войскам 1-го Украинского фронта стремительно развивать наступление в западном направлении и не позже начала августа с ходу форсировать Вислу. Наш корпус в составе 4-й танковой армии совместно с передовыми частями 38-й армии нацелить на Самбор, Дрогобыч, Борислав с тем, чтобы овладеть Дрогобыч-Бориславским нефтедобывающим районом.

Далее комбриг сказал, что соседи наши, 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко П.С., устремились к реке Сан, форсировала её и вступила на территорию Польши.

Получив задачу, наша 63-я гв. Челябинская танковая бригада была опять назначена в передовой отряд корпуса. Предстояло идти на Самбор. В головной походной заставе шли танки 3-го танкового батальона. У деревни Большой Любень танк головного дозора подорвался на мине. И тут же артиллерия противника открыла огонь. Командир бригады полковник Фомичёв М.Г. приказывает отойти, в бой не ввязываться и приказал головной походной заставе обойти деревню левее.

Гитлеровцы использовали сильно пересечённую местность, укрепились и сделали опорные пункты для упорного сопротивления, с тем чтобы задержать передовые части в предгорье Карпат и не дать им возможность продвигаться. Но комбриг, искусно маневрируя, усилил головную походную заставу разведывательным взводом старшины Соколова и сапёрами лейтенанта Лившица. Впереди город Рудки. Комбриг развертывает бригаду и вперёд, в атаку. Короткий бой, и город был взят. Рудки маленький провинциальный городок. Очень красивый и чисто убранный, на улицах много зелени. Дома выбелены известью.

Мы не задержались в городе Рудки, так как торопил продвигаться вперёд командир корпуса, генерал Е.Е. Белов. Вышли из городка, глядим указатель, где написано: до Самбора 32 км.

Ведь для танкистов это расстояние рукой подать! Идём без боя. Прошли уже полпути. Комбриг даёт команду сделать привал, осмотреть технику, поправить снаряжение. Солдаты, сержанты, офицеры, кто занят делом, расположились вдоль дороги. Выставили охранение.

А тем временем узнали у хозяина саманного домика, что на окраине Самбора стоит много немецких танков. На перекрёстках установлены противотанковые пушки. Да, полученные данные очень ценные, но не утешительные. И командир бригады, собрав всех офицеров, сообщил полученные разведданные. Тут же принял решение идти на Самбор, но обходными местными дорогами, южнее сёл Хлопчинцы, Калинов и с юго-востока ворваться в город.

Тут помощник начальника штаба капитан Гаськов смотрит на карту и задаёт вопрос: а как же реку Днестр форсировать?

Комбриг ответил, что надо искать брод.

Хозяин дома, который дал информацию о немцах, слышал наш разговор. Подходит к нам и говорит: «Господин офицер, позвольте Вас проводить». Хозяин этого дома был очень старый человек, и, когда забирался на танк, солдаты были вынуждены ему помочь.

Ехали очень осторожно. Полевая дорога упёрлась в реку Днестр. С помощью этого старика нашли брод. К вечеру 6 августа вышли к селу Дупляны. Штурмовать село решили с двух сторон. Со стороны города Дрогобыч и со стороны города Самбор.

Наши танкисты 1-го танкового батальона ворвались в село по двум улицам. В огороде стояли немецкие подводы, во дворах автомашины, груженные продуктами и боеприпасами.

Немцы были застигнуты врасплох, началась стрельба, в панике гитлеровцы заметались, разбегаясь по садам и огородам. Мы взяли в плен несколько солдат и офицеров.

Гвардейцы 1-го танкового батальона в упор расстреливали танки, бронемашины. Давили обозы, которые пытались вырваться из кольца. А рота Сидельникова пленила штаб полка и взяла в плен несколько штабных офицеров и солдат.

К вечеру подошли другие части соединений армии. 7 августа село Дупляны было освобождено. По улицам повели колонны пленных. Жители села вышли из погребов и подвалов. Начались рукопожатия, обнимания, угощения. В общем, жители восприняли освобождение очень хорошо и даже весело. Появилась горилка и угощение.

Опять приказ! Танки бригады вывели из села, сосредоточились в лесу для получения следующей задачи. Старший лейтенант Сидельников, что- то уж очень расстроен. Спрашиваем в чём дело. Он и говорит, вы знаете, убит проводник, тот самый старик, что показывал нам дорогу, и с его помощью мы нашли брод и переправились через Днестр.

Вот кто убил? Есть две версии, что убил его притаившийся националист. Есть другая версия, что убил проводника немецкий снайпер. Так мы и не узнали, кто же всё-таки убил проводника.

Похоронили старика с воинскими почестями. Сапёры вырыли могилу. Тело старика бережно опустили туда. Раздался троекратный винтовочный залп. Прощай, патриот Родины!

Комбриг организовал отдых и питание. Приехали кухни и стали кормить людей. А в это время радио сообщило, читал Левитан: 7 августа в 21 час столица нашей Родины Москва салютует доблестным войскам 1-го Украинского фронта, овладевшим г. Самбор, 12-ю артиллерийскими залпами из 124 орудий.

Начальник штаба корпуса поставил новую задачу бригаде: не допустить отхода противника в район Санок.

Бригада снялась и пошла быстрым маршем по шоссе. Совершив семидесятикилометровый марш, бригада прибыла в район пограничного села Медика.

Впереди река Сан. Понтонёры навели переправу. Нам предстояло переправиться на западный берег реки Сан. Это уже граница. Ждём очереди. На переправе скопление различных войск. К обеду нашей бригаде удалось переправиться на западный берег.

Движемся на север, в сторону Жешува. Шоссе загружено войсками. Танки идут стороной, поднимая густые клубы пыли. Улицы деревень украшены красно-белыми знамёнами. Население приветствует нас. Кричит: «Ура, Ура!». «Нех жие раджеска армия!» кричит толпа.

Нашей 4-й танковой армии приказано переправиться через реку Висла и в полосе 5-й армии к утру 15 августа сосредоточиться на плацдарме в лесах, рядом с населённым пунктом Сташув. Прежде чем выполнить этот приказ, мы совершили четырёхсоткилометровый марш-бросок. На это ушло четыре ночи. Переправились и сосредоточились благополучно, вовремя.

Бригада заняла оборону западнее Сташува. Задача состояла в том, чтобы совместно с частями 5-й гв. и 13-й армиями удержать Сандомирский плацдарм.

Комбриг обошёл всех танкистов бригады и предупредил, чтобы быть внимательными, так как противник сосредоточил на нашем направлении большие силы и намерен перейти в наступление.

А ночью послал разведчиков во главе с командиром взвода разведки, старшиной Соколовым. Вскоре разведчики вернулись и привели пленного, который подтвердил.

На следующий день, утром, появились немецкие танки. На нашу оборону немцы обрушили шкал огня. На левом фланге, в районе роты Сидельникова, артиллеристы молодцы. Уничтожили 3 танка, и атака

захлебнулась. К обеду на отдельных участках гитлеровцам удалось вклиниться в нашу оборону.

На нашем участке появился танк «тигр», остановился перед окопами мотострелков и постреливает из пулемёта.

Меня в то время уже посадили на танк, так как во время шквального огня командир взвода был ранен. Фамилии его я не помню. Он во время артиллерийского налёта оказался вне танка и получил осколочное ранение в ногу.

Поставлен был танк в огороде, да так, что в секторе нахождения «тигра» заслоняли деревянные постройки. Как только «тигр» вышел в зону видимости, я навёл пушку и выстрелил. Точно попал в борт, и немецкий танк загорелся. Через какие-то 5-7 минут появился комбриг Фомичёв, подбежал к танку и стучит по башне палкой. Я открыл люк, вижу комбриг, но вылезать через командирский люк опасно, потому что становишься мишенью. Я закрыл свой люк и через люк механика-водителя вылез из танка. Фомичёв поздравил меня с успехом и пообещал наградить. Когда мы уже вышли на формирование на Сандомирском плацдарме, он сдержал своё слово. Я был награждён орденом «Отечественная война» 1-ой степени.

23 августа Указом президиума Верховного Совета СССР бригада за успешные боевые действия при освобождении города Львов награждена орденом Красного Знамени. А 25 августа орден Красного Знамени вручил командир корпуса генерал Белов. На нашем знамени появился первый боевой орден. Ровно через месяц был выстроен весь личный состав бригады. Приехал командир корпуса Е.Е. Белов, начальник политотдела корпуса гв. полковник И.Ф. Захаренко и начальник штаба П.Д. Белов.

Зачитал Указ президиума Верховного Совета СССР командир корпуса генерал-лейтенант Белов.

Звание Героя Советского Союза присваивалось гв. мл. лейтенанту Потапову Д.М., гв. старшине Суркову Ф.П., гв. полковнику Фомичёву М.Г. Это были первые герои Советского Союза в нашей бригаде.

20 ноября к добровольцам бригады приехали дорогие гости из Челябинска. Возглавлял делегацию В.С. Коржев – заместитель заведующего военным отделом обкома партии. В составе делегации приехали рабочие, колхозники, актёры. Они привезли подарки, письма.

Импровизированная сцена. Встреча была превосходная.

На этой импровизированной сцене пришлось выступить и мне

Накануне этого вечера вызывает меня замполит 1-го танкового батальона, очень жаль, что забыл его фамилию. Он мне и говорит:

«Понимаешь, у нас в батальоне, на мой взгляд, ты можешь выступить завтра перед делегацией». Я ему говорю: «Я ни одного стихотворения не помню». Он и говорит: «Вот тебе третий том Пушкина, выучишь, а завтра утром я тебя послушаю». Я взял у него том Пушкина и сказал: «Если выучу, то расскажу», – и ушёл к себе в землянку. Всю ночь учил. Выучил стихотворение «Гусар», а утром рассказал его замполиту. Он сказал мне, что хорошо. Вот видишь, оказывается, всё можно. Это стихотворение я и сейчас помню, только вот одно меня смущает. Почему его я помню до сих пор, а остальные забыл?

Проводили мы гостей, а вместе с ними уехали наши представители в Челябинск, чтобы отчитаться перед челябинцами о том, как мы бьём немцев и гоним их в Германию, чтобы там, в Берлине, поставить замечательную точку победы!

Между тем войска готовились к предстоящим боям.

Я, как и в предыдущее время, которое отводилось нам на отдых, получение материальной части, сколачивание взводов, рот, батальонов, отстрел упражнений, занятия по боевой и политической подготовке, занимался с командирами орудий, заряжающими по изучению уже новой пушки 85 мм.

В свободное от занятий время мы ходили в польскую деревню Зимна Вода, она находилась от нашего расположения около 700-800 метров. Мы уже познакомились с польскими девчатами и ребятами. Однажды, это было 15-20 октября 1944 года, мы пришли с Филиппом Кудиновым. Это был командир 1-ой роты, а я был командиром 1-го танкового взвода. Мы очень с ним дружили. Итак, пришли к девчатам. Начались шутки, песни, разговоры. Вдруг входит цыганка и говорит, обращаясь к Филиппу: «Давайте я вам погадаю». Цыганка почему-то угадала, как его зовут. Угадала, сколько ему лет и даже откуда родом. Мы заинтересовались. Филипп согласился, чтобы она ему погадала. Она взяла у него левую руку и посмотрела на ладонь, а потом в глаза и говорит: «В первом же бою ты будешь убит». Филипп сразу же убрал руку и сказал: «Хватит, больше я ничего не хочу слушать».

Тогда цыганка обратилась ко мне: «Давайте я вам погадаю». Я согласился, и она начала мне гадать. Сказала: «Ваш отец посажен в тюрьму». Я ещё этого не знал, но мой отец действительно арестован и посажен в тюрьму. Она точно определила мой возраст, имя и многое другое. В конце она сказала: «Вы будете тяжело ранены, но останетесь жить». Я тоже больше не выдержал и прекратил гадание.

Настроение у всех испортилось, и мы пошли в батальон.

По пути он мне сказал: «Николай, а что если она сказала правду? Давай разойдемся, а то ведь мы служили вместе». Я ему сказал, что

если он так хочет, то я напишу рапорт и переведусь в 3-й батальон. Там служит мой друг Иван Любивец, вот туда и уйду.

Я написал рапорт о переводе. Командир батальона, капитан Егоров Н.Н., стал возражать, тогда Филипп Кудинов рассказал гадание цыганки, комбат согласился и написал ходатайство комбригу.

К комбригу пошёл сразу же. Комбриг знал меня. Ведь я был у него командиром танка в Каменец-Подольскую операцию. Комбриг, позвонив комбату 3-го танкового батальона капитану Акиншину, согласовал с ним этот вопрос и на следующий день я ушёл для дальнейшего прохождения службы в 3-й танковый батальон.

Иван Любивец был очень рад, что я прибыл служить в 3-й батальон.

11 января, вечером, в штабной землянке, комбриг собрал всех офицеров бригады и поставил задачу на наступление.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция. В 6.15 наша артиллерия 240 стволов на 1 км фронта нанесла мощный удар по первой полосе обороны немецко-фашистских войск.

Тысячи снарядов полетели на головы гитлеровцев. Канонада продолжалась ровно час.

Как только огонь был перенесён на вторые позиции немцев, в воздух полетели красные ракеты. Волна команд «по машинам, по местам» облетела всех танкистов. Первые эшелоны машин двинулись за огненным валом.

Согласно боевому построению нашей бригады, вперёд устремляется 1-й батальон. Входит в прорыв, который имеет задачу овладеть деревней Малишувка, далее райцентр Хенуины.

Встретив сильное сопротивление, батальон остановился. Комбриг решил охватом с северо-востока ворваться в деревню Малишувку. А уже стемнело, он ставит задачу комбату капитану Акиншину с ходу атаковать деревню Малишувку и выбить немцев.

3-й танковый батальон развернулся и с красной ракетой двинулся в атаку. Пехота немцев из траншей ринулась наутёк в деревню, а там по огородам. Но дело в том, что в этой деревне были немецкие танки. Танки нашей роты уже в центре деревни. Я всё время был в танке с открытым люком, голова и плечи были снаружи. Впереди, метрах в 250-300 загорелся дом, и на фоне огня я увидел немецкий танк «тигр».

Я опустился вниз, сел на сидение командира орудия, припал к прицелу, навёл орудие и выстрелил. Снаряд точно попал в борт, так как я хорошо видел огненные брызги. Тигр загорелся. Я вскочил на своё командирское место. Смотрю, танк «тигр» действительно горит. И в это время, с расстояния примерно 60-70 метров выстрел, я, оглушён-

ный немецким выстрелом, упал на боевую укладку. Снаряд пробил головную броню, оторвал голову водителю-механику, осколками брони убило командира орудия, заряжающему оторвало левую руку, а у меня болванка прошла между ног, задев обе ноги, но левую ногу вывернуло под углом 180°, т.е. пятка была впереди, конечно коленные связки были порваны. Я это всё увидел, потому что, упав на боевую укладку, оказался в огне внутри танка. Я решил из него выбраться. Благодаря сильным рукам (до войны я занимался тяжёлой атлетикой) я вылез в командирский люк. Я не мог согнуть ноги в коленях, чтобы выскочить из танка. А между тем огонь с рёвом вырывался через мой люк, в котором я горел. Я тогда, оставив ноги в люке танка, по пояс наклонился через люк наружу танка, чтобы лицо и руки не горели.

Гляжу, кто-то бежит мимо танка. Это оказался капитан Любивец Иван Сергеевич со своим ординарцем. Я попросил их помочь мне вылезти из танка. Они подбежали ко мне, схватили за руки и сильным рывком выдернули из горящего танка. Я плюхнулся на снег, а так как я горел, выхватил свой уральский златоустовский чёрный нож и перерезал ремень. Сорвал пуговицы и скинул горящую шинель.

Но ватные брюки продолжали гореть. Я повалялся на снегу и этим сбил, затушил огонь. Итак, зима. Это была ночь 13 января 1945 г. Я оказался без военных сапог, с обнажённым торсом. А капитан Любивец И.С. с ординарцем схватили меня под руки и понесли к стогу сена, что в ложбине. Попутно нашли шинель, шапку, сапоги, но ведь их надо надеть, а надеть невозможно, так как левая нога вывернута под 180°, пятка впереди.

Тогда нашли фельдшера, старшего лейтенанта Старостина, который посмотрел и спросил, как это тебя угораздило? Я ответил, что болванка между ног прошла. Он мне говорит: «Потерпи немножко и отвернись». Схватил ногу, да как крутанул её. Я от боли потерял сознание. Привели меня в чувство, когда на мне были надеты валенные сапоги. Подошёл комбриг и спрашивает: «Кто это?». Ему отвечают, что лейтенант Железнов. «А что с тобой?» – обратился он ко мне. Конечно, узнать меня было трудно, так как кожа на лице местами вздулась, а кое-где пузыри порвались, и лоскуты кожи висели на лице. Я ответил комбригу: «Три танка моего взвода сгорели. Хорошо, что экипажи выскочили, не обгорели». Тогда комбриг приказал подогнать танк, посадить меня на трансмиссию и старшему лейтенанту медицинской службы Старостину сопроводить меня до медсанвзвода.

В медсанвзводе была младший лейтенант медсестра Аня, а вот фамилию забыл, не помню. Она спросила, как это всё произошло. Я ей рассказал, а тем временем она сделала мне два укола.

Я попросил у неё попить. Аня мне принесла две кружки. Одну подала и говорит: «Пей», а вторую оставила у себя в руках. Я стал пить, выпил почти половину кружки, как вдруг у меня защипало губы, и тут я вдохнул воздух. Ведь в кружке был спирт, чистый винный спирт, ректификат. Я закашлялся, чуть не задохнулся. Она мне подала другую кружку, но теперь уже с водой. Я жадно выпил всё содержимое. А через час нас отправили в 1000-й фронтовой госпиталь.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Леонов Сергей Сергеевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Захаров Борис Петрович

ВСЕ НАШИ ТАНКИ ОТКРЫЛИ УРАГАННЫЙ ОГОНЬ

Я родился 24 июня 1921г. в г. Городец Горьковской области в семье военнослужащего. Русский.

В 1940 году после окончания московской средней школы вместе с тремя друзьями-одноклассниками поступил курсантом в Орловское бронетанковое училище имени М.В. Фрунзе.

О начале войны узнал из обращения по радио В.М Молотова, находясь в военных лагерях под Орлом. С приближением фронта к городу появились сообщения о выброске в районе Орла немецких разведчиков и диверсантов. В связи с этим мы почти каждую ночь назначались для патрулирования и охраны мостов и других важных объектов.

В августе 1941 г. состоялся ускоренный выпуск. Нам было присвоено воинское звание лейтенант, и наша группа в составе 300 чел. была направлена в г. Челябинск на тракторный завод, где готовились к выпуску тяжёлых танков КВ. Я был назначен командиром взвода в 30-й учебный танковый полк, который готовил экипажи для танков КВ. В 1943 году по рапорту я был переведён в 7-й запасный танковый полк для отправки на фронт.

В декабре 1943 г., получив танки ИС-1 с 85-мм пушкой, наша маршевая рота была направлена в Тесницкие танковые лагеря под Тулу, где я был назначен командиром взвода в 13-й отдельный гвардейский тяжелый танковый полк и прослужил в нём до конца войны.

В составе этого полка в должностях командира взвода и командира роты тяжелых танков я участвовал в Корсунь - Шевченковской и Умань-Ботошанской операциях 2-го Украинского фронта, в боях за освобождение Прибалтики и окружение Курляндской группировки немцев в составе 10-й гвардейской армии 2-го Прибалтийского фронта, и с декабря 1944 г. в составе 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта участвовал в боях на территории Польши, Германии и за освобождение Праги. Закончил войну в Праге 11 мая 1945 г. командиром танковой роты.

Мой брат, Захаров Михаил Петрович, 1923 года рождения был призван в армию в 1942 году, демобилизован в 1943 году по ранению и умер в 1945 г..

С 1945 по 1948 г. я проходил службу в Челябинске в должности командира танковой роты 30-го учебного танкового полка. В 1948 г. был направлен на учёбу в Военную академию БТ и МВ, которую окончил в 1953 году, после чего служил в Закавказье в должности заместителя начальника оперативного отделения дивизии. После тяжёлой болезни в 1957 году был направлен на преподавательскую работу. Службу в Вооруженных Силах закончил в 1977 году начальником общевойскового цикла военной кафедры Московского института нефтехимической и газовой промышленности имени. И. М. Губкина. После увольнения в запас в звании полковника работал в том же институте начальником отдела кадров. В 1983 г. ушёл на пенсию.

Имею награды:

- орден Отечественной войны 2-й степени за боевые действия на 2-м Прибалтийском фронте в августе 1944 г.;
- орден Отечественной войны 1-й степени З 79594 за боевые действия на 2-м Прибалтийском фронте в октябре 1944 г.;
- орден Красного Знамени З 208244 за боевые действия в составе 4-й гвардейской танковой армии в апреле 1945г.;
- орден Красной Звезды З 3517171 за выслугу лет в апреле 1957 г.;
- орден «Знак почёта» М 1246933 Указом президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1980 г. за трудовые успехи;
- орден Отечественной войны 2-й степени 3061622 Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1985 г. за участие в Великой Отечественной войне;
- медаль «За боевые заслуги» б/н за выслугу лет в сентябре 1950 г. Кроме того, имею 19 юбилейных медалей.

Воспоминание о войне

Наш 13-й отдельный гвардейский тяжёлый танковый полк на 2-м Прибалтийском фронте воевал в составе 10-й гвардейской армии и принимал участие в освобождении Прибалтики.

В конце августа 1944г. после освобождения латвийского города Мадона полк, продолжая развивать наступление, двигался в походной колонне по лесной дороге, преодолевая сопротивление мелких групп пехоты противника. Особенностью боевых действий в Прибалтике была ограниченность манёвра в условиях лесисто-болотистой местности, и для сохранения темпов наступления, когда позволяла обстановка, приходилось действовать в походных колоннах, имея только головные дозоры. Вторая особенность состояла в том, что наш тяжёлый танковый полк действовал без пехоты, имея только по пять автоматчиков на броне каждого танка.

Мой танковый взвод в составе трёх тяжёлых танков ИС-2 двигался в голове колонны полка. Противник старался задержать продвижение наших танков, заваливал дорогу деревьями, а под некоторые из поваленных деревьях устанавливал противотанковые мины.

Времени на расчистку завалов не было, и приходилось по местам, где могли быть поставлены мины, вести огонь из танковой пушки осколочно-фугасным снарядом. Так танковая колонна подходила к перекрёстку дорог в 15 км западнее г. Мадона, где должна была повернуть на левую дорогу. За 250-300 м до перекрестка командир орудия сержант Михаил Козак доложил мне по ТПУ (танковому переговорному устройству), что заметил на углу леса у перекрёстка какое-то движение

Внимательно наблюдая через прицел танковой пушки, Козак доложил, что видит цель, похожую на самоходку и, получив команду на уничтожение, первым же снарядом (притом, осколочно-фугасным, которым уже была заряжена пушка) поразил цель. Когда мы подошли к перекрёстку дорог, то увидели, что горит самоходно-артиллерийская установка «Артштурм» с 105-мм пушкой. Доложив по рации командиру полка о выходе взвода к перекрёстку, я получил приказ следовать дальше по левой дороге.

Пройдя всего около 100 метров, я услышал по рации доклад командира следовавшего за мной танка лейтенанта Виктора Комарова, что механик-водитель не справился с управлением и танк правой гусеницей сполз в неглубокий овраг. Пришлось доложить командиру полка и остановиться для эвакуации танка.

Свой танк я убрал с дороги и поставил в засаду на случай появления танков противника. Автоматчики заняли оборону в 50-100 метрах впереди танка. Я пошел к аварийному танку, чтобы с помощью третьего нашего танка организовать эвакуацию аварийной машины. В это время я услышал выстрел пушки своего танка и, отдав необходимые распоряжения по эвакуации, побежал к своему танку.

Вдруг увидел, что навстречу мне бежит механик-водитель моего танка старшина Алексей Свиридых, который доложил, что на нашем танке случилось ЧП – по этой же дороге навстречу нам двигалась колонна немецких танков, и командир орудия сержант Козак бронебойным снарядом поразил головной танк противника. Но дальше вести огонь из пушки наш танк не мог, так как заряжающий (фамилию его не помню) решил сменить магазин спаренного с пушкой пулемета. Сняв магазин, он положил его на казенник пушки. Когда же был сделан первый выстрел по танку, при откате пушки магазин попал на штоки противооткатных устройств и наката орудия не произошло, стреляную гильзу не выбросило и второй снаряд зарядить было нельзя.

Положение спасало то, что после гибели головного танка немцы не стали двигаться дальше, а мы в течение нескольких минут с помощью ломика удалили сплющенный магазин пулемета, сделали еще два выстрела вдоль дороги, без прицеливания (т.к. дорога была покрыта шебенкой и при выстреле образовалось пыльное облако, которое затрудняло видимость). Получив донесение от командира третьего танка лейтенанта Комардина о завершении эвакуации танка Комарова, я доложил обстановку командиру полка, который приказал дальше не двигаться и оборонять перекресток до подхода наших стрелковых подразделений.

За этот бой я был награжден орденом Отечественной войны I степени. Были награждены и другие члены экипажа.

После завершения боев в Прибалтике наш полк пополнился новыми танками ИС-2 и в декабре 1944г. был направлен на Сандомирский плацдарм, где вошел в состав 4-й танковой армии.

12 января 1945г. 4-я танковая армия была введена в прорыв и начала стремительное наступление на запад, оставляя за собой разгромленные немецкие части и соединения. Решением командующего армией генерал- полковника Д.Д. Лелюшенко две танковые роты нашего полка были приданы для усиления 6-му гвардейскому механизированному корпусу и две роты – 10-му гвардейскому танковому корпусу. Моя танковая рота действовала в составе передового отряда 6-го гвардейского механизированного корпуса.

15 или 16 января 1945г. передовой отряд подошел к реке Пилица в районе западнее г. Кельце. Мост через р. Пилица оказался разрушенным, и командир передового отряда приказал командирам под-

разделений рассредоточить машины, укрыть их за строениями находящегося рядом фольварка, в готовности к открытию огня. Моя третья танковая рота поставила танки за каменным забором, который был высотой около 1,5 м и позволял вести огонь из танковой пушки.

Примерно через 1 час на дороге, по которой только что прошел наш передовой отряд, в 500 метрах от нас появились три немецких бронетранспортера. Они остановились на высотке, очевидно, для осмотра местности. День клонился к вечеру, и солнце слепило наблюдателей противника, которые были восточнее нас. Вероятно, приняли наши машины за свои, и эти бронетранспортеры, а за ними вся немецкая колонна, состоящая из танков, САУ, бронетранспортеров и автомашин, стала двигаться по дороге мимо нас к мосту через р. Пилица. Не дожидаясь команды, все наши танки открыли ураганный огонь по немецкой колонне, и в течение 1-2 минут от нее осталось около трех десятков дымных костров. Хвост немецкой колонны, не попавший под огонь наших танков, спешно развернулся и скрылся за ближайшей высоткой.

Не могу не рассказать о боевых делах экипажа танка лейтенанта Андреева А.М. на территории Польши в Висло-Одерской наступательной операции.

Действуя в составе передового отряда 6-го гвардейского механизированного корпуса, наша танковая рота стремительно продвигалась на запад. Двигались днем и ночью, сметая на своем пути выдвигающиеся резервы противника, прорывая с ходу его оборонительные рубежи. Люди испытывали огромное физическое напряжение, стремились быстрее разгромить врага. Но то, что было под силу людям, не всегда было по силам технике. И вот в районе польского города Петраков (Пиотракув) у танка лейтенанта Андреева вышел из строя бортовой редуктор, и отремонтировать его силами экипажа в полевых условиях было не возможно. Оставив танк у дороги, рота пошла дальше.

Бывало, что в ходе нашего наступления обстановка менялась: за нашими передовыми частями нередко следовали немецкие отступающие части.

На рассвете 17 января 1945г. одна такая колонна, состоящая из танков, бронетранспортеров и автомашин, шла по дороге, на которой стоял танк Андреева. Подпустив колонну немцев на 400-500м, экипаж огнем из пушки начал уничтожать немецкие танки в первую очередь. Тяжелый бой продолжался несколько часов, в ходе было подбито около десятка танков и бронетранспортеров, много автомашин, но и наш танк получил пробоину и несколько вмятин; кончались снаряды.

Воспользовавшись паузой, Андреев принял решение оставить танк, захватив с собой пулемет, несколько магазинов и ручные гранаты Ф-1. Когда через десантный люк экипаж покидал танк, немцы открыли огонь по танку и экипажу, в результате чего был ранен в ногу лейтенант Андреев и убит заряжающий младший сержант Лядов.

Подхватив раненного Андреева, Пасько и Кулёмин поползли по канаве к оврагу, по которому через несколько часов вышли к польскому хутору. Хозяин хутора спрятал наших танкистов на чердаке, помог оказать медицинскую помощь Андрееву и накормил их.

На следующий день во двор хутора въехала колонна немецких автомашин. Немцы развернули полевую кухню. Неожиданно на хутор заскочил отряд наших мотоциклистов, как потом оказалось, они были из разветбатальона 3-й гвардейской танковой армии. Завязался бой, исход которого решил огонь из пулемета и ручные гранаты, брошенные с чердака нашими танкистами.

Результаты боя экипажа с колонной танков и помощь в разгроме немцев на хуторе дали возможность представить экипаж к наградам. Командир танка лейтенант Андреев А. М., механик-водитель младший техник-лейтенант Пасько А. А., командир орудия старшина Кулемин Б. Н. и заряжающий младший сержант Лядов (посмертно) были удостоены звания Героя Советского Союза.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Цыганов Кирилл Валерьевич*** студент 2 курса профессионального училища №5

Иванов Михаил Константинович

НАС ПОДНЯЛИ ПО ТРЕВОГЕ НЕ 22, А 21 ИЮНЯ

Родился 13 ноября 1921 года в Псковской области. В 1939 году окончил Дновскую школу №35. По окончании школы имел желание поступить в авиационное училище, но по состоянию здоровья медицинская комиссия в авиацию не пропустила, а предложила другие училища, от которых я отказался. В сентябре этого года поступил на учебу в школу мастеров железнодорожного транспорта. В первый же день поступления в эту школу состоялось комсомольское собрание на котором меня избрали секретарем комсомольской организации школы. Через некоторое время отправили в Ленинград на месячные курсы секретарей комсомольских и партийных организаций железнодорожного транспорта. По возвращении с учебы на конференции ВЛКСМ района был избран членом районного комитета комсомола.

В марте 1940 года меня призвали в ряды Красной Армии. Вместе с другими товарищами прибыл служить в 34-ю танковую дивизию Киевского военного округа, которая располагалась на освобожденной территории западной Украины, в город Грудек, недалеко от Львова. Из дивизии был направлен в учебную часть, где учился до сентября на должность командира танка. Одновременно состоял в боевом экипаже. После окончания училища мне было присвоено звание «сержант», и я был назначен командиром танка в котором состоял во время учебы. В ноябре 1940 года мне было присвоено воинское звание «заместитель политрука». Я продолжал служить командиром танка и исполнять обязанности заместителя политрука роты.

Хочется сказать несколько замечаний о начальном периоде войны. Много говорят о том, что война началась внезапно, что никто к ней не готовился. Вспоминая Красноармейскую службу я могу сказать, что это не так. Вот три примера отложившиеся в моей памяти: во первых, приезжая с вождения, стрельб и других занятий иногда мы ночи проводили у танка для того, чтобы привести его в порядок. Существовал строгий приказ о том, что каждый танк в парке постоянно должен находиться в полной боеготовности. Нам не разрешали ставить танк в парк, если он не был исправен.

Во вторых, за месяц или полтора до начала войны нам из политического управления прислали экономические карты Германии довольно большого размера и специальную книжку, суть которой сводилась к описанию военно-экономического потенциала Германии. Плановые темы политзанятий были отменены. До начала войны мы внимательно изучали возможности и экономические ресурсы Германии. Я, как заместитель политрука роты, проводил занятия с рядовым составом по этим материалам.

В третьих, нас подняли по тревоге не 22, а вечером 21 июня, во время просмотра кинофильма где-то в 10-11 часов. Нам объявили тревогу и мы поспешили в гаражи. В гаражах последовала команда «заводи», и мы со своих зимних квартир выехали уже до 23 часов в запасный район, который располагался примерно в 15-20 километрах от основных квартир. В запасном районе сосредоточились и замаскировались. Тут же поступила команда полностью снарядить танки снарядами и горючем. В это время война еще не была объявлена. Ночью о войне мы частично узнали по радио. Только утром нас собрал командир батальона и объявил, что началась война.

22 числа мы не проводили никаких боевых действий, а готовили машины. На второй день поступил приказ совершить марш в определенный район, но после суточного марша поступила команда, что противник в назначенном районе задержан. Нас развернули в обратную сторону по направлению к Львову, который мы проходили уже в последних числах июня.

Первый бой, в котором мы участвовали, был где-то под Бродами. Несколько дней мы удерживали противника, каждый день теряя по несколько танков. На третий день боев бронетанковый снаряд прошиб мой танк. Танк загорелся. Механик и радист погибли в машине. Мы с «заряжающим» через люки смогли выскочить, но он был

застрелен автоматчиками. В горящем комбинезоне я оказался на земле. Хорошо, что она была вспаханной. Вращаясь, я погасил огонь и потихоньку, перебежками, стал продвигаться к кустарнику. К ночи мне удалось добраться до командного пункта.

Перед самой войной из батальона отправили на другую работу секретаря ВЛКСМ батальона. На его место, как члена бюро и заместителя секретаря, избрали меня. Когда я прибыл на командный пункт, после потери танка, комиссар батальона сказал: «Все, занимайся комсомолом, это твоя обязанность». Каждый день батальон терял людей и танки. Я занимался учетом комсомольцев, коммунистов и всего личного состава батальона. Через несколько дней меня вызвал начальник штаба и сказал: «Видишь впереди батарея минометчиков противника мешает передвижению пехоты, садись на мой танк, продвигайся по лощине, километра полтора проедешь и уничтожь эту батарею». Я не знаю почему, но он для выполнения задания посадил меня за свой танк, хотя там уже был командир. Приказ есть приказ. Не зная экипажа, было трудно с ним разговаривать, мы стали понемножку продвигаться, достигли определенного расстояния, я открыл огонь. Батарею эту мы подавили. Никакой активности со стороны противника больше не было.

Радист сказал мне, что начальник штаба приказал возвращаться назад. Не проехав и километра радист вновь передал, что начальник штаба просит обратить внимание на дорогу – там идет вражеская колонна автомобилей. Открыв люк, я увидел, что по дороге слева от нас движется колонна автомобилей в составе семи машин. Поступила команда уничтожить противника. Убедившись, что это была действительно колонна противника, я развернул пушку и ударил по первой машине. Колонна остановилась. Я начал стрелять по следующей. Все время кричал заряжающему, чтобы он заряжал не бронебойные, а осколочные. Но он меня не понимал. Лишь потом механик-водитель подсказал, что осколочные снаряды находятся в кассетах под ногами. В итоге мы разбили эту колонну в дребезги. После поступила команда возвратится на место с которого ушли.

По возвращению я заметил замаскированную машину – Т34. Я подошел к командному пункту, чтобы доложить о выполнении задания. Командир показал на незнакомого мне ранее мужчину и сказал, что докладывать нужно ему. Так как я не знал кто был этот человек, я просто сказал: «Товарищ командир, задание выполнено». Он ответил: «Видел сынок как ты разделался с фашистами, молодец!» Он подозвал командира батальона и сказал чтобы меня представили к ордену

Красного Знамени. Я получил награду за этот бой, но не орден Красного Знамени, а медаль «»За отвагу", которой был награжден командующим юго-западным фронтом. Это была моя первая награда в августе 1941 году.

После этих боев начались мучительные отступления в тыл от одного до другого пункта. По пути представители комендатур отсеивали из наших рядов часть людей оставляя только командиров танков, механиков-водителей, офицеров и летчиков. По прибытии в начальный пункт сосредоточения начали формировать подразделения и экипажи. Постепенно всех механиков-водителей отправили, как нам сказали, на заводы. Вскоре прибыли новые командиры и вместе с ними группа солдат, которые объявили, что из остатков формируется мотоциклетный полк. Обещали прислать мотоциклы на которых мы должны были воевать. Мотоциклов мы так и не получили. Полк вооружили винтовками. Три дня совершали марш к фронту и в первые два дня боев мы потеряли около половины всех танкистов. На второй день и я был тяжело ранен.

Перемещаясь из различных медпунктов был доставлен в эвакопоезд, который доставил меня в госпиталь Сталинграда. В то время Сталинград был глубоким тылом. Здесь я лечился до ноября 1941 года. После, вместе с остальными тяжелоранеными был направлен начальником клуба в 10-й отдельный батальон воздушного наблюдения оповещения и связи на должность начальника клуба. Через 2 месяца меня перевели в город Камышин в аналогичный 103 батальон, но уже на должность секретаря комсомольской организации батальона. В марте 1941 года мне присвоили звание «младший политрук». Таким образом, весь 1942 год я пробыл в войсках ПВО. С сентября 1942 года солдат стали заменять девушками-фронтовичками. К декабрю весь батальон стал женский. В декабре меня перевели в Саратов на должность заместителя командира зенитной батареи по политической части.

В 1942 году и последующее время я не однократно обращался к руководителям, писал письма о том, чтобы меня перевели в танковые войска. Но положительного ответа я не получал. Когда я приходил в управление кадров, мне говорили: «Вы коммунист? Коммунист. Куда послали, там и надо служить». Работая заместителем командира батареи в феврале 1943 года я написал письмо в окружную газету Прибалтийского военного округа с просьбой оказать содействие по направлению меня в танковые войска. Через несколько дней по этому поводу меня вызвали в политуправление округа. Там, в этот же день, был решен вопрос о назначении меня комсоргом танкового полка.

Вечером я уже был в эшелоне, направляющемся на фронт. Там в качестве комсорга 231 танкового полка готовил экипажи и солдат с точки зрения морально – политической подготовкой. В этой должности я был около года.

Начал боевые действия с курского выступа, участвовал в боях на Курской дуге, в освобождении города Орел, где за мужество и отвагу был награжден орденом «Красная Звезда». Полк освобождал города Умечу, Новозыбков и ряд других городов и населенных пунктов. Тяжелые бои были при форсировании реки Сож и освобождении города Гомеля. Приказом верховного главнокомандующего за освобождение Гомеля и проявленное мужество полку было присвоено почетное наименование 231 Гомельский танковый полк. Сейчас в Гомеле на центральной площади стоит наш танк. Около него на табличке высечен приказ верховного главнокомандующего, где значиться 231 Гомельский танковый полк. После форсирования реки Березины участвовал в освобождении Речицы, Калинкович и других населенных пунктов.

В марте 44 года я был вызван в политуправление фронта и вместе с группой своих товарищей направлен на учебу на шестимесячные курсы в бронетанковую академию имени Сталина. После курсов, все были мы были направлены а резерв главного политуправления, а из резерва группами направлялись на фронты. Я был направлен на четвертый Украинский фронт в пятый механизированный гвардейский корпус на должность помощника начальника политотдела 12 гвардейской механизированной бригады по комсомолу. В это время я возвратился на те места, где начинал воевать в 1941 году. Пятый механизированный гвардейский корпус в составе которого была 12 гвардейская механизированная бригада участвовала во взятии многих городов и форсировании рек в Европе. Мы, политработники, всегда находились в боевых рядах своей бригады.

Особенно запомнились бои на подступах к Берлину. Четвертая гвардейская танковая армия устремилась на Берлин. Наш корпус прикрывал левый фланг армии. На рубеже Беелец-Трейнбритцен (25-30 км от Берлина) встретил ожесточенное сопротивление 12 немецкой армии генерала Венка. Особенно тяжелое положение сложилось на фронте моей бригады, оборонявшей город Беелец. Командный и обеспечивающий состав бригады отражал противника, по несколько раз в день переходя в атаки. 29 апреля я был тяжело ранен. За мужество и отвагу был награжден орденом «Красное Знамя». 30 апреля враг

выдохся и прекратил боевые действия в нашем районе. С того времени по существу наша бригада больше не воевала.

Командир четвертой гвардейской танковой армии, генерал-полковник Д. Лелюшенко в своих мемуарах писал: «Пятый механизированный гвардейский корпус несокрушимо стоял на рубеже Беелец, Трейнбритцен. Непрерывно отражая атаки армии Венка. Исключительную стойкость показали войны 12 гвардейской механизированной бригады.»

После взятия Берлина, четвертая гвардейская танковая армия, а вместе с ней и наш корпус пошли на Прагу. Был и я там, но уже с медико-санитарным батальон. Дальше я находился в госпиталях. Окончил лечение в Туле. За мужество и отвагу, успехи в мирное время награжден:

- орден «Красное Знамя»;
- орден «Отечественной войны» первой степени;
- четырьмя орденами «Красная Звезда»;
- боевыми медалями «За мужество» и «За боевые заслуги»;
- всего 25 правительственных наград.

После войны в 1956 году окончил военно-политическую академию имени В.И. Ленина. Последние 11 лет службы работал заместителем начальника факультета по политической части в военной академии имени Дзержинского. За успехи в подготовке и воспитание кадров был награжден орденом «Красная Звезда».

В месте со мной буквально через год на войну ушел отец, который воевал до 44-го года. В 44 году был тяжело ранен и возвратился домой. Братьев и сестер у меня нет.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Кобышкин Игорь Сергеевич***, студент 3 курса Московского авиационного института

Игнатенко Павел Викторович

ЮНОСТЬ В СОЛДАТСКОЙ ШИНЕЛИ

Я, Игнатенко Павел Викторович, родился 14 октября 1926 года западнее г. Ростов-на-Дону в Больше-Крепинском районе. Семья у нас была большая – 5 детей. Старший брат 1919 г. рождения служил офицером на Балтийском флоте. Второй брат 1923 г. рождения в конце 1941 г. также был призван в армию и попал на фронт.

В 1941 г. я окончил 7 классов и 22 июня вместе с такими же ребятами (14-15 лет) работал в поле. О начале войны мы узнали только во второй половине дня, когда нам сообщил мальчишка, прибежавший из села.

В этот же день на площади состоялся митинг по случаю проводов в армию большинства молодых мужчин. На нем выступил директор школы – старший лейтенант запаса Алексей Тимофеевич Железнев, тоже призванный на службу. Он бодро сказал, что мы уходим ненадолго и враг вскоре будет разбит. Но, к большому сожалению, его слова не сбылись, а сам он героически погиб под Одессой.

Это было тяжелое время. Враг рвался на восток. Фронт стремительно приближался к границам Ростовской области. По улицам села тянулись колонны эвакуированных и беженцев из Донбасса. Уставшие, запыленные старики, женщины и дети рассказывали нам о брошенных домах, шахтах и постигшем их горе. Мы как могли помогали им.

Еще тяжелее было смотреть на наши отходящие с боями части, на хмурых, уставших, в почерневших от пота и пыли гимнастерках, бойцов и командиров.

Вскоре и нашей семье под вой фашистских «юнкерсов» и «мессершмитов» пришлось эвакуироваться в восточные районы Ростовской области. Но в результате летнего 1942 г. немецкого наступления нам в течение шести месяцев пришлось испытать ад фашистской оккупации. И только в феврале 1943 г., когда повторно был освобожден Ростов, мы вернулись в свой дом.

Здесь нам стало известно, что старший брат погиб в г. Лиепая (Латвия) в первые дни войны. Вскоре вернулся домой после четырех тяжелых ранений второй брат. Настало время мне идти им на смену.

С февраля по май 1943 г. я и мои сверстники работали на строительстве оборонительных сооружений в тыловых районах «Миус-фронта». К 1 мая нас отпустили по домам, а 5 мая я был призван в армию. Мне тогда было шестнадцать с половиной лет (призывались все, родившиеся в 1926 году).

Мы были направлены в запасные полки, где «делали из нас солдат». Шла напряженная боевая подготовка. Часто в наши ряды вливались залечившие в госпиталях раны фронтовики. Они будоражили нас рассказами о боевых действиях, о крепком фронтовом братстве. И многие молодые солдаты, в том числе и я, неоднократно подавали рапорта с просьбой об отправке на фронт. Но нам отвечали: «Рано еще, успеете повоевать».

В конце апреля 1944 года многих из нас – молодых солдат включили в состав так называемых «маршевых рот», и 1 июня наш эшелон отправился в действующую армию.

12 июня в составе групп нового пополнения мы прибыли в Кировоградскую область (Украина), где 5-й гвардейский механизированный Зимовниковский корпус после боев ждал доукомплектования личным составом и техникой. Он формировался летом 1942 г. в Горьковской области и участвовал в боях по окружению армии Паулюса под Сталинградом, в танковом сражении на Прохоровском поле под Белгородом, освобождал Харьков, форсировал Днепр.

Я с несколькими товарищами был направлен в отдельную роту автоматчиков 10-й гвардейской механизированной бригады (командир бригады полковник Буслаев, командир роты старший лейтенант Хоботов). Нас здесь приняли очень тепло, по-братски. Несмотря на то что в роте были закаленные вояки в возрасте 20-40 лет (самый старший был повар дядя Коля 52 года), нам, самым младшим, оказывали всяческую помощь и поддержку, учили нас боевому мастерству, рассказывали о героических подвигах сослуживцев.

Особенно нас тронул рассказ о подвиге старшины второй статьи Баландина (в то время в роте еще служило несколько моряков Тихо-

океанского флота). В период боев под Сталинградом, когда рота ворвалась в один из поселков под г. Зимовники, внезапно из-за угла дома выскочила группа фашистских автоматчиков и открыла огонь по командиру роты, бежавшему с группой бойцов. Баландин рывком метнулся в сторону офицера и, заслонив его грудью, спас ему жизнь, не пощадив своей. В декабре 1944 г. мы погрузились в эшелоны и прибыли в Польшу на 4-й Украинский фронт. В то время я был младшим сержантом, заместителем командира отделения автоматчиков. В конце февраля – начале марта начались боевые действия нашего корпуса в направлении городов Моравска Острава, Опава и Ратибор.

Здесь шли тяжелые бои. Несмотря на холод, слякоть и снег с дождем, воины нашей бригады упорно продвигались вперед, порою совершая поистине героические поступки

В один из дней по бригаде быстро распространилась весть о подвиге комсорга мотострелкового батальона сержанта Маховикова. Наступая в рядах стрелковой роты, он увидел, что во фланг роте двинулся внезапно появившийся «тигр». Предвидя беду, Маховиков, схватив противотанковую гранату, бросился ему наперерез и метнул её под гусеницу танка. Он погиб, но спас своих товарищей от надвигавшейся угрозы.

В одном из боев отличился расчет станкового пулемета братьев Ольшанских. Взвод, в составе которого был этот пулеметный расчет, в период наступления вырвался вперед и занял небольшую высотку. Немцы сразу же перешли в контратаку. Стрелки при поддержке станкача отбили первую атаку. Но командир взвода, видя большой перевес в силах со стороны противника и отрыв от остальных подразделений, приказал отойти с занимаемого рубежа. Солдаты выполнили приказ командира, но среди них не было пулеметчиков. В это время фашисты бросились на высотку, но их снова встретил «максим» – пулемет. Шесть раз они пытались взять высотку, но не смогли преодолеть огневой заслон. При подходе остальных подразделений взвод снова вернулся на оставленную позицию. Лейтенант подбежал к пулемету и крикнул: «Почему вы не выполнили приказ об отходе?» Старший из Ольшанских со слезами на глазах ответил: «Я мстил им за смерть брата». Только тут лейтенант увидел лежащего у коробок с пулеметными лентами погибшего солдата.

Успешно действовали и бригадные разведчики. Когда наступление бригады было задержано на одном из заранее подготовленных рубежей обороны противника, перед командиром разведроты была поставлена задача: организовать поиск с целью проникновения в тыл противника, взрыва моста через небольшую речушку, связывающего передний край с тыловыми подразделениями, и взятие «языка». Для этого была

подобрана группа разведчиков во главе с исполняющим обязанности командира взвода старшим сержантом Ашкадовым (на фронте не хватало младших офицеров).В целях поддержки и прикрытия действий группы ей было придано отделение из роты автоматчиков.

Под покровом ночи, где ползком, а где бегом, разведчики преодолели передний край обороны фашистов и вышли в тыл немецких позиций. Мост был недалеко, но выйти к нему напрямую было опасно. Ашкадов принял решение: отойти от моста вниз по течению, выйти на противоположный берег и напасть на охрану с тыла. Ломая тонкий мартовский ледок, разведчики по пояс в воде преодолели речку, вышли с противоположной стороны к мосту и внезапно напали на охранявших его фашистов. В короткой схватке они уничтожили их, прихватив одного «языка», и подорвали мост. В тылу у немцев поднялась паника и беспорядочная стрельба. Но было поздно разведгруппа быстро возвращалась к переднему краю и перед рассветом вернулась в расположение бригады. «Язык» дал ценные показания.

В конце марта – начале апреля наш корпус был переброшен на северный участок 1-го Украинского фронта и вошел в состав 4-й гвардейской танковой армии.

Как известно, в апреле 1945 г. на всем протяжении фронта от Балтики до Карпат началось решительное наступление наших войск. Корпус вел активное наступление в составе армии, выполняя задачу по окружению Берлина с юга. Фашистские войска оказывали активное сопротивление, но наши танки и мотопехота, ломая их сопротивление, стремительно продвигались на запад.

Упорное сопротивление немцев пришлось преодолевать на реках Нейсе и Шпрее. Нашей бригаде, вырвавшейся впереди других частей, особенно трудно пришлось в районе населенных пунктов Нойдорф, Якобсфельд, Бладен, Туркау, где порой в боевой строй приходилось вставать всем писарям, поварам, кладовщикам и телефонистам.

В период этих боев большую опасность для танков, бронетранспортеров и бронемашин представляли фаустники. Вооруженный фаустпатроном прообразом ручного противотанкового гранатомета фашист из засады с расстояния 30-40 метров поражал цель и зачастую скрывался. От этого немало погибло наших боевых друзей.

21 апреля наша бригада овладела городом Ютербог и двинулась в направлении города Трейбритцена. Но при выходе из Ютербога фашисты нанесли внезапный удар по центру колонны, и бригада была разделена на две части. Завязался бой по уничтожению вражеской группировки, а шедшие впереди подразделения продолжали движение в направлении Трейбритцена.

На полпути к этому городу с правого фланга из перелеска по головной походной заставе был открыт сильный ружейно-пулеметный огонь и с близкого расстояния из замаскированных окопчиков ударили фаустники. Вспыхнул шедший впереди бронетранспортер разведроты, а за ним и танк, на броне которого и я сидел в составе десанта. Взрывной волной из бронетранспортера был выброшен 12-летний воспитанник Коля (фамилии не знаю). Несмотря на свое тяжелое состояние, он вытащил из горящей машины раненого сержанта. Остальные члены экипажа погибли. Я был ранен и контужен. Меня перебинтовали и отправили в медсанбат, стоявший в г. Ютербоге. К счастью, ранение оказалось не опасным. На следующий день, 22 апреля, нам, раненым, сказали, что завтра будут отправлять в тыловой госпиталь. Это для меня и многих других было «оглушительным ударом», так как попадание в тыловой госпиталь зачастую закрывает дорогу в свою часть, куда всегда стремится каждый солдат и офицер.

23 апреля нашей бригадой был взят г. Трейбритцен. Вечером этого же дня я с механиком – водителем нашего сгоревшего танка Геннадием Кубышкиным (он уцелел) покинули медсанбат и на санитарной машине, привозившей раненых из Трейбритцена, добрались до бригады. Здесь я встретился со своими друзьями разведчиками, и меня, несмотря на забинтованную голову, зачислили в экипаж бронетранспортера старшины Немирова во взвод лейтенанта Вернова.

Ожесточенные бои, несмотря на приближающееся завершение войны, продолжались. Особенно тяжелыми они были 30 апреля и 1 мая, когда, несмотря ни на какие потери, фашисты пытались вырваться из окружения южнее Берлина. 2 мая был день великого торжества – пал Берлин. Вот она, Победа! Но 5 мая по всем радиостанциям раздавались тревожные голоса чехи взывали о помощи. И корпус, 4-я танковая армия из – под Берлина двинулись на юг. Днем и ночью, сбивая вражеские заслоны, мы спешили на помощь дружественному чехословацкому народу. Особенно труден был путь через Карпаты. Но когда позади остался город Мост, недалеко оставалось и до столицы Чехословакии города Праги. 8 мая мы вошли в Прагу. Как нас встречали чехи! Ещё гремят выстрелы, а со всех сторон нас окружают толпы пражан, летят цветы и беспрерывное «Наздар!», «Наздар!»...

Вот и конец войне! Враг разбит, победа за нами! И вспоминается день, когда мы, молодые солдаты запасного полка, обращались к политруку младшему лейтенанту Зайцеву с просьбой походатайствовать об отправке нас на фронт. Но он сказал: «Не торопитесь. Вы еще успеете воткнуть штык в последнего фашиста». Его пророческие слова сбылись. Наша 10-я гвардейская механизированная бригада стала

Пражской ордена Кутузова. В июне она своим ходом возвратилась на Родину. Стали увольняться из армии солдаты и сержанты старших возрастов, а потом и помоложе. И теперь мы, бывшие в 1943 году «салажатами», стали старослужащими. И пришлось нам служить по 7 8 лет, ожидая пока подрастет наша смена.

А у меня после этого было военное училище, военная академия и 30 летняя служба в кадрах Вооруженных Сил СССР.

И последнее. 10 лет назад по воле судьбы я в Ярославле встретился со своими боевыми друзьями бывшим командиром взвода Верновым Виктором Прохоровичем и механиком – водителем бронетранспортера Клюкиным Сергеем Михайловичем, а в Перми – с бывшим командиром бронеавтомобиля Поповым Николаем Дмитриевичем. Мы и сейчас, спустя 57 лет, вместе!

Бывший гвардии старший сержант; последнее воинское звание-полковник.

Награды:

- орден Отечественной войны 2ст. (№2618821);
- медали:

– «За отвагу» (№2275528);
«За отвагу» (№2934733);
«За боевые заслуги»(без номера);
– «За взятие Берлина» (без номера);
– «За освобождение Праги»;
– и 15 других медалей (без номера);
шесть благодарностей от Верховного Главнокомандующего за участие в форсировании рек, разгроме фашистских группировок, овладении городами Берлин, Виттенберг и освобождении города Праги.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Платонов Кирилл Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Катков Пётр Фёдорович

ЗЕЛЕНЫЙ ТАНК, ЧЕРНАЯ ЗЕМЛЯ, БЕЛЫЙ СНЕГ, КРАСНАЯ КРОВЬ

Родился 28 июля 1921 года в Тульской области Плавского района в селе Ново-Никольское. По национальности русский.

Нельзя сказать, что я верующий, в церковь не хожу, молитв не знаю, но я и не атеист. Мне ведь никто не доказал, что Бога нет.

Что касается партийности, то я был беспартийным до 1964 года. Не вступал я в партию так долго потому, что слишком уж не соответствовали те люди (члены партии), которых я знал, целям, идеалам партии.

Я учился в московской школе № 608, закончил ее поздно, мне исполнилось к тому времени почти 20 лет. На дворе стоял июнь 1941 года.

Мы, конечно, знали о приближающейся войне. Ходили разные слухи, но толком ничего не было известно. Война представлялась нам чем-то далеким, неясным, и жизнь шла своим чередом.

Наступило долгожданное 21 июня. Это был праздник для всего нашего 10 класса. Наконец-то мы стали выпускниками. Всю ночь я гулял со своими одноклассниками, среди которых была и моя будущая жена Татьяна Сергеевна. А утром меня разбудил младший брат: «Вставай, война началась».

Практически сразу после школы, 10 июля меня призвали в армию и направили в авиационное училище, где забраковали по зрению (точнее, по цветоощущению). Тогда я был направлен в Челябинское танковое училище (ЧТУ), которое только создавалось.

Нас разместили в огромных казармах, где ранее располагалась артиллерийская часть на конной тяге. Рядом находился Челябинский тракторный завод, который быстро перестроили под танковый. Благодаря этому заводу, мы быстро оснастили наше училище материальной частью танков, и нас начали учить. Учители очень достойные, и им удалось в итоге многому научить нас.

Сначала нас готовили на водителей-механиков танков КВ. Это было наше секретное оружие. Танков этих было выпущено всего 636 единиц. Людей же, разбирающихся в них и умеющих управлять ими, катастрофически не хватало по причине строжайшей секретности. Это была огромная, неповоротливая махина, наводившая на фашистов ужас. Имея пушки максимум 47-го калибра, они не могли причинить нашему танку никакого вреда, в то время как сам танк имел пушку 122-го калибра и разносил все препятствия на своем пути в щепки.

Однако немцы быстро научились поражать эти танки. Тогда нас стали готовить не на водителей, а на заместителей командиров танковой роты по технической части.

Первую сотню наиболее отличившихся выпустили досрочно, среди них находился и я. Нас направили на Воронежский фронт.

По прибытии на место, меня и еще троих моих друзей назначили по непонятной причине командирами танков Т-34, хотя мы были техниками.

На первой линии обороны вообще жилось напряженно. Головы поднять нельзя из-за снайперского огня. Враг-то совсем рядом, нас с ним разделяют каких-нибудь 700 метров. Один солдат из нашей части однажды в грозу и в полной темноте угодил на передовую к немцам. Но ему тогда крупно повезло. В укрытии сидели два поляка, а их начальник немец тогда почему-то отсутствовал. Так они нашего солдата отпустили и как до своих дойти рассказали.

А в свою первую атаку я сходил только с третьего раза. Фашисты знали о предстоящих вылазках от перебежчиков и каждый раз упреждали момент атаки мощным артиллерийским огнем. Сколько лет прошло, а рев этот до сих пор в ушах стоит. В своей первой атаке я ничего не увидел и не услышал. Только однажды как будто какой-нибудь силач изо всех сил ударил по броне кувалдой. Это мина наш танк задела.

После этого боя приехал командир осматривать наши танки. Он был очень удивлен, узнав, что танками командуют механики, в то вре-

мя как у него в резерве полная палатка командиров танков, которые ждут машин. Так я был переведен на свое законное место. Назначили меня зам. командира роты по технической части. Так в составе 162 танковой бригады я прошел всю войну.

Мой боевой путь был таков: Воронеж, Киев, Новоград-Волынский, Ровно, Луцк, Броды, Немиров, Глогау, Губен, Берлин, Прага, Раковник

За всю войну меня ранило дважды. Первый случай произошел в июле 1942 г.

Как-то сидели мы с друзьями около танка и травили байки. Вдруг что-то сильно ударило меня в правую щеку, и я почувствовал резкую боль. Ну, думаю, полголовы отхватило. Смотрю, правый глаз (с той стороны, куда меня ранило) видит. Значит, еще ничего, повезло. Оказалось, кусок пули рикошетом отскочил от танка мне в щеку. Ребята меня сами кое-как перебинтовали, врача нет, есть только фельдшер, да и его не найдешь. Промаялся я так весь день. К вечеру пришло время нам отходить на вторую линию обороны. Там пришел фельдшер, осмотрел рану и велел собираться в санчасть. Рану надо было зашивать. Нам как раз привезли на машине обед. На этом грузовике я был отправлен в эвакогоспиталь.

Госпиталь находился на станции Графская, примерно в 40 км. от Воронежа. Врач, осмотрев рану, покачал головой и сказал, что зашивать поздно: ткань уже не срастется, но все-таки решил попробовать и наложил швы. Шил без заморозки, конечно, так что я еле вытерпел. Таким образом, провел я в санчасти дней десять, рана, к удивлению врача, начала затягиваться. Тут однополчане, прибывшие в тот же госпиталь, сообщили мне, что наша часть меняет позиции. Хуже ничего не придумаешь, чем от своих отстать. И я решил догонять свою часть как можно скорее. Врач, конечно, отпускать не хотел, но потом все-таки выдал мне документы. Изрядно пришлось мне поблуждать по нашему тылу, прежде чем удалось найти своих.

Второе легкое ранение левой ноги я получил в Карпатах. Это произошло 11 октября 1944 года. На привале мы сделали укрытие на случай обстрела: наехали танком на подвал сгоревшего дома. Во время обеда начался минометный обстрел. Когда я залезал под танк, рядом разорвалась мина, осколок от нее ранил меня в ногу. И на этот раз мне опять повезло: осколок был уже на излете. То, что меня ранит, я предчувствовал: несколько ночей подряд перед ранением мне снились нехорошие сны.

Я был отправлен на лечение в военную часть № 356. Оттуда, опять по причине смены позиций нашей части, меня направили в стационарный госпиталь, в Польше, бывший санаторий. Через три недели я был снова здоров.

На войне погибло много моих однополчан, но не все пали в бою, многие из них погибли из-за недисциплинированности наших командиров. Я хочу рассказать об одном из таких случаев, который произошел под селом Чоповичи.

Был у нас в части танк, мы его называли «подарок сыну». Этот танк родители подарили своему сыну. Многое прошел этот танк. Он был один из трех, кто вышел из рейда в тыл к немцам в Курской битве. С тех пор танк берегли как реликвию и старались не пускать его в бой. Танк стоял у нас в части и был чем-то вроде памятника. Во время обстрела мы обычно прятались за ним от пуль и осколков.

Однажды во время обстрела фашистский пулеметчик подошел совсем близко и начал обстреливать наш танк, а в танке в это время находился начальник штаба батальона Карпенко. Не подумав, что сзади могут быть люди, он приказал дать задний ход. Я едва успел отскочить, а некоторых из наших солдат задавило и покалечило. Этот случай тогда замяли, не стали обсуждать даже на собрании. Задавило тогда и моего близкого друга механика-регулировщика старшину И. А. Вандышева. Мне потом сказали, что похоронили его в каком-то огороде, под ветлой. Я уже и родным его написал, как вдруг через полгода увидел в штабе его письмо, через некоторое время и я получил от него известие.

Выяснилось, что задавило моего друга тогда не насмерть, но остался он инвалидом на всю жизнь. Друг мне тогда написал, что таким калекой он никому не нужен, и если уж родные считают его погибшим, то уж пусть лучше он для них погибшим и останется. После этого письма связь прервалась на двадцать лет. И только много лет спустя, к двадцатилетию Дня Победы, я написал письмо по его старому адресу, для родных, которых уже к тому времени, как оказалось, не было. Моя открытка пролежала на почте несколько месяцев, пока один знакомый моего друга не оказался в том городе по каким-то своим делам. Он увидел мою открытку и привез ее другу. Он написал мне очень большое теплое письмо, приглашал в гости. Переписка снова завязалась.

Еще хочу упомянуть об одном исторически важном эпизоде. А именно то, что наша часть брала Власова. Потом появились различные версии этого события. Непосредственно взял его капитан М. И.

Якушов. Бывший командир мотострелкового батальона 162 бригады. Это произошло 15 мая 1945 года.

Война закончилась давно, но некоторые картины войны навсегда врезались мне в память. Они до сих пор стоят передо мной. Одну из них я увидел на Украине, весной. Как-то после боя мы с командиром пошли осматривать танки. На пригорке мы увидели наш подбитый танк, люки у него были открыты. Снег к тому времени почти весь стаял, обнажив черную, жирную землю, но за танком, в ложбине, еще было большое пятно белого, рыхлого, как сметана, снега. На снегу лежал, широко раскинув руки, командир танка. Он был в черном, как земля вокруг, танкистском комбинезоне, в отброшенной руке его был зажат белый окровавленный платок. Танкист был мертв. Этот контраст цветов: зеленый танк, черная земля, белый снег, красная кровь — этот контраст между жизнью и смертью навсегда врезался мне в память.

И вторую картину я тоже увидел в конце войны в Германии. На небе сияло солнце, пели птицы, деревья выпустили первые зеленые листочки. На опушке стоял деревенский дом. Он был такой легкий, поющий, такого нежного весеннего цвета, что, казалось, он сам, как почка на дереве, распустился этой весной. Перед домом лежали навзничь три молодых немецких офицера. Они были в новой, с иголочки форме, аккуратные, подтянутые. Кто и за что расстрелял их, я не знаю, но смерть этих молодых ребят, так несовместная с распускающейся жизнью вокруг, навсегда поразила меня.

Война закончилась для меня под Прагой 15 мая 1945 года. Некоторое время я путешествовал по Европе, а затем из Венгрии вернулся в Москву.

Я получил 24 медали и 4 ордена:

- орден Отечественной войны 1-й степени №512482. Этот орден получен мною 11 марта 1985 года в ознаменование сорокалетия нашей победы в Великой Отечественной войне
- орден Отечественной войны 2-й степени №546155. Этот орден я получил в апреле 1945 года в Германии за восстановление собственными руками двух танков, которые по всем расчетам никакому восстановлению уже не подлежали.

С этим орденом также связана одна история. Дело было в немецком городке Глогау. На вражеской территории стоял наш подбитый танк. Немцы в расчете на то, что мы захотим эвакуировать танк, заминировали его. Но нам удалось подсмотреть за их маневром. Поэтому на следующую ночь мы не стали оттаскивать подбитый танк тягачом, а зацепили его тросом, спрятались за углом дома и оттащили его к себе за угол. Немцы, конечно, когда сообразили, что происходит, открыли огонь, но тут уж стреляй не стреляй, а ничего не поделаешь. Танк был наш.

- орден Красной Звезды №627293. Это орден был получен мною весной 1944 года за образцовое выполнение приказа командования по восстановлению танков. В это время на фронте очень не хватало танков, многие были выведены из строя. Мною было восстановлено и отправлено на передовую шесть машин
- орден Красной Звезды №34517198. Получен мною в 1951 году за выслугу лет во время службы в Советской армии.
- две медали «За боевые заслуги». Одна из них получена за выслугу лет в 1946 году, другая — за выполнение интернационального долга в ОРЕ (Египет) в 1971 г.
- медаль «За взятие Берлина», «За безупречную службу» 1-й степени, медаль Президента Чехословацкой Республики в связи с двадцатилетием Словацкого восстания и др.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Леонов Дмитрий Дмитриевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института

Квитченко Яков Порфирьевич

БЫЛА ДАНА КОМАНДА ВЫЕХАТЬ В РАЗВЕДКУ

Я родился 23 декабря 1923 года в Воронеже в православной семье, по национальности украинец.

В 1930 году семья переехала в Москву, где я и проучился 10 лет в школе №95, окончив ее в 1941 году. Позже (уже в 1949 году) с отличием закончил вечернее отделение Московского автотранспортного техникума, а затем (в 1956 году) и вечернее отделение Московского автомеханического института. В рядах КПСС состоял с 1945 года и до ее роспуска.

Узнал о начале войны в день ее начала 22 июня, находясь в Москве. По призыву рядовым был направлен в Ярославское авиационное штурманское училище, так как еще в школе посещал занятия аэроклуба. После октябрьских бомбежек Ярославля училище было эвакуировано в Йошкар-Олу, а нас, молодых курсантов, собрали и отправили в Москву, а оттуда пешком в учебный полк в городе Кулебяки Владимирской области. Там я пробыл до нового 1942 года и получил звание сержанта.

В январе 1942 года нас отправили с Киевского вокзала в 154 укрепрайон МЗО (Московской зоны обороны), 368-й отдельный пулеметно-артиллерийский батальон на так называемые Ильинские рубежи. Там меня назначили начальником долговременной пулеметной точки, в этой должности пробыл до сентября 1942 года, затем был

назначен заряжающим на артиллерийскую огневую точку, где пробыл до декабря 1943 года.

В январе 1943 года, так как когда-то имел дело с тракторами, был направлен приказом командования в 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием гвардии генерал-лейтенанта Ротмистрова, которая второй раз формировалась в это время после Сталинградской битвы в районе станции Евдаково Воронежской области. На месте был определен в техническую часть 54 отдельного гвардейского танкового полка 11 гвардейской Цимлянской ордена Кутузова и ордена Богдана Хмельницкого мехбригады. До июля обучался на курсах командиров танков. На вооружении подразделения в то время находились в основном танки Т-34 и часть танков Т-70.

В июле наша 5 гвардейская танковая армия участвовала в Прохоровском танковом сражении в составе Степного фронта под командованием гвардии генерал-лейтенанта Конева. Для меня Прохоровское сражение началось с танковой разведки. После совершения марша в 200 километров из Воронежской области к месту прорыва из нашего танкового полка прибыли две машины Т-70. Танк командира роты гвардии старшего лейтенанта Шишкина и наш экипаж.

Нашим двум машинам была дана команда выехать в разведку к сёлам Красное и Призначное. На карте было указанно, что село Красное находится в десяти километрах от нашего расположения и десять километров далее было село Призначное. Первые десять километров мы проехали к селу Красное, там стоял пост регулировщиков, мы остановились, подошли к девушкам, и они нам сказали: «Получена команда к подготовлению к эвакуации.» Мы доложили по радиостанции и двинулись дальше. На этом участке мы встретили две полуторки, битком набитые ранеными.

Подъехав к перекрёстку, мы вышли и спросили у девушек на посту Призначное: «Где танки? – Они сказали: «Посмотри и увидишь». Мы взглянули в бинокли и увидели примерно в полутора километрах столбы пыли и блеск гусенец. Стали связываться с нашим командованием, но наши радиостанции 9-Р не смогли обеспечить нам связь, так как при включении связи на приём в наушниках слышали одну немецкую речь. Мы пытались связаться с нашими, пока позволяли аккумуляторы, и потом решили срочно возвращаться назад к своим. Когда мы прибыли в наше расположение, то там уже собралась вся рота. Наш доклад о разведке не понравился нашему начальству

Прохоровское сражение началось на рассвете 12 июля 1943 года. В первом эшелоне шли танки Т-34, во втором эшелоне находились мы,

танки Т-70 с пехотой на броне. В ходе Прохоровского сражения с 12 по 15 июля мы с пехотой на броне передвигались несколько раз по флангам для обеспечения заслона на отдельных участках. 1 августа 1943 года начался наш прорыв на Харьков. В ходе прорыва со 2 по 5 августа преследовали с пехотой на броне немцев. Утром на рассвете 5 августа пехоту ссадили. Примерно в 3 часа ночи 6 августа в густых сумерках остановились в деревне Козачья Лопань, пригород Харькова (об этом я узнал в 1982 году на встрече ветеранов от своего командира танковой роты И.П. Шишкина). К 4 часам утра нас догнали топливозаправщики, и мы начали заправляться. Внезапно нас обстреляли тяжелые миномёты немцев, я, только закрыв горловину бака, не успел вскочить в башню и был ранен в правое лёгкое.

Затем были санбаты, эвакогоспитали и, наконец, в начале сентября госпиталь на Кавказе. Через 2,5 месяца пребывания в госпитале и батальоне выздоравливающих был направлен в запасной полк.

6 ноября 1943 года я был отправлен в Калининскую область, где формировалась заново 132 стрелковая дивизия, 113 стрелковый полк. Назначен вначале наводчиком, затем командиром орудия батареи 76 113 стрелкового полка.

Прибыл на передовую. 24 июня 1944 года началась наступательная операция «Багратион», в которой принял непосредственное участие в составе 2-го Белорусского фронта.

Наша батарея находилась на передовой обороны вместе с пехотой. Начало артподготовки на рассвете возвестил залп «катюши». Нам была дана команда расстрелять восемь снарядов и катить пушку вперёд вместе с наступающей пехотой до берега реки Проня, через проделанные проходы в минных полях. На подготовленном плоту пушку переправили на противоположный берег и от реки катили пушку около 1 километра. Там была передовая линия нашей окопавшейся пехоты. На этот участок прибыл ещё один расчёт третьего орудия, его поставили примерно в 50 метрах справа от нашей огневой. Как только установили орудие, нам дали команду обстреливать опушку леса. Мы выпустили примерно 3 снаряда. Затем в третье орудие попал немецкий снаряд, и сразу было убито шесть человек. На этой огневой мы простояли до вечера и на следующий день начали двигаться по Белоруссии.

В составе 1-го Прибалтийского фронта я участвовал в бою в Восточной Пруссии под Тильзитом 9 августа 1944 года. Наша дивизия участвовала в бою против прорыва немецкой дивизии СС «Великая Германия». Нашу батарею в ночь на 9 августа поставили впереди

расположения нашей пехоты на огневой позиции (как всегда, на танкоопасном направлении).

На рассвете 9 августа был сильный туман. Нас было четверо в орудийном расчёте, и вскоре мы услышали звук приближающихся танков. Когда туман начал рассеиваться, мы увидели с правой стороны шоссейную дрогу, по которой плотным строем двигались танки. С правой стороны и немного сзади был хутор – 2-3 дома с оградой, и в эту ограду было установлено третье орудие нашей батареи. Когда туман совсем рассеялся, мы увидели впереди перед орудием участок болота, на котором сушились торфяные кирпичи. За этим болотом примерно в 150 метрах от орудия была видна просёлочная дорога.

Первым открыл огонь расчёт третьего орудия из ограды хутора. После выстрела на хутор обрушился шквал огня, и сразу возник пожар. Затем мы увидели, что впереди нас на проселочной дороге появились два бронетранспортера с пехотой на броне. Расстояние до цели было маленькое, мы первым и вторым выстрелом подбили эти машины, за ними по этой же дороге выехали два танка и, подъехав вплотную к горящим бронетранспортерам, остановились. У нас появилась удобная мишень, и мы выстрелили, перый танк мы подбили в ходовую часть и второй танк в левый борт.

После этого по нашей огневой открыли шквальный огонь, из четырех человек нашего расчёта были убиты двое. Потом появилась наша авиация, которая атаковала колонну танков. Один из самолётов второй группы Ил-2 нацелился на нашу огневую и двумя снарядами РС ударил непосредственно по огневой. Мы вдвоем едва успели отползти от пушки, как увидели в воздухе колёса от нашей пушки. В орудийном расчёте третьего орудия погибли лейтенант Селедков и ещё двое. За короткий срок наша авиация остановила и уничтожила прорвавшуюся немецкую группировку.

После боёв под Тильзитом мы продвигались в сторону Риги. 19 августа 1944 года мы в составе двух орудий заняли место на закрытой позиции и окопались, наш командир первого огневого взвода лейтенант Грушевский с нашим связным был на НП (наблюдательный пункт), два раза мы открывали огонь двумя орудиями. Затем последовал плотный минометный обстрел, к счастью никого не убило, не ранило, но телефонные команды прекратились. Я послал младшего сержанта В.И. Иванова на НП. Наблюдательный пункт был расположен от нас на расстоянии примерно метров 800. Вскоре он вернулся и сообщил, что убиты наш командир взвода и связист.

Когда мы подошли к Риге, город был окружен нашими войсками, а наши войска были окружены немцами (сентябрь 1944 года). Мы зашли в леса, и вся война шла по просекам. В это время в нашей батарее оставалось два орудия. Они стояли на перекрёстке просек. Однажды вечером мы услышали, что с правой стороны по просеке двигался немецкий танк Т-5 ПАНТЕРА, и, когда он оказался в 50-70 метрах от перекрёстка, по нему открыли огонь, наши две пушки и другие с другой стороны леса. Танк успел выстрелить три раза, затем из него выскочили два немца и спрятались в лесу. После этого наш огонь прекратился, мы прибежали к танку и увидели на нем пять следов рикошета, и ни одной пробоины.

Далее бои проходили на побережье Балтики. В районе Либавы в окружении находилась Курляндская группировка немцев.

Наша дивизия вплотную подошла к городу Мемелю (Клайпеда) и окружила его. Немцы были прижаты к Балтийскому морю. Фронт под Мемелем стоял до 29 января 1945 года. Много раз мы обменивались с немцами артиллерийскими минометными дуэлями. 29 января 1945 года был штурм города. Нашей батарее была поставлена задача форсировать залив Куриш-Гаф (Куржский залив), однако выяснилось, что по заливу прошел немецкий ледокол, и форсирование отменили. Узнав, что немцы отступают по косе Куриш-Нерунг (Куржская коса), нашу батарею пополнили двумя орудиями, установленными на берегу залива. И мы примерно 3-4 часа вели интенсивный огонь по косе. В этот день город был взят.

Войну закончил 10 мая 1945 года при ликвидации окружённой в городе Либаве группировки немцев.

3 апреля 1945 года Кенигсберг бомбила союзная авиация Англии и Америки. 24 мая 1945 года прошел парад победы в городе Клайпеда, в котором принял участие и наш корпус.

В сентябре 1945 года наша дивизия прибыла в Тамбовскую область и дислоцировалась в районе города Тамбов. Меня перевели в 554 артиллерийскую бригаду, 112 пушечно-артиллерийский полк. Оттуда был отправлен на курсы шоферов, экзамены на получение гражданских водительских прав сдавал в Тамбове. В июне 1946 года был переведен в Москву в 126 военно-строительный батальон на должность командира автовзвода. Демобилизован по ранениям и болезни был 28 декабря 1946 года в звании старшего сержанта.

Награды:

- орден Славы 2-й степени – 9 августа 1944 года – прорыв дивизии «Великая Германия» в районе Тильзита;
- орден Славы 3-й степени – начало операции «Багратион»;
- орден Красной Звезды – бои под Ригой 14-15 сентября 1944 года;
- орден Отечественной войны 2-й степени штурм Мемеля (Клайпеды) 29 января 1945 года;
- медаль за Победу над Германией.

Опубликовал статью «Один день войны» в газете «Коммунист» от 9 мая 1984 года в рубрике «Бойцы вспоминают минувшие дни».

Январь 2003

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Васильев Алексей Александрович***, студент 2-го курса Профессионального училища №5.

Колесникова Зинаида Андреевна

ОГОНЕК

Родилась 2 июля 1924 года в г. Москве. Русская. В Комсомол вступила в 1939 году. В партии с 26 декабря 1952 года.

К началу войны училась в 10 «А» школы № 31 в Зарядьевском переулке (впоследствии переименована в школу № 480 Ждановского района). В школе было организовано несколько кружков: ГТО, санинструкторов и т.п. Я окончила военизированную школу «Осоавиахима», ходила на курсы радисток. Эти курсы находились на улице Огарева, назывались – «спецшкола», изучали там азбуку Морзе. Экзамены сдала на оценку «хорошо», получила удостоверение «Радист-телеграфист 1-го класса». Окончание этих курсов очень помогли мне быть участницей Великой Отечественной войны.

Утром 22 июня 1941 года, моя мама услышала по радио сообщение о том, что Германия напала на Советский Союз, и тут же разбудила меня. Я проснулась, оделась и сразу побежала в школу, я была секретарем Комсомольской организации нашего класса. Пришел почти весь класс, включили громкоговоритель в коридоре, все слушали, затаив дыхание.

Когда узнали, что идет призыв на фронт, почти всем классом пошли в Райвоенкомат, находившийся на улице Марксистская, что не далеко от Таганской площади. Нас направили в комнату, где находился наш военком. Первая в кабинет входила я, за мной последовали все остальные. Сидит, как помню, майор Александров (прочитала

табличку на двери), он внимательно посмотрел на нас, особенно на девушек, и улыбнулся. Мальчиков всех отвел в кабинет, находившийся рядом, и вернулся к нам. Стал задавать всем вопросы.

Стоим перед ним, прижав к груди свои корочки об окончании курсов радисток. Я говорю: «Прошу вас, пошлите на фронт меня, вы не смотрите, что я такая худенькая с виду». Конечно, никакие доводы не помогли. Военком нам сказал, что рано нам еще на фронт, надо немного подрасти, и посоветовал устроится на работу здесь, что здесь мы нужнее. Но не прошло и нескольких месяцев, как мы опять пришли к нему. Он нас узнал. «Товарищ начальник, видите, уже подросла!», – заявила я и положила свои корочки на стол. Он прочитал, и тогда дал нам с Аней Щербаковой направление в штаб МВО. Мы сразу же поехали по указанному адресу. Штаб находился в Подкопаевском переулке, это на Солянке, рядом же находилось и общежитие. Начальник штаба принял нас хорошо, вежливо, показал нам место, где мы будем жить. В первую очередь, меня и Аню распределили по точкам, где мы должны были дежурить в штабах районов. Моя позиция находилась в Военизированной команде связи района Крестьянская застава. Работали мы на рациях РСБ (рация самолетная боевая), азбукой Морзе передавали информацию о приближающихся самолетах, в каком районе сброшены бомбы или зажигалки. Москву бомбили по несколько раз в сутки, особенно по вечерам. Связь с самолетами велась хорошо, все районы были осведомлены. После дежурства у радиостанции, мы поднимались на крыши – сбрасывали зажигалки, дежурили.

7 сентября 1941 года, когда немецкие войска приближались к Москве, по радио передали обращение к женщинам. К нам в общежитие пришел политрук майор Костоломов. Отобрали нескольких из числа девушек, которые отдыхали после дежурства, в том числе и меня. Нас привезли в Колонный зал Дома Союзов – там собрался женский антифашистский митинг. Обращение было от имени миллионов женщин. Призыв был к чувству и разуму: помочь фронту во имя счастья наших детей и всего Советского народа. «Вставайте все на священную войну с Гитлером!». Все в зале встали и громко аплодировали. Среди призывов был и такой: «Женщины всего Мира! Соединяйтесь в единый фронт борьбы против злого изверга Гитлера!». Многие присутствующие женщины были из других городов, были даже иностранки.

Когда после митинга мы приехали обратно в общежитие, то сразу созвали комсомольское собрание. После него большинство девушек подали рапорта с просьбой отправить их в действующую армию, на фронт.

В их числе была и я. Подала один рапорт, другой: «прошу послать меня на фронт». Наконец просьбу мою удовлетворили, и я получила направление в действующую армию, было это в ноябре 1941. Меня привезли в часть, которая стояла рядом с деревней Копань. Так я попала в 210 полк, это было на Можайском шоссе. Мне присвоили позывной «Огонек». Познакомились с командиром батареи П.А. Лотенко. У этой деревни и состоялось мое боевое крещение. Затем сильные бои были за село Дорохово. Особенно кровопролитным был бой в ночь на 14 января 1942 года, когда Дорохово было освобождено.

Оборону прорвали 19-20 января 1942. Были освобождены город Можайск, большое количество населенных пунктов, деревень, сел. В их числе и Бородино. Далее наш полк во взаимодействии с другими частями освободил Гжатск, Вязьму и еще несколько населенных пунктов.

В марте месяце в районе Вязьмы, шел очень сильный бой. Где-то совсем не далеко от меня упала бомба, я почувствовала удар, меня отбросило взрывной волной, сколько я пролежала на земле, я не помню. Когда начала приходить в себя увидела вокруг санитарок. Я оказалась в медсанбате другой воинской части. Потом я узнала, что это был 131 минометный полк Резерва Главного Командования. Когда приехал представитель части за своими бойцами, то ему сообщили, что я радистка. Он сообщил мне, что моя бригада уже далеко и догонять ее мне не стоит, а в их бригаде не хватает радистов – двое погибли, и что я остаюсь в их бригаде. «Приказ есть приказ, подчиняйтесь, это вам не дома с мамочкой». Так я оказалась в 21 бригаде Резерва Главного Командования. Впоследствии за ратные действия под Малоархангельском, Понырями, Ольховаткой, в прорыве обороны под Тросной, за участие в освобождении города Орла 21 минометная бригада была удостоена звания гвардейской. После боев за город Речицу бригада ставшая 35 отдельной гвардейской, стала именоваться Речицкой, а затем Речицко-Бранденбургской. Ордена Красного Знамени и Богдана Хмельницкого украсили знамя 35-ой минометной бригады РГК 1-го Белорусского фронта, Командующий фронтом маршал Г.К. Жуков.

Бригада формировалась в районе города Елец, в деревне Рябиновка, в составе 48 армии Центрального фронта под командованием генерала армии К.К. Рокоссовского, в бой вступила 1 мая под Понырями, потом была переброшена в район села Ольховка.

6 июля 1943 года бригада в составе 4-х минометных полков вела ожесточенный бой западнее города Малоархангельска у села Протасово. Войскам 9-ой гитлеровской армии удалось потеснить наши части. Во время отхода вдруг обнаружилось, что нет двух радисток, которые поддерживают связь с пехотой, в горячке боя им забыли передать команду об отходе. В это время я и еще одна радистка, Александра Кулешова, находились с рациями на передовой. Вдруг, метрах в 150 от нас мы увидели приближающиеся немецкие танки. Но ни какого приказа отходить мы не получали. Мы уже слышали лай собак, как вдруг сзади, непонятно откуда, появился «Виллис». Из него выскочил наш начальник контрразведки «Смерш» И.Ф. Колесников и буквально выхватил нас из-под огня. Он благополучно доставил нас в часть. В последствии Иосиф Фирсович Колесников стал моим мужем.

Далее освобождала города Малоархангельск (5.08.1943), Орел, Курск, Новозыбков, Гомель, Речицу, Лоев. Форсировала реки Десна, Сож, Днепр. Далее Ковель, Люблин, Лодзь, Калиш, Паузин, Шпандай, Франкфурт, Берлин.

После взятия Берлина, большинство радисток еще в мае были отправлены с эшелоном в Москву. Но меня и еще нескольких девушек, знавших немецкий язык, оставили в покоренном городе для работы в качестве официантки в ресторане для командного состава.

Из Берлина я вернулась только в сентябре. К следующему до Москвы составу прицепили один вагон, в котором и ехали остававшиеся в Берлине девушки. Поезд прибыл на Белорусский вокзал. Демобилизовалась в звании гвардии старшего сержанта.

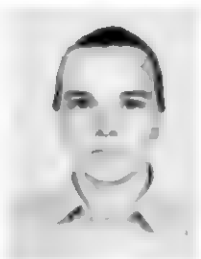
После окончания войны 9 лет не работала по состоянию здоровья.

За освобождение Можайска и села Дорохово в январе 1942 года награждена медалью «За боевые заслуги».

За форсирование Днепра была награждена медалью «За отвагу».

25 августа 1945 года награждена медалью «За победу над Германией», которую мне вручил командир 129 стрелкового корпуса Герой Советского Союза гвардии генерал-лейтенант Анашкин.

Декабрь 2002 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Праслов Дмитрий Владимирович***, студент 3 курса Московского авиационного института.

Корягин Дмитрий Иванович

ТАК ВОТ ОНА КАКАЯ – РАЗВЕДКА БОЕМ!

От Москвы до Берлина самолёт летит всего три часа. А тогда я шёл к Берлину почти год. Но так и не дошёл – в марте сорок пятого получил тяжёлое ранение и выписался из госпиталя уже после войны.

У меня была комсомольская юность – короткая, но боевая, прошедшая суровое испытание Великой Отечественной войной. Я всего пробыл на войне девять месяцев, был ранен и контужен, не раз горел в танке, но в моём характере была заложена черта – жажда жизни и победы.

Армейскую шинель я надел в конце сорок третьего, только-только отметив своё семнадцатилетие. Сначала было Ашхабадское пехотное училище, но неожиданно из курсантов сформировали команду для учебного танкового полка. Я решил пойти в группу механиков-водителей, рассудив: как-никак, а специальность не только военная. Вернусь после войны в родной колхоз, и можно сесть на трактор.

Но в приёмной комиссии отказали. Танк – дело не шутейное, и доверить его мне, маленькому, худенькому пареньку отказались. Но я оказался настырным малым, и комиссия сдалась. В учебный взвод я попал вместе с таким же маленьким и худеньким ремесленником из Губахи Иваном Кондауровым. Мы оба сдали государственные экзамены на «пять», получили в Нижнем Тагиле боевые машины и убыли с ними на фронт. И с ходу в бой, причём машина моя была назначена в разведку.

Это было 20 июля. Ранним утром наша головная походная колонна двинулась вперёд. То, что мой танк шёл первым, переполняло меня

большим чувством гордости. Только – только с учебной скамьи – и сразу в бой, да ещё впереди всей бригады! Значит, на меня надеются. На броне моей машины – автоматчики и начальник корпусной разведки капитан Токаричев. «Жми, сынок, жми!» – кричит капитан, и я жму. Кажется, что машина не идёт, а летит. О смерти, о том, что могут подбить, как-то и не думается.

Впереди видится село. «Жми, сынок, жми!» – нетерпеливо подгоняет капитан. И я жму. Неожиданно на дорогу выскочила легковая машина – немецкая, штабная, с офицерами. Тут же её прихватили, офицеров с конвоем отправили в штаб бригады, а мы снова вперёд.

На полном ходу проскакиваем зелёное село и видим немецкую автоколонну. Чуть сбросил газ, командир машины лейтенант Секретарев бьёт по колонне из пушки. В открытый люк мне видно, как разлетается немецкая техника, как в разные стороны разбегаются серо-зелёные гитлеровцы. Не останавливаясь, обходим разбитую автоколонну, и снова полный вперёд. Притормозили на перекрёстке дорог.

Справа и слева от шоссе густые кустарники, за ними – поля с копнами свежеубранного хлеба. Впереди, в синей дымке, очертания большого города. Это Львов. Кажется, ещё рывок, и мы там, в городе. Где же немцы? Не могут же они вот так просто позволить нам проехать во Львов? Но ничего подозрительного мы не видим.

«Давай вперёд», – командует Секретарев, и только машина набрала скорость, как в наушниках слышу снова его голос: «Короткая!» Выжимая рычаги, скорее чувствую, чем слышу, выстрел пушки. Вижу, как среди кустов вспыхнул немецкий бронетранспортёр, и в то же самое время будто стотонной кувалдой кто-то ударил по правому борту нашего танка и он засветился ярким, ослепительным светом и вспыхнул белым огнём, обжигая лицо и тело. Горим! Рванул провод переговорного устройства, выскочил из машины и покатился по земле, стараясь потушить загоревшийся на мне комбинезон. Значит – или напоролись на засаду, или здесь проходит передний край немецкой обороны.

Так вот она какая – разведка боем! Успели ли наши передать в бригаду? Наверно. В голове гудит, ничего не слышу. Что с экипажем? Осмотрелся. Никого – ни танкистов, ни автоматчиков, только жарко горит моя машина. Чёрт! Ведь там полтора боекомплекта снарядов! На какой-то момент успел определить взрыв, бросившись на землю, за копну.

Когда поднял голову, увидел – башни на танке не было, она в стороне уткнулась в копну. Отполз дальше, приподнялся, огляделся. Никого. Еле уловил далёкую трескотню автоматных очередей – они были там, далеко, по ту сторону дороги. Покричал своих – никакого ответа.

В небе – немецкие самолёты. Они пикируют на село, которое мы недавно проскочили. Значит, там бригада. Пригибаясь за копнами, направился в сторону наших. Неожиданно надо мной взревел мотор самолёта, и пулемётная трасса вспорола жнивьё земляными фонтанчиками. С трудом скрылся от «мессера»...

Когда добрался до бригады – узнал, что экипаж погиб. Считали сгоревшим и меня...

В бригаде обо мне потом говорили удачливый. Сколько машин и экипажей потерял, а сам всё живой. Помню, был у нас Генка Стрекалов, пермский парень, мотоциклист, начальника бригады возил. Так он всё время ко мне в экипаж просился. Ты, говорит, счастливый, из боя живым выходишь... А накануне командира моего танка убило. Получил я новую машину, экипаж на скорую руку подобрали. Командир, лейтенант Никитченко, взял Генку заряжающим. Обрадовался парень, что в настоящий танковый бой пойдет.

Только оказался для него этот первый бой и последним. Погиб мой земляк, спасая жизнь командира...

В общем, на войне, как на войне. Никакой бой не обходился без потерь, иногда эти потери были слишком велики... Может, действительно, я был удачлив. Каждый раз, нажимая стартер перед атакой, понимал, что, может, именно из этого боя не вернусь. Понимал. Но страха не чувствовал.

Нет, однажды всё-таки было страшно, очень страшно. Когда во время ночного марша перед боем не увидел сигнального фонаря передней машины, врезался в неё и вывел свой танк из строя. Меня могли отдать под трибунал. Погибнуть от своих!? К счастью, разобрались, почему фонари на многих танках оказались закрытыми и что танк вслепую вёл не я один. Тут же дали команду навести порядок. Такие вот дела...

Февраль 2002г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Абаев Сергей Олегович***, студент 2-го курса профессионального училища №5

Кузовников Евгений Сергеевич

О РАЗВЕДЧИКАХ 62-Й ГВАРДЕЙСКОЙ ТАНКОВОЙ БРИГАДЫ

Я родился 30 июня 1925 года в городе Сарапуле Удмуртской АССР в семье комсомольских- в дальнейшем партийных работников.

Отец Кузовников Сергей Иванович, 1903 года рождения, был 13 декабря 1937 года арестован, а 3 сентября 1938 года необоснованно обвинен и в 1938 году расстрелян. 29.08.1957 года он реабилитирован посмертно.

Мать Кузовникова Зоя Михайловна, 1904 года рождения была после ареста отца исключена из ВКП(б), затем в 1940 году восстановлена в членах ВКП(б).

После восстановления матери в партии я был принят на учебу в РУ-3 при заводе №172 им. Молотова и с 20.07.41 г. по 5 марта 1943 учился на слесаря лекальщика.

В 1941 году был принят в члены ВЛКСМ.

Перед днем Красной Армии 23 февраля 1943 года в Пермской, Свердловской и Челябинской областях был объявлен набор добровольцев в Уральский добровольческий танковый корпус.

В это время я с группой слесарей от нашего завода находился в командировке на ремонте котла на Закамской ТЭЦ в гор. Краснокамске.

Как и многие молодые люди, подал заявление в городской комитет ВЛКСМ и в городской военный комиссариат Краснокамска для зачисления меня добровольцем.

За первую неделю было подано 105 тысяч заявлений с просьбой об отправке добровольцем в Уральский добровольческий танковый корпус, а нужно было всего 9,5 тысяч человек.

Строгая мандатная комиссия тщательно изучала каждого, вызывала на собеседование. Отсеивала беспощадно. Я страшно переживал, что меня не возьмут. Ведь мой отец был репрессирован как «враг народа», но мать к тому времени уже почти три года как была восстановлена в ВКП(б), что меня немного успокаивало.

Наконец-то мне повезло! 5 марта 1943 года я был зачислен рядовым в 243-ю Молотовскую добровольческую танковую бригаду 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса.

Моей радости не было предела. Вскоре я вместе с Матвеем Капланом и еще несколькими товарищами из Пермской области прибыл в город Кунгур, где формировалась 243-я танковая бригада.

Мы с Матвеем были зачислены автоматчиками в танко-десантную роту моторизованного батальона автоматчиков (МБА). Так мы стали добровольцами Урала.

Началась наша боевая учеба. Занимались ежедневно по двенадцать и более часов. Часто нас поднимали по тревоге, совершали ночные марши и рейды в тыл условного противника. Было порой очень трудно, но обстановка была такая, что среди нас не находилось «нытиков». К тому же раньше мы уже прошли хорошую школу ОСОАВИАХИМА. Умели отлично стрелять, бросать гранату, действовать малой лопаткой, хорошо бегать на лыжах и т.д.

Должен сказать, что все поставленные перед нами задачи мы выполняли с большим старанием. Командиром нашего взвода был очень энергичный и строгий лейтенант Фишман Михаил Семенович. Для всех нас, добровольцев, олицетворением и особым примером был командир бригады подполковник Приходько В.И

Во-первых, на его груди было несколько боевых наград. Сейчас я уже не помню каких. И не только это придавало ему особый авторитет. Он выделялся буквально всем – выправкой, умением говорить просто и очень доходчиво. Командир в совершенстве знал боевую технику и оружие, на стрельбище показывал образец отличной стрельбы. Все мы, добровольцы, с волнением слушали, когда он проводил какие-либо занятия или командовал тактическими учениями.

На наш взгляд, все командование бригады, батальонов и других подразделений было отлично подготовлено в военном отношении.

Начальник политотдела майор Елуферьев Е.В., начальник штаба бригады майор Денисов С.А., командир нашего МБА капитан Лысак К.М., пом. начальника штаба бригады майор Макшаков Б.П., парторг

МБА ст. лейтенант Ермилов А.С. и многие другие, которых мы хорошо узнали после боев на Курской Дуге.

Но чаще всего на занятиях в поле, в походе и везде, где нам, молодым, бывало трудно, кроме наших непосредственных командиров, незаметно появился веселый и простой вожак нашей бригадной молодежи – заместитель начальника политотдела по комсомолу Лев Васильевич Шатров. До прибытия в ряды 243-й танковой бригады он был секретарем Обкома комсомола в Перми, имел большой опыт работы с молодежью. Нам, молодым пермякам, он был хорошо знаком по гражданской жизни.

Первое Мая 1943 года для всех нас был особо волнующим днем. В этот праздничный день мы приняли Военную присягу, сдали зачеты по нескольким дисциплинам военной подготовки и отстреляли из своих табельных ППШ положенные упражнения. Прошли мы также и танковую «обкатку». Очень было для нас это нелегким занятием. Описывать его долго и трудно. Кто-то из вас, вероятно, видел в телепередачах «Служим Советскому Союзу», как происходит этот процесс. Для пехоты танковая «обкатка» заключается в ликвидации танкобоязни и приобретении навыков встречи танков противника. И не только встречи, но ведения умелой борьбы с ними, имея при себе противотанковую гранату или бутылку с зажигательной смесью.

1 июня 1943 года добровольцы бригады перед своими земляками дали Клятву на верность Родине и убыли эшелонами в Подмосковье. Проводы были торжественными и надолго запомнились всем нам.

По дороге к месту нашего расположения в Кубинке, где-то под Сухиничами или под Наро-Фоминском нас впервые бомбили немецкие самолеты. Помнится, что пострадал в нашем эшелоне тогда вагон с медсанчастью, но, к счастью, убитых и раненых не было. Но и это нас настораживало, мы уже близко от фронта.

Боевая учеба (сколачивание) в Кубинке проходила не очень долго, но еще более напряженно, чем в Кунгуре. Здесь проходили учения в составе подразделений и бригады в целом и опять ликвидация танкобоязни.

Часто были ночные тревоги и совершение маршей пешими колоннами или на танках десантом. Политработники разъяснили нам сводки Совинформбюро, вопросы внутренней и внешней политики нашего Правительства. Были мы постоянно в курсе всех дел страны и сознательно готовились к схватке с врагом, к схватке по-уральски, как давали Клятву своим землякам в Перми.

27 июля в районе местечка Середичи весь личный состав бригады был построен для проведения митинга с разъяснением боевых задача.

Рано утром мы на броне своих Т-34 пошли в свое первое наступление в составе нашего МБА в направлении Лунево-Коноплянка-Рылово, развивая наступление на Руднево-Скородумка.

Несмотря на то, что в нашем направлении противник взорвал все мосты через реку Орс, а обильные дожди сильно размыли и заболотили пойму реки, наши танкисты вместе с десантниками нашего МБА форсировали реку, выбили противника из Лунева и стремительно пошли в наступление на Коноплянку-Рылово.

Рано утром 28 июля десантники капитана Лысака К.М. под прикрытием огня танков бригады, самоходок и ИПТАБ обрушиваются на пехоту противника. Завязывается рукопашная схватка в окопах, в траншеях и в ходах сообщения противника. Здесь немцы впервые прочувствовали наши «черные ножи», которыми воины-добровольцы нашего поздравления были вооружены еще в Кунгуре. Этими ножами нас вооружил рабочий класс города Златоуста. Позже мы слышали, что наш корпус был назван немцами «Дивизией черных ножей».

На следующий день снова напряженные бои, противник перед населенным пунктом Однощеково оказал еще более упорное сопротивление. В связи с тем, что мы не имели точных данных о противнике, командир бригады дал приказ батальонам приостановить атаки с ходу и распорядился, чтобы комбат Лысак К.М. провел своими силами тщательную разведку ночью. В пешую разведку был выслан взвод автоматчиков лейтенанта Фишмана М.С. Автоматчики Матвей Каплан, Анатолий Образцов, Александр Ломакин, Саша Рудаметов, Антонин Аликин, М.М. Галлямов, я и другие товарищи ушли в ночную тьму.

Данные разведки дали положительные результаты. Это позволило танкам нашей бригады совместно с воинами Свердловской танковой бригады и 30-й мотострелковой бригадой корпуса нанести мощный удар по противнику на северо-восточной окраине села. Враг в панике бежит на заранее подготовленный рубеж по реке Нугрь.

В ходе преследования противника наша бригада занимает населенный пункт Колотаево и выходит к реке. И далее наша бригада ведет ожесточенные бои. На 4-й день боев 31 июля 1943 года наша рота автоматчиков на броне танков роты ст. лейтенант М.И. Елкина получила задание форсировать реку Нугрь и освободить село Скородумка.

Форсировав реку ранним утром у местечка Скородумка, мы на танках прошли первую и вторую траншеи противника. Здесь меня ранило осколком от разорвавшегося снаряда.

Командир отделения доложил о ранении бойца командиру танка, тот приказал мна сойти с танка, объяснив, что раненых в тыл противника возить нельзя. Так я остался один. Было совсем темно, еще не

рассвело. В траншеях были немцы, их голоса и команды мне были хорошо слышны.

Ползком я добрался до какой-то воронки от снаряда. Как смог, сделал себе перевязку имеющимся перевязочным пакетом и оторванным низом нижней рубахи. Сидел в этой воронке в полном напряжении, откровенно сказать мне было очень страшно. Скоро рассвет. Кругом никаких укрытий. Боль утихла, кровь вроде приостановилась, но страх не оставлял меня. Начала мучить мысль – ведь могут захватить в плен. В это время думал не о себе, а о матери и младшем брате. Ведь если бы меня схватили или даже убили немцы, моим родным могли бы сказать, что ваш сын «враг народа», что он сдался в плен сам и так далее. Все передумал за эти минуты. Но твердо решил лучше смерть, чем плен. Приготовил на всякий случай Ф-1 и свой ППШ.

Но вот по немецким траншеям стали чаще падать снаряды нашей артиллерии. Расстояние между траншеями было примерно 1-1,5 км. Немцы начали группами перебегать по ходам сообщения вглубь своей обороны. Воспользовавшись этим, я решил искать другое укрытие. И вскоре нашел вырытую в мой рост щель. Но когда спускался в нее, я увидел человека, уткнувшегося лицом в угол щели. Но кто он? Свой или чужой? Я вытащил из ножен свой уральский «черный нож» и вонзил ему в спину. Нож вошел, как в масло. Тут я понял, что это труп давно убитого. Напрягая свое зрение, я разглядел нашу каску и прижатую к углу щели нашу винтовку с примкнутым штыком. Кто он был? Чей отец или брат? Но это был наш воин!

Погибший, но не сдавшийся врагу. Вечная ему память! Попытался найти его медальон, но не нашел. Что делать дальше? Ведь впереди и сзади немцы.

Уже светает. Но вскоре меня охватило радостное волнение наша артиллерия усилила огонь и перенесла его в глубь обороны немцев. А через некоторое время я услышал с радостью наше русское «Ура-а-а!»

Видел, как немцы бежали в тыл, и видел цепи наших пехотинцев, на ходу стрелявших из винтовок и автоматов. Шум боя и крики «Ура-а-а!» Все слилось в единый гул. Тут и я, осмотревшись, стал стрелять из своего ППШ по убегающим немцам. Вскоре наступавшие красноармейцы достигли места моего «укрытия», а какая-то медсестра помогла мне выбраться из щели и добраться до пункта сбора раненых.

И здесь мне улыбнулось солдатское счастье. Я неожиданно увидел бойца нашего взвода танко-десантной роты МБА Матвея Каплана. Оказалось, что он был послан в штаб МБА с донесением. Он-то и довел до бригадного медсанвзвода, где мне обработали рану (хорошо, что кости были целы) и сменили повязку.

Около недели я лечился у наших медиков, а затем вернулся в свой взвод танко-десантной роты. К своему сожалению, узнал, что во взводе осталось около десяти бойцов. Жалко было до слез, что нет многих верных друзей. Узнал несколько позже, что и командир нашей бригады полковник Приходько В.И. был тоже ранен и отправлен в госпиталь, а вместо него был назначен майор Денисов С.А. Это произошло 10 августа 1943 года вблизи села Прилепы. Пока я находился в медсанвзводе, командование использовало меня и других легко раненых на охране штаба или для других поручений.

Но когда я достаточно поправился и окреп, то меня направили в свой взвод, а затем перевели в бригадный взвод разведки. Мы ходили на передовую линию фронта, вели наблюдение за противником и иногда направлялись в тыл к фашистам. Чаще всего искали возможные броды через реки и мелкие речушки, а также пути обхода непроходимых для танков мест.

В разведку до службы в разведвзводе я чаще всего ходил с Анатолием Образцовым и с Александром Рудометовым, а возглавлял нашу группу лейтенант-танкист Владимир Марков. Мы гордились тем, что нас посылали с ним. Он был отважный офицер, хорошо знал разведку и инженерное дело. Он в бригаде пользовался большим авторитетом.

В середине августа наша бригада была выведена во второй эшелон. 18 августа в бригаде состоялось общее партийное собрание, на котором были подведены итоги боев на первом этапе нашей боевой деятельности. Меняя место дислокации, воины бригады по заданию командования корпуса прикрывали его штаб. 29 августа по распоряжению командования наша бригада передала свою технику и часть личного состава подразделений в Свердловскую танковую бригаду. В составе передаваемого личного состава убыл в Свердловскую ТБр и лейтенант Марков, которого мы очень любили. В ней, уже в боях на территории Германии, он стал Героем Советского Союза.

Вспомнился еще один эпизод из боевых действий в Курской битве. Помнится, что это было вблизи села Мощеное. Населенный пункт, в который вошла наша бригада, обороняла какая-то наша стрелковая часть. Населенный пункт находился на господствующей высоте, имел множество каменных зданий, и там был конезавод, почему-то сохранившийся до его освобождения нашими частями.

Главные силы нашей 243-й танковой бригады расположились тогда сзади траншей пехотинцев, танки и артиллерия вкапывались в капониры

Танковый взвод под командованием лейтенанта Белова в составе трех танков и примерно 15-16 разведчиков и автоматчиков, трех сапе-

ров и санитара получили задание выявить передний край обороны противника, его огневые средства, особенно танки и противотанковую артиллерию…

Разминировав нам проход, боевое охранение стрелковой части пропустило нас на трех танках для выполнения задания.

Пройдя десантом на трех танках примерно 7,5-8 км, мы остановились, замаскировали танки по ходу движения и стали вести наблюдение при помощи биноклей. Видимо, противник заметил нас и начал вести обстрел из пушек и крупнокалиберных пулеметов. Но эта стрельба была беспорядочной. Мы и разведчики-десантники спешились, разделились на две группы и по приказу лейтенанта Белова, одна группа следовала по скату вдоль дороги, используя укрытия в прежнем направлении на юго-запад, а вторая следовала от развилки дороги на юго-восток.

Почему мне это запомнилось? Помню, что солнце грело спереди слева, а времени было около 13 часов дня, что дает мне основание утверждать направление нашего движения. Это мешало нашему наблюдению, а блеск нашего оружия и оптика, наоборот, помогали противнику вести наблюдение за нами. Обе группы прошли от наших танков на два километра. И мы были вновь обстреляны противником из пушек и пулеметов. Но из нас никто не пострадал. Зато мы более точно засекли их огневые точки и нанесли на свои карточки и карту нашего командира. По приказу командира мы вернулись к месту стоянки танков. Все эти данные командир доложил по радио в штаб бригады.

Командованием бригады было приказано возвратиться к месту расположения бригады в село Мощеное. В это время на нас налетели три немецких самолета, которые сбросили несколько бомб и обстреляли наши танки из пушек и пулеметов. Один наш танк им удалось поджечь. Мы вели по самолетам ответный огонь из ручных пулеметов и автоматов. Самолеты опускались очень низко, так что нам было видно летные очки вражеских пилотов.

Экипажи танков и мы пытались сбить пламя с поврежденного танка, но нам это не удалось. Когда мы вели огонь по самолетам, было слышно, как стучат наши пули по фюзеляжу и крыльям, но сбить их нам так и не удалось. Зенитных средств мы не имели. В момент разворота самолетов экипажи танков набросили на танки брезент, а на нем зажгли дымовые шашки. Появившись вновь над танками, немецкие летчики, видимо, решили, что все наши танки подожжены. А в подожженном нашем танке начали рваться снаряды. Пришлось прекратить борьбу за живучесть машины, а двум другим танкам на большой скорости удаляться в безопасное место и следовать по распоряжению штаба бригады к месту дислокации.

Нам, разведчикам и автоматчикам обеих групп, было приказано следовать пешим порядком, ведя наблюдение за действиями противника, и прикрывать отход наших танков. Один из членов экипажа танка был ранен, а из разведчиков и автоматчиков никто не пострадал. Примерно через 30-35 минут после нашего возвращения на нас снова налетели три самолета. Но, видимо, у них не было бомб, а стрелять из пушек и пулеметов они не могли, так как мы находились на крутом скате. Если бы мы спустились ниже, они бы врезались в скат высотки. Мы же снова отстреливались из автоматов и пулеметов. Танки наши были в это время уже под прикрытием зенитных средств наших частей.

Вдруг один из наших автоматчиков вскрикнул. Когда к нему подошли двое бойцов, то около него обнаружили несколько штук гильз от крупнокалиберного пулемета. Видимо, они были сброшены с самолета из гильзоулавливателя. Одна из гильз и попала ему в голову. Санитар сделал ему перевязку.

Мы успели прибыть в бригаду, когда она уже была вытянута в походную колонну для совершения марша для действий на другом участке.

В конце августа 1943 года бригада была выведена на переформировку в Брянские леса. Там саперы разминировали землянки, склады, дороги и многое другое. Мы занимались обустройством землянок и других необходимых помещений для бригады.

В Брянских лесах получали пополнение личного состава и легкую боевую технику. Все шло нам с Урала. Некоторые из нас направлялись за получением техники на заводы Урала.

Вместе с Матвеем Капланом, Толей Образцовым, М.М. Галлямовым, Сашей Рудометовым, Мироном Лейтманом, Сашей Ломакиным, Антонином Аликиным и другими мы были официально, по приказу штаба бригады, переведены в бригадный взвод разведки.

Помкомвзводом у нас был Михаил Резник, разведчик с самого начала войны, по ранению списанный из армии, но продолжавший бить врага. Имел он уже тогда много боевых наград. С большинством из перечисленных товарищей я поддерживал длительную связь уже после ВОВ. А с Яковом Семеновичем Супруновым мы встретились только через 56 лет после отъезда в военное училище и сейчас ведем частую переписку. С ним мы учились в училище в Стерлитамаке, а в 1946 году, после его окончания, отправились по разным местам Родины

Однополчане, которые еще живы, с гордостью вспоминают, как нам вручали гвардейское Знамя и гвардейские знаки 26-го октября 1943 года в брянских лесах. Это в памяти останется у нас до конца.

Мне хорошо запомнились боевые задачи и действия, выполняемые разведвзводом 62 гв. ТБР в этот очень сложный период распутицы и бездорожья. Наш взвод в основном действовал на танках в качестве десанта, как правило, в головной походной заставе (ГПЗ). Шли мы от Ямполя через Святец, Чепелевку, Красилов, Западницы, Проскуров, Ярмолинцы и другие населенные пункты с тяжелыми боями, ведя обычную разведку и как автоматчики в танковом десанте.

С частями нашего 10-го гвардейского танкового корпуса мы соединились при освобождении города Гусятина. И как мы можем забыть этот путь, в котором за освобождение городов и населенных пунктов героически отдали свои молодые жизни наши боевые товарищи, верные друзья. Среди них хорошо помню: офицеров Белова, Лихолитова, сержантов Вотинова, Жильцова, Корякина и Мальцева, рядовых Ремезова, Слободенюка, Самойленко, Удота и других. Эти товарищи были хорошо известны не только в нашей бригаде, но и в Уральском добровольческом танковом корпусе. Они своим героизмом отличались еще в Курской битве.

В 20-х числах марта 1944 года в районе города Гусятина мы соединились с частями нашего Уральского добровольческого танкового корпуса. Офицеры бригады – танкисты, артиллеристы, связисты, мотострелки, с которыми нам, разведчикам бригады, приходилось выполнять задачи, будучи в ГПЗ передового отряда бригады- это Г.В. Быстревич, М.В. Елкин, Т.Н. Кононец, А.С. Шелемотов, В.К. Фоменко, В.К. Лапчук, А.А. Никифоров, В.Г. Платов, И.А. Ельчанинов и многие другие. У них мы – рядовые и сержанты – многому научились в боевых действиях.

Наступая за передовым отрядом корпуса, бригада получила задачу овладеть городом Перемышляны и удерживать его до подхода частей 6-го мехкорпуса. Взвод ст. лейтенанта Т.Н. Кононца с разведчиками на его танках, будучи в ОРД, врываются на окраины Перемышлян, обойдя город справа, уничтожают несколько противотанковых пушек и танков. Мы прочесывали все дома и постройки, уничтожая пехоту, а наши разведчики И.Я. Сысоев и сержант Матафонов, захватив немецкую пушку, вели из нее стрельбу по немцам. В самом конце боев за Львов мне пришлось с группой разведчиков и автоматчиков на одном из танков срочно выехать на Львовский вокзал.Там наш танк наскочил на фугас, экипаж погиб, а нас, десантников сильно контузило и разбросало.

27 июля 1944 года Львов был полностью освобожден частями нашего 10 гв. УДТК и 6-го гв. мехкорпуса. Корпус получил наименование Львовского. В этот же день начальник политотдела бригады подполковник Елуферьев вручал нам, воинам бригады, партийные билеты. Мне было 19 лет, у меня были перебинтованы уши после контузии от фугаса. Но в это день я стал членом Коммунистической партии.

Среди последних эпизодов моего участия в боевых действиях Пермской танковой бригады было более чем 200-километровый марш в район Жешува и Сташува при выходе на Сандомирский плацдарм

За отличные боевые действия наша 62-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Красного Знамени. Многие наши добровольцы-пермяки были награждены орденами и медалями. Я был награжден орденом Славы 3 -й степени.

Командир бригады сказал, что нас троих Я.С. Супрунова, А.А. Рудометова и меня направляют на учебу в военное училище, армии нужны боевые офицеры, прошедшие войну, как мы.

О себе скажу коротко: в КПРФ состою до сих пор, как обещал своим родителям, которые были реабилитированы и восстановлены в партии. В боях за Родину был ранен и контужен. Инвалид ВОВ 2-й группы. Награжден орденами: Красной Звезды, Славы 3-й степени, Отечественной войны 1-й степени, медалями: За боевые заслуги, За Победу над Германией и другими (всего 20).

Имею двух дочерей, трех внуков и трех правнуков. Женат – жена Кузовникова Зоя Александровна, ветеран тыла, ветеран труда, реабилитирована после политических репрессий, проживает со мной.

Из стен нашего ремесленного училища в годы ВОВ вышли четыре Героя Советского Союза и три Героя Социалистического Труда.

В декабре 2001 года я побывал в народном музее шести орденоносного завода им. В.И. Ленина, где работал до ухода добровольцем на фронт в составе 243-й Молотовской добровольческой танковой бригады. Моему родному заводу уже более 265 лет. Все эти годы отражены в экспозициях заводского музея.

Связи с заводом и его лицеем у меня укрепляются.

К 55-летию Победы по приказу ВГК № 2 от 27.04.2000 года мне было присвоено воинское звание полковник.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***СтепановСергей Михайлович***, студент 2-го курса профессионального училища № 5.

Леонтьева Елена Михайловна

ВАША ЛЮБИМАЯ КОГДА-НИБУДЬ СПАСИБО СКАЖЕТ

Я, Леонтьева Елена Михайловна (до 1947 г. Костина), 1922 года рождения, пошла в армию добровольцем 26 июня 1941 г. из Орловского педагогического института, где два года проучилась на факультете естествознания.

Меня направили в один из сформированных госпиталей. Мой военный путь протянулся от Брянщины до Воронежа, затем до Сталинграда, к Курской дуге, через Польшу и Германию до Берлина и Праги.

На этих дорогах войны я болела сыпным тифом, была потом трижды ранена и получила контузию. Убегала из госпиталей, не долечившись и не получив на руки документов, лишь бы поскорее догнать своих однополчан и с ними вместе идти в новые бои. Получив инвалидность, я имела право вернуться домой, но я даже мысли такой не допускала.

О войне помнишь почти все, но что-то памятно особенно. Так, я вспоминаю бои на белорусской земле, на Жлобинском направлении.

В ноябре 1943 г. я была санинструктором 236-го гаубичного артиллерийского полка. Были трудные бои при форсировании рек Березина и Сож. Воевать в болотах нелегко! 14 декабря частям на нашей линии обороны было дано задание начать наступление в направлении Жлобина. Началось оно с артподготовки. Я находилась на наблюдательном пункте, где командир дивизиона корректировал огонь, где рядом были связисты, разведчики и автоматчики.

Первая попытка наступления под огнем захлебнулась, вторая – тоже была безуспешной. Заговорили о том, что офицеров в составе пехоты не осталось все убиты или ранены. На наш НП пришел замполит командира дивизиона капитан Тимашурин и сказал: «Я пойду в пехоту, попробую поднять солдат на выполнение приказа». Я слезно напросилась идти с ним. Пришли, он начал беседовать с солдатами, а я оказывать помощь раненым. Потом политрук подошел ко мне и говорит, что здесь находятся штрафники, что их очень трудно поднять в атаку, что это, видимо, смогу сделать только я, девчонка.

Напомнил мне, что я комсомолка и надо выполнить свой долг. Я его поняла сразу. Но как трудно было преодолеть себя! О смерти я не думала. Но почему-то мое тело стало ватным и свинцово тяжелым, всю меня била противная дрожь, лязгали зубы. С каким трудом, упираясь в стенки траншеи, я вытащила свое, такое непослушное, тяжелое тело на бруствер, с каким трудом оторвала себя от земли и, поднявшись, крикнула как можно громче: «За Родину, за Сталина!» – и побежала в направлении немецких траншей. Я перестала воспринимать окружающее, в голове лишь одна мысль: только бы хватило дыхания, только бы не упасть. И тут вижу рядом капитана с пистолетом в руке и о, радость! – слышу солдатское «ура!»

Вот и немецкая траншея. Я оказываю помощь нашим раненым, ищу, где можно их укрыть на время боя. Идет рукопашная. Я натолкнулась на блиндаж. А в нем по земле катаются наш солдат и немец в смертельной схватке. У немца в руке кинжал, он пытается убить нашего солдата. Я изо всех сил закричала: «Фриц, брось, что ты делаешь!» На мой крик вбежал наш солдат, и с немцем было покончено.

В этом бою политрук погиб, я была тяжело ранена в голову взрывом снаряда и без сознания отправлена в медсанбат. В сознание пришла лишь через пять суток, но выключилась память. На все вопросы отвечала: «236-й артполк». Затем память восстановилась, а слух я наполовину потеряла. Пять месяцев госпитальной койки, инвалидность, но я предпочла вернуться в строй. За этот бой меня наградили первым орденом Красной Звезды.

Май 1944 г. Я направлена санинструктором отдельной роты ПТР 17-й мехбригады 6-го гв. механизированного корпуса. Звание мое было старший сержант. Командовал ротой капитан Михаил Яковлевич Небратенко. Вскоре его перевели в 126-й танковый полк, а мы пошли в бой под командованием старшего лейтенанта Петра Ивановича Костырина.

Солдаты роты после изнурительных боев в весеннюю распутицу болели фурункулезом, десны у них кровоточили. Я принялась лечить их народными способами. В весеннем лесу было много черемши, сосны

пустили молодые побеги. Я обильно посыпала черемшой пищу солдат, а молодую хвою сосны заваривала в чай. Солдаты бранили меня, но пили и вскоре избавились от своих недугов.

Майор Спиренков, начальник санчасти бригады, вызвал меня и потребовал отчета, почему не посылаю солдат на лечение от фурункулеза и цинги. А когда я сказала, что у нас в роте больных нет – сам пришел и осмотрел солдат. Был удивлен, как мне удалось справиться без помощи врачей и аптечных витаминов. Похвалил на одном из инструктивных совещаний медработников. В роте я быстро завоевала авторитет, меня избрали комсоргом роты. Нас, нескольких молодых людей: меня, Павлика Липина, Глеба Зинченко, Сережу Жердина, Колю Лагунина, в бригаде уважительно звали «студентами», так как. мы любили книги, организовывали их обсуждение в роте. Сережа Жердин прекрасно рисовал, оформлял боевые листки, наглядную агитацию.

Летом, после отдыха и формировки в Копычинцах, наша бригада в составе 6-го корпуса начала наступление в направлении Львова. Мне особенно запомнились прорыв в районе Колтув и бои за г. Золочев. Там, под деревней Княже, мне пришлось вынести с поля боя тяжело раненного майора. А в 1975 г. на встрече ветеранов в Москве он сам напомнил мне об этом эпизоде. Это был майор Степанов, командир 51-го мотоциклетного батальона корпуса.

Тяжелые бои с немецкими частями, пытавшимися прорваться на помощь своим во Львове, вела наша 17-я гв. механизированная мех. бригада 6-го гв. механизированного корпуса у г. Перемышляны.

Получилось так, что из медработников в Перемышлянах я была одна (санинструктора танкового полка убили в первом бою за город). И мне пришлось быть одной в разных лицах: оказывать помощь на поле боя, организовывать доставку раненых в укрытие. Для этого я облюбовала бывший немецкий госпиталь, его полуподвал.

Там, на втором этаже, лежали три немецких солдата в гипсе, в спешке отступления брошенные немцами. В этот дом я собирала раненых, оказывала всю помощь, которую могла, организовала их питание. У меня не хватало перевязочного материала, и тогда я стала собирать простыни в брошенных домах и рвать их на бинты.

Была я в Перемышлянах «начальником» госпиталя, фельдшером, санитаркой, поваром, снабженцем. И в роту бегала посмотреть, как там мои комсомольцы. Здесь в боях были ранены Сережа Жердин, Павлик Суворов. И сколько было радости, когда через пять дней приехал на санитарной машине Коля Баженов из медсанбата и стал забирать моих раненых. Как часто выручал он меня, приводя свою машину к самой передовой, чтобы забрать у меня раненых! За бои в Перемышлянах меня наградили вторым орденом Красной Звезды.

После почти недельных боев за Перемышляны мы, догнав свой корпус, очутились во Львове. Потом были бои за Самбор, форсирование реки Сан, освобождение г. Санок и стремительное наступление к Сандомиру.

Мне часто приходилось оказывать помощь солдатам 13-й армии, рядом с которыми мы воевали в это время, и направлять в наш медсанвзвод. Не раз меня ругал наш начсанбриг майор Спиренков: «До каких пор ты будешь таскать к нам чужих солдат?» На что я отвечала: «Мне некогда выяснять на поле боя, чей это солдат, я направляю вам наших, советских солдат». Конечно, случалось иногда и немцам оказывать помощь, но это было исключением.

Здесь, в боях за удержание Сандомирского плацдарма, меня приняли кандидатом в члены КПСС (конец августа 1944 г.).

В январе 1945 г. были тяжелые бои на территории Германии. В памяти остались р. Черная Нида, г. Кельце, г.Петркув. Конечно же, не забыть форсирования р. Одер. Двигались мы лесными дорогами както очень быстро, спокойно. Немцы наверняка даже не подозревали об этом. Расположились недалеко от берега, в лесу. Не разрешались шум, движение, костры. Стали переправляться разведчики. Под обстрелом из восьми лодок западного берега достигла одна, солдаты оказались в ледяной воде, среди плавающих льдин. Затем была налажена понтонная переправа. Немцы бомбили и обстреливали переправу. И все спешили на западный берег, в г. Кёбен. Город смрадно горел.

И тут из уст в уста полетела весть, что Борис Костяков из своего полевого орудия сбил немецкий самолет. А мы двигались все дальше и дальше на запад, расширяя плацдарм и гордясь тем, что наша бригада первая из всех войск и фронтов Красной Армии форсировала Одер. Здесь, на Одерском плацдарме, меня приняли в члены КПСС и тут же начальник политотдела назначил меня парторгом роты.

После Кёбена марши бригады были стремительны. С боями форсировали реку Бобер, затем Нейсе. В боях за Нейсе погиб командир роты старший лейтенант П.И. Костырин, а вскоре – сменивший его лейтенант Н. Ямщиков

Март 1945 г. Мы быстро наступали в направлении Берлина. Возникали жестокие схватки. В одном из таких боев под Штефансдорфом был тяжело ранен наш комбриг Герой Советского Союза подполковник Леонид Дмитриевич Чурилов. Я оказала ему помощь на поле боя. А произошло это так.

Мы ворвались в какое-то село. Часть бригады осталась оборонять его, а часть пошла дальше в наступление. Я шла с отделением бойцов из нашей роты ПТР сержанта Жердина Сергея Григорьевича. Пришлось пробираться ползком, так как дорога простреливалась снайперами и автоматчиками. Мне надоело ползти. Сколько можно «кланяться» немцам? Встала и побежала.

Вдруг мне показалось, что меня ударили по голове, и в это же время кто-то сильно дернул за ноги. Это сержант Жердин сбил меня с ног, спасая от обстрела: «Ты что, погибнуть захотела? Снайпер бьет!» Моя шапка отлетела метра на полтора и была вся разорвана. Голова чудом не была задета снайперской пулей.

В лесу мы стали окапываться. Метрах в 200 от нашего окопа я увидела, что кто-то шевелится. «Вроде наш раненый», подумала я и побежала в том направлении. Это действительно был раненый майор, у него ранение в живот. Перевязала, втащила на свою плащпалатку и потянула к своим. Он стал меня просить: «Девушка, не надрывайся, брось меня!» Я спрашиваю: «Товарищ майор, сколько вам лет?» Отвечает - 24 года. Я говорю: «Ваша любимая когда-нибудь спасибо мне скажет, что я вас спасла». А он в ответ: «Не успел любимую завести». Притащила его в батальон майора Титова и отдала старшине, чтобы отправить в тыл.

Вдруг там, откуда я только что вытащила раненого, появилась немецкая «пантера». Батальон начал отходить, пыталась остановить, ничего не вышло. Я разыскала комбата Титова и сказала, что солдаты отступают. Он вскочил и побежал к солдатам, а ко мне подбежал ординарец комбрига и сообщил, что тот ранен. Я бегом к нему. Перевязала его, увидела, что ранение тяжелое, и попросила разрешения отправить в медсанбат на бронетранспортере. Комбриг не разрешил снимать с обороны боевую машину и приказал мне находиться поблизости.

Я проверила, есть ли еще раненые, кому-то еще оказала помощь. Раненых собирали в одно из спокойных мест. В это время к комбригу пришел командующий корпусом полковник Василий Федорович Орлов Герой Советского Союза, и прилег на землю рядом.

Я просила разрешения укрыть их в убежище, вырытое под рядом стоящим танком, но они отказались. Закурили. А в это время в верхушках деревьев разорвался снаряд. Командир танка был убит, множество осколков обрушилось на Орлова. Ему разбило тазовые кости, в ране все перемешалось с обрывками меховой одежды. С трудом перевязала его, и вместе с солдатами и офицерами мы погрузили обоих Орлова и Чурилова на зенитный бронетранспортер и отправили в тыл. Их сопровождал капитан Орлов, брат комкора. Ранение, полученное В.Ф. Орловым, было очень тяжелым, и он умер от ран в госпитале.

А я осталась в этом лесочке, продолжая оказывать помощь раненым. И опять из медиков я была одна – Марию, санитарку из батальона, убило накануне. В лесу мы сражались трое суток. На поле боя в этом

же лесу начальник политотдела корпуса полковник Григорий Иванович Потапов вручил мне орден Отечественной Войны II степени за спасение жизни командиров.

Война продолжалась. В боях за Лукенвальде я была ранена в лицо. В госпитале мне наложили швы, перелили кровь, и я сбежала в свою роту.

Догнала их уже в Потсдаме. Потом было падение Берлина. И второго мая мои боевые товарищи обсыпали меня цветами сирени и тюльпанами, а я стояла среди цветочного дождя с обезображенным лицом, с которого только что сняли швы, и улыбалась весне, победе, солнцу.

Но война еще не закончилась. Нашу армию направили на помощь Праге. С брони танков, на которых мы двигались к Чехословакии, я видела развалины знаменитой Дрезденской галереи. Помню наш поход через Рудные горы, бой за первый чешский город Мост, ночной марш к Праге, чехов, которые освещали нам путь, чем только могли: фонарями, свечами, лампами. Море цветов… 8 мая я получила свое последнее ранение в ногу, и дальнейший путь совершала, сидя на машине, которая везла ящики с патронами для противотанковых ружей.

Боевые действия бригады завершились 14 мая. В дальнейшем бригаду перебросили в Австрию, а уже оттуда в сентябре я вернулась домой.

Таков боевой путь гвардии старшего сержанта – санинструктора роты ПТР 17-й гвардейской механизированной бригады 6-го гв. механизированного корпуса.

Награждена:

- орденами Отечественной войны I и II степени,
- двумя орденами Красной Звезды,
- медалью «За отвагу»,
- медалью «За боевые заслуги»,
- медалями «За оборону Сталинграда», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и другими.

В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Леонтьева Ирина Владимировна***, дочь Елены Михайловны

Лященко Павел Гаврилович

ПОХОРОНИЛИ ОКОЛО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА

Родился 4 марта 1919г. в поселке Победа Ростовской области. В 1938-м окончил Самарское СПТУ, в 1942-м танковую школу.

О войне узнал 22 июня 1941 в городе Майкопе – учился в Майкопской авиационной школе.

Боевой путь проходил через города: Каменец – Подольский, Львов, Самбор, Скалат, Гусятин, Кельце, Коньск, Штейнау, Зорау, Тейплиц, Калау, Луккендвальд, Штандерф, Потсдам, Берлин, Прага.

Освобождал города: Каменец Подольский (25. 03. 1944), Львов (27. 02. 1944), Штейнау, Берлин (16. 04. – 2. 05. 1945), Прага (06. – 09.05.1945) в составе: 1-го Украинского фронта, 4- й танковой армии,10- го гвардейского танкового корпуса, 62- й гвардейской танковой бригады. 1- го танкового батальона под командованием лейтенанта Кононца Т.Н.

Технари танковых подразделений вели точный учет движения танков в боях, горелых, подбитых, эвакуированных ПТРМ, отремонтированных и снова отправленных в боевые части.

Смотрю свое удостоверение механика-водителя. В нем отмечено: сдал экзамен на 5,42 боевых выхода (42 боя). На пятом танке добрался до Берлина и Праги. Дважды горел. Два танка сгорели капитально, их утащили тягачи в ПТРМ (полевые танково-ремонтные мастерские) Один подбитый – отремонтировали сами, и снова влились в бой. Это было на направлении Берлин – Ванзее. Трижды ранен, один раз конту-

жен. В декабре 1945года демобилизован домой в Ростов – на – Дону. Работал шофером, возил стройгрузы восстанавливать город Ростов, пострадавший от фашистских захватчиков.

С 1948 года – технорук дизельной автобазы Цимлянского гидроузла (гидростанция и судоходный канал Волга – Дон).

По окончании строительства с 1953 года – на освоении целинных земель северного Казахстана. Механик отделения совхоза Коноваловский.

Вернулся в Ростов. После тяжелой операции освоил вертолетное производство, до ухода на пенсию работал в отделе технического контроля – завод Роствертол.

До 4-й гвардейской танковой армии служил в автополку шофером, участвовал в финской кампании, получил ранение, дальше госпиталь в Каменске Ростовской области.

Потом БАО (батальон аэродромного обслуживания) Северо-Кавказский фронт 1942 год. Ранение – госпиталь – танковая школа – старший механик-водитель Т-34, 62-я Пермская танковая бригада 10 УДТК, 4-я гвардейская танковая Армия, 1-й Украинский фронт.

Награды:

- орден Красного Знамени,
- орден Красной Звезды,
- орден Славы 3 ст.,
- ордены Отечественной войны 1 ст. и 2 ст.,
- медаль «За боевые заслуги»,
- медали «За взятие Берлина», «За освобождение Праги»,
- трудовые медали «За освоение целинных земель», «За доблестный труд в ознаменование 100 - летия В.И.Ленина», «Ветеран труда».
- Диплом и знак «»Отличник качества Министерства авиастроения»,
- Почетный житель города Красилов (Украина) ,
- восемь юбилейных медалей.

Гвардии лейтенант Кононец Т.Н., старший сержант механик-водитель Курбатов, гв. лейтенант Андрейченко командир танка, гв. старшина механик-водитель Лященко П.Г., гв. сержант Жомов М.И.,гв. сержант Орлов В.И. стали лучшими танкистами в подразделении. Своими двумя танками нанесли врагу большой урон. Сожгли три немецких танка, уничтожили несколько орудий, много огневых точек и свыше двухсот гитлеровцев. Танки Кононца и Андрейченко были всегда впереди. Танк Андрейченко первым ворвался в город Львов, уничтожил две пушки и более двадцати гитлеровцев.

Как это было. 22 июля 1944года в 10.40 танк Андрейченко первым ворвался в город Львов. На окраине уничтожил пушку, огневые точки в палисадниках, два пулемета на пожарной башне, радиостанции на машинах на высокой горке. По крайней улице побежали гитлеровцы, свернули в улицу, ведущую в город. Володя Орлов, радист – пулеметчик, догонял их пулями из лобового пулемета. Повернул и я, механик-водитель Лященко, свой танк в эту улицу. Командир танка Андрейченко дал мне команду прижаться к большим деревьям, мы далеко оторвались от наших десантников. Фрицы танк наш подожгли, фаустпатроном или снарядом. Нас облило дизтопливом (соляркой) и охватило огнем в танке. Мы выбрались из горящего танка и вступили в рукопашный бой. Хорошо, Володя Орлов прихватил автомат – он оказал большую подмогу. Нам удалось уничтожить до десятка фрицев.

Командир танка гв. лейтенант Андрейченко и Жомов Михаил погибли. Хорошо, что вскоре появился танк нашего командира взвода Тита Никитовича Кононца. Он выручил нас, уничтожил пушку и громил фашистских захватчиков, продвигавшихся в город.

Очень скоро подошли танки В.К.Колупаева –командира 1-го Танкового батальона. Стремительно пробирались в центр города Львов.

Таким образом, мы с Володей Орловым стали безлошадными и только теперь узнали, что это была улица Зеленая. У костела во дворе встретились с механиком-водителем Варей Бородаем – тоже безлошадным. Прибежал к нам автоматчик: вас обоих просит к себе комбат В.К.Колупаев. Мы пришли, доложили. Комбат сказал мне: ваш экипаж ворвался в город Львов первым, будете представлены к награде. Мы как – то об этом не думали. Дал он нам задание вывести танк нашего батальона из расположения немцев, он якобы исправный. Не дать немцам использовать его.

Сначала мы с Бородаем шли по улице, куда шел танк, пока нас фрицы не обстреляли. Потом ускользнули в подъезд. Секунды на размышления – стали пробираться через окна первых этажей, внутренними ходами домов, антресолями и дворами. Наткнулись на трех фрицев, они выходили из квартиры – у нас пистолеты всегда наготове, удачно уложили фрицев, забрали два автомата и боеприпасы. Осмотрели квартиру, никого не было. Через двор перешли на другую улицу, по ней прошли квартал до перекрестка. Хорошо никого небыло, ни наших ни чужих.

Осторожно выглянули из-за дома, увидели стоящий в переулке танк, все люки открыты расстояние метров пятьдесят. Немцы попытались обстрелять нас, штукатурка посыпалась с дома. Мы сели за домом – отдохнули. Я Бородаю говорю, ты прикроешь меня. Я побежал к танку, фрицы положили меня под бруствер. Бородай открыл огонь

стрелял без перерыва. Немец замолчал, я молниеносно вскочил в люк механика, задраил люки. В танке лежал его командир – лейтенант Олещко, весь в крови, с разорванной головой.

К моему счастью, танк оказался рабочим. Надо забрать Бородая. Двинулся и увидел переулок, перегороженный противотанковыми минами. Раздвинуть их не осмелился. Когда бежал сюда с необыкновенным напряжением, их не заметил. Открыл люк, дал Бородаю сигнал возвращаться обратно, он меня понял.

Развернулся – дал из лобового пулемета очередь по фрицам – таким образом, вывел танк в расположение комбата. Сам был легко ранен в ногу. В.К.Колупаев распорядился привести танк в порядок и лейтенанта похоронить. Скомплектовал экипаж, сказал мне: «Теперь этот танк твой». Мы свою задачу выполнили и снова влились в бой где то в центре возле большого Костёла (церковь).

Лейтенанта Олешко похоронили около театра оперы и балета. Ломом вывернули булыжники, выкопали неглубокую яму и на дощечке написали фамилию. Я не знал тогда, что это театр. В 1947 году в отпуск поехал во Львов и узнал,что Олешко перезахоронен на старом кладбище.

Бой за Берлин

Поставлена задача – взять высоту Ванзее. Немцы сопротивлялись, вели ожесточенный огонь по нашим солдатам 29-й Унеческой МСБи, они были вынуждены залечь. Вскоре подошли танкисты И.И.Прошина, 62-ой гвардейской танковой дивизии. Было это так. На высоте стоит один домик. Повел свой танк к нему. Правее меня шел танк нашего 1-го танкового батальона – вдруг он загорелся. Взял еще правее, увеличил скорость и повел свой танк зигзагами – почувствовал сильный удар по боковой броне, танк идет, и мы достигли домика на высоте. Слева оказалась глубокая выемка, по ней шла дорога. Пришлось остановиться возле домика, прислушаться к обстановке.

Я и радист-пулеметчик Вася Невредимов вылезли и увидели на лобовой броне след – как будто корова языком вылизала броню. Возле домика орешник. Мы ползком по кромке выемки высмотрели фашистский танк »тигр», стоящий в начале выемки почти боком к нам. Танк ведет огонь, не дает никому продвинуться вперед.

Приползли мы обратно, рассказали обо всем командиру танка В.П. Иванову. Что будем делать? Сориентировались. Я сказал Иванову: «Заряжайте пушку термическим снарядом, ставьте ее горизонтально и по оси танка. Потихоньку, почти бесшумно поведу танк прямо на куст орешника. Как только прицел пушки освободится от листьев, пушку поправить по прицелу и выстрелить в «тигра» ,до него расстояние 200-250 м». Иванов высадил из танка заряжающего Антонова и Невредимого. Сам сел за прицел пушки механик, поехали! Не видно мне было через орешник, но все же удалось точно взять направление пушки на противника. Я услышал выстрел нашей пушки, в это мгновение последовал удар по нашей машине. Двинул танк задним ходом – увидел, правая гусеница расстилается. Остановился, крикнул Иванову: «Давай выскочим, фриц ударит вторым снарядом». Второго удара не последовало, хотя из танка мы выскочили. Лежим на пузе. Из-за куста орешника посмотрели и увидели, что танк немецкий горит. На душе стало легче. Дуэль состоялась в нашу пользу. Наши танки двинулись вперед, и МСБ с криком «Ура!» пошли в атаку, высоту взяли . Фриц гусеницу подбил, отшиб правый ленивец (ведомое колесо) , он валялся метрах в двенадцати от танка. Гусеницу натянули прямо на каток, и танк я поставил за домик.

– Механик, что будем делать?- спросил Иванов.

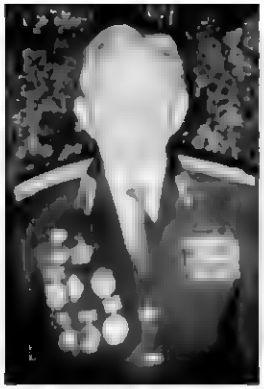
– Можно двигаться так, – говорю, – но не далеко, можно сломать балансиры катков, особенно переднего. Лучше пойти к сгоревшему танку, снять ленивец, с нашего остаток оси выбросить и поставить целый.

Так и сделали. Когда я, скрючившись в танке, эксцентриком натягивал гусеницу, услыхал рядом взрыв. Оказывается, прилетел снаряд издалека и разорвался рядом с нашим танком. Вот тут и случилась беда. Нашего командира Иванова тяжело ранило под лопатку. Оказали ему первую помощь, перевязали. Вскоре к нам подъехали офицеры на додже, не помню кто, с ними было четверо солдат. Лейтенанта увезли.

Нам сказали: «Догоняйте своих, продолжайте воевать, скоро победа». Так мы и сделали, догнали –влились снова в бой. Писать и рассказывать уходит больше времени, чем происходит в бою на фронте.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Лисовцов Алексей Олегович***, студент 2-го курса Профессионального училища № 5.



Макаров Пётр Петрович

СПАСАЯ РАНЕНЫХ НА ПОЛЕ БОЯ

Я родился 20 октября 1919 года в деревне Прилепы Сосковского района Орловской области; по национальности – русский; по вероисповеданию – христианин; бывший комсомолец, член КПСС.

В 1932 году (в 12 лет) окончил церковно-приходскую школу, затем в 1935 году семилетку в своей деревне, а в 1937 году вечерний педагогический рабочий факультет при Орловском педагогическом институте, после чего поступил на конкурсной основе в Харьковское военно-медицинское училище.

В 1938 году меня наградили грамотой ЦК ВЛКСМ Украины. В конце июля 1939 года я, как комсомолец и отличник боевой и политической подготовки, был досрочно выпущен из училища и направлен в район боевых действий на реке Халхин-Гол (Монгольская Народная Республика), где я служил фельдшером стрелкового батальона, оказывая помощь раненым на поле боя (бои продолжались приблизительно до 3 сентября 1939 года).

О войне узнал в июне 1941 года, находясь в лагере в Монголии, где служил фельдшером стрелкового батальона в звании военфельдшер.

8 октября 1941года мы с полком и дивизией погрузились в вагоны; 16 октября были в городе Загорске; в ночь с 25 на 26 октября своим ходом прошли через Москву и вышли на Можайское шоссе. Перед Кубинкой попали под бомбежку, появились первые раненые. Когда началась бомбежка, многие, спрыгнув с машины, залезали под нее. Я

и другие опытные офицеры, научившиеся воевать еще на реке Халхин-Гол и пережившие немало бомбежек, кричали им, чтобы они прыгали в кюветы, иначе сгорят, если бомба попадет в машину.

По дороге к деревне наш полк 82-й мотострелковой дивизии встречали отдельные группы отступающих русских войск. Так прошли поселок Дубки и, уже пешком, выйдя из леса к деревням, днем 26 октября с ходу вступили в бой с ненавистным врагом в районе деревни Ляхово-Трухановка. Освободили близлежащие деревни. В первый же день было очень много раненых. Поздно вечером, отправив всех раненых на полковой медпункт, я и сам поехал туда с последней машиной помогать перевязывать раненых и отправлять их в медсанбат. С рассветом полк продолжал наступление, неся потери.

Вечером 28.10.1941г. освободили большую часть поселка Дорохово. Рано утром 29.10.1941г., стянув большие танковые и механизированные части, немцы перешли в наступление, нанося главный удар на левый фланг наших войск, которые шли по Можайскому шоссе (это был 601-й краснознаменный МСП; полк награжден орденом за боевые заслуги на реке Халхин-Гол. Опыт Халхин-Гола заложил основу успеха 82-й МСД, которая разгромила отборные части немецкой армии на западном направлении). Неся огромные потери, полк организованно отошел на исходные позиции и занял оборону у деревни Ляхово-Трухановка. Когда немец подошел вплотную к Наро-Фоминску, 82-я дивизия по приказу командующего 5-й армии генерал-майора Говорова отошла в район деревень Нарасоново, Крутицы, где держала оборону до наступления под Москвой.

Затем началось наступление. Армия двигалась по Минскому и Можайскому шоссе (зима 1941-1942гг.), 20 января 1942 года ее дивизии освободили Можайск. Бородинское поле. В марте 1942 года 82-я мотострелковая стала 3-й гвардейской Краснознаменной мотострелковой дивизией. В ноябре-декабре 1942 года она участвовала в Ржевско-Сычевской операции, а в марте 1943 освобождала город Вязьму.

В июне 1943 года на базе 3-й гвардейской дивизии сформировали 6-й гвардейский механизированный корпус. И ввели его в состав вновь сформированной 4-й танковой армии, которая в марте 1945 года стала 4-й гвардейской танковой армией. Эта армия (и в ее составе 6-й гв. мех. корпус) в 1943 году принимала активное участие в Орловско-Курской битве.

Когда воевали на Орловско-Курской дуге, меня перевели на должность фельдшера медицинского санитарного батальона 6-го гвардейского механизированного корпуса. Вместе с корпусом я воевал до июня 1944 года.

Я начинал участвовать в боевых действиях в воинском звании военфельдшер, в составе 82-й мотострелковой дивизии 5-й армии западного фронта, на должности фельдшера стрелкового батальона.

В июне 1944 года я закончил боевые действия в районе города Черновцы (Украина) и был направлен на двухмесячные подготовительные курсы для поступления в Ленинградскую военно-медицинскую академию имени Кирова в звании старший лейтенант медицинской службы. За 200 лет существования ЛВМА это был единственный курс, куда принимались участники ВОВ. Я учился в академии с 1944 по 1949 год.

В 1949 году, успешно сдав экзамены, я закончил ЛВМА и был направлен начальником Главного военного медицинского управления (ГВМУ) в г. Москву на должность старшего врача парадного зенитно-артиллерийского полка. Все отпуска я проводил в родной деревне Прилепы.

В 1953 году приказом командующего Московского округа ПВО (МО ПВО) я был назначен на должность начальника медицинской части Сухумского санатория МО ПВО. В 1959 году меня перевели в Москву на должность заместителя начальника поликлиники округа, где я проработал в течение 7 лет. Затем меня назначили начальником окружной поликлиники МО ПВО, в этой должности я прослужил 5 лет, и с этой должности ушел в отставку в 1971году. После увольнения из рядов Советской армии я еще 19 лет проработал в органах здравоохранения

Особенно запомнившиеся эпизоды войны

2 ноября 1941 года 82-й дивизией было подбито 90 танков. Я был контужен и легко ранен в голову. Перебравшись через реку Нару, остановились около дер. Акулово. А когда немец вошел в подмосковный город Наро-Фоминск и вышел к реке, наши войска стали отступать. Батальону, где я был фельдшером, было приказано заградительным огнем остановить отступление русских войск под угрозой расстрела. К счастью, на рассвете следующего дня появились штурмовики и разбомбили немцев. Враг отступил, и нашему батальону не потребовалось применять заградительный огонь.

За 5-7 дней до наступления войск 5-й армии под Москвой нашему батальону было приказано перейти в наступление, несмотря на совсем небольшую артподготовку. Мы сбили боевое охранение немцев и заняли оборону. Выпал белый снег, а нам еще не выдали маскировочных халатов, и мы были в обычном летнем обмундировании, хорошо заметном на снегу. Немцы поливали наши войска огнем ми-

нометов и шрапнелью. Мне запомнился момент, когда вокруг меня падали разрывающиеся снаряды, и раскаленный металл громко шипел на снегу. Так длилось не несколько секунд, а десятки минут это сильно действовало на нервы. Пришлось лежать без маскировочных халатов на белом снегу под обстрелом, пока санитар не нашел укрытие, где шрапнель была уже не страшна. На другой день нас одели в зимнюю форму, выдав маскировочные куртки с капюшоном и белые брюки очень удобную одежду.

Через два дня снова получили приказ наступать. Потери были большие, но несмотря на это наши войска упорно продвигались вперед, была очень низкая температура и, скажу без стеснения, что нам помогала водка, которую мы носили во флягах и при сильном морозе пили по глоточку.

Летом 1942 года по болотам около дер. Уваровка колесный транспорт ходить не мог, а гужевого транспорта (лошадей) не имелось. Стояли на рубеже, за которым мог пройти только гусеничный транспорт. Поэтому всех раненых, которые не могли самостоятельно передвигаться, собирали на медпункте полка в шалашах, а вечером эвакуировали в медсанбат.

Ранним зимним утром 1943 года ехали в машине. Я попросил остановить машину перед перекрестком на совещание, так как дорога была непроезжая, чистая (т.е. до этого ни одной машины по ней не проезжало), и дальнейший путь представлялся опасным. Остановились. Мимо на большой скорости пронеслась машина с полевой кухней и взорвалась на перекрестке. Таким образом я спас жизнь своего командира – военного доктора.

Награды.

- Монгольский орден и три монгольские медали;
- медаль «За Отвагу» №30995 указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 февраля 1942 года за оказание помощи раненым на поле боя. Вручили 22 февраля 1942 года;
- орден Отечественной войны I степени (1944 год) в том числе за ранение головы и контузию;
- орден Отечественной войны II степени (1985год);
- два ордена Красной Звезды – за участие в боевых действиях;
- Медали «За боевые заслуги», «За оборону Москвы» и другие (более 30, в том числе на юбилеи Победы).

2 ноября 1941 года я был тяжело контужен и легко ранен в голову (ранение мягких тканей головы), после чего меня направили в медсанбат. Из войскового соединения по причине ранения не отбывал. В медсанбате не лечился, а сбежал оттуда, как только пришел в

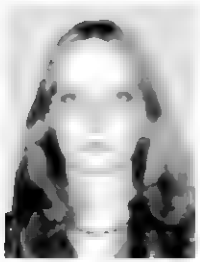
себя; около недели отлежался в медпункте своего полка и снова приступил к оказанию помощи раненым на поле боя.

Я инвалид II группы.

Брат Макаров Михаил Петрович, 1922 г.р., окончил медицинское училище. Сначала был начальником аптеки полка, затем командиром взвода стрелковой роты. Получил ранение; после госпиталя вернулся в свой полк и стал командиром роты ПТР. Погиб зимой 1943 года под обстрелом надвигающихся танков в звании командира роты ПТР.

Больше никто из моих родственников не воевал. Отец Макаров Петр Николаевич был тяжело болен и воевать не мог. Мать Макарова Надежда Осиповна (1894–1940) и сестра Макарова Александра Петровна находились в оккупации.

Декабрь 2002 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказала помощь ***Голубева Нина Анатольевна***, студентка 3-го курса Московского авиационного института.

Малышев Владимир Николаевич

САПЕР ОШИБАЕТСЯ ТОЛЬКО ОДИН РАЗ

Родился 19 января 1925 года в г. Любим Ярославской области. Русский. Член КПСС более 50 лет. Стаж военной службы 32 года. Общий трудовой стаж более 55 лет.

Война застала меня на Обнорском лесоповальном участке г. Любим. В то время по р. Обнора (приток реки Кострома) сплавлялось молем и выгружалось в г. Любиме около 100 тыс. $м^3$ различных лесоматериалов и все население было занято этой работой.

В сентябре месяце 1941 года, по закону о трудгужповинности, от Любимского райкома комсомола я был мобилизован на оборонные работы. В составе сводного отряда Любимского района направлен в 4-е Полевое управление оборонных работ, подразделения которого возводили оборонительные рубежи в пределах границ Калининского фронта (командующий И.С. Конев) в период Калининской оборонительной операции по сковыванию северного фланга немецко-фашистской группы армии «Центр» в ходе битвы под Москвой. Оборонительные рубежи выполнялись до 1942 года при ранних морозах в весьма тяжелой обстановке на фронтах и в стране.

Для меня этот первый период непосредственной встречи с войной (крещение) обошелся дорогой ценой. При бомбардировке и обстрелах самолетами противника был засыпан в котловане землей, испытал жестокий голод, до дистрофии, перенес обморожение обеих ног 3-4-й степени. Лечился в течение 8 месяцев 1942 года.

Отдаленные последствия Калининского фронта 1941 года в ходе битвы под Москвой ощущаются на состоянии здоровья и сейчас, что и отмечают врачи-специалисты ежегодно на диспансерных осмотрах.

В 1942 году по сокращенной программе (почти экстренно) окончил Любимскую среднюю школу. Осенью работал в колхозах трактористом по подъему зяби. В декабре 1942 года получил повестку Любимского РВК о призыве в Красную армию. В марте 1943 года зачислен курсантом в Ленинградское военно-инженерное училище, которое было эвакуировано в то время из Инженерного замка г. Ленинграда за Волгу, в г. Кострому. В составе училища в то время было 42 учебные роты курсантов со сроком обучения 6-12 месяцев.

Первой своей военной специальностью считаю минно-взрывные заграждения, минирование и разминирование, подрывные работы. Свое участие в боевых действиях связываю именно с этой работой.

В 1944 году принимал участие в разминировании местности и объектов на освобожденной от противника территории в ходе Выборгской наступательной операции войск правого крыла Ленинградского фронта (командующий Л.А. Говоров). В боях наши войска прорвали немецкую многополосную оборону противника линию Маннергейма.

На всю жизнь память сохранила впечатляющую мощь долговременных артиллерийских и пулеметных огневых фортификационных сооружений противника, насыщенность позиций минными и другими заграждениями из гранита, стали и высокопрочного бетона. При выполнении задач по разминированию получил богатую практику по боевому использованию и применению инженерных артиллерийских боеприпасов, минно-подрывной и специальной техники (как своей штатной, так и противника). Практические знания, навыки и боевой опыт, полученные под Выборгом, Кекстольмом и Кивиниеи летом, осенью, зимой и весной 1944-1945 годов мне пригодились вскоре, после 9 мая 1945 года при выполнении задач по разминированию уже на территориях Австрии, Чехословакии, Венгрии и Германии.

В мае 1945 года получил назначение командиром саперного взвода на 1-й Украинский фронт в 16-ю штурмовую инженерно-саперную бригаду, дислоцировавшуюся в то время, после завершения Венской наступательной операции, в Австрии, в районе севернее Вены. Наш саперный батальон 16 ШИСБр размещался в г. Штоккерау (20 км севернее г. Вены, выше по Дунаю). Батальон в июне–августе 1945 года выполнял задачи по разминированию освобожденной от врага территории и объектов по берегам р. Дунай, на участке Вена-Штокеррау-Кремс.

При выполнении задачи по разминированию в нашем саперном батальоне были и безвозвратные потери: погибло 9 человек – подорвались на вражеских минах. Весьма тяжело мы перенесли гибель своих боевых товарищей – саперов, тем более что это было уже после Великой Победы, буквально накануне их демобилизации. Раненых мы в то время и не считали.

Вспоминаются также и дружеские венские встречи 1945 года с военнослужащими союзных армий США, Англии, Франции, особенно дружеские встречи с американцами. Но эта дружба была недолгой, она резко погасла в 1948 году, с обострением военно-политической обстановки в мире (наступил период «холодной войны»).

Летом 1948 года в войсках безраздельно царил высокий патриотический, благородный боевой победный настрой. Радость Великой Победы, чувство причастности к великой освободительной миссии, выполненной народами великой России, ее воинами, кружили головы. Образ русского солдата освободителя, форма одежды солдата и офицера России – служили беспрепятственным пропуском на границах всех государств Европы.

Удалось испытать магическое действие этого пропуска и мне. Отдельные офицеры, поддавшись победным настроениям, совершали свободные вояжи вплоть до Рима, Венеции, Парижа и Лондона.

Осенью 1945 года, в связи с расформированием 16 ШИСБр, я был направлен командиром саперного взвода в 32-й саперный батальон (командир батальона подполковник Пааташвили), в 3-ю гвардейскую мотоинженерную бригаду (3-я гвардейская Берлинская, орденов Кутузова, Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды бригада) (командир был полковник А.Ф. Шаруда) 4-й гв. танковой армии (командующий генерал Д.Д. Лелюшенко). 4-я гв. ТА в то время сосредотачивалась в Венгрии, северо-западнее Будапешта. Штабы 3 гв. МИБр и 32-й ИСБ располагались на южном берегу озера Балатон в местечке Шиофок (родина знаменитого композитора Кальмана) Балатон-Забади.

Для штаба 4-й гв. ТА было определено место на северной окраине Будапешта (Буды). Столица Венгрии Будапешт, особенно ее правобережная часть Буда была почти полностью разрушена, лежала в сплошных руинах. Лишь в северной части Буды сохранились в пригодном состоянии здания психоневрологической лечебницы, где и было решено разместить подразделения штаба 4-й гв. ТА.

Запомнилась мне задача по проверке на минирование и разминирование расположений штаба, ставил ее передо мной лично командующий генерал Д.Д. Лелюшенко на месте в Буде. Для меня, командира саперного взвода, получить задачу лично от легендарного командующего было высокой честью. Полученную задачу я со взводом саперов

ревностно, с достоинством и честью выполнил в срок. Все взрывоопасные предметы (мины, снаряды, бомбы) были обезврежены, вывезены за город и уничтожены взрывным способом накладными зарядами.

Зимой и весной 1946 года, в связи с оставлением Венгрии и передислокацией 4-й гв. ТА походным порядком на север (около 2000 км) в Германию, в район севернее Берлина со штабом в г. Эберсвальде, заводы Ардель, Норд-Верк (завод по сборке немецких самолетов, снарядов ФАУ-1 и ракет ФАУ-2), встала задача по сплошному разминированию местности и объектов в районах Венгрии, оставляемых частями и соединениями 4-й гв. ТА. В то время эта территория была нашпигована большим количеством минных заграждений, больших и малых полевых складов оружия и боеприпасов, хаотически разбросанных по местности, в результате ожесточенных боев еще с Будапештской наступательной и последней оборонительной Балатонской операции 1945 года 2-го и 3-го Украинских фронтов.

Для выполнения задачи по сплошному разминированию я был вызван в штаб 3-й гв. МИБр, где был назначен командиром отдельного автономного подразделения минеров-подрывников. Мне была выделена автомашина «Форд-6», некоторое количество взрывчатых веществ, средств взрывания, инженерной техники и продовольствия. Срок командирования был длительным – несколько месяцев 1946 года. Территория действия – районы сосредоточения 4-й гв. ТА.

В штабе бригады мне было вручено за подписью начальника штаба 4-й гв. ТА предписание командующим соединений и частей армии, военным комендантам района о всемерной помощи мне и содействии в выполнении задачи по выделению в мое распоряжение личного состава и техники.

Работу по выполнению полученной боевой задачи я начал в районах г. Варпалотта, г. Секешфехервар, населенный пункт Чеснек (бывшая резиденция кардинала Всея Венгрии Миндсценти) на северном берегу озера Балатон. В течение зимы-весны и лета 1946 года моей командой и мною лично в результате напряженного самоотверженного труда при выполнении минно-взрывных работ разминировано и уничтожено большое количество боевых складов боеприпасов и военного имущества, обезврежено и уничтожено несколько сотен тысяч единиц взрывоопасных предметов, средств вооружения и техники.

По отчету только 2-тонных авиабомб США, не взорвавшихся при бомбардировке Будапешта, нами было уничтожено 675 единиц.

В горной местности, в районе н.п. Чеснек, в выбранном мною ущелье для уничтожения боеприпасов мы в течение нескольких недель складывали их штабелями размером примерно 50*10 м (полагаю, это сотни тонн боеприпасов), затем, после оповещения местного населения через старост и военных командиров поочередно взрывали. Сами укрывались в подготовленных ущельях, в бетонных трубах, в дотах и других убежищах.

Главной моей заботой было сохранение жизни и здоровья подчиненного мне личного состава. Это было выполнить непросто. Особенно я учил своих товарищей, как избежать контузии от бризантного воздействия ударной волны мощного близкого взрыва. Необходимо было в момент взрыва иметь только точечное соприкосновение тела с землей не более чем в 3-4 точках: локти рук и большие пальцы стоп ног.

Считаю своей заслугой, что удалось избежать серьезных пагубных последствий от взрывов. Солдаты и сержанты отвечали мне уважением, любовью и заботой, безукоризненным подчинением и дисциплиной.

Самые ответственные и основные операции по взрывам всегда выполнял сам, своими руками. Моим правилом было после команды на взрыв «огонь» – отходить в укрытие последним, когда уже все участники были там. Считал это незыблемым правилом старшего и ответственного исполнителя опасной и рискованной работы. К этому обязывал и кодекс чести офицера, которому я стремился следовать всегда и во всем.

Сложно решалась проблема обеспечения полной детонации боеприпасов, взрывчатых веществ, заложенных в штабе. Тем более, что подрывание приходилось выполнять почти при полном отсутствии табельных средств взрывания. Приходилось импровизировать. Опытным путем изобретать технологические схемы взрыва подручными средствами с применением, в основном, боеприпасов и средств взрывания противника: капсюли-детонаторы, электродетонаторы, взрыватели, извлеченные из авиабомб, снарядов и мин, фаустпатронов и гранат; пороха артиллерийских выстрелов, выложенных дорожками, применяли вместо бикфордового шнура; вместо детонирующего шнура применялись цепи из дополнительных детонаторов и взрывателей различных боеприпасов. Приходилось специально учитывать структуру и размещение различных боеприпасов в массиве штабелей в зависимости от их свойств и бризантной мощности.

Случались моменты смертельной опасности для меня и для моих подчиненных, но, к счастью, все они разрешились благополучно. Мы руководствовались поговоркой: «Сапер ошибается только один раз в жизни!». Удалось избежать и серьезных воздействий контузий, и баротравм, и вибротравм. Но память о той опасной работе сохранилась на всю жизнь. Повторить эту работу без победного настроя той поры невозможно. Но мы всегда помнили и такую солдатскую поговорку: «Сапер и в мирное время на войне!» – это придавало сил.

По моим заявкам в помощь нашей команде выделялись тягачи артиллерийской бригады особой мощности РВКГ и батальон Венгерской народной армии.

Вспоминаются и огрехи в нашей работе, хотя в целом взрывы были выполнены профессионально и высоко оценены командованием различных рангов. Так, при мощном взрыве одного из штабелей боеприпасов, от сейсмического воздействия взрывной волны на пласт горных пород в населенном пункте за перевалом, удаленном примерно на 6 км от места взрыва, в домах рассыпались печные трубы, были выбиты стекла и образовались трещины в стенах. Просчет получился в результате отсутствия у нас сведений о горно-геологическом строении данной местности, что и снимает с нас вину за причиненный ущерб.

Населенный пункт оказался на одном пласте горных пород со взрывным штабелем, и сейсмическая волна распространилась по нему, привела к повреждению строений.

В ряде случаев при взрыве штабелей боеприпасов, в результате разлета термитных и фосфорных бомб, сброшенных авиацией США и Англии на Будапешт и не сработавших при падении, случались пожары в буковых лесах севернее побережья Балатона, что вызывало необходимость мобилизации местного населения на борьбу с огнем.

Командование частей и соединений, военные коменданты районов, местные самоуправления (старосты) относились к нам с пониманием, участливо и дружелюбно. Питание личного состава часто организовывали старосты населенных пунктов путем обложения налогом по домам и хозяйствам для сбора продовольствия (в основном прекрасный венгерский пшеничный хлеб, свиное сало, колбасы, вино и многое другое).

За выполнение задачи по разминированию территории, оставляемой частями и соединениями 4-й гв. ТА, личному составу была объявлена благодарность, о чем свидетельствует запись в моем личном деле.

В памяти, навсегда сохранились боевые товарищи, их подвиги, фронтовая дружба, военное товарищество. Вот только некоторые из них:

В 3 гв. МИБр военного времени всеобщей любовью личного состава (офицеров и солдат), глубоким уважением и почтением пользовался комиссар бригады начальник политотдела подполковник Румянцев Владимир Георгиевич – замечательный человек, фронтовик, ветеран 10 гв. Уральско-Львовского добровольческого ТК нашей 3-й гв. МИБр и, конечно, 4-й гв. ТА. За всю свою армейскую службу я не встречал лучшего политработника, человека такой большой и богатой души.

Дорофеев Юрий Павлович ветеран войны инженерных войск, ветеран 4-й гв. ТА и нашей 3-й гв. МИБр, ныне генерал инженерных войск, доктор военных наук, профессор, заслуженный деятель науки

РСФСР. Имеет обширный перечень научных трудов и изобретений. Заслуги его перед страной отмечены многими государственными наградами. Про таких людей в войсках говорят: «Это лучший генерал!» и это истина. Добрую память храню я о своем друге ветеране 4-й гв. ТА и нашей 3-й гв. МИБр Номикопуло Аполлоне Дмитриевиче. Чистый и искренний патриот Родины, человек высоких морально-боевых качеств. К сожалению, он уже ушел из жизни. Как ветеран войны, активно участвовал в воспитании молодежи, часто выступал перед учащимися в школах г. Ставрополя.

Немеркнущими звездами, гордостью 3-й гв. МИБр всегда были, есть и будут наши герои Советского Союза: Б.А. Рунов, М.П. Мартыненко, П.А. Шиков, С.С. Станчев, В.В. Душенин, Л.П. Комяков, А. Потокольский, А.В. Репкин, Т. Ахмедов.

Особенно памятен один из последних боев под Берлином, когда под утро 2 мая в районах Шанкендорф – 10 км южнее острова Ванзее штаб 4-й гв. ТА был внезапно атакован гитлеровцами, численностью до 2 тыс. человек. Отражение атаки возглавил лично генерал Д.Д. Лелюшенко. Важную роль в разгроме группировки фашистов в этом бою сыграли саперы 3-й гв. МИБр. Ссылка на литературу: «Стальным тараном. Боевой путь 4-й гв. ТА», Москва, Воениздат, 1992 г. Авторский коллектив под руководством В.П. Ашкерова (руководитель).

Тепло вспоминаются мне наши старшие инженерские начальники: М.А. Полуэктов, А.Я. Свинцев; саперы и понтонеры 3-й гв. МИБр той победной поры: С.А. Елкин (майор, ком. роты), И.А. Прибытков, Н. Суслов, А.С. Гоголев, А.Е. Назаренко, С. Черноглазов, С. Степанов, Д. Трофимов и др; сержанты и рядовые: Нечаев, Безяев, Мазин, Богикатов, Федосеев, Варакин, Кузьмин, Захдеченко, Шестокрыл, Коробка и др. И многие-многие дорогие моему сердцу люди.

После войны

Летом 1946 года 3-й гв. МИБр в составе войск 4-й гв. ТА совершил марш походным порядком на север, протяженностью около 2000 км, через Западные Карпаты и Рудные горы по территории Венгрии, Австрии, Чехословакии и Германии и сосредоточились в 50 км севернее Берлина в г. Эберсвальде, со штабом на западе, в Норд-Велке.

В 1949 году я в порядке замены места службы убыл в Дальневосточный военный округ, в первую отдельную краснознаменную армию и ее понтонно-мостовой полк, расположенный на р. Зея в Амурской области.

В 1953 году, сдав конкурсный экзамен в Хабаровскую Военно-Инженерную Академию, я был зачислен слушателем командно-инженер-

ного факультета и осенью, во время редкостного по масштабам наводнения в бассейне рек Амура и Зеи, убыл в Москву.

ВИАк. В.В. Куйбышева закончил с отличием в 1958 году и был направлен в Московский военный округ заместителем начальника штаба понтонно-мостового полка. В 1959 году назначен командиром учебного саперного батальона МВО. За успехи в организации учебного процесса по подготовке сержантского состава для инженерных войск округа имел поощрения от маршалов Крылова, Соколова.

В 1965 г. по замене направлен в ГСВГ командующим саперного батальона 8-й гв. армии в Тюрингию. В 1966 году назначен начальником штаба – заместителем командующего понтонно-мостового полка 8-й гв. армии. В 1969 году во время действий по боевой тревоге на воинских учениях получил травму позвоночника, был госпитализирован в военный госпиталь г. Лейпцига, а затем в центральный госпиталь ГСВГ г. Беелиту, где в нейрохирургическом отделении перенес операцию позвоночника (ламинэктомия). В 1970 году во время военных учений при следовании по вызову командующего 8-й гв. армии на автомобиле в районе Наймбурга (округ Галле) по вине гражданина Германии, нарушившего ПДД, что было подтверждено дорожной полицией Наймбурга, попал в автокатастрофу и с травмой позвоночника был доставлен в городскую больницу Наймбурга, а затем эвакуирован в советский военный госпиталь в Лейпциге.

По выздоровлении был отправлен в МВО начальником штаба саперного полка. В 1972 г. по болезни, на почве травм, полученных при исполнении обязанностей военнослужащего, уволен в запас. 1 января 1986 г. снят с воинского учета. Так закончилась моя военная служба.

После демобилизации работал 2 года на общественных началах в Пушкинском горисполкоме Моск. Обл., затем 23 года – помощником министра в Минстройматериалах РСФСР.

Ноябрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Гордеев Александр Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Ментюкова Надежда Александровна

ДОРОГАМИ ВОЙНЫ

Ментюкова Надежда Александровна. Девичья фамилия- Козак, далее я взяла фамилию своего первого мужа- Толстых. Я родилась 4 сентября 1918г. в городе Змиев Харьковской области. По национальности – украинка. Вероисповедание – православная. В настоящий момент я беспартийная, до 1988г. состояла в КПСС.

Окончив в 1934г. 10 классов Вечерней школы взрослых, в 1935г. я поступила в Харьковский пединститут на заочный факультет и, параллельно, работала в районной библиотеке в должности заведующей. В сентябре 1937г. по призыву В. Хетагуровой я уехала в Дальневосточный край, в город Хабаровск, а оттуда вскоре была направлена в г. Благовещенск на Амуре, также на должность зав. библиотекой в областном управлении НКВД. Далее меня назначили на должность начальника канцелярии, а потом, по стечению обстоятельств, я была секретарем РК НКВД.

О начале войны я узнала в самый первый день, 22 июня 1941г. из передачи по радио. Находясь в эвакуации в г. Бийске Алтайского края, куда я попала вместе с семьёй моего первого мужа Толстых Николая Михайловича, я окончила курсы медсестер и добровольно записалась на фронт санинструктором при 438 стрелковом полку 232 стрелковой дивизии, которая в то время формировалась в г. Бийске.

В марте 1942 г. дивизию направили в г. Арзамас, а потом – в Воронеж. После тяжелых боёв наш 498 стрелковый полк был разбит под

Воронежем. Вскоре меня направили в штаб дивизии, начальником которого являлся полковник Шилов, машинисткой. Дивизия, которой тогда командовал генерал-майор Улитин, входила в состав 60 армии. В ноябре 1943г. дивизии была подчинена 8 истребительно-противотанковая бригада, куда меня ранее, в мае 1943г., перевели работать заведующей делопроизводством.

Таким образом, с мая по октябрь 1943 г. я была заведующей делопроизводством артснабжения 60 армии, где вскоре приказом командующего мне было присвоено звание «старшего лейтенанта административной службы.» Далее, с октября 1943 по январь 1944 г. я была помощником начальника отдела кадров при 3 Гвардейской Танковой Армии; с января по июль 1944 г. помощник начальника отдела кадров 40 армии; с июля по октябрь 1944 г. находилась в резерве управления командующего артиллерией 4 Гвардейской Танковой Армии; с октября по сентябрь 1945 г. – была начальником общесекретной части управления командующего артиллерией 4 Гвардейской Танковой Армии; 8 сентября 1945 – уволена в запас с должности начальника общесекретной части с лишением права ношения формы. Далее, до 1950г., я работала в должности зав. библиотекой при политотделе 4 Гвардейской Танковой Армии в городе Эберсвальде.

За период войны мне пришлось преодолеть немалый боевой путь: город Воронеж (июнь-ноябрь 1942). Касторная станция (январь 1943). Город Мерефа (январь 1943). Узловая станция Курской области Короча (7 февраля 1943). Город Белгород (февраль 1943). Город Харьков (февраль 1943). Букринский плацдарм (октябрь 1943). Лютежский плацдарм (начало ноября 1943). Город Киев (6 ноября 1943). Город Фастов (ноябрь 1943). Житомир (ноябрь 1943). Город Львов (июнь 1944). Город Самбор, Польша (август 1944). Сандомир: переправа через реку Висла (август 1944). Польша,Кельце (январь 1945). Райнсвальде: Нижняя Силезия (февраль 1945). Город Кёбен: Верхняя Силезия (февраль-март 1945). Город Луккенсвальде (апрель 1945). Город Штансдорф (апрель 1945). Город Бабельсберг, пригород Берлина (апрель 1945). Город Берлин (2 мая 1945). Город Прага (9 мая 1945).

Находясь на штабной работе в воинских частях 60 армии (Воронежский фронт), потом Первый Украинский фронт 3 Гвардейской Танковой Армии и 4 Гвардейской Танковой Армии, я прошла весь боевой путь вместе с ними и принимала участие в освобождении городов и сёл. Конкретные населенные пункты, освобожденные этими армиями перечислены выше (от Воронежа до Берлина и Праги).

Конец войны я встретила в городе Прага 9 мая 1945 г. Тогда я находилась, как упомянуто ранее, в составе 4 Гвардейской Танковой

Армии в должности начальника общесекретной части командующего артиллерией, в звании старшего лейтенанта административной службы, под командованием генерал- майора Ментюкова Николая Федоровича.

С войны я возвращалась из Германии, через Польшу и Чехословакию в Москву.

В данном воспоминании мне бы хотелось привести два наиболее ярких, на мой взгляд, эпизода войны.

Воронеж. В мае-июне 1942 г. наша 232 стрелковая дивизия была переброшена из Арзамаса в Воронеж. Дивизией тогда командовал полковник Улитин. Часть полков разместилась на окраинах и на подступах к Воронежу.

В это время Воронеж был весь в цвету: цвели каштаны и сирень. Работал театр, и, казалось, никакой войны нет.

Однако, через некоторое время, стали появляться немецкие разведывательные самолёты и слышался гул от разрыва снарядов. Фронт тогда находился всего 50-60 км от города.

К июлю, фронт стал приближаться, начались бомбежки, редкие налеты, которые вскоре участились. Наш штаб перешёл в бомбоубежище, оборудованное из овощехранилища.

В августе противник вплотную подошёл к Воронежу. Начались интенсивные обстрелы и бомбежки. Наши полки уже вели бои на подступах к Воронежу. Вскоре нашей дивизии был дан приказ оставить город и перейти к обороне в леса и населённые пункты Ямное, Хвощеватка, Отрожка и другие.

В ночь на 28 августа 1942г. начальник штаба, подполковник Шилов, передал мне напечатать приказ о передислокации войск в связи со сложившейся обстановкой и потом разослать его по частям.

...Это было в 5 утра. Я и несколько солдат- вестовых находились в небольшом переднем отсеке. Ребята(солдаты) лежали на нарах, а я печатала приказ. Вдруг я услышала нарастающий гул пикирующих самолетов. Прикрыв машинку, я крикнула ребятам: «Вставайте, все в тамбур!» Далее началась бомбежка. В наш отсек попало 2 бомбы. Мы с ребятами сбились в кучу, на нас посыпалась груда камней и осколков; всех засыпало. Когда всё закончилось, мы стали выбираться наружу.

Лестницу разломало, но мне помогли выбраться солдаты. Выбравшись на поверхность, мы услышали крики о помощи и, вбежав в другой отсек бомбоубежища, где находились начальник штаба и оперативный отдел, мы увидели картину: в нескольких местах виднелось небо, свешивались железные балки, на полу лежали раненые и убитые.

Всего погибло 18 человек, среди них-начальник штаба Шилов. Было много раненых. Я и другие стали помогать отправлять их в госпиталь. Так мы приняли наше первое «боевое крещение».

Наши полки уже вели бои с наступающими немцами. Дальше Воронежа немцы не прошли, и наши части остались в обороне вокруг города. Штаб разместился в землянках в лесу возле Отрожек, а дивизия находилась в районе Воронежа до декабря 1942г.

Берлин-Прага. Части 4 Гвардейской Танковой Армии вошли в Берлин и с 25 апреля 1945г. начали бои в его пригородах (Бабельсдорф, канал Тельтов). 2 мая Берлин капитулировал. Тем временем с юго-востока на город двигались немецкие части, с которыми приходилось вести ожесточенные бои; они хотели освободить Берлин несмотря на капитуляцию.

Также оставались значительные силы фашистских войск в Богемии и Чехословакии, которые отказались капитулировать.

5 мая 1945г. началось восстание против фашистских оккупантов в Праге. В этот же день восстали рабочие городов Кладно и Пльзень. Немецко-фашистское руководство для ликвидации восстания в Праге бросило две Танковые дивизии СС, авиацию, полицейские части, которые жестко расправлялись с восставшими. Гитлеровцам удалось продвинуться к центру города. Ведя неравный бой, восставшие пражане просили помощи у русских братьев: «Руда Армада, на помощь! Руда Армада, на помощь!»

В тяжелой обстановке пражское радио обратилось с просьбой об оказании помощи: «Внимание, внимание! Говорит Чешская Прага! Большое количество германских танков и авиации нападает со всех сторон на наш город! Мы обращаемся ко всем с просьбой о поддержке. Не дайте погибнуть нашему городу Праге!»

До Праги было около 400 км. 6 мая 1945г. в 8 часов утра наша 4 Гвардейская Танковая Армия под командованием генерал-лейтенанта Лелюшенко Д.Д. переправилась через Эльбу и начала наступление на Прагу.

Особенность наступления была в том, что на пути армейских корпусов надо было прорвать оборону противника, захватить перевалы Рудных гор прежде, чем противник смог организовать там оборону. Наступать нужно было непрерывно, днем и ночью.

Враг создавал препятствия на пути движения наших войск, укреплял оборонные пункты на узлах дорог, на перевалах и, особенно, в теснинах Рудных гор, устраивая засады и минирование. Очень важно было опередить противника в выходе на рубеж старой границы Чехословакии с Германией, помешать ему организовать оборону в укрепленных районах.

7 мая наши овладели перевалами через Рудные горы. Отступая, гитлеровцы продолжали устраивать минные заграждения. Особенно сильное сопротивление противник оказал в районе Фрейберга. Здесь произошло боевое столкновение, в котором учавствовал личный состав штаба нашей армии. Начальник штаба К.И.Упман приказал занять оборону в лесу юго-восточнее города. В это время вблизи двигались танки 7 Танкового корпуса 3 Танковой Армии. Заметив противника, они быстро разгромили его и выручили штаб 4 Гвардейской Танковой Армии.

К исходу 7 мая главные силы армии преодолели Рудные горы. Утром 8 мая, после двухчасового боя, гвардейцы 6 механизированного корпуса овладели городами Мост и Бегов.

В городе ещё шёл бой, а навстречу нашим войскам бежали тысячи людей. Среди них были не только чехи, но и русские, поляки, французы, датчане, которых гитлеровцы согнали сюда на каторжные работы. Некоторые бросались нашим воинам в объятия, целовали их со слезами радости.

В ночь на 8 мая 10 мехбригада подошла к городу Жатец; разведка доложила, что сюда вступила большая моторизированная колонна гитлеровцев, направлявшаяся в Карловы Вары, чтобы сдаться американским войскам, которые там находились. Но наши атаковали их, подбили часть машин. Гитлеровцы, оказавшись в безнадежной ситуации, стали сдаваться в плен. Среди них было 9 генералов, в том числе 2 генерал-полковника. Позднее, когда освободили Прагу, было установленно, что захваченные в плен генералы и офицеры – важные лица штаба группы армий «Центр».

Весь день 8 мая наши войска стремительно продвигались вглубь Чехословакии. 5-й механизированный корпус был в первом эшелоне армии. Его задачей было наступление на западную и юго-западную окраины Праги.

Утром 8 мая стало известно, что немецко-фашистские войска на территории Германии капитулировали, но группа армий «Центр» продолжала вести бои, надеясь выиграть время для отхода к американцам.

9 мая на исходе ночи, в 2 часа 30 минут в Прагу ворвался передовой отряд 10 Гвардейского Танкового Корпуса- 63 Танковая бригада героя Советского Союза, полковника Фомичева во главе с командиром танкового батальона М.Ф.Коротеева. Вместе с подразделениями 29 Мотострелковой бригады и зенитчиками 432 полка майора

Васильева солдаты начали громить гитлеровцев на окраинах и улицах Праги. В 4 часа утра в Прагу вступили главные силы 4 Гвардейской Танковой Армии. Вслед за ними с севера вошли части 3 Гвардейской Танковой Армии

Утро 9 мая. Солнце поднялось невысоко. Слышались пулеметные очереди, разрывы снарядов. Еще раздавались выстрелы, а из домов и дворов выбегали женщины, старики и дети: целые толпы людей бежали навстречу мотопехоте и танкам. Жители забрасывали нас венками из сирени, букетами тюльпанов. Машины стали похожи на движущиеся клумбы цветов. Люди громко кричали: «Наздар-Наздар!» На улицах заалели Знамена. Воины, выходя из машин, сразу же попадали в дружественные объятия. Трудно передать радость и проявление чувств к нашим солдатам пражанами. К 10 утра столица Чехословакии- Прага была полностью очищена от немецко-фашистских захватчиков войсками 1, 2 и 4 Украинских Фронтов.

Награждена:

- медалью «За боевые заслуги» (№ 206105);
- орденом Отечественной Войны II степени (№ 253190);
- орденом Отечественной Войны I степени (№ 184869 вручена Толстых Н.А. Секретарем Президиума Верховного Совета СССР Горкиным А. 4 апреля 1946г.);
- медалью «За взятие Берлина», № удостоверения (А№004201, указ Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1945г. за участие в героическом штурме и взятии Берлина. Награда торжественно вручена 20 октября 1945г. командующим артиллерией 4 Гвардейской Танковой Армии, генерал- майором Ментюковым Николаем Федоровичем);
- орденом «Отечественной Войны II степени» (№3129193 вручен Ментюковой Н.А. за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками и в ознаменовании 40-летия Победы Советского народа в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг. указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 марта 1985г. Орден вручен Секретарём Президиума Верховного Совета СССР);
- медалями «За Победу над Германией в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг.», «За освобождение Праги», «20 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг.» «30 лет Победы в Великой Отечественной Войне», «40 лет Победы в Великой Отечественной Войне», «50 лет Победы в Великой Отечественной Войне 1941-1945гг.», медалью Жукова, знаком «Фронтовик 194-1945гг.

Ранений я не имею. Была лишь небольшая контузия при бомбежке штаба в городе Воронеже.

В войне при освобождении города Будапешта погиб мой брат, Козак Алексей Александрович,1924г.р., кавалер трёх орденов Славы. Все остальные родственники, мать, отец, сестра и племянница, остались живы и непосредственного участия в боях не принимали.

В литературных публикациях я не указана, опубликованных и неопубликованных произведений не имею.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Гудин Василий Витальевич***, студент 2 курса Московского авиационного института.

Мирошников Лев Иванович

В СРАЖЕНИЯХ НА ВЕРХНЕМ И СРЕДНЕМ ДОНУ

Родился 30 марта 1924 года в г. Астрахани. Русский. Воспитан как атеист, по убеждению склонен считать себя православным. Был членом КПСС с 1954 до начала 90-х годов. Перерегистрацию не проходил из-за возраста и состояния здоровья – инвалид ВОВ (по ранениям).

До начала войны в 1941г. окончил среднюю школу №600 г. Москвы.

Узнал о начале войны 22 июня по радио, на гранитных трибунах Парка культуры им. М.Горького, где находился по случаю участия в соревнованиях по академической гребле.

Начал участвовать в боевых действиях с сентября 1942 г. на Воронежском фронте.

В Красную армию вступил добровольцем в ноябре 1941 года, хотя в то время не подлежал призыву по возрасту. Военкоматом г. Астрахани, куда я эвакуировал мать и младшего брата (в конце лета 1941 г.) по поручению отца, ушедшего добровольцем в армию (из Москвы), 23 июня 1941 г. был направлен с группой призывников и добровольцев в г. Баку, в военно-морское училище.

Был принят курсантом подготовительного курса училища, а в конце мая – начале июня 1942 г., опять же по собственному желанию, был направлен (для дальнейшего направления на фронт) рядовым в 372-й стрелковый полк (Закавказского ВО), находившийся в г. Прохладный.

Примерно в середине июня, в качестве рядового красноармейца маршевой роты, покинул запасной полк в неизвестном, как обычно, направлении. Фактически поезд шел через Сталинград, еще не тронутый войной – Поворино – Лиски. Выше станции Лиски (позже – Георгиу-Деж), где железная дорога пересекала реку Дон, эшелон подвергся налету немецкой авиации. Безоружные маршевики, под угрозой попасть в окружение, стали уходить в обратном направлении, в сторону станции Лиски, уже не застали военного коменданта, чтобы определиться в часть, и продолжали отступать вдоль железной дороги на Поворино. В конечном счете, где-то в июле, раненный в ногу, я попал еще раз в запасной полк. Не помню номера и точной даты, но находился он где-то на востоке Воронежской области.

После формирования маршевой роты (в середине августа 1942 г.) прибыл в лес неподалеку от Воронежа. Был зачислен рядовым в 16 мотострелковую бригаду, 25 танкового корпуса (40-й армии). Это и было началом моего реального участия в боевых действиях в качестве солдата Красной армии.

Боевой путь проходил через:

- г. Воронеж, Чижевский плацдарм – до сентября 1942.
- Средний Дон, Юго-Западный фронт. Участвовал в наступлении с Осетровского плацдарма в качестве помощника командира взвода 16-й МСБ 25-го танкового корпуса (операция «Малый Сатурн»). На второй или третий день наступления был тяжело ранен, контужен и, получил обморожение (3 и 4 степени) и был эвакуирован в тыловой госпиталь (г. Тамбов). В связи с этим выбыл из состава 25 танкового корпуса.
- Брянский фронт. После продолжительного лечения в госпитале прибыл в составе пополнения в 12 гвардейскую стрелковую дивизию, 37 гвардейский стрелковый полк. После проведенного в несколько дней обучения стрельбе из ПТР (противотанковое ружье) участвовал в боях в качестве пом. комвзвода в роте ПТР (в звании сержанта). Звание сержанта было присвоено за участие в боях на Чижевском плацдарме. В конце июля был тяжело ранен (в голову) и контужен. После медсанбата был направлен в специализированный госпиталь, находящийся в Москве.
- Западный фронт. По излечении был направлен в г. Калугу (сначала в батальон выздоравливающих, затем запасной полк). Из этой части был взят в сентябре 1943 г. в отдельный учебно-танковый полк Западного фронта (под г. Гжатск) учиться на стрелка-радиста Т-34. В феврале 1944 г. из этого полка был командирован для учебы во 2-е Ростовское училище самоходной артил-

лерии. На этом заканчивается мое пребывание в действующей армии и участие в боях 1944 начала 1945 г. Училище находилось сначала в г. Молотов (Пермь), а с лета 1944 – в г. Глухов (Харьковский ВО).

Вышел из училища в июле 1945 г. в чине гвардии младшего лейтенанта, командира СУ-100.

Послевоенная служба в армии

По окончании училища был направлен в г. Свердловск для получения боевой техники и участия в формировании бригады самоходной артиллерии (5 запасной танковый полк, Уральский В.О. с июля по декабрь 1945 г.) – Северная группа войск. С декабря 1945 г. по август 1946 г. служил командиром самоходной артиллерийской установки (СУ-100) в 46 тяжелом танкосамоходном полку 22 механизированной дивизии 65 армии. Часть была размещена в г. Заган (Польша, на бывшей территории Германии).

Уволился в запас по состоянию здоровья. По возвращении в Москву (в августе 1946 г.) был направлен Военкоматом Октябрьского р-на на ВТЭК, где мне определили 2-ю группу инвалидности (в результате полученных на войне ранений).

Особенно запомнившиеся эпизоды войны

Заглавие настоящих кратких записок было выбрано так для того, чтобы сказать свое слово о двух сражениях осени и зимы 42-го – в Воронеже (на Чижевском плацдарме) и в операции «Малый Сатурн», являющейся, по мнению военных историков, составной частью Сталинградского сражения.

Первое из них относится к периоду тяжелых оборонительных боев с гитлеровской армией, сменивших недавние отступления до берегов Волги. Второе знаменует переход от обороны к широкомасштабному наступлению Красной армии. Память о том и другом, сколь бы ни было скромным мое участие в названных сражениях, осталась столь же живой, как и шестьдесят лет назад. И еще одно обстоятельство: оба события связаны с 25-м танковым корпусом, в котором я воевал, получил первое, по-настоящему боевое крещение и тяжелый опыт Великой Отечественной войны.

В славный русский город Воронеж я прибыл в начале 20-х чисел сентября 1942 г. вместе с другими солдатами-маршевиками и был за-

числен в состав 25-го танкового корпуса (40-й армии). А более точно – вместе с тремя другими товарищами был определен начальником боепитания 16-й мотострелковой бригады в группу по сбору трофейного стрелкового оружия.

Как нам объяснили в первый же день, речь шла о добывании оружия непосредственно на передовой. Командиром группы так называемых «трофейщиков» был назначен младший командир в звании старшины по фамилии Фадеев, уже имевший боевой опыт. Остальные, в том числе и автор записок, рядовые красноармейцы разного возраста от 18 до 38 лет, лишь хлебнувшие военного лиха.

В здании Воронежской гидроэлектростанции, расположенном в восточном пригороде Воронежа – Придаче, на левом берегу реки, где размещался штаб (или служба тыла 16-й МСБ), нас, как и других вновь прибывших солдат, ознакомили с приказом Наркома обороны №227, известным больше под названием «Ни шагу назад». В нем, кстати, упоминалось о битвах, развернувшихся от района Воронежа на Дону до Северного Кавказа, а также о прорыве оккупантов к Сталинграду.

Тогда же наш «начбой», как мы его называли между собой (что означало начальник боепитания, фамилии нашего командира я, к сожалению, не запомнил), объявил, что на сегодня нам предстоит доставить на передовую, на Чижевский плацдарм, несколько ящиков винтовочных патронов, в которых 2-й батальон (16 МСБ) испытывает большую нужду. А заодно мы получим возможность ознакомиться с передовыми позициями, занимаемыми бригадой, и приступить к нашей основной работе по добыванию оружия. Сам он там, видимо, побывал и неплохо знал обстановку. И это подкупало.

Правда, он при этом упомянул, что в качестве нашей рабочей нормы он рассматривает результат – 4-5 винтовок в ночь на каждого или же ручной пулемет, эквивалентный 3-5 винтовкам, которые мы к утру должны доставить в здание электростанции в Придаче.

После получения ящиков с патронами, кстати, не только тяжелых, но и очень неудобных в транспортировке, особенно под обстрелом, начбой вывел нас на берег реки Воронеж, чтобы показать нам путь, по которому следовало пробираться к месту назначения.

Начальный участок пути, включающий переправу через реку, был отлично виден при ярком солнце. Однако перед нами открылась потрясающая, даже для нас, уже повидавших виды, картина. В районе переправы и далее было видно не менее полдюжины наших, подбитых немцами, «тридцатьчетверок». Это были не устраненные еще следы недавних тяжелейших боев за Чижевский плацдарм, в которых танки, равным образом и пехота, должны были пересечь довольно обширную и откры-

тую с трех сторон для противника местность, и их буквально истребляли почти безнаказанно.

Много лет спустя я встретил в литературе о Воронежских боях сентября 1942 г., а именно в книге генерала М.И. Казакова, следующую запись: «С наблюдательного пункта командарма 40, – пишет он, – мы видели, как горят танки, пытавшиеся наступать в боевых порядках пехоты. Наши танкисты, равно как и пехота, находились в явно невыгодном положении. Они наступали снизу вверх по открытому пространству. Противник же в полной мере использовал свое господствующее положение. ...Прицельным кинжальным огнем он наносил атакующим большой урон»*.

Вообразить, как выглядела долина реки Воронеж в 1942 г., если смотреть на нее с левого берега (в районе Воронежской электростанции) и дамбы, по которой танки форсировали реку (или найти фотографию этой местности), сейчас трудно. Подлинник карты сохранил в своем личном архиве автор воспоминаний.

Рассказывая нам, как пробраться целыми и невредимыми на Чижевский плацдарм и донести туда порученный нам груз, начальник боепитания предупредил, что переправа и окружающая местность ежедневно (а иногда не один раз в день) бомбардируется вражеской авиацией и посоветовал в случае налета найти укрытие на одном из рукавов реки, с тем чтобы переправиться на правый берег под покровом темноты.

Первая попытка сделать это оказалась неудачной. Не успели мы спуститься к переправе, как попали под бомбовый удар немецких самолетов, пытаясь найти защиту у кажущегося укрытия – стоящих на переправе подбитых «тридцатьчетверок». Ненамного более безопасным оказалось ожидание вечера ниже по течению реки. До конца дня мы дважды попадали под налет вражеской авиации и один раз под минометный обстрел. Достичь места назначения нам удалось только вечером.

Как потом оказалось, налеты немецкой авиации на всю занимаемую нашими войсками территорию – Чижевский плацдарм, коммуникации с ближним тылом в Придаче были регулярными для всего светлого времени суток: примерно от восьми утра и до захода солнца. Пролеты наших самолетов наблюдались крайне редко, если не считать налетов наших «ночных» бомбардировщиков: учебных У-2 и Р-5. Действовали они очень смело: с малой высоты сбрасывали бомбы на немецкие позиции, находящиеся невдалеке от наших

* Казаков М.И. «Над картой былых сражений». М., 1971.

Первое задание наша команда выполнила. А через пару дней мы освоились с реальными условиями добывания «трофейного» оружия, как нашего, так и немецкого, находимого на передовой

Расстояния между позициями, занимаемыми нашими войсками и германскими, в городе были невелики, и порою оружие добывалось в опасной близости от немцев. Не менее сложно было выносить его с поля боя, а вернее, ползти с ним до своей траншеи.

Не каждую ночь нам удавалось выполнить норму по добыванию оружия, о которой говорилось выше. Слава богу, наш начбой хорошо понимал, в каких условиях мы добывали его. Тем более мы старались сделать максимально возможное. Иногда, когда улов был по каким-то причинам неудовлетворительным, мы оставались на передовой до следующей ночи, для проведения разведки, возможной только при дневном свете. Работали, разбившись на две пары, поскольку это было продуктивнее и удобнее в условиях передовой. Но держались дружно всей четверкой.

К утру мы приносили все добытое в здание электростанции, кормились там, а затем перебирались в ничейные землянки в районе Придачи на дневной «ночлег», а с наступлением сумерек вновь отправлялись на плацдарм с заходом на Вогрэс. Неоднократно мы получали там задание доставить своим отремонтированное в тылу оружие. Помню, что самым неудобным было нести на себе даже разделенный на две части станковый пулемет «Максим».

В общем, за три недели боев в Воронеже мы добыли, наверное, не менее двух сотен единиц стрелкового оружия отечественного и немецкого. Это были: винтовки, реже – автоматы, ручные пулеметы, пистолеты. (Мы сами никогда не считали, сколько оружия мы вынесли с поля боя. Может быть, после выхода корпуса на формировку в район Хреновое, где двое из нашей команды были привлечены к работе по очистке трофейного оружия, мы смогли убедиться, что его было много. И вспомнили тогда напутственные слова начбоя: «Пока не вынесете оружия достаточно, чтобы вооружить бригаду полного состава, не отзовут с передовой на формировку»).

Однажды с помощью товарищей из нашего батальона мы сумели увезти из-под носа противника оставленную когда-то противотанковую 45 – мм пушку. Она оказалась в полной сохранности и стала достоянием артиллеристов там же, на плацдарме.

13 октября покинули Чижовку, наши позиции там, дорогу от школы, самого большого здания среди руин окраины когда-то цветущего города, переправу через р. Воронеж и Придачу. Каждый камень в этой местности запомнился мне на всю жизнь. Никогда не забуду я товари-

щей, с которыми я разделил все невзгоды трехнедельных боев за Воронеж и небольшие радости. Не могу не назвать их фамилии. Все они были безупречно смелыми, готовы были прийти на помощь друг другу. Наш командир старшина Фадеев был особенно уважаем за свою смелость и спокойный характер. Старшим по возрасту был мой друг 38-летний столяр-краснодеревщик из Кургана, талантливый рассказчик историй из своей жизни, в том числе выдуманных, человек с огромным чувством юмора. Третьим был спокойнейший, улыбчивый и добрый Иван Лозовой. В период нахождения на формировке (или доукомплектования) 25 танкового корпуса наши дороги разошлись. Мне присвоили звание сержанта и, после непродолжительного обучения в импровизированной «лесной» школе младших командиров, назначили помощником командира взвода во втором стрелковом батальоне 16-й МСБ. Командиром взвода был лейтенант Миша Шахисламов, которого тоже хочется помянуть добрым словом.

В качестве помкомвзвода стрелкового батальона в декабре 1942 г. я принял участие в новом наступлении, выпавшем на долю 25-го танкового корпуса, который до того уже дважды потерял примерно половину своего состава – в людях и технике – за предшествующие две, тоже наступательные, операции – одна на северной окраине Воронежа, уже занятого противником (в июле 42-го), другая завоевание плацдарма на юго-восточной окраине города. Так заканчивался второй год войны на Дону, но последние бои проходили уже в новых условиях, более благоприятных для нас и символизирующих наступление перелома в войне.

Награжден:

- орденом Красной Звезды, №2822605, 15 марта 1948 г., в г. Москве.
- орденом Отечественной войны I I степени, №609541, 31 мая 1946 г., в г. Москве.
- орденом Отечественной войны I степени, №1177669, за храбрость, стойкость и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, и в ознаменование 40-летия победы советского народа в ВОВ 1941-1945 гг. Указ президиума Верховного совета СССР от 11 марта 1985 г.
- медалями – «За победу над Германией в Отечественной войне 1941 1945 гг.», «За доблесть и отвагу в ВОВ» и другими.

Ранения:

- июнь 1942 г., ранение в ногу. Определен в запасной полк (Воронежская обл.), в середине августа 1942 г., зачислен в 16 мотострелковую бригаду 25 танкового корпуса 40-й армии;

- 18 декабря 1942 г., тяжелое ранение, контузия, обморожение (3 и 4 степени), лечение в тыловом госпитале г. Тамбова. В связи с этим выбыл из состава 25 танкового корпуса, после продолжительного лечения прибыл в 12 гвардейскую стрелковую дивизию 37 гвардейского стрелкового полка;
- конец июля 1943 г., тяжелое ранение в голову, контузия. Лечение в госпитале в г. Москве. По излечении направлен в сентябре 1943 г. в запасной полк в г. Калугу.

После войны окончил Московский институт востоковедения (иранское отделение) в 1952 г., аспирантуру Московского государственного института международных отношений в 1955 г. В том же 1955 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Иран как плацдарм антисоветской интервенции 1918-1920 гг.» В 1960г. получил диплом старшего научного сотрудника Академии наук по специальности «Всеобщая история».

1955-1956 гг. начальник отдела стран Азии и Африки в/о «Совэкспортфильма» (Министерства культуры СССР).

1956-1963, 1970-1979 и с 1984 г. по настоящее время – работа научным сотрудником, секретарем по международным научным связям, зав. Сектором международных организаций, ведущий научный сотрудник Института востоковедения АН СССР.

Чтение лекций в Гарвардском университете – 1962 г.

1963-1970, 1979-1984 гг. – работа в Секретариате ЮНЕСКО в Париже. Научный руководитель и автор международных проектов: «Изучение цивилизаций Центральной Азии» и др. Член Совета Международной ассоциации по изучению культур Центральной Азии (МАИКЦА, с 1973). Зам. председателя по изучению культур Центральной Азии (отделения истории АН СССР и МИД СССР) с 1974 по 1992 г. Ученый секретарь Советско-иранского комитета по премиям (1971-78 гг.). Руководитель Группы центрально-азиатских исследований. Издано около 100 работ Л.И.Мирошникова.

Имею публикации·

1. Страницы истории СССР в свете британских документов. Комментарий к публикации (с.88-98), «Доклад генерала Джорджа Мильна о событиях в Закавказье и Закаспии в 1918 – 1920 гг.»

2. К пятидесятилетию первого советско-иранского договора. Полвека мирного сотрудничества, М.: Наука, 1973.

3. Геополитические и геостратегические регионы Азии: географические границы, наименование и проблемы терминологии (Западная Азия, Центральная Азия и Закавказье) / Западная Азия, Каспий и Закавказье. Интеграция и конфликты, М., 1995, с. 49-77

4. Военно-политический союз иранской реакции с американским империализмом // Спец. бюллетень Института востоковедения АН СССР, №3 – М. 1959, с.3-59

5. Советский Союз и страны Центральной Азии: к вопросу об основах внешнеполитических отношений. Доклад на Международной конференции ЮНЕСКО в Ашхабаде, М.1972, с.22

6. Кто организовал государственный переворот 21 февраля 1921 года в Иране? // Новая и новейшая история, №3, М.,1980, с.141-153.

7. Iran In World War I // Center For Middle Eastern Studies and Russian Research Center, Harvard University. Лекции, прочитанные членам Русского и Средневосточного исследовательских центров Гарвардского университета. Кембридж, 1962.

8. Английская экспансия в Иране (1914-11920 г.г.) Изд. восточной литературы, М., 1961

9. «Германская угроза» Индии и английская экспансия в Иране в 1914-1920 годах // Народы Азии и Африки, №3, М.; 1963, с.55-72.

10. Империя Великих Кушанов // Новости ЮНЕСКО. 1967, №4, с.4-10.

11. К 50-летию советско-иранского договора 26 февраля 1921 г. // Полвека мирного сотрудничества. М., 1973, с. 74-8.

12. Центрально-азиатские исследования по проекту ЮНЕСКО: Итоги двух десятилетий // Информ. бюллетень (МАИКЦА) Вып.15. М.,1990, с.130-137

и др.

Обо мне имеется информация в издании: С. Д. Милибанд. Биобиблиографический словарь отечественных востоковедов с 1917 г., кн.II, с.85-86.

Декабрь 2002г.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь, Паньковский Илья Юрьевич, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Новиков Николай Александрович

ЗАВЯЗАЛСЯ КОРОТКИЙ БОЙ

Родился 22 мая 1916 года в деревне Ядреево, Мытищинского района, Московской области в семье крестьянина.

Призван в армию в июле 1941 года после окончания Московского текстильного института по специальности инженер-механик. С июля по 10 октября 1941 года учился в интендантской академии в г. Харьков. Окончил ускоренный курс в звании лейтенанта.

В октябре 1941 года направлен на Западный фронт в 151-ю механизированную бригаду (вновь сформированную) в 33-й армии. В бригаде назначен начальником продснабжения 453-го механизированного батальона. Бригада при обороне Москвы в районе г. Верея, Наро-Фоминска понесла значительные потери и была расформирована. Офицерский состав направлен в резерв фронта.

В ноябре 1941 года был направлен в 82-ю мотострелковую дивизию на должность начальника ОВС 210-го мотострелкового полка.

Эта дивизия, имея за плечами боевой опыт при выполнении интернационального долга в МНР в боях с японскими самураями на реке Халхин-Гол в 1939 году, прибыла на Западный фронт и вошла в состав 5-й армии и с 26 октября 1941 года вступила в бой на Можайском направлении. Дивизия упорно держала оборону на главном направлении Минского и Можайского шоссе, участвовала в освобождении пос. Дорохова, г. Можайска, Гжатска (г. Гагарин), г. Вязьмы и других населенных пунктов в Московской и частично в Смоленской области.

За успешные боевые действия при обороне Москвы и освобождение населенных пунктов Московской области дивизия получила (в марте 1942 года) звание гвардейской и переименована в 3-ю гвардейскую Краснознаменную мотострелковую дивизию.

В марте 1942 года меня откомандировали в 130-й, который затем был переименован в 33-й гвардейский отдельный батальон связи (этой же дивизии), на должность начальника вещевого снабжения,

В июне 1943 года сформирована 4-я танковая армия и 6-й гвардейский механизированный корпус на базе 3-й гвардейской МСД. В состав этого корпуса вошел 33-й гвардейский отдельный батальон связи, где я продолжал службу в звании гвардии старшего лейтенанта до окончания войны.

В июне 1945 года переведен в 17-ю гвардейскую Краснознаменную бригаду 6-го гвардейского Львовского механизированного корпуса на должность начальника вещевого снабжения бригады.

В феврале 1946 года был демобилизован из армии, как специалист народного хозяйства.

Мой боевой путь начался на Западном фронте в составе 5-й армии в боях за Москву. Затем в составе 6-го гвардейского механизированного корпуса 4-й танковой армии принимал участие в Орловско-Курской операции, затем Каменец-Подольской, Львовско-Сандомирской, Висло-Одерской операциях, в боях за освобождение Польши, в Берлинской операции и в боях за освобождение г. Праги.

Вспоминая свой боевой путь, хочется отметить некоторые события военного периода.

Львовско-Сандомирская операция продолжалась более полутора месяцев. 27 июля 1944 года был освобожден г. Львов. 6-му гвардейскому мехкорпусу 7 августа 1944 года была поставлена задача выйти за реку Сан в районе г. Заршина и перекрыть путь к отходу противника. Во время перегруппировки нашего корпуса я, как начальник вещевого снабжения, с группой бойцов рано утром на автомашине с военным имуществом и походной кухней на прицепе выскочил за передний край наших позиций, где мы были подвергнуты сильному минометному обстрелу. Но, несмотря на такую опасную обстановку, мы быстро развернулись (пришлось даже отцеплять походную кухню) и вырвались из- под обстрела на безопасное расстояние. За этот маневр, позволивший сохранить военное имущество, я был награжден медалью «За отвагу».

Наши подразделения в составе боевой части продолжали продвигаться вперед на запад.

12 января 1945 года началась Висло-Одерская операция. Наши части 4-й гвардейской танковой армии, преодолев оборону противника на Висло-Одерском плацдарме, вступили с боями на территорию Польши. Войска противника были рассечены на отдельные группировки, многие из них остались у нас в тылу.

И вот однажды, во время краткого отдыха, утром на рассвете, в наше расположение тылового хозяйства ворвались бронетранспортер и немецкая легковая машина с немецкими офицерами. За ними две автомашины с солдатами (эта группа прорывалась под покровом темноты к линии фронта по скрытым дорогам). Наши часовые подняли тревогу, бронетранспортер ушел вперед от группы. Завязался короткий бой, который закончился разгромом этой группы противника. За эту операцию ряд бойцов подразделений были награждены медалями.

На нашем пути было много опасных моментов, особенно в районе Каменец-Подольского.

Мы, тыловые подразделения, принимали все возможные меры по обеспечению техникой и имуществом наших передовых частей, не считая питания, боеприпасов и горючего.

За участие в различных боевых операциях я был награжден орденами и медалями, в том числе:

- Орденом Отечественной войны II степени;
- Орденом Красной Звезды;
- Медалью «За отвагу»;
- медалями: «За оборону Москвы», «За победу над Германией», «За освобождение Праги;
- 13 юбилейными медалями.

В феврале 1946 г. я был демобилизован из армии и с апреля 1946 г. начал работать по специальности.

Сначала конструктором в проектном институте химических волокон г. Мытищи, затем старшим инженером-конструктором.

В апреле 1949 года был командирован с семьей в ГДР, где работал начальником специального конструкторского бюро по профилю создания оборудования для производства химических волокон.

В составе бюро было около 100 немецких специалистов (конструкторов), и мы работали по заданиям Минлегпрома СССР, используя машиностроительные заводы ГДР. В конце 1952 года, в связи с реорганизацией научно-технического отдела Главного управления советским имуществом за границей, я был откомандирован в Союз.

В феврале 1953 года был направлен на прежнее место работы в проектный, а затем научно-исследовательский институт химических

волокон, где работал ведущим конструктором, главным инженером конструкторского бюро, а затем начальником бюро.

Принимаю активное участие в работе Совета ветеранов 6-го Гвардейского мехкорпуса заместитель председателя. Одновременно являюсь секретарем Совета ветеранов 3-й Гвардейской МСД.

С октября 1942 года по сентябрь 1991 года состоял членом КПСС.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Боткин Павел Сергеевич***, студент 2-го курса профессионального училища №5.

Пархоменко Владимир Иванович

Я ПРОШЕЛ ВСЮ ВОЙНУ

Я, генерал-майор в отставке, Пархоменко Владимир Иванович, родился 19 декабря 1924 г. в селе Верхняя Сыроватка Краснопольского района Сумской области Украины.

Отец – Иван Павлович – полковой разведчик во время Первой мировой войны, участник знаменитого Брусиловского прорыва, награждён Георгиевским крестом. Знал польский и немецкий языки, активный участник Гражданской войны.

Мать – Александра Григорьевна Сенченко, служащая – телефонистка из города Сумы, красивая и одарённая женщина.

У меня было два брата и сестра. В семье царил культ музыки, песен и рисования. Отец руководил сельским хором. Мы сами писали и ставили пьесы, выступали с концертами на праздниках. У нас был единственный на селе граммофон с набором пластинок.

В 1931 г. семья переехала в город Харьков. Отец и мать работали на Харьковском тракторном заводе-ХТЗ. Лето мы обычно проводили в пионерском лагере Малиновка близ Чугуева на берегу реки Северский Донец. Это удивительно красивые места: река, крутые песчаные берега, могучие, как у Шишкина, сосновые рощи, большие цветочные поляны и густые смешанные леса. Мы знали всё в округе: дороги, тропы, болота, броды, укрытия, и это помогло нам в октябре 1941 г. выйти из окружения.

В 1939 г. моя картина «На берегу Северского Донца» на городской школьной выставке получила первую премию: 80 рублей, детский костюм и талоны на бесплатные обеды на целый месяц.

Цыганка нагадала

Близ посёлка ХТЗ часто останавливались цыгане. Мы ходили слушать их песни и сами пели им свои. В одном из таборов нас пригласили в шатёр, и старая цыганка предложила нам погадать, все смеялись и отказывались, а она, указывая на меня , сказала: «А ты останься». К удивлению, она всё правильно рассказала о нашей семье, а затем, глядя на карты, задумчиво произнесла: «Бог дал тебе голос, но твоя судьба быть солдатом и генералом». Все снова засмеялись. Я тоже не придал этому значение. Только ребята с тех пор называли меня подружески генералом. Мне запомнились её слова: «И ждёт тебя вагон и золотой погон, любовь и кровь, знай, милый мальчик, только всегда с собой носи заветный чемоданчик».

Через много лет я написал песню «Мой чемоданчик», которая прилагается.

В 1939 г. успешно закончил 7 классов. По решению семейного совета поступил в Одесское художественное училище на улице 15-летия комсомола (в Харькове такого училища не было).

Одессу нельзя не любить: море, солнце, одесситы, их неповторимый говор, улицы, здания, памятники. Мы днями, без устали, имея в кармане бутылку кефира и батон хлеба, рисовали памятники, бульвары, театры, море, порт и скверы.

Профессор А.В. Мечников просмотрел мои первые работы и твёрдо сказал: «У тебя получится».

И вдруг в сентябре 1939 г. получаю телеграмму от отца. Срочно приехать домой. Оказалось, у нас гостил брат отца – работник Министерства иностранных дел. Он серьёзно и доверительно рассказал, что мы на пороге войны, война неизбежна. Враг сильный и опасный. Надо быть готовыми. Живопись подождёт.

Так, нежданно я оказался в 14 специальной артиллерийской школе на пл. Фейербаха, рядом со штабом округа. Надел армейскую шинель, и полвека прошёл с ней в строю.

Мы носили красивую военную форму, быстро привыкали к воинскому порядку. Кроме общих дисциплин, изучали военное дело, а также немецкий язык, музыку, танцы, манеры хорошего тона.

В городе нас называли спецами и завидовали.

Программа была сложной, но мы изучали её с особым упорством потому, что знали, что нас ждёт. Нас было пятеро неразлучных друзей: Саша Дроздов, Коля Берёзкин, Сергей Шапка, Федя Гора и я.

Изучая курс стрельбы, нам хотелось что-то самим открыть. Мы долго готовились и внесли два предложения: резко сократить время

на подготовку данных (с 2-4 минут до 30-40 секунд) и отказаться от пристрелки цели с помощью вилок (приближение цели с помощью перелёта и недолёта).

Нас ругали, отговаривали, упрекали в мальчишестве, но мы стояли на своём. На миниатюр-полигоне и на практических стрельбах в Малиновке доказали свою правоту. Данные для стрельбы готовили устно, без записи, за 30-40 секунд. Стрельбу вели сразу по цели без вилок; если были отклонения, корректировали тоже по цели.

Но преподаватели нас не поддерживали, так как им надо было переучиваться. Положительный отзыв мы получили от округа, но этим все и ограничилось. Наш спор прервала война.

В мае 1941 г. я был назначен старшиной 2-ой батареи (второго курса). Мы проходили стажировку в районе Чугуева в стрелковой дивизии, которая завершала отмобилизование. Я исполнял обязанности начальника вычислительной команды артполка.

22 июня 1941 г. в воскресенье был с друзьями в увольнении в Харькове. Дома, перед обедом, в 12:00 узнали о начале войны. Сразу небо, солнце, воздух, земля, город и люди стали другими. В городе и области ввели военное положение. Мы считали себя мобилизованными и ответственными за оборону города.

В середине июля школа вернулась в Харьков. Началась горячая пора. На сон отводилось несколько часов. Мы работали на военных заводах по производству оружия и боеприпасов, участвовали в оборудовании противотанковых рвов, траншей, командных пунктов. Начались бомбёжки, были случаи грабежей и беспорядков. Когда стало известно о случаях преднамеренного отравления в столовых, где питались горожане на строительстве заграждений, мы взяли под контроль и охрану 3- километровый участок. В августе мы принимали участие в организации непосредственной обороны города. По плану создавалась оборона на подступах и в самом городе: баррикады, заграждения, огневые точки, места танков, орудий, минометов, пунктов разведки и управления, готовилась система траншей, узлов связи, складов, укрытий для населения. Город готовился к обороне.

В августе наша спецшкола срочно выехала в Сталинград. Я со своими друзьями был в это время в разведке в районе Валки в 50 км от Харькова. Обстановка была сложной. Среди населения царило беспокойство и страх. Не все население знало, что делать. Дороги были забиты сплошными колоннами машин, людьми, повозками, тележками, которые тянулись в Харьков. Войск мы не встречали. По возвращении узнали, что школа выехала, а наши документы в штабе обороны.

Мы решили добровольно вступить во 2-ой батальон ополчения, который действовал в районе поселка ХТЗ. В сентябре батальон отрабатывал действия по различным вариантам в обороне в зависимости от обстановки. С 20 сентября начались непрерывные бои за город, 5 суток днем и ночью под непрерывными бомбежками, обстрелом артиллерии и минометов продолжались ожесточенные бои за каждую позицию, опорный пункт, улицу и дом. Противник в 5-6 раз превосходил наши силы. Город был окутан дымом от пожаров и огня. Воздух содрогался от постоянных ударов авиации, взрывов мин и снарядов, оружейно-пулеметного огня. Лишь когда роты батальона понесли тяжелые потери и в них осталось по 5-6 человек, в том числе раненых, противнику удалось ворваться на территорию ХТЗ. Наш батальон уничтожил 9 танков, 12 бронемашин, 10 орудий, много автомашин и несколько сот вражеских солдат.

После того как противнику удалось захватить северную и южную окраины города и прорваться в центр, был отдан приказ отойти на тыловой рубеж. 25 октября наши войска оставили город.

Коля, Сережа и Федя были ранены и эвакуированы в тыл. Я получил легкое ранение в руку, Саша перенес контузию. С остатками батальона мы прорвались в Чугуев, но и там попали в окружение и выбирались четыре дня.

10 ноября добрались до ст.Купянск, оттуда попали в Сталинград. Там нам чудом повезло найти в госпитале наших друзей и всей пятеркой пробиться в Саратов, где узнали, что наша 14 спецшкола в Актюбинске. Лишь в середине декабря мы положили на стол начальнику школы свои рапорта, письма благодарности и представления к наградам от Штаба обороны Харькова. Нам принесли кастрюлю пшенной каши, несколько кусочков мяса, буханку хлеба и горячий чай. А ночью, сдвинув кровати и укрывшись общим одеялом, мы тихо пели нашу любимую песню спецов.

«Помнишь городок провинциальный,
Тихий, захолустный и печальный,
Церковь и базар, городской бульвар,
Ласковый рассвет, утренний туман
Мой мимолетный роман.....
Таня, Танюша, подружка моя,
Помнишь ты знойное лето это,
Разве мы можем с тобой позабыть,
Все, что пришлось пережить?..»

Почему-то вспомнилась моя одноклассница Валя Дубровина, соперница по учебе, партнерша по танцам, песням и спектаклям в шко-

ле. Тогда я еще не знал, что она погибла в Харькове. Госпиталь окружили враги, она отстреливалась до конца, последнюю пулю оставила себе....

Уснули сразу, а за окном ревел и волком выл разгульный ветер, да ночь была темнее всех ночей.

Таким было для нас начало Великой войны.

На Западном фронте.

Не прошло и года, когда 10 лейтенантов, выпускников 1-го Ленинградского артучилища, в том числе и наша пятерка, мчались в поезде Оренбург – Москва. Назначение получили на Западный фронт командирами взводов 3 гв. МСД 5 армии. Но в дивизию сразу не попали, три месяца исполняли многочисленные обязанности офицеров оперативного отдела армии. Опыт работы в штабе армии в последующем нам очень пригодился.

3 гв. МСД имела боевой опыт на Халхин-Голе и в Московской битве. Оборона дивизии была построена по всем правилам огневого и инженерного искусства. Но обстановка постоянно менялась, и требовалось непрерывно совершенствовать систему огня.

Командир батареи, куда я был направлен, находился в краткосрочном отпуске после ранения, и мне удалось пристрелять реперы (пристрелянные точки) на трех рубежах в зоне ответственности и на флангах. Для быстрого ориентирования, целеуказания и постановки задач подготовил панораму местности, схему огня, схему ориентиров, сигналы взаимодействия и вызова огня. Такие же документы подготовил для командиров стрелковых рот и батальона. На этой базе стали возможными успешная борьба с батареями противника, отражение разведгрупп и контратак противника, обнаружение и поражение отдельных целей, воспрещение сосредоточения танков и пехоты и их маневр.

В начале марта на рассвете проверил посты и, только вошёл в блиндаж, как раздался окрик часового. Вошла группа офицеров во главе с командармом 5 армии генерал-лейтенантом Л.А.Говоровым. Вышли на наблюдательный пункт, Говоров потребовал показать на местности заградительный огонь для отражения внезапной атаки противника перед нашим передним краем. Я показал НЗО «Акация» – последовала команда «огонь». Команда пошла на огневые позиции. Стояла полная тишина. Сердце замерло. Подумал, не забыл ли на ОП внести поправки на ночные метеоусловия. Прошло 40 секунд, прозвучал залп батареи, над нами прошуршали снаряды – четыре больших

разрыва четко и точно обозначили рубеж НЗО. Все облегченно вздохнули. Командарм также вызвал неплановый огонь по НП противника на высоте «круглая». Огонь был точным. Командарм потребовал завести такой же порядок на всех наблюдательных и командных пунктах. Командир полка доложил командарму, что три дня назад лейтенант Пархоменко в составе разведгруппы полка умело корректировал огонь при захвате пленных в тылу противника и возвращении группы назад. Группа потерь не имела. Стрелок он хороший, грамотный и дисциплинированный офицер. Имеет вашу благодарность за работу в штабе армии.

Командарм тут же вручил мне медаль «За отвагу», заметив: «Это хорошее начало, лейтенант!».

Командарма любили и подражали ему. Его решения и указания отличались чёткостью, обоснованностью и краткостью. Он был строг, требователен и справедлив.

Скажу наперёд, что эта медаль спасла мне жизнь в январе 1945 при отражении контратак противника на Одерском плацдарме.

Во время рукопашной схватки в окопах пуля пробила телогрейку и попала в медаль. Медаль стала похожа на воронку, но я остался невредим, лишь долго-долго болела грудь.

Следующая встреча с Маршалом Советского Союза Л.А. Говоровым произошла в1952 г. Я прибыл к нему с пакетом от штаба артиллерии СА. Маршал узнал меня и вспомнил ту встречу в обороне на Западном Фронте. Он снова подчеркнул огромную роль артиллерии в войне. «Наша артиллерия добилась полного превосходства над артиллерией врага», -сказал он, прощаясь.

На Брянском и 1-м Украинском фронтах

В воспоминаниях о войне Курская битва занимает особое место. Это гигантское танковое сражение. Наши враги ставили целью взять реванш за поражения под Москвой и Сталинградом и, захватив стратегическую инициативу, повернуть ход войны в свою пользу.

К этому времени на базе 3 гв. МСД был сформирован 6 гв. механизированный корпус, который вошел в состав 4 танковой армии. Армия перешла в наступление 26 июля 1943 г. и вела боевые действия непрерывно в течение 26 суток. С первых и до последних дней бои носили исключительно напряженный, ожесточенный и яростный характер. Сильно пересеченная местность, глубоко эшелонированная оборона противника, многочисленные реки и ручьи, открытая местность, ливневые дожди и грунтовые дороги усложняли ведение боевых действий.

Непрерывно гремела артиллерийская канонада и удары авиации. Как только пехота пробивала брешь в обороне противника, туда устремлялись танковые и механизированные соединения, противник выдвигал свои танковые и моторизованные дивизии, чтобы остановить наше наступление. Завязывались огневые, дуэльные бои танков и самоходные артиллерийских установок с двух сторон. На эти рубежи быстро выдвигалась и развертывалась наша артиллерия для стрельбы прямой наводкой. В этом случае наши танки и САУ получали возможность наносить удары по флангам и тылу противника , а также развивать наступление в глубину.

На каждом новом рубеже боевые действия повторялись в различных вариантах. Но танковая армия непрерывно наращивала удары и успешно выполнила задачу разгрома противника. Разведка, управление, взаимодействие всех сил и средств и широкий маневр решили судьбу боев и сражений.

Для меня это был первый опыт участия в крупной операции танковой армии. Я также приобрел опыт действий в качестве корректировщика огня артиллерии, находясь в передовом или командирском танке. Своевременный и упреждающий огонь артиллерии расчищал путь нашим танкам, обеспечивая высокий темп наступления. Не раз приходилось мне и самому вести огонь из танка. Запомнились два случая. После дождя три машины, на одной из которых ехал Г.К.Жуков, застряли по колеса в ручье. Наблюдатель на ОП батареи заметил это и доложил офицеру. Расчеты орудий подбежали к машинам и, не дав выйти из них офицерам, подняли их и поставили на сухое место. Жуков поблагодарил артиллеристов, пожелал им успешно бить врага и скорой встречи в Берлине.

В ходе наступления 6 гв. МК вышел к р. Нугра тремя бригадами, а переправу успели навести только одну. Колонны подходящих войск остановились, появились самолеты противника. В это время подъехал Г.К.Жуков. В короткий срок он помог командиру корпуса привлечь инженерные войска соседних дивизий, рассредоточить подходящие войска, навести три переправы, а также одну ложную, создать дымовые завесы на переправах и в районах сосредоточения войск. Войска подходили и организованно форсировали реку. Мы, молодые офицеры, находясь рядом с командиром корпуса, восхищались полководческим талантом Г.К.Жукова, его решительностью, твердостью, самообладанием.

При захвате ст.Хотынец я был ранен, направлен в госпиталь, а по возвращении мне вручили орден Красной звезды. Опыт 4 танковой армии в Орловской операции в полной мере был использован в последующих операциях, в том числе Берлинской и Пражской.

В марте 1944 года 4 танковая армия в ходе Проскуровско-Черновицкой операции совершила с севера на юг (в направлении г. Черновцы) массированный прорыв в оперативную глубину противника и в условиях весенней распутицы и бездорожья, пройдя с боями 150 км, освободила 20 городов, сотни населенных пунктов, захватила крупный узел коммуникаций, г.Каменец-Подольский и переправу через реку Днестр. Были перерезаны основные пути отхода противника на запад, рассечена на несколько частей крупная группировка врага. В течение 5 суток части и соединения 4 танковой армии отразили 16 попыток противника вновь овладеть г. Каменец-Подольским и пробиться на запад. Этот смелый, дерзкий, стремительный и решительный рейд в условиях распутицы стал классикой танковых сражений и изучается в военных академиях мира.

Нельзя забыть еще один трудный бой. В начале Львовско-Сандомирской операции в июле 1944 года обстановка требовала для развития наступления на второй день операции ввести в сражение две танковые армии – подвижную группу фронта – 3 и 4 ТА. Однако в обороне противника удалось создать лишь один узкий коридор в районе Колтув шириною 4-6 км и протяженностью 18 км. Ввод двух армий в такой узкой полосе при одновременном отражении сильных контрударов противника на флангах, когда коридор простреливался огнем артиллерии, является единственным примером в этой войне.

По предложению командира артполка командир 6 гв. МК при отражении контрударной группировки в составе более 100 танков с пехотой построил боевой порядок в виде огневого «мешка»: справа- 49 мехбригада, в центре- 51 истребительно-противотанковый полк, слева- 17 мехбригада. Первыми открыли огонь с дальних дистанций отдельные орудия артполка, чтобы завлечь танки в мешок. Как только основная масса танков вошла в мешок, одновременно открыли массированный огонь все привлекаемые средства. Противник потерял более половины танков и свыше 500 солдат. Контрудар противника был сорван.

Впереди еще оставалась долгожданная Берлинская операция и непревзойденный рейд по спасению Праги. Именно в Праге, ранним утром, мы испытали несказанную радость Великой Победы.

Войну закончил начальником штаба полка. Отец с матерью всю войну трудились на Рубцовском танкостроительном заводе. Сестра, потеряв на войне мужа, работала на авиационном заводе в г.Балашове. Два моих брата – участники войны. Я был трижды ранен. Награжден орденом Красной Звезды, Отечественной войны 1 и 2 степени, Красного Знамени и медалями.

После Великой Победы

После войны закончил две академии, в том числе Академию Генерального штаба, служил в различных округах, в Центральном аппарате и в Академии Генштаба. Как военный профессионал, ученый и педагог принимал активное участие в подготовке руководящих военных кадров оперативно-стратегического звена, в разработке фундаментальных военных трудов, в создании современной армии, испытании новых средств борьбы и достижении паритета с США.

В Москве я встретил долгожданную любовь и радость на всю жизнь. В 1943 г. во время пребывания в госпитале к нам почти ежедневно в палату приходили ученицы 8 класса и одна бабушка. Они заботились о нас, пели, танцевали, читали нам стихи. Приглянулась одна ученица, которая с бабушкой приходила чаще других. Глядя на ее красоту и молодость, хотелось жить и скорее разгромить врага. Ее звали Эллочка, она с бабушкой провожала меня на фронт. Я часто ее вспоминал и верил, что, если мне выпадет жить, я буду ее искать.

В 1946 г. сдал экзамены в Артакадемию и весь отпуск посвятил поискам. Я благодарен судьбе, что моя мечта сбылась. У нас две дочери, Светлана и Ирина, внучка Алена и внук Володя.

В 1954 г. готовилось оперативное учение на Тоцком полигоне под руководством Г.К.Жукова, и как знаток полигона я семь дней сопровождал оперативную группу маршала во всех поездках.

Выдающиеся качества маршала, его полководческий дар, любовь к солдату и армии, воля, решительность, вера в успех и теплое отношение к подчиненным произвели на меня неизгладимое впечатление. Прощаясь, маршал вручил мне на память офицерский кортик, спросив при этом: «Что говорили старые воины при вручении оружия?» Я ответил, что давали клятву на верность. « Не точно, – ответил маршал, – они говорили так: не вынимай без надобности и не вставляй без славы». Я навсегда запомнил эти слова.

В 1975 г. я был награжден орденом « За службу Родине в ВС» 3-й степени.

Снова на переднем крае

Отслужив Отечеству полвека, я вышел в отставку. Но гвардия остается верной клятве и долгу. Мы создали фронтовое братство – Совет ветеранов 4 гвардейской танковой армии. И снова на переднем рубеже большой государственной работы по воспитанию у молодежи чув-

ства патриотизма, долга и готовности служению Отечеству. Совершенствуем организационную структуру ветеранских организаций и методы их работы. Учредили вместе с учеными МАИ Московское отделение Академии военно-исторических наук. Работаем над созданием многотомной серии воспоминаний участников войны под девизом « от солдата до генерала» с участием высших учебных заведений страны. Поддерживаем непрерывные связи с соединениями и частями МВО. За заслуги в развитии ветеранского движения в 1995 г. награжден орденом « За заслуги перед Отечеством» 4 степени. Готовимся достойно встретить в 2003 году 60-летие формирования 4 гвардейской танковой армии на московской земле вместе с воинами 20 гв. армии МВО – нашими правопреемниками и наследниками. Мы, те, кто принес нашему народу Победу и Мир, как верные солдаты России, меченные и крещенные войной, познавшие почем фунт военного лиха, верим, что наша страна станет сильной, богатой, процветающей и счастливой. Займет достойное место среди других дружественных государств на Земле.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Мой чемоданчик

Однажды пред войной, цветущей весной,
Забрел я на цыганский балаганчик,
И там я прикупил, и там я прикупил,
И там я прикупил свой чемоданчик.
Цыганок молодых цветастых и худых
Сновало тут и там немало,
Старейшая из них ,мудрейшая из них
По картам нагадала генерала.
И ждет тебя вагон и золотой погон,
Любовь и кровь, знай милый мальчик,
Но береги всю жизнь, но береги всю жизнь,
Но береги всю жизнь свой чемоданчик.
И где бы ни бывал, и что бы ни видал,
Война, ученье иль авральчик,
Со мной был талисман, со мной был талисман,
Со мной был талисман – мой чемоданчик.
Полвека уж прошло, и многое ушло,
От грусти и забот налью стаканчик,
С волненьем достаю, с волненьем достаю,

С волненьем достаю свой чемоданчик.
В нем знак судьбы, в нем путь борьбы,
И жизнь моя – не одуванчик,
Вот почему храню, вот почему храню,
Вот почему храню свой чемоданчик.
Когда придут друзья, обрадуюсь им я,
И с песней мы присядем на диванчик,
И я им покажу, и я им покажу,
И я им покажу мой чемоданчик.

Не забывай

Не забывай год 41-й.
Четыре года той войны
Наш клич – вперед – был самым верным,
Не знали мы, не знали мы ни в чем вины.
Не забывай год 45 -й,
Под Прагой наш последний бой,
Берлин поверженный и взятый
И день Победы, День Победы золотой!
Не забывай, мы победили,
Планету от чумы спасли,
Страну из пепла возродили,
И радость всем, и радость всем мы принесли.
Не забывай все наши встречи,
И дружбу свято береги,
Сомкнем ряды, расправим плечи,
Ведь встреча ждет, ведь встреча ждет нас впереди.
Не унывай, что мы седые,
И годы птицами летят,
Сердца и души молодые,
Еще любить, еще любить и жить хотят.
Не забывай, еще не вечер,
Весной опять приходит май,
Готовься к нашей новой встрече,
Своих друзей, своих друзей не забывай.
Настал черед поднять бокалы,
И дружно осушить до дна,
Чтобы улыбки засверкали
И громом грянуло УРА! УРА! УРА!»

Вальс воспоминаний

Вспомним военные наши годы,
Музыку ту, что любили тогда,
Медленно падает первый снежок,
В памяти слышится старый вальсок,
Старый, любимый, старый военный вальсок.
Вспомни, мой друг, весь наш пройденный путь,
Наших военных друзей не забудь,
Бой под Москвой, к Берлину бросок,
Незабываемый старый вальсок,
Майский, победный, неповторимый вальсок.
Нас в 41-ом позвала труба,
Жизнь по-походному наша судьба,
После Берлина был Дальний Восток,
Там покорил нас маньчжурский вальсок,
Нежный, военный, русский военный вальсок.
Темные тучи нам гонят ветра,
Значит, друзьям собираться пора,
Наши следы заметает снежок,
В сердце струится наш легкий вальсок,
Легкий, походный, легкий старинный вальсок.
Нам расставаться, поверьте, нельзя
Дружба военная – наша стезя,
Пусть серебро украшает висок,
Но не забудется старый вальсок,
Всей нашей жизни, всей нашей жизни вальсок.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Леневец Михаил Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Платов Виктор Григорьевич

ЗЕНИТЧИКИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Беда, обрушившаяся на нас 22 июня 1941г., сплотила людей, вызвала высокую волну патриотизма. Миллионы людей по зову сердца поднялись на защиту своего отечества.

Меня, шестнадцатилетнего мальчишку, только что окончившего девять классов средней школы, как и многих моих сверстников, начало Великой Отечественной войны в одночасье сделало взрослым и ответственным за судьбу Родины. Именно поэтому мы вместе с моим школьным товарищем, одногодком, дважды обращались в Свердловский райвоенкомат г. Москвы с просьбой призвать нас в армию.

Нам, к сожалению, отказали: «Подрастете – позовем».

Желание быть полезным своей стране в трудный для нее час привело меня в комсомольско-молодежный полк при управлении пожарной охраны города, созданный для борьбы с пожарами от зажигательных бомб, которые немецко-фашистская авиация сбрасывала на столицу.

Призвали меня в армию в июле 1942 года и направили во Владимирское пехотное училище, по окончании которого в звании младшего лейтенанта направили в формировавшуюся в то время 4-ю танковую армию.

Каждый из ветеранов Великой Отечественной войны прошел свой путь в этой тяжелейшей для нашего народа, кровопролитнейшей войне. Я прошел этот путь в качестве командира зенитно-пулеметного взвода 62-й гвардейской танковой бригады 10-го гвардейского танко-

вого Уральско-Львовского Краснознаменного, орденов Суворова и Кутузова добровольческого корпуса, входившего в состав 4-й гвардейской танковой армии.

Воевать в составе этого корпуса было почетно, этим гордились. Корпус был единственным в Красной армии воинским соединением, созданным по инициативе трудящихся Свердловской, Пермской и Челябинской областей, все вооружение которого (танки, самоходные артиллерийские установки, пушки, минометы, стрелковое вооружение, боеприпасы и др.) было изготовлено на предприятиях этих областей, сверх установленного государственного задания, главным образом за счет средств, собранных трудящимися.

И личный состав корпуса был укомплектован в основном работниками тех же заводов, которые изготовляли эту технику и вооружение. Конкурс на право служить в корпусе составлял двенадцать человек на место. Отбирали лучших. И я гордился тем, что в конечном счете оказался среди воинов-добровольцев.

Я хорошо помню первый бой, в котором участвовал. Это был трудный бой на Орловско-Курском направлении в июле 1943 года.

Немецко-фашистская армия еще имела в ту пору превосходство в количестве современной бронетехники и располагала преимуществом в воздухе.

Гитлеровцы атаковали боевые позиции нашей бригады мотопехотой, танками, самоходными артиллерийскими установками, шестиствольными минометами (мы их называли «ишаками»), обрушивали шквал огня артиллерии. Их авиация непрерывно группами по 6-8 самолетов бомбила позиции бригады.

Наших самолетов на этом участке фронта было мало, и они редко вступали в бой. Боевые расчеты нашей отдельной зенитно-пулеметной роты работали с большим напряжением, прикрывая с воздуха командный пункт и позиции бригады, заставляя немецких летчиков держаться на значительной высоте и удалении. Фашистские самолеты пикировали на боевые расчеты зенитчиков.

Пытаясь избежать потерь среди личного состава, мы отрыли в полный рост окопы для зенитных пулеметов и ходы сообщения. Однако во время одного из налетов фашистских самолетов получили смертельные ранения командир нашей роты старший лейтенант Александр Дементьевич Митюков и старшина роты Петр Иванович Бочаров. Это было 31 июля 1943 года. Именно в этих боях рота открыла счет сбитым самолетам противника.

Но несмотря на упорное сопротивление немецко-фашистских войск, отбивая их контратаки, наша танковая бригада, для которой

бои на Орловско-Курском направлении тоже были боевым крещением, выполнила поставленную боевую задачу. Освободила многие населенные пункты, в том числе Сухачево, Кулики, Злынь, Шахово и другие, что привело к освобождению войсками Брянского фронта Орла.

В Москве 5 августа 1943 года был произведен первый артиллерийский салют в честь освобождения городов Орла и Белгорода. За отличие в этих боях наш Уральский танковый добровольческий корпус и входящие в его состав бригады стали гвардейскими.

А я получил свой первый боевой орден – Красной Звезды.

Во время войны каждый день непосредственного участия в боевых действиях подвиг. И этот подвиг совершали солдаты, сержанты и офицеры нашей отдельной зенитно-пулеметной роты.

За время боев в ходе Великой Отечественной войны рота сбила тринадцать самолетов противника, из них семь самостоятельно и шесть совместно с другими зенитными частями. Уничтожены два десятка автомашин с боевой техникой и живой силой противника, до роты немецких солдат. Были и у нас потери. За время боев, начиная с июля 1943 года, состав нашей роты частично обновлялся дважды. Многие эпизоды боевых действий до сих пор хранит память. Об одном из них хочу рассказать подробно.

Март 1944 года. Шла третья военная весна. Распутица. Велись бои за освобождение правобережной Украины. В результате мощного удара войск 1-го Украинского фронта группа немецких армий «Юг» была рассечена на две части.

Войска 10-го гвардейского танкового корпуса первыми ворвались в город Каменец-Подольский, и при содействии других частей 4-й гвардейской танковой армии 26 марта город был освобожден. Более 20 немецких дивизий оказались в окружении в районе северо-восточнее города Каменец-Подольского. Однако, сплошного кольца окружения создать не удалось. Поэтому, часть войск немецкое командование начало отводить за реку Днестр. А другая группировка стремилась уйти на запад через города Каменец-Подольский, Оринин.

Но для этого немцам необходимо было вновь захватить город Каменец-Подольский и выбить наши части из населенных пунктов на пути отхода

Пытаясь перекрыть немцам путь отступления, наша бригада овладевает селом Езержаны, расположенным на перекрестке шоссейных дорог. Танковые, мотострелковые батальоны, истребительно-противотанковая батарея, рота ПТР организовали оборону.

В селе разместился и штаб бригады. Для выяснения возможностей противника, определения количества бронетехники, расположения огневых точек командиром роты мне было приказано провести разведку.

Вечерело. Я преодолел нашу линию обороны и стал по-пластунски продвигаться в сторону противника. Его линия обороны располагалась метрах в пятистах справа и в километре по прямой поперек шоссе. Когда я преодолел половину расстояния, немцы заметили меня и открыли огонь из автоматического оружия и карабинов. К счастью, ранить меня им не удалось. Выбрав наиболее безопасное место для наблюдения, я засек огневые точки противника, количество и места расположения танков. Вернувшись в расположение части, я доложил о результатах разведки командованию. Немцы, между тем, вводя в бой все новые и новые силы, настойчиво стремились прорвать нашу оборону, выбить нас из села. Становилось ясно, что сдержать армаду танков и полчища пехоты имеющимися у нас силами с иссякшими запасами боеприпасов и горючего мы не в состоянии (у танкистов оставалось по 3-4 выстрела на танк и горючего на 15км).

Комбриг полковник С.А. Денисов принимает решение отвести танковые и мотострелковые батальоны в лес, расположенный в полукилометре от села, и организовать оборону на его северной опушке.

Отход бригады поручается прикрыть зенитно-пулеметной роте. Тем более, что мы располагали достаточным боекомплектом. Мы сняли крупнокалиберные пулеметы с машин, установили их на восточной окраине села для стрельбы по наземным целям, приготовились к отражению атаки

Вскоре из-за гребня высоты начали появляться цепи фашистских солдат. Они двигались в полный рост, рассчитывая, видимо, на психологический эффект. Подпустив цепи поближе, мы открыли огонь из всех пулеметов. Потеряв убитыми десятки солдат, немцы откатились назад.

Вскоре немецкая пехота повторила атаку, которая была отбита с еще большими для них потерями. Перед третьей атакой на гребень высоты вышел танк и сделал несколько выстрелов осколочными снарядами по позиции роты. Снаряды ложились близко. Но ущерба нам они не нанесли. Я вовремя залег и отделался контузией. Потерь среди личного состава тоже не было. Третью атаку немецкой пехоты мы снова отбили. Тогда немцы начали нас обходить с левого фланга и вошли в село.

Поступил приказ комбрига зенитно-пулеметной роте отойти в лес и занять оборону на его опушке. Но для этого надо было проскочить поляну шириной 500-600м.

Как только машины моего взвода выехали на поляну, вновь вышел немецкий танк. С третьей попытки осколочный снаряд танка

угодил в ящики с боекомплектом, находившиеся в кузове машины. Я в это время вылез из кабины и, стоя на подножке, показывал водителю, как можно быстрее проехать к лесу. Сержант Алиев, находившийся в кузове у пулемета, погиб. Машина заглохла. И мы с водителем ушли в лес. Ночью, под покровом темноты, мы вынесли тело убитого сержанта и, затем, похоронили его с почестями, сняли пулемет с машины, забрали боекомплект. С рассветом оборудовали для всех пулеметов позиции на опушке леса и вели огонь по двигавшейся по дороге колонне бронетехники и автомашинам. Были подбиты более 20 машин с живой силой и техникой, уничтожено около 30 фашистских солдат. Позже, осмотрев свою автомашину, я увидел в задней стенке кабины отверстие на уровне головы, сделанное большим осколком снаряда, и понял, что, если бы я сидел в кабине, осколок попал бы мне в голову. На этот раз мне опять повезло.

Потом были бои за освобождение города Львова, на Сандомирском плацдарме, освобождение Польши, форсирование рек Одера и Нейсе, уличные бои при штурме Берлина.

Конец войны застал меня в Праге, в освобождении которой активное участие принимала наша танковая бригада.

Демобилизовался из армии я в январе 1947 года.

Вопрос о том кем быть, для меня был ясен: надо восстанавливать разрушенное войной народное хозяйство страны. Тем более, что профессия строитель – семейная традиция. После окончания Московского строительного института я стал инженером-строителем.

За заслуги в строительстве Москвы я получил звания заслуженного строителя РСФСР, почетного строителя Москвы. Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шевченко Владислав Сергеевич***, студент 2-го курса Профессионального училища №5.

Рогачёв Александр Васильевич

ШЛИ НЕПРЕРЫВНЫЕ ТАНКОВЫЕ БОИ

Я родился 21 марта 1923 г. в городе Ефремове Тульской области в семье рабочего. Отец – Рогачев Василий Васильевич 1896 г. рождения, по профессии сапожник; мать – Рогачева (девичья фамилия Корнева) Татьяна Александровна 1896 г. рождения – домохозяйка.

У меня было два брата: Владимир 1920 г. рождения и Василий 1925 г. рождения. Семья наша жила в городе Ефремове на Набережной улице, на берегу реки Красивая Меча, которая в нижнем течении впадает в Дон.

Жили мы бедно, но дружно. Мой отец в первую мировую войну 1914 г. воевал с немцами на территории Литвы и был ранен пулей в правое легкое. В гражданскую войну в рядах Красной Армии воевал рядовым против белых на разных фронтах.

Детство мое было радостным, я дружил со своими сверстниками, был сорванцом, иногда выяснял отношения на кулаках. Рано научился плавать, играть в лапту, футбол. Зимой хорошо катался на лыжах и коньках и даже награждался грамотами за призовые места в лыжных гонках на 3 и 5 км.

Я очень гордился, когда меня приняли в пионеры, а в 1937 г. – в ряды ВЛКСМ в средней школе № 1 города Ефремова. Я регулярно посещал Дом пионеров, где научился играть на мандолине и гитаре. Позднее в период учебы в средней школе № 1 с 1938 г. по июнь 1941 г. руководил струнным кружком.

Вообще мое детство и юность, как и у других сверстников, проходило в трудное, но интересное время. Мы были романтиками и оптимистами, росли и воспитывались в духе патриотизма и любви к своей Родине – Союзу ССР. Мы любили свою Армию и Флот и преклонялись перед офицерами, которые были награждены за участие в боях с японцами на озере Хасан, в районе реки Халхин-Гол в 1939 г. и в войне с Финляндией в 1940 г.

21 июня 1941 г. в субботу на выпускном вечере в средней школе № 1 г. Ефремова нам, выпускникам, вручили аттестаты и состоялся концерт школьной самодеятельности. Мне было и весело, и грустно, что прощаюсь со школой и любимыми учителями. Но особого веселья не было, так как все жили в предчувствии надвигающейся войны с Германией. С вечера я пришел домой около 23 часов и лег спать.

22 июня 1941 г. из выступления Молотова В.М. по радио я, отец, мать и младший брат узнали о вероломном нападении фашистской Германии на СССР и объявлении нам войны. Отец выругался по адресу Гитлера, а мать заплакала, так как ее сын Володя (мой старший брат), который был призван в Красную Армию в Москве со 2-го курса гидрометеорологического института в 1939 г., в это время находился в городе Бресте Белорусской ССР. Он служил механиком эскадрильи истребительного полка, который базировался на аэродроме в 3-4 км от Бреста.

Я стал успокаивать мать и убеждать ее в скорой нашей победе, но отец пресек мою самоуверенность и сказал: «С немцем воевать придется долго, и на легкую победу надеяться не стоит». Первым моим желанием было пойти в военкомат и добиться скорейшего призыва в ряды Красной Армии.

Через несколько дней со своими друзьями-одногодками пошел в военкомат, но попасть внутрь здания нам не удалось: было очень много народа, провожающие женщины плакали, играли гармошки, было очень шумно. Наконец мы пробились к дежурному по военкомату, который нас отправил по домам и сказал, чтобы мы ждали повестки дома, так как сейчас идет мобилизация старших возрастов.

Ожидание было тягостным и тревожным, так как сводки Совинформбюро сообщали об отходе наших войск и захвате немцами наших городов. Тревожно было на душе и непонятно, почему наша Армия отступает и не может сдержать немцев. Я и мои друзья-одногодки полагали, что, когда мы вольемся в ряды Красной Армии, то воевать будем лучше «стариков» и не будем отступать. Были мы наивными, но твердо верили в нашу скорую победу над немцами.

27 июля 1941 года я, наконец, получил повестку явиться в военкомат с вещами. На сборном пункте военкомата был сформирован отряд численностью 150 человек, который возглавил старший лейтенант – участник войны с Финляндией, орденоносец.

Призывники были разбиты по взводам и отделениям. Примерно в 14 часов на построении военком майор Бородин объявил нам, что мы направляемся пешим маршем на формирование в 139-й запасной стрелковый полк, откуда, пройдя обучение, будем направлены на фронт.

Конечную цель нашего пешего похода знает командир нашего отряда. В 15 часов мы построились в колонну и пошли по ул. К. Маркса в направлении железнодорожной станции, затем по мосту перешли на правый берег реки Красивая Меча и далее по проселочным дорогам на восток.

Не буду говорить, что все было гладко в нашем походе: нас бомбили немцы, были первые жертвы; в день мы проходили по 30-40 км, были трудности с размещением на ночлег и питанием. В деревнях и селах, которые мы проходили, жители смотрели нам вслед хмуро и осуждающе. Было очень горько на душе, но все равно верили в нашу победу над немцами.

В городах Михайлов, Сасово, Сапожок Рязанской области в наш отряд вливались другие мелкие отряды призывников по 25-40 человек из местного населения рождения 1922-1923 гг. Во время похода в некоторых населенных пунктах мы отдыхали по 3-4 дня, а затем продолжали свой путь. Во второй половине сентября 1941 г. мы около недели находились в окрестностях города Зеленый Дол на берегу реки Волга, а в начале октября переправились на левый берег Волги и продолжили пешком движение в г. Йошкар-Ола Марийской АССР (столица республики). Это и был конечный пункт нашего пешего похода. Всего мы прошли более 1800 км. Никто из призывников не покинул отряда.

В городе Йошкар-Ола мы находились неделю, а затем разместились в 3-4 км от города, в помещениях керамического завода. Началась напряженная ежедневная тактическая и огневая подготовка, которая закончилась в первых числах ноября 1941 г. В середине ноября нам выдали зимнее обмундирование и оружие и направили на погрузку в железнодорожный эшелон в г. Йошкар-Ола.

Перед погрузкой нам сообщили, что наша 47-я отдельная стрелковая бригада включена в состав 1-й Ударной армии генерала Кузнецова В.И., которая будет защищать нашу столицу - город Москву. Это было воспринято всеми с большим энтузиазмом и гордостью, что нам выпала такая высокая честь. В середине ноября 1941 г. наш эшелон прибыл на станцию Лихоборы, где началась разгрузка.

После разгрузки мы пешком, в ночное время, когда морозы достигали 25 27°С, пошли по Дмитровскому шоссе к городу Яхрома Московской области. Как правило, днем отдыхали на снегу под елками на лапнике из веток, костров не разжигали – было запрещено. Идти пришлось с полной боевой выкладкой. Я на плече нес ручной пулемет Дегтярева, так как был первым номером. Второй номер нес две коробки с четырьмя дисками. Идти по снегу вдоль дороги, по которой непрерывно двигались грузовой автотранспорт и бронетехника, было очень тяжело, на ногах образовывались кровавые мозоли; некоторые солдаты спали на ходу. Через 5 км марша устраивали привал на 10 минут, все падали на снег, моментально засыпали и с трудом поднимались по громкой команде «Подъём!»

В конце ноября наша бригада заняла боевые позиции вдоль канала Москва – Волга. В первых числах декабря 1941 г. вступили в бои, которые носили упорный, ожесточенный характер. После освобождения Яхромы и других населенных пунктов на противоположном берегу канала продолжали наступление и освободили города Солнечногорск, Клин

Наша 1-я Ударная армия была из резерва Ставки Верховного Главнокомандования передана в состав Западного фронта, им командовал генерал армии Жуков Г.К. В двадцатых числах января 1943 г. наша армия была выведена из леса южнее города Клин опять в резерв Ставки и, после небольшого отдыха и пополнения личным составом и вооружением, передислоцирована на Северо-Западный фронт, которым командовал маршал Советского Союза Ворошилов К.Е.

Перед армией была поставлена задача: наступать, освободить город Старая Русса и содействовать уничтожению окруженной группировки немцев в районе города Демьянска. В бой мы вступили 2 февраля 1942 г. Бои шли непрерывно, днем и ночью, были ожесточенными и носили кровопролитный характер

Немцы яростно сопротивлялись, у них было преимущество в минометах, танках. В воздухе господствовала их авиация, но мы упорно пробивались к городу Старая Русса. Было голодно, холодно, морозы –25 –30 градусов. Но ненависть к фашистам нас подогревала и двигала вперед на врага.

Мое участие в этих боях было закончено 27 февраля 1942 г., когда в ночном бою за село Верхнее Раушево я был тяжело ранен осколком мины в левый бок и потерял сознание. Очнулся я примерно около 3-х часов ночи, когда незнакомый солдат из нашей 1-й роты, 1-го мотострелкового батальона бригады стал меня тащить по снежному полю, усеянному убитыми, в тыл под уклон к реке, откуда мы примерно в 1 час ночи пошли в атаку на село. Надо было по снегу проползти метров 500 под яркими вспышками немецких ракет и очередей автоматов и пулеметов трассирующими пулями. Скатив меня по крутому склону к

реке, где находился штаб 1-го батальона, солдат передал меня санинструктору батальона и, простившись со мной, ушел.

Я не знаю ни имени его, ни фамилии, ему было лет 35-40. Это он спас мне жизнь. Санинструктор сделал мне укол, наложил повязку и, уложив на волокушу (широкую короткую лыжу), которую тащила по снегу большая собака, сказал санитару быстрее доставить меня в медсанбат в 3 – 3,5 км от передовой, так как ранение было тяжелым и я потерял много крови.

Из медсанбата меня отвезли в армейский госпиталь, затем поездом в кригеровском вагоне, где были подвесные койки, в город Ярославль, а затем в город Новосибирск, где я пролежал на излечении до 15 августа 1942 г.

После выписки из госпиталя, который размещался в здании городской больницы на улице Красный проспект, дом 3, получил предписание прибыть в город Томск для прохождения учебы в 1-м Томском артиллерийском училище.

Окончил училище на «отлично» 20 апреля 1943 г., мне было присвоено звание лейтенант и вместе с другими офицерами в количестве 15 человек был откомандирован в город Коломну Московской области в резерв командующего артиллерией Красной Армии. В резерве находился 7-10 дней, а затем дал согласие на должность командира огневого взвода 45-мм орудий образца 1942 г. 1513-го истребительного противотанкового артполка, который формировался в деревне Карабчеево в 7-8 км от города Коломна на высоком берегу реки Оки.

Я был определен в третью батарею, командир батареи старший лейтенант Петров. В полк поступало пополнение, шла напряженная работа по сколачиванию и обучению расчетов орудий, взаимозаменяемости номеров расчета, подготовке командиров орудий, изучению материальной части и правил стрельбы по танкам. Часто проводились полевые учения со стрельбой. Занимались по 10-13 часов в сутки, и время летело быстро. Начальником штаба полка был назначен гвардии майор Зыль В.К., которого все офицеры уважали за профессионализм и отеческую заботу о подчиненных.

В середине июня 1943 г. полк прошел инспекторскую проверку комиссией, которую возглавлял командир 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса генерал-лейтенант Родин Г.С. По итогам проверки и боевых стрельб наш 1513-й истребительный противотанковый артполк был включен в состав 30-го Уральского добровольческого танкового корпуса, который вошел в состав 4-й танковой армии 26 июня 1943 г.

С этого времени и до 18 ноября 1943 г. я проходил службу в этом полку в должности командира 1-го огневого взвода 3-й батареи, а после гибели 20 июля 1943 г. командира батареи ст. лейтенанта Петрова был назначен командиром 3-й батареи. Командовал полком подполковник Торохов Вениамин Кузьмич, начальником штаба был гв. майор Зыль Василий Константинович, а замполитом полка – капитан Лепилкин А.А. Наш 1513-и истребительный противотанковый артполк вместе с другими подразделениями корпуса сосредоточился в лесу в 3 – 4 км от ст. Кубинка Московской железной дороги вдоль шоссе на город Наро-Фоминск.

18 июля 1943 г. наша 4-я танковая армия, которой командовал генерал-лейтенант танковых войск Баданов В.М., была направлена на усиление Западного фронта. Совершив 330 километроовый марш, войска армии 24 июля 1943 г. сосредоточились в районе города Козельска. Наш полк разместился в лесу, слева от дороги, ведущей в город. В ночь на 26 июля 1943 г. наш полк и другие части 4-й танковой армии, совершив 25-километровый марш, заняли исходное положение, а в 12 часов этого же дня перешли в наступление. Так началось мое участие в великой Курской битве.

Надо признать, что бои сразу приняли ожесточенный характер, учитывая сложный рельеф местности, наличие множества оврагов, балок, мелких рек и заболоченных низин. Стояла жара +25 +27°С, и прорывать оборону немцев, заранее подготовленную, было тяжело.

На земле шли непрерывные танковые сражения, интенсивно вели огонь реактивные установки «Катюши», орудия разных калибров, минометы. В воздухе постоянно завязывались воздушные бои наших истребителей с истребителями и бомбардировщиками немцев. Солнце скрывалось в дыму от многочисленных пожаров техники, разрывов бомб и снарядов; горели хлеба. В этом оглушительном хаосе, в условиях задымленности мы продолжали наступать.

Хотелось бы поделиться воспоминанием об одном запомнившемся бое за деревню Зуевскую, который произошел 7 августа 1943 г. После двух неудавшихся попыток пехоты занять деревню была предпринята новая атака. На этот раз ее поддерживала, кроме артиллерии и минометов, танковая рота. Я , командир 3-й батареи 1513-го истребительного противотанкового артполка, получил от начштаба полка гв. майора Зыля В.К. приказ явиться в расположение командира танковой роты и далее действовать согласно его указаниям.

Прибыв к командиру танковой роты в звании ст. лейтенант, я представился, он тепло со мной поздоровался и поставил задачу: в наступлении двигаться вслед за танками и огнем прямой наводки уничтожать

противотанковые орудия и замаскированные танки противника. Он особо обратил внимание, чтобы в ходе атаки на деревню орудия не отрывались от танков, держали дистанцию не более 50 м.

Вернувшись в расположение батареи, я собрал командиров взводов и орудий и довел до них поставленную перед батареей задачу. Кроме того, я отдал приказание орудия зарядить бронебойными снарядами и поставить на предохранитель, прицел установить «8» (то есть постоянный) по бронебойной шкале. Мной также были проинструктированы водители четырех «виллисов», которые транспортировали 45-мм орудия с боеприпасами.

Атака на деревню началась часов в 12 дня после короткой артподготовки. Вперед пошли, рассредоточившись, танки, за ними последовали орудия батареи на удалении 40-50 м. Высокая колосистая рожь сильно затрудняла наше движение за танками. Подпустив танки на расстояние 300-400 метров к северной окраине деревни, немцы открыли сильный огонь изо всех видов оружия и обнаруживших себя противотанковых 75-мм пушек.

Несколько наших танков было подбито, и они загорелись. Оставшиеся танки, ведя огонь, стали маневрировать и все больше удалялись от орудий батареи. Орудия батареи в ходе атаки оказались на расстоянии 250-300 м от северной окраины деревни и сразу же открыли огонь по выявленным противотанковым орудиям, минометной батарее и четырем средним танкам, которые перемещались по огородам за домами.

Под колесами орудий и сошниками станин мы успели откопать неглубокие канавки для низкой посадки пушек и, кроме того, откинули верхнюю часть щитка у орудий, что сделало нас менее заметными. Я передал через связного командиру 2-го огневого взвода л-ту Шевцову П.А., чтобы он сосредоточил огонь 3-го и 4-го орудий по минометной батарее, которая вела по нам сильный огонь, а сам руководил огнем 1-го и 2-го орудий по танкам и противотанковым 75-мм орудиям немцев.

От разрывов мин и снарядов загорелась рожь на пологом скате высоты, обращенном в сторону немцев. Пламя приближалось к орудиям батареи, дым затруднял наблюдение и управление огнем. В это время немецкая пехота при поддержке танков пошла в контратаку. Создалась прямая угроза захвата батареи. Я приказал при подходе немцев к орудиям на расстояние 50-60 м открыть огонь картечью, что и было сделано.

Оставив на поле боя свыше 40 убитых, не считая тяжело раненных, немцы отступили на окраину деревни. Наша пехота при поддержке четырех танков и под прикрытием дымовой завесы ворвалась в деревню и сломила сопротивление фашистов. В этом бою артиллеристы 3-й батареи уничтожили два средних танка, три штурмовых орудия, четыре миномета и свыше 60 солдат противника.

В этом бою мужественно сражались командир 2-го огневого взвода л-т Шевцов П.А., наводчик 1-го орудия мл. сержант Михайличенко Г.В., командир 2-го орудия сержант Калиниченко Н.И. и другие. Батарея также понесла тяжелые потери: смертью храбрых погибли вместе с расчетами командиры орудий сержант Косолап С.С. и ефрейтор Мескотлинов Н.И.

Оставшиеся в живых солдаты 1-го взвода получили тяжелые ранения. Погибли два водителя, сгорели два автомобиля «виллис». В этом бою я получил контузию средней тяжести. За этот бой я был награжден приказом по корпусу орденом Красной Звезды № 247467, который вручил мне вскоре командир 1513-го истребительного противотанкового артполка подполковник Торохов В.К. Были награждены различными орденами и медалями и другие бойцы и командиры, многие из них посмертно.

21 августа 1943 г. по приказу командующего Брянским фронтом 4-я танковая армия была выведена в резерв и расположилась в Брянских лесах вблизи города Карачева. Наш 1513-й истребительный противотанковый артполк располагался в лесу у станции Белые Берега, справа от дороги, идущей из г. Карачева в г. Брянск. 26 октября стало известно, что приказом Наркома Обороны 30-й танковый корпус преобразован в гвардейский и стал именоваться 10-м гвардейским Уральским добровольческим танковым корпусом. Все его соединения и части также были преобразованы в гвардейские. Так, наш 1513-й истребительный противотанковый артполк стал именоваться 357-м гвардейским истребительным противотанковым артполком, а 18 ноября 1943 г. в торжественной обстановке командиру полка подполковнику Торохову В.К. было вручено гвардейское знамя.

20 ноября 1943 г. я был откомандирован в распоряжение управления кадров командующего артиллерией Красной Армии. Прибыв в г. Москву 23 ноября, я в тот же день получил в управлении кадров предписание явиться в распоряжение командующего артиллерией 5-го мехкорпуса, который располагался за станцией Кубинка в лесу по дороге на город Наро-Фоминск.

Мне эти места были хорошо знакомы, так как здесь располагался наш 1513-й ИПТАП и другие части 4-й танковой армии в июне 1943 перед отправкой на фронт. По прибытии в 5-й мехкорпус я получил назначение на должность командира истребительной противотанковой батареи 45-мм пушек образца 1942 г. 1-го мотострелкового батальона 2-й механизированной бригады. Все, как говорится, возвращалось на

круги своя. 31 декабря 1944 г. 5-й мехкорпус по тревоге отбыл на погрузку в железнодорожный эшелон, который следовал на Украину. С 1-го по 12-е января 1944 г. корпус спешно был переброшен по железной дороге.

Выгружался на участке г. Фастов – Казатин, ст. Попельня. Наша 2-я бригада после разгрузки совершила пеший марш до г. Сквира, а потом сосредоточилась в районе 60 км северо-восточнее г. Белая Церковь. 20 января 1944 г. наш 5-й мехкорпус по решению Ставки Верховного Главнокомандующего включается в состав вновь созданной 6-й танковой армии, командовать которой назначен генерал-лейтенант танковых войск А.Г. Кравченко.

5-м мехкорпусом командовал генерал-лейтенант танковых войск Волков М.В. 26 января 1944 г. 6-я танковая армия после 40-минутной артподготовки перешла в наступление вместе с другими соединениями 1-го Украинского фронта с задачей овладеть городом Звенигородка и вместе с частями 2-го Украинского фронта замкнуть окружение корсунь-шевченковской группировки немцев и уничтожить ее. Эта задача, в условиях ранней весны и сильнейшей распутицы, была выполнена.

В дальнейшем, в составе 5-го мехкорпуса 6 ТА 2-го Украинского фронта принимал участие в боях по освобождению Правобережной Украины, Молдавии, в Ясско-Кишеневской операции, освобождении Румынии, Венгрии, Австрии, Чехословакии. Непосредственно участвовал в боях за взятие таких городов, как Бельцы, Сороки, Яссы, Бырлад, Текуч, Бакэу, Буззу, Рымник, Фокшаны, Урзичени, Будапешт, Секешфехервар, Веспрем, Мор, Эстергом, Винер-Нейштадт, Вена, Брно, Прага и других, которые долго перечислять.

В составе 6-й гвардейской танковой армии после перебазирования ее на восток с запада в июне-июле 1945 г. принимал участие в разгроме Квантунской армии Японии в составе Забайкальского фронта. Войну закончил в 30-й гв. механизированной Днестровско-Хинганской орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого бригаде 9-го гв. механизированного Краснознаменного Днестровско-Рымниковского ордена Кутузова корпуса 6-й гв. Краснознаменной ордена Ленина танковой Армии 30 августа 1945 г. в районах Мукдена, Фусина, Дайрена.

Приказом МВО № 04831 от 28 августа 1946 г. по ст. 43 (по болезни) уволен в запас Советской Армии.

По прибытии в Москву поступил без экзаменов в Московский автодорожный институт им В.М.Молотова, а с 3-го курса был переведен в Московский инженерно-экономический институт им. С.Орджоникидзе, который окончил с отличием в 1951 г.

По распределению был направлен на работу в органы МГБ СССР, где мне после призыва из запаса было восстановлено звание ст. лейтенант. В органах МГБ я прослужил до сентября 1953 г., а затем откомандирован в распоряжение Министерства среднего машиностроения СССР, где на разных должностях прослужил до февраля 1958 г.

В феврале 1958 г. был назначен на должность начальника автобазы в/ч 52025, которая входила в состав 12-го ГУМО СССР. В этой должности я прослужил до января 1962 г., а затем был откомандирован в распоряжение начальника Главного инженерного управления РВСН.

В июле 1963 года был переведен в войсковую часть 41465, где прослужил до июля 1970 г. В июле 1970 г. был назначен старшим офицером отдела Главного управления космических средств, где прослужил до 10 октября 1973 года вплоть до увольнения в запас по ст. 59 п. «б» (по болезни) с правом ношения военной формы в звании подполковника.

После увольнения в запас продолжал трудиться в п/о «Мострансгаз» Мингазпрома СССР до июня 1990 г., а затем по болезни оставил работу. В настоящее время оставшиеся силы отдаю общественной работе в ветеранской организации и веду патриотическое воспитание школьников, учащихся профтехучилищ и др.

За период боевых действий на разных фронтах получил следующие ранения.

- Тяжелое. 27 февраля 1942 г. – проникающее ранение осколком мины левой стороны грудной клетки с повреждением левого легкого и трех ребер при взятии д. Верхнее Раушево, Северо-Западный фронт.
- Легкое. 20 июля 1944 г. в бою за г. Алба-Юлия (Румыния) был ранен в правое бедро без повреждения кости.
- Легкое. В середине сентября 1944 г. был ранен пулей (касательно) в левую сторону живота при взятии города Турда (Венгрия).
- Тяжелое. 1 мая 1945 г. при взятии г. Вишков (Чехословакия) был ранен пулей в левую руку с повреждением кости.

За боевые отличия награжден следующими наградами:

- орден Красной Звезды17 августа 1943 г. № 247467 за взятие д. Зуевской южнее Болхов,
- орден Красной Звезды 4 апреля 1944 г. за форсирование р. Прут и захват плацдарма № 703804,
- орден Отечественной войны 1-й степени в ознаменование 40-й годовщины победы над Германией,
- орден «Знак почета» 22 февраля 1967 г. № 589637 Указом ВС за освоение сложной боевой техники.

- Медалями: «За оборону Москвы», «За взятие Будапешта», «За взятие Вены», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «За победу над Японией», «25 лет Освобождения Румынии», «30 лет победы над Японией» (монгольская), «60 лет битвы за Москву», «100 лет Г. К. Жукова», «50 лет освобождения Украины», «40 лет Ю.А.Гагарина» еще 17 юбилейных медалей.

В июне 1943 г. я был принят в члены КПСС. В настоящее время – член КПРФ. Своих политических и идеологических убеждений не менял, как некоторые коньюнктурщики и ренегаты. Я давал присягу под Красным Знаменем своей Родине – СССР и буду ей верен до конца.

Весной 1944 г. и в феврале 1945 г. дважды отказался от предложения командования поехать в г. Москву на учебу в Артиллерийскую академию им. Ф.Э. Дзержинского.

Соседи всегда удивлялись, как повезло нашей семье, и моей матери особенно: в армии были три ее сына Владимир,1920 г. рождения, – с 1939 г. по 1947 г., Александр, 1923 г. рождения – с 1941 г. по 1946 г., Василий 1925 г. рождения,– с 1942 г. по 1945 г. и муж Василий, 1896 г. рождения, с 1943 г. по 1945 г.Все вернулись живыми с фронта, хотя у них были и ранения, и контузии. Из всей семьи в живых остался теперь только я и, хотя здоровье мое сильно подорвано, держу оборону на последнем огневом рубеже до последнего, так как отступать не в моих правилах. В 1995 и 2000 гг. был участником парадов Победы в Москве на Красной площади, а также участвовал в параде 7 ноября 2001 года, посвященном 60-летию разгрома немецких войск под Москвой.

Январь 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Рюмина Марина Николаевна***, студентка 2-го курса профессионального училища №5.

Рогов Сергей Павлович

МОСТ НЕМНОГО ДРОЖАЛ

Я, участник Великой Отечественной войны, родился 20 июля 1922 года в посёлке Лукьяново, Вологородского района, Вологодской области. Был обычным русским парнем. В мае 1941 года окончил 10 классов средней школы в г. Вологда и, как все, ничего не подозревал о наступающей беде. О начале войны, как и большинство жителей нашей страны, я узнал по радио в июле этого же года, сразу после её объявления правительством.

22 июля 1941 года был призван военкоматом города. Вологда в ряды Красной армии и направлен на учёбу в Борисовское военно-инженерное училище, г. Архангельск. В январе 1942 года закончил вышеназванное училище в звании младшего лейтенанта. После выпуска, по распределению, был направлен в 13 Запасной Инженерный полк, г. Мцхета, Закавказского военного округа, где с 12 января по 3 марта 1942 года служил в должности командира сапёрного взвода.

2 марта 1942 года вместе с личным составом взвода. который я обучал сапёрному делу, был направлен в 30 инженерный батальон 3 армии Брянского фронта.

Будучи командиром саперного взвода 30 инженерного батальона, 3 армии, Брянского фронта, я получил задачу от командира батальона построить мост для пропуска боевой техники через небольшую речку шириной 15 метров.

Перед началом работ личным составом взвода был заготовлен в ближайшем лесу лесоматериал для изготовления свай, прогонов, настила.

Перед тем как непосредственно строить мост, я решил солдатам взвода практически показать, как и в училище меня учили, как делать правильно сваи, прогоны и другие детали моста, так как от этого зависит прочность моста. Построил солдат в две шеренги. Взял в руки топор и стал им показывать, как нужно правильно заострить сваю. Смотрю, в первой шеренге ухмыляется солдат Садыков. Я его и спрашиваю: «В чем дело, Садыков?» Он мне и отвечает: «Извините нас, товарищ младший лейтенант. Вы скажите, что делать, а как сделать, мы сообразим». Я поблагодарил «за подсказку» и не стал дальше показывать. И для меня это было большим уроком, так как все солдаты взвода были с большим жизненным опытом, 1906-1907 годов рождения, а мне всего было 19 лет я был сын для них, а решил их учить! В дальнейшем таких промахов не делал.

31 августа 1942 года я получил очередное звание лейтенанта. С этого года и до конца войны в боях в составе Брянского, Сталинградского и 1-го Украинского фронтов в должности командира сапёрного взвода.

В августе 1942 года после неудачного наступления танкового полка, так как местность немцами была заминирована, мне было приказано с личным составом взвода сделать проходы в минных полях. Танкисты посадили нас на танки, и мы поехали с ними. Наступать предстояло по полям, засеянным пшеницей. При подъезде к пшеничному полю командир танкового взвода, на танке которого я сидел, застучал по броне танка и кричит: «Сапёры, впереди мины!» Мы быстро соскочили с танков и приступили к разминированию. Танкисты, высадив нас, на месте не стояли, а маневрировали вдоль фронта, чтобы не попасть под прицельный огонь противника.

При обнаружении и снятии первых мин я сразу же догадался, что немцы применили хитрую тактику, они поставили не сплошные минные поля, а только по колеям ранее проходивших по пшеничному полю танков. Это мне помогло быстро справиться с поставленной задачей. Сделали мы несколько проходов, обозначили их, и танки пошли в наступление.

Всего за эту операцию я со взводом снял более 450 мин. Выполнив задачу, я решил вернуться на командный пункт танкового полка, который размещался в близлежащей деревне, и доложить начальнику штаба полка о выполнении задачи. И не успели мы сделать несколько шагов назад в сторону деревни, как нас остановили солдаты из заградотряда за кричали в нам адрес: «Вперёд, ни шагу назад!» Мне быстро удалось им доказать, что мы сапёры, выполнили поставленную перед нами задачу и возвращаемся на командный пункт танкового полка, чтобы доложить о выполнении задачи. Они нас пропустили.

Когда я доложил начальнику штаба полка о том, сколько мы сделали проходов и сколько сняли мин, то он удивился и сказал мне: «Подожди немного, я сейчас напишу благодарственное письмо, а ты передашь его командиру части». Он быстро его написал, передал его мне, пожал нам всем руки и сказал: «Можете идти в свою часть».

Когда я передал письмо командиру батальона, то он, прочитав его, сказал одно слово: «Молодцы». За эту операцию мы все были награждены, и 16 августа 1942 года солдатам вручили медаль «За отвагу», а я получил медаль «За боевые заслуги». 5 апреля 1943 года я был ранен осколком снаряда в ягодицу и направлен в санитарном эшелоне на лечение в эвакогоспиталь №4408, г. Чкалов (Оренбург). Пробыл на лечении до 18 июня 1943 года. При выписке из госпиталя получил по состоянию здоровья отпуск на 30 дней и уехал домой.

16 июля 1943 года военкоматом г. Вологда, где я стоял на учёте, был снова призван в армию и направлен на должность командира сапёрного взвода в 88 мото-инженерный батальон ЧТА на 1-й Украинский фронт. В августе 1944 года, на базе 1-й роты 88 мотоинженерного батальона, был сформирован 63 мотоинженерный батальон, входящий в состав 20 мотоинженерной бригады, 1-го Украинского фронта. В новом батальоне я получил должность командира сапёрной роты. Участвовал в боях под городом Ржев. В июле 1943 года батальон выполнил боевые задачи по инженерному обеспечению 4-й танковой армии на Орловском направлении, в районе города Карачев.

В марте 1944 года участвовал в боях за освобождение города Каменец-Подольский. Бои за освобождение города Каменец-Подольский начались 25 марта. Перед боями батальон получил новое пополнение, преимущественно из числа молодежи 1926 года рождения. Среди них было много украинцев, которые длительное время находились на оккупированной территории.

В ночь перед наступлением на Каменец-Подольский, до всего личного состава батальона был доведен приказ Верховного Главнокомандующего от 24 марта , в котором объявлялась благодарность войскам Первого Украинского фронта за прорыв вражеской обороны на участке Тернополь-Проскуров. Среди отличившихся была и четвертая танковая армия, освободившая города Чертков-Гусятин. Двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий салютовала героям Москва.

Наступление на Каменец-Подольский началось в 17 часов 25 марта 1944 года. К утру 26 марта г.Каменец-Подольский был полностью очищен от врага. В этом бою молодое пополнение получило первое свое боевое крещение. Они расчищали дороги и мосты от мин, прокладывая путь танкистам и мотострелкам. Многие воины в боях за освобож-

дение города проявили храбрость и боевое мастерство. Личным составом батальона было захвачено много боевой техники и пленных.

Но враг не смирился с потерей такого важного города, как Каменец-Подольский, и стремился любой ценой выбить наши войска из города. Это и понятно. Через город проходила единственная мощеная дорога, ведущая на запад. С 28 марта по 2 апреля 1944 года шли ожесточенные бои не на жизнь, а на смерть. Батальон оборонял города Оринино и Жердья. В течение пяти дней длилось кровопролитное сражение за эти населенные пункты. Хотя враг имел здесь десятикратный численный перевес, особенно по танкам, ему не удалось овладеть ни Оринино, ни Жердья и единственная шоссейная дорога, ведущая на запад, была удержана. Трижды врывались фашисты в местечко Оринино, каждый раз дело доходило до рукопашной схватки. Неприятель оставил горы трупов своих солдат и офицеров, отходя назад. Несмотря на многократное превосходство противника в живой силе и технике, благодаря мужеству и стойкости, батальон удержал город Каменец-Подольский в своих руках до конца. За мужество, храбрость и стойкость, проявленную при освобождении города, батальон получил название «Каменец-Подольский».

В августе 1944 года, будучи командиром сапёрной роты 63 мотоинженерного батальона, я получил боевую задачу – срочно построить с личным составом роты мост из подручных материалов через речку для пропуска танков и другой боевой техники. Ширина речки по зеркалу воды была около 20 метров. В ближайшем лесу мне быстро удалось заготовить необходимое количество лесоматериала для строительства моста и подвезти к месту строительства. Солдаты роты строили мост днём и ночью, меняясь друг с другом на отдых. Строительство моста заняло времени двое суток. На вторые сутки к вечеру подъезжает к мосту танковая колонна, численностью до 20 танков. Впереди танковой колонны на легковой автомашине подъехал командующий ЧТА генерал-полковник Лелюшенко. Вышел из машины и спрашивает: «Кто здесь старший?» Я быстро подбежал к нему и доложил: «Командир сапёрной роты старший лейтенант Рогов». Он и спрашивает меня: «Мост готов к пропуску танков?» Я доложил, что мост готов. Тогда он и говорит мне: «Становись впереди головного танка и иди перед ним через мост». Я быстро подбежал к стоящему перед мостом танку и попросил, механика-водителя, чтобы он двигался по мосту только по прямой линии и никаких поворотов в движении по мосту не делал. Он кивнул мне головой, что меня понял. Я встал перед танком лицом к механику-водителю и подал знак, чтобы он начал двигаться, он включил первую передачу и двинулся на мост. Я шёл задом впереди танка. Мост немного дрожал, но танк благополучно переехал через него на противоположный берег.

Когда танк остановился, командующий махнул мне рукой, чтобы я подошел к нему. Я быстро подбежал. Он вынул из кармана часы и вручил их мне, сказав при этом: «Это тебе за быстроту и качество строительства моста». Затем сел в машину и сказал мне: «Пропускай танки через мост». А сам поехал вперёд. Я так был взволнован, что у меня дрожали руки и ноги, и только тогда успокоился, когда пропустили через мост все танки. Часы, подаренные мне Лелюшенко, сохранены и сейчас.

Гитлеровское командование в обращениях к своим солдатам писало: «У тебя нет сердца и нервов, на войне они не нужны. Уничтожь в себе жалость и сострадание, убивай всякого русского, советского, не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девочка или мальчик, – убивай!» Фашистская армия принесла нашему народу много горя, совершила много зверств на нашей территории. Никогда не забудут народы всей планеты кровавых преступлений фашистов!

29 сентября 1944 года я получил очередное воинское звание – старший лейтенант. Мой боевой путь был велик. Я участвовал в боевых действиях ЧТА в должности командира сапёрной роты 63-го отдельного мотоинженерного батальона на Сандомирском плацдарме, Висло-Одерской операции, Верхнесилезской наступательной операции, в разгроме Опельской группировки противника. Закончил войну в 1945 году в городе Балатон (Венгрия) в звании старший лейтенант, командиром сапёрной роты 32-го инженерного батальона 3-й инженерной сапёрной бригады.

После окончания ВОВ и до 1950 года служил в составе оккупационных войск в Германии, Венгрии в должности командира сапёрной роты. В 1954 году сдал экзамены и был зачислен слушателем в Военно-инженерную академию имени Куйбышева. Академию окончил в 1959 году, получив специальность военного инженера.

С 1961 по 1963 года проходил службу в районах Крайнего Севера, на Новой Земле в должности дивизионного инженера 4 дивизии ПВО.

29 декабря 1962 года получил назначение на должность старшего офицера местной обороны Главного штаба ПВО страны. С 22 апреля 1965 года получил должность заместителя начальника инженерной службы ПВО страны. волен в запас в звании полковник 4 декабря 1978 года по статье 59 пункт «Б» (по состоянию здоровья).

Награждён орденами:

- Отечественной войны I степени от 20.02.45 г. приказа ЧТА №058/н;
- Красного Знамени от 15.05.45 г. приказа ЧТА № 0183/н;

- Красной Звезды от 30.12.56 г.;
- За службу Родине в ВС, СССР II степени от 11.03.75 г.;
- Отечественной войны II степени от 11.03.85 г.

и медалями:

- «За боевые заслуги» от 16.08.42г. приказа 38 Ар. № 07/н;
- «За победу над Германией» в ВОВ 1941-1945 гг. от 29.09.45 г.;
- «За освобождение Варшавы» от 13.06.46 г.;
- «За освобождение Праги» от 16.11.46 г.;
- «За взятие Берлина» от 06.11.48 г.;
- В ознаменование 30-летия СА и флота 1918-1948гг. от 19.10.49 г.;
- «За боевые заслуги» от 30.04.54г.;
- В ознаменование 40-летия Вооруженных Сил 1918-1958 гг. от 10.05.58 г.;
- «За безупречную службу» I степени от 17.01.62 г.;
- «20 лет победы в ВОВ» 1941-1945гг. от 10.10.65 г.;
- «50 лет ВС» от 03.02.68 г.;
- «За воинскую доблесть». В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина от 20.04.70 г.;
- Нагрудный знак «25 лет победы в ВОВ» от 24.04 70 г.;
- «25 лет победы в ВОВ» 1941-1945гг. от 09.05.70 г.;
- «30 лет победы в ВОВ» 1941-1945гг. от 05.05.75 г.;
- Чехословацкая медаль 1970 г.;
- «60 лет ВС» от 20.02.78 г.;
- «Ветеран ВС СССР» от 04.11.78 г.;
- «40 лет победы в ВОВ» 1941-1945гг. от 07.05.85 г.;
- «70 лет ВС СССР» от 28.01.88 г.;
- Медаль Жукова от 09.05.96 г.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Корев Максим Николаевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Рубб Александр Арапович

Я БЫЛ ПОХОРОНЕН

Я, Рубб Александр Арапович, тогда жил на Большой Садовой это около площади Маяковского. Первое сообщение о бомбежке немцами Минска и других городов я не слышал. Оно прозвучало в 6 часов утра, а вот более позднее сообщение и выступление Молотова я прослушал, стоя у репродуктора на кухне (жили мы тогда, как большинство москвичей, в коммуналке), крася зубным порошком парусиновые туфли, собираясь провести с однокурсниками выходной день. Я тогда учился на 3-м курсе Московского городского театрального училища (МГТУ) и еще был актером переменного состава театра Революции (был в Москве такой театр.) Конечно, никто из нас не ожидал, что может начаться война с Германией. Тем более, что у Советского Союза был договор с ней. Но она началась на рассвете в воскресенье 22 июня 1941 года. Первая мысль что же теперь будет? Ну, конечно, я сразу побежал в училище, которое находилось на улице Герцена, около Никитских ворот. Несмотря на ранний час, маленький зал училища был битком набит студентами и преподавателями. Правда, студентов в училище на всех четырех курсах было всего около 60 человек. Уж больно большой был конкурс, мест было мало. Отсев был громадный. Кстати, вплоть до 3-го курса могли за профнепригодность отчислить. На первый курс вместе со мной было зачислено 20 человек, а осталось на 3-м курсе всего 11. У нас тогда преподавателей было больше, чем студентов.

Стихийно возник митинг. Мы, мальчишки, конечно, хотели идти на фронт. Я даже начал составлять списки добровольцев, чтобы отнести его в Краснопресненский райком комсомола. (Я тогда был секретарем комсомольской организации училища.) Но вскоре, где-то в конце июня, нас всех, мальчишек и девчонок, отправили строить оборонительные укрепления. Привезли нас куда-то под Жиздру, копать противотанковые рвы. Честно признаться, мы тогда не очень понимали всей серьезности произошедшего. Мы были молоды, веселы, беспечны. Мы были уверены, что война вот-вот должна закончиться. Ведь это мы пели: «Наш бронепоезд стоит на запасном пути», «Нам чужой земли не надо, но и своей не отдадим ни пяди». Увы! Действительность оказалась гораздо суровее.

Ночью с 22-го на 23 июля мы сначала услышали, а потом увидели, как небо над нами (мы тогда еще были под Жиздрой) почернело от летящих в сторону Москвы самолетов. Через какое-то время самолеты появились опять. Но теперь они как-то беспорядочно, сбрасывая где попало бомбы, большей частью одиночками проносились над нами в сторону границы. Так мы стали свидетелями первой бомбежки немцами Москвы.

В середине, а может быть, в конце сентября, когда немцы вплотную приблизились к Москве, нас вернули в училище. Но к этому времени приказом по Управлению культуры Мосгорисполкома оно было закрыто. И все же мы добились, что приказ этот был отменен. Все оставшиеся в Москве преподаватели отказались получать зарплату, а все студенты стали исполнять самые разные технические должности. Училище, оставшееся единственным театральным заведением в Москве, объявило набор новых студентов. Надо сказать, если бы не вмешательство в судьбу училища известного полярника, одного из первых Героев Советского Союза Ивана Дмитриевича Папанина, вряд ли приказ о закрытии училища был бы отменен.

Вообще же о нашем легендарном театральном училище единственном в первые два года войны действующим театром в Москве – можно рассказывать много и долго. Но не о нем же наш разговор, а о войне.

Осень 41-го выдалась очень холодной. Немцы бомбили Москву теперь уже каждый день, практически как по расписанию, с присущей им аккуратностью, в одно и то же время Как правило, многие москвичи во время воздушных тревог спускались в метро, которое в эти часы и ночью превращалось в бомбоубежище. Помню, как-то один раз, когда я все-таки спустился на станцию Маяковская (вообще-то мы дежурили по ночам на крыше театра, гася и сбрасывая с нее зажигалки), меня поразило спокойствие москвичей. По бокам платформы справа и слева стояли метросоставы, куда размещали спустившихся вниз больных,

стариков и женщин с детьми. Все остальные проходили в глубь туннелей, в которых пространство между рельсами и с их боков было закрыто деревянными щитами. Вот на этих-то щитах, кроме лежащих между рельсами, по которым можно было ходить, и располагались люди до конца бомбежки.

К началу октября, когда немцы стояли уже под Москвой, воздушная тревога объявлялась по несколько раз за день. И надо сказать, что до первых дней октября никакого намека на панику среди москвичей не было. Да, мы знали, что большинство заводов к этому времени было эвакуировано в Сибирь, что некоторые правительственные учреждения и наркоматы переехали в Куйбышев, что из города эвакуируют детей и стариков. Но при всем этом, хоть и воспринималось оно с огромной болью, теплилась какая-то надежда, что вот-вот все изменится. Но вот в 10-х числах октября по Москве разнесся слух, что не сегодня-завтра в город войдут немцы, что многие начальники, спасая свои шкуры, бегут из Москвы, что город будет снесен с лица земли и т.д. и т.п. Иначе, мол, не объявляли бы Москву на осадном положении

А 16 октября началась в городе паника. Было ранее утро, когда я вышел на улицу. Вся площадь была усеяна обрывками каких-то бумаг, огромных пустых коробок из-под папирос, которые ветер гнал по мостовой. Двери магазина на углу были раскрыты настежь, обнажая зияющие пустотой полки. Только почему-то в рыбном отделе полки снизу доверху были уставлены консервами «Крабы».

Напротив театра Революции, во дворе которого было наше училище, находился Хлынов переулок. Там в одном из домов располагался призывной пункт. Я, живя уже один, никого не предупредив из близких, встал в очередь, и через час-полтора уже был зачислен добровольцем. Тут же я отпросился на несколько минут в училище, чтобы отдать кому-нибудь печать комитета комсомола А уже вечером мы все, записавшиеся и призванные, протопали строем на Казанский вокзал.. А потом мне было сказано, что меня зачислили курсантом Подольского военно-пехотного училища. Таким образом, моя военная карьера началась 16 октября 1941 года. Через несколько дней в составе училища мы были уже на передовой.

Конец октября был очень морозным. Шинели и фуражки не очень-то спасали от холода. Рядом с нами оборону держали курсанты Подольского артиллерийского училища и курсанты училища Верховного Совета. Но почему-то в последнее время, говоря об обороне Москвы, о нем не упоминают. Правда, может быть, я что-то путаю. Но тогда мы считали так. Как говорится, мы цеплялись за каждый клочочек земли. Много курсантов погибло. Вскоре после Ноябрьских праздников,

в одну из редких минут относительного затишья (я тогда был пулеметчиком, первым номером), меня кто-то со словами:«А ну подвинься» - толкает в бок. Поглядел – вижу человека в теплом полушубке. Так «сталинских юнкеров» (так назвали нас в своих листовках немцы) сменили сибиряки.

Нас же, оставшихся в живых, отвели в город Иваново, где в помещении Ивановского химико-технологического института и разместилось училище. Нас немного подучили и к Новому году присвоили звание «лейтенант» или, как мы тогда говорили, «повесили по два кубаря». После выпуска меня и еще двух моих товарищей оставили в училище командирами взводов. После того как прошел выпуск наших подопечных, нашу просьбу об отправке на фронт удовлетворили, и мы все сначала попали в резерв в городе Владимире, где в это время формировался 25 танковый корпус. Там мы все трое были назначены в 175 танковую бригаду сначала замком ротами, а потом командирами рот мотострелкового батальона. С этой бригадой я дошел до Орловско-Курской дуги. В бой мы вступили сразу после сражения под Прохоровкой. Никогда не забуду этой страшной картины – сотни, если не тысячи сгоревших танков и обгоревших трупов. Вступили мы в бой в Волховском районе Орловской области, но не очень удачно: немцы нас остановили. Я получил приказ отправиться во главе взвода разведки на трех тридцать четверках провести так называемую «разведку боем», а попросту совершить бросок в сторону немецкой передовой у деревни Дворики и вызвать огонь на себя, чтобы засечь огневые точки немцев. Что мы поближе к ночи и сделали, правда потеряв одну машину. На рассвете, а рассветало тогда очень рано, ночи-то были очень короткими, возвращаясь обратно и пересекая передний край немцев, я вдруг увидел, что по очень глубокой канаве, тянущейся от меня справа, во главе с одним из командиров взводов в сторону передовой немцев перебегает моя рота. Не замечая, что по такой же глубокой канаве, но с другой стороны дороги, навстречу им, как видно, обнаружив моих, перебегает несколько немцев, которые стремятся как можно быстрее добраться до мостика, чтобы, нырнув под него, оказаться в тылу моих ребят и запросто расстрелять всю роту. Не раздумывая о последствиях (это потом, уже в госпитале, я сообразил, что не имел права прыгать, а должен был доложить о результатах разведки сам; но меня утешило, что планшет с пометками я оставил старшине), я спрыгнул с машины, чтобы спасти роту, прикрыв ее отход через овсяное поле, к лесу. Рота почти вся перебралась, а вот за мной началась охота. Правда, я довольно прилично стрелял, и мне удалось избавиться от них. Но и для меня это тоже не прошло даром – под конец поединка с немцами две разрывные пули в лопатки я получил. К счастью, сознания я не потерял и сумел заползти в воронку от снаряда или бомбы. Сейчас я уже точно не помню. Вот так незамеченным я оказался на передовой у немцев. Все это произошло 17 июля. А на рассвете 18 июля, попав под свои же «катюши», я услышал: «Вперед!» С соответствующими дальше словами.

Вскоре над воронкой показалась голова нашего солдата, который, после краткого обмена отнюдь не литературными словами, помог мне выкарабкаться из воронки. Он побежал дальше, а я заковылял в другую сторону и вскоре оказался у минометчиков, которые помогли мне добраться до медсанбата, на пороге которого, как мне потом сказали, я потерял сознание. Очнулся я на операционном столе. Черт возьми, как устроен человек? До сих пор помню, что лежал я на животе и что, обхватив мою голову, одна из сидящих около меня сестричек все время приговаривала: «Ты же десантник. Ты кричать не будешь!» Мне она показалась тогда такой красивой, а может быть именно такой она и была, что слезы лились градом, но я старался изо всех сил, чтобы не закричать. Резали-то, вынимая осколки пули, по живому. Потом полгода госпитали. Получив 2-ю группу и став инвалидом Отечественной войны, я вернулся в Москву. Так завершилась моя военная карьера. В 1945 году я закончил театральное училище, из которого ушел на войну. Работал актером. Потом закончил в 1952 году режиссерский факультет ГИТИСа. Собственно театру я отдал уже более 60 лет. Теперь я профессор, заслуженный деятель искусств Российской Федерации.

Мне остается добавить: лет двадцать или двадцать пять тому назад меня нашли красные следопыты села Вязового Волховского района Орловской области, где я, по имеющимся у них сведениям, похоронен и где по этому поводу до сих пор стоит даже памятник.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Белоусов Федор Анатольевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Рунов Борис Александрович

СОПРОТИВЛЕНИЕ БЕСПОЛЕЗНО, ВЫ БУДЕТЕ УНИЧТОЖЕНЫ

Родился 24 мая 1925 года в поселке Жуковка г.Ногинска Московской области. Когда началась война, в нашей семье, как и в многих других, жизнь изменилась. Я с детства был приучен к работе. Моя мать не могла меня видеть без дела – сразу находила мне работу по дому. А ее хватало – это и огород, уход за животными и курами, заготовка дров, поход за грибами, заготовка на зиму различных солений. В ранние годы научился у деда сапожному ремеслу. Отец работал до войны в Ногинске в горфинотделе. Накануне Великой Отечественной войны его выбрали председателем отстающего колхоза в соседней деревне.

Когда началась война, отец отказался от брони, добровольцем ушел на фронт. У матери нас осталось четверо, и я был старший. Ремонтировал обувь не только для семьи, но и для жителей поселка, зарабатывая на хлеб. 16-летним пошел работать на военный завод. Вдвоем с напарником таскали 100-килограммовые ящики со снарядами. Целый год работал по 12 часов в день, затем устроился в «Мосэнерго» монтером на воздушных линиях. Приходилось много лазить по столбам, научился не бояться высоты, что впоследствии пригодилось. Военно-инженерное училище в г.Болшево, которое я окончил после призыва в армию в 1943 г.; научило меня многому. Усвоил главную заповедь: сапер ошибается только один раз в жизни.

Потом, в бою не раз я попадал в такие условия, когда жизнь висела на волоске, и всегда выручали отличная выучка, точный расчет и выдержка, умение до мельчайших тонкостей разбираться не только в наших минах, но и в немецких.

Воевать пришлось сравнительно недолго. Боевое крещение, как командир саперного взвода, получил в 1944 году на Сандомирском плацдарме. В конце войны наши войска непрерывно наступали, поэтому саперам приходилось обезвреживать мины, проделывать проходы для атакующей пехоты и танков, давать возможность передовым группам, разведчикам преодолевать минные и проволочные заграждения.

После месячного пребывания на фронте меня тяжело ранило. Выпущенный из немецкого танка снаряд разорвался поблизости, осколок разбил бедренную кость правой ноги. Около трех месяцев лечился в госпитале в Киеве.

Из госпиталя вернулся на фронт. Прибыл на 1-й Украинский фронт, в 3-ю инженерную бригаду на должность командира саперного взвода. Бригада обеспечивала продвижение 4-й танковой армии на запад. Наступать приходилось по заминированным дорогам. Серьезной преградой служили реки, а в Польше и Германии их много. Работы саперам хватало. Шли с танками через Польшу, вступили на землю Германии, часто под огнем противника строили мосты через реки Одер, Нейсе, Бобер, Шпрее, Эльбу. Реки широкие, полноводные, и форсировали некоторые из них накануне или во время паводка весной 1945 года.

Темпы наступления 4-й танковой армии были столь высоки, что строить мост приходилось быстро и с нуля. Саперы одновременно вели инженерную разведку подходов к реке. Все делали скрытно: измеряли глубину водной преграды, определяли скорость течения и другие показатели реки, чтобы не ошибиться, все учесть при строительстве моста. Для сокращения времени стройматериалы заготавливали заранее и затем готовые прогоны доставляли к берегу.

В инженерной бригаде оказался мой земляк Юрий Дорофеев. Мы учились с ним в одной школе, поступили и окончили одно военно-инженерное училище в Болшеве. Вначале наши фронтовые дороги разошлись, а когда я после госпиталя прибыл в 3-ю инженерную бригаду, здесь оказался и лейтенант Дорофеев. Мы стали командовать взводами в одной роте, и между нами возникло негласное соревнование: чей взвод быстрей выполнит задание...

Глядя на командиров, подружились и солдаты взводов. Саперы выручали друг друга, приходили на помощь – все делали во имя успеха своей танковой армии, которую нужно было как можно быстрей

пропустить вперед, обеспечить переправу танков. Противник яростно оборонялся, делал все, чтоб не допустить или сорвать строительство мостов для наших войск. Налеты вражеской авиации, артиллерийский и минометный огонь не останавливали саперов. Шли на хитрость: начав строительство моста в одном месте, делали что-то похожее – устраивали ложную переправу в другом. Использовали различные средства маскировки: ночь, туман, дымовые завесы. Командиры ценили каждого бойца, шли на все, чтоб избежать людских потерь.

Саперной роте и моему взводу порой приходилось с риском для жизни отстаивать построенный нами же мост. Так было при форсировании реки Нейсе весной 1945 года, накануне паводка. Саперы соорудили мост быстро и без больших потерь. Длина моста до 100 метров, грузоподъемность 60 тонн. Построили мост надежно, а для гарантии, чтобы механики-водители первых танков не сомневались в прочности моста, саперы сами вставали под него.

Первый танк прошел, за ним второй, третий, техника двигалась, и в это время пришла беда... ,но не от противника. Начался ледоход! Вражеские снаряды разбили лед, и он тронулся, течение понесло льдины на сваи моста. Ударяя по сваям, ледяные глыбы стали раскачивать мост. Закачались и идущие по нему танки. Надо было спасать мост. Выход один бросать на льдины головые шашки и взрывать. При этом надо было точно рассчитать время взрыва, чтобы он не произошел под мостом.

Быстро приготовили шашки, нарезали бикфордов шнур, рассчитали его длину: 5 сантиметров – столько секунд саперы оставили на горение бикфордова шнура от поджога до взрыва.И начали отстаивать мост, пока не прошла головная колонна танков. Одного бойца все же потеряли: он не заметил начала горения шнура и погиб от взрыва. Но мост сохранили и обеспечили успешное выполнение боевой задачи танковой армии, дали возможность пройти на другой берег основной массе техники и войскам.

В конце апреля 1945 года я участвовал со своим саперным взводом на строительстве моста через Эльбу в районе немецкого города Торгау, где встретились с нами первые американцы. Радость встречи с союзниками вылилась в большой, незабываемый праздник. А несколько дней спустя мне довелось испить горькую чашу жестоких испытаний, прикоснуться к смерти...

Это произошло 1 мая. Саперы были в приподнятом настроении по случаю первомайского праздника и ожидания скорой Победы. Бои шли уже в Берлине. И тут мой взвод подняли по тревоге, придали два танка и бросили навстречу вырвавшимся из окружения фашистам. Оставил оба

танка у крайних домов поселка, развернул взвод в цепь и повел навстречу немцам.

Выходя на опушку я заметил, что с противоположной стороны на нас двигалась масса немцев. С оружием, во главе с офицерами они выходили из леса, шли напролом. Я дал команду не стрелять и быстрее отходить к своим танкам, которые остались за первыми домами поселка. Так получилось, что сам я отходил последним и конные немцы меня отрезали, я остался один среди немцев. А их с подошедшими оказалось очень много- несколько сот. До наших танков через лес и поле было более 300 м, но танки не были видны из-за деревьев.

Немцы окружили меня. Подошел офицер в чине майора, на ходу вытаскивает из кобуры парабеллум. Я в это время вытащил чеку из гранаты. Я плохо, но знал немецкий язык и крикнул: «Берлин пал. Сдавайтесь! Я сохраню вам жизнь. Там мои танки. Сопротивление бесполезно, вы будете уничтожены...»

Немецкий офицер не стал стрелять, понимая, что я успею взорвать гранату и тогда ему и многим солдатам будет конец. И тут среди солдат раздались крики. Это моя свежая информация дошла до их сознания. Они не знали настоящей ситуации, им о ней не сообщали. Подошли еще два майора и стали переспрашивать, что я сказал.

Первый немец пытался убедить подошедших, что меня надо расстрелять. Но многие хотели жить и для этого сдаться мне в плен. Один из подошедших офицеров сказал: «Убери парабеллум, майор. Мы не хотим умирать. А ты, лейтенант, убери гранату...» Я тогда осмелел и велел им складывать оружие и садиться. Многие стали садиться, но с оружием.

А далее получилось так, что часть немцев около сотни пошли вперед, к выходу в поле, на мои танки. Я знал, что стоит им только выйти из леса, как танки откроют огонь. Меня они наверняка не оставят живым. Поэтому принимаю решение остановить их. Догнал я их уже на выходе из леса. И в этот момент наши танки открыли огонь. Недалеко разорвался снаряд, а я бросился в кювет и по нему быстро пополз к своим.

Когда до наших танков оставалось немногим больше сотни метров, я вытащил платок и стал им махать, чтобы в меня не стреляли. Меня заметили и, собрав все силы, я бросился вперед. Радость встречи трудно описать. Мои солдаты уже и не думали, что я останусь живым. Вскочив на танк, мы двинулись туда, где была основная масса немцев. Немцы, а их было около 700, сдались. А те, кто не захотел сдаваться, нашли себе смерть на опушке леса.

За успешную операцию и взятие в плен большой группы немцев, которые, выходили к штабу 4-й танковой армии, мне было присво-

ено звание Героя Советского Союза. Тогда мне было неполных 20 лет...

Много еще было разных приключений во время войны. В 3-м издании моей книги «Вспоминая прошлое, думаю о будущем»,которая вышла в начале 2003 года,можно найти и другие описания.

Демобилизовался я в 1945 году, по ранениям получив инвалидность 3-й группы. Хотел поступить в военно-инженерную академию, но не приняли: не прошел медкомиссию. Поступить в энергетический институт также не удалось — прием уже прошел, а терять еще год не хотелось.

Кто-то из соседей по Жуковке посоветовал идти учиться в Московский институт механизации и электрификации сельского хозяйства, который я и окончил в 1950 году.

Награжден:

- орденом Ленина и медалью «Золотая Звезда»,
- орденом Трудового Красного Знамени,
- орденом Отечественной войны I степени,
- двумя орденами Красной Звезды,
- 18 медалями, в том числе «За взятие Берлина», «За освобождение Праги» и другими наградами.

Мне присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки и техники РФ» и «Почетный солдат Советской Армии». Имею научную степень доктора сельскохозяйственных наук и звания: профессора, академика Российской академии сельскохозяйственных наук, действительного члена Академии военно-исторических наук.

Январь 2003 года.

Рябушко Владимир Михайлович

ПРИ ШТУРМЕ БЕРЛИНА НА КАНАЛЕ ТЕЛЬТОВ

Я родился 25 ноября 1922 года в г. Смоленске. Национальность русский. Вероисповедание – православный. Беспартийный.

До войны окончил: 1939 году 7 классов школы в г. Смоленске. В 1941 году ПТУ -двухгодичная школа банковского ученичества при Смоленской областной конторе госбанка.

О войне я узнал 22 июня 1941 года в поселке Глинка Смоленской области по месту жительства и работы в Глинковском отделении госбанка Смоленской области на должности бухгалтер.

В августе 1943 года по призыву в звании лейтенанта был назначен командиром 1-го саперного взвода 1-й саперной роты 131-го Гвардейского отдельного саперного батальона 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса. Боевой путь прошел через города: Ямполь, Чертков, Каменец Подольский, Львов, Самбор, Кельце, Нойштадт, Нейсе, Ратибор, Лукенвальде, Бандербург, Берлин, Дрезден, Прага. С боями прошел с батальоном и корпусом до Берлина и Праги – до полной победы! В боях был легко ранен и тяжело контужен вместе с осколочным ранением в левую ключицу.

Освобождал города, командуя 1-м саперным взводом в составе войсковых соединений: 1-го Украинского фронта под командованием Конева, 4-й танковой армии под командованием Лелюшенко, 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса под командова-

нием Белова, 131-го гвардейского саперного батальона под командованием Губина, 1-й саперной роты под командованием Шварцмана:

– Ямполь и Чертков (05.03 – 24.03 1944 г.),
– Каменец-Подольский (25.03 – 02.04 1944 г.),
Львов (21.07 27.07 1944 г.),
– Берлин (23.04 – 02.05 1945 г.),
– Прага (08.05 – 09.05 1945 г.).

В полдень 23 апреля 1945 года передовой отряд корпуса (усиленная Пермская бригада) с боями ворвался в южную окраину Берлина – Штансдорф. На броне танков находилась 1-я саперная рота нашего батальона, которая была придана танковой бригаде для инженерного обеспечения боевых действий.

Между Штансдорфом и центральными районами Берлина находилась серьезная водная преграда – канал Тельтов.

Еще рано утром, ставя задачу танкистам на штурм Штансдорфа, командир бригады гвардии полковник Прошин приказал мне, как командиру роты, вместе с передовыми танками ворваться на мост через канал и захватить его, с дальнейшей задачей форсировать канал главными силами. Для осуществления этой боевой задачи я сформировал группу из лучших минеров подрывников в количестве 20 человек во главе с командиром взвода гвардии старшим сержантом Тимощенко Д. Т., поставил задачу и разместил людей на передовых танках. Сам был вместе с ними. На улицах Штансдорфа завязался жестокий бой. А передовая танковая рота ринулась по центральной магистрали к нашей цели на мост.

Когда до цели оставалось каких–либо 50 метров, раздался сильный взрыв, и мост на наших глазах взлетел на воздух. Танки рассредоточились, стрелки и мои саперы окопались. Противник усилил огонь и стал нас теснить.

Чтобы оценить обстановку, я лично вместе со своим ординарцем Толей Лисицинским и еще двумя бойцами кюветом, по-пластунски, двинулся к взорванному мосту. Увидели мы вот что: мост полностью рухнул и скрылся в воде. Ширина канала была примерно 50 60 метров. Берега одеты вертикально бетонной стеной до 10 метров высотой. Северный (противоположный) берег канала нависает над водой сплошными кирпичами и бетонными стенами заводов, зданий, и все укреплено и превращено в сплошные доты. Противник ведет шквальный перекрестный огонь из всех видов оружия. О форсировании канала в этом месте нечего было и думать.

Обо всем этом я написал донесение и послал его гвардии полковнику Прошину. Под вечер, когда главные силы были в Штансдорфе

и он полностью был очищен от немцев, за мной пришел бронетранспортер и доставил в штаб, к командиру корпуса гвардии генерал лейтенанту Белову Е. Е. Генерал строго спросил меня, сам ли я видел взорванный мост. Я ответил, что видел лично, своими глазами. Тогда командир корпуса указал мне на карте место, западнее по каналу километрах в трех, там тоже был мост, но только железнодорожный, и приказал лично разведать и обследовать этот район, а затем доложить ему о результатах и предупредил, что этот район выбран местом форсирования канала завтра утром.

Я взял с собой 3-й саперный взвод гвардии сержанта Трофимова, и мы отправились на разведку. Наш берег в этом районе был лесистый, изрезанный отрогами глубокого оврага. Противоположный берег, так, же как и в Штансдорфе, сильно укреплен и превращен в сплошные доты. Через канал пролегал железнодорожный мост, который был взорван, и его фермы обрушились в середине канала в воду, а береговые концы задержались на опорах.

Между упавшими в воду концами ферм было примерно 6-8 метров воды. Я оценил район так: в лесистых отрогах оврага можно очень удобно накопить и сосредоточить силы для штурма. А по взорванным фермам оборудовать штурмовой мостик из легких дощатых лестниц – настилов. Место для форсирования и захвата плацдарма было выгодное, но труднодоступное из-за плотности огня противника с противоположного берега.

Вернувшись в полночь в штаб, я доложил генералу Белову Е.Е. результаты разведки и получил от него приказ: к утру быть готовыми к штурму, приготовить все необходимое и по сигналу построить штурмовые мостики для переправы и атаки мотострелков. Я собрал командиров взводов: лейтенанта Долгих А.Ф., гвардии старшего сержанта Тимошенко Д.Т. и гвардии сержанта Трофимова и поставил перед ними задачу: к 3-м часам ночи каждому взводу сделать по 4 лестницы настила из досок длиной не менее 6 метров каждая и сосредоточиться у железнодорожного моста.

К утру все было готово. 1-я рота сосредоточилась в указанном месте. Проверив и сосчитав людей, а их в это утро было 72 человека, я передал им личный приказ командира корпуса, на месте наметили пути продвижения взводов, сигналы и порядок возведения переправы. К утру в роту прибыл начальник штаба батальона гвардии старший лейтенант Шварцман И.А. Главные силы корпуса сосредоточились в лесу, в районе моста, готовые к штурму.

Утром 24 апреля на вражеский берег обрушилась вся огневая мощь наших частей, вели огонь пушки танков, корпусная артиллерия, ди-

визион «катюш», минометные батареи, в общем, все, что могло стрелять. Под огневым прикрытием саперы 1-й роты по-пластунски, с лестницами на спинах двинулись к мосту. Впереди были: командир 1-го взвода лейтенант Долгих А.Ф., гвардии старшие сержанты Тимощенко Д.Т., Марчук И.С., гвардии сержант Трофимов, рядовые гвардейцы Иванов, Глушков В.А., Наседкин Ф., Савицкий, Подставин Ю., Карандашев А., Рябошапка В.Ф., Стельмах М.А. и другие. С близкого расстояния, от 60 до 200 метров, прямо через канал, в упор по движущимся цепям саперов противник открыл ответный яростный перекрестный огонь из всех видов оружия.

От разрывов вражеских снарядов и мин, пулеметных и автоматных очередей и взрывов фауст-патронов дыбилась земля и кипела вода. Со свистом, воем и шипеньем летели пули и осколки, разя все живое, что попадалась на их пути, неся смерть, ранения, увечья. Вот уже передовые отделения достигли берега и стали по воде на плаву проталкивать вперед лестницы настилы. Сами же саперы по шею в ледяной воде, цепляясь за металлические конструкции, крепили деревянные мостики к фермам взорванного моста.

Мы несли большие потери. Отходил в укрытие раненный командир 1-го взвода лейтенант Долгих А.Ф. Командование взводом принял гвардии старший сержант Марчук И.С., но тут же сам был тяжело ранен осколком мины в бедро. Но Иван Сафонович, испытанный в боях гвардеец-доброволец, остался по шею в воде и, истекая кровью, продолжал руководить своим взводом. Минут двадцать длилась эта адская работа.

Когда последние лестницы перекрыли водное пространство, я дал условный сигнал зеленую ракету и сто автоматчиков-комсомольцев, 29-й Унечской мотострелковой бригады во главе с заместителем командира бригады гвардии подполковником Сердюком Р.Н. по мостикам наведенной переправы устремились на вражеский берег и стали захватывать плацдарм. Я дал команду бойцам своей роты отходить с моста в укрытие. Сосредоточились в овраге и, сделав проверку личного состава, насчитали в строю 54 человека, остальные 18 человек погибли или были ранены. Погибшим мы считали гвардии старшего сержанта Марчука И.С.

Только через несколько дней мы узнали, что он в госпитале. Находясь раненным в воде, он долгое время был под прикрытием и не мог отойти потому, что его засек вражеский снайпер и вел по нему прицельный огонь.

Через 2-3 недели мы получили из госпиталя справку о 12-ти раненных наших гвардейцах, из числа участников этой боевой операции, находящихся на лечении. Это были: лейтенант Долгих А.Ф., старший сержант Трофимов П.Ф., рядовые Наседкин Ф.К., Агракович Я.Б., Блинков Д.П. и другие.

Гвардейцы 1-й саперной роты с честью выполнили боевую задачу и тем самым внесли свой скромный вклад в штурм Берлина. За выполнение этого задания и других опираций при взятии Берлина многие саперы роты были представлены к награждению правительственными наградами. Лично я был награжден орденом Красного Знамени.

Награды:

- орден Красной Звезды» №721053. Приказ о награждении № 045/Н от 14.08.1944г. Приказ подписал командир 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса,
- орден Отечественной войны II ст. № 382881.Приказ № 08/Н от 09 02.1945г. Приказ подписал командир 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса. За боевые отличия: при захвате и обороне Сандомирского плацдарма подразделения при освобождении Кольца. Дата вручения награды: 23.02 1945 г. Место вручения награды: в районе Ратибор. Вручил: майор Ф. П. Губин, командир 131-го гвардейского Саперного батальона;
- орден Отечественной войны Iст. № 227031.Приказ 039/Н от 17.04.1945г. Подписал командир 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса. За боевые отличия: при взятии Ратибор и других населенных пунктов по боевому обеспечению ведущих сражение танковых подразделений и, в частности, когда я поднял в атаку свой саперный взвод, чем способствовал взятию д. Круг на Ратиборском направлении. Вручен 21.04 1945 г. в г. Бранденбург майором Ф. П. Губиным, командиром 131-го гвардейского Саперного батальона;
- орден «Красного Знамени». № 186648. Приказ 0278/Н от 08.07.1945г. подписал командующий 4-й гвардейской танковой армии. За боевые отличия: при взятии Берлина и освобождении Праги. В Берлине – за устройство переправы при форсировании корпусом канала Тельтов и другие боевые действия саперов роты. Вручен 15.08.1945 г. в районе Шапрон (Венгрия) майором Ф. П. Губиным, командиром 131-го гвардейского Саперного батальона.

Ранения:

- легкое – в местечке Воля-Мальковская 16 апреля 1944г. Характер ранения: левая голень, пулевое на вылет. Из войскового

соединения не убывал. Лечился в санчасти 131-го гвардейского саперного батальона с 16.04 по 26.04. 1944 г. Вернулся в строй 26.04 1944 г.;

- тяжелое при штурме города Пшедбуш (Польша) 16 января 1945 г. Характер ранения: общая контузия и осколок в левую ключицу. Убыл из войскового соединения: 16.01 1945 г. и лечился в эвакогоспитале №1980 с 19.01 1945 г. по 22.02 1945 г. Вернулся в строй 22.02 1945 г.

Особенно запомнившиеся эпизоды войны:

1) Освобождение и оборона г. Каменец–Подольского с 25.03. по 02.04. 1944 г.

2) Участие в боях по взятию Берлина. Операция по форсированию канала Тельтов.

3) Освобождение Праги. Ликование горожан и радость победы наших воинов.

Военные боевые действие закончил в городе Прага 9 мая 1945г. в составе войскового соединения 10-го гвардейского Уральско-Львовского добровольческого танкового корпуса на воинской должности командира 1-й саперной роты в воинском звании лейтенант. Командир корпуса – Белов. Погибших в войне родственников нет. Остались живы мать, две сестры и брат.

Январь 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Шевченко Владислав Сергеевич***, студент 2 курса Ппрофессионального училища №5.

Семёнов Владимир Васильевич

ВМЕСТЕ С ТАНКАМИ ПО ФРОНТОВЫМ ДОРОГАМ

Я родился 20 июня 1920 года в городе Ленинграде. Национальность- русский, православного вероисповедания. Член ВЛКСМ с 1935 года, член КПСС с августа 1943 года.

В 1938 году с «золотым» аттестатом окончил среднюю школу, в 1941 году – три курса Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина.

Начало войны меня застало на Ижорском заводе, где я проходил производственную практику, завершая третий курс обучения в Ленинградском политехническом институте. С чувством глубокого гнева мы встретили известие о вероломном нарушении фашистской Германией заключённого с нашей страной год назад договора о ненападении. Но никакой паники и растерянности среди населения не было. С утра 23 июня, в понедельник, рабочие завода заняли свои рабочие места у станков и агрегатов, продолжая выполнение производственных планов.

Спокойно проходила мобилизация. Задания, возложенные на ушедших в армию, оперативно перераспределились между оставшимися. Специалисты ведущих профессий получали отсрочки от призыва. В первые дни войны не призывались в армию и студенты старших курсов, и я продолжал работать на заводе.

Только после повторного обращения в военкомат мне дали разрешение на добровольное зачисление в армию. 15 июля 1941 года

направили на учёбу во второе Ленинградское артиллерийское училище, ускоренный курс которого я закончил в декабре 1941 года. После завершения обучения в училище я с группой других выпускников был направлен во вторую Чкаловскую военную авиационную школу для обучения в отделении лётчиков-наблюдателей корректировщиков артиллерийского огня.

В конце февраля 1942 года по распоряжению командующего артиллерией Красной Армии в связи с острой нехваткой артиллерийских кадров наша группа была расформирована. Затем направлена для укомплектования артиллерийских частей в распоряжение начальника артиллерии Сталинградского военного округа, где я получил назначение на должность командира взвода 331-го гаубичного артиллерийского полка РГК (резерва главного командования), формировавшегося в районе г. Камышин.

В конце июня 1942 года 331-й гаубичный артиллерийский полк получил задачу выйти своим ходом из района г. Камышин в район междуречья Волги и Дона для обеспечения действий наших обороняющихся войск. В связи с неполной комплектацей автотранспортом личный состав полка перемещался в пешем строю, делая ежедневно по 40-50 км.

Ещё на марше полк получил задачу обеспечить оборонительные действия соединений 21-й армии, которой командовал генерал Рокоссовский. 2 июля 1942 года наш полк впервые развернул огневые позиции в 20 километрах юго-восточнее г. Серафимовичи, приняв участие по обеспечению оборонительных действий соединений 21-й армии, которой командовал генерал А. И. Данилов.

В этот период в звании старший лейтенант меня назначили исполняющим обязанности начальника штаба 2-го дивизиона 331-го ГАП, которым командовал капитан С. В. Хаданов. Защитники города, ведя тяжёлые оборонительные бои, сорвали намерения немецко-фашистского командования с ходу прорваться к Волге, но обстановка оставалась напряжённой. 23 августа танковой группировке 6-й армии генерала Паулюса удалось на узком участке прорваться к Волге и отрезать обороняющуюся в городе 62-ю армию от основных сил Сталинградского фронта.

В этот же день фашисты подвергли город варварской бомбардировке, совершив до 2000 вылетов. Мне довелось видеть её последствия с наблюдательного пункта своего дивизиона, находившегося в районе д. Ерзовка на северной окраине Сталинграда.

Бомбовый удар обрушился, в основном, на жилые кварталы. Город пылал, как гигантский костёр. Огромные столбы пламени поднимались к небу в районе разрушенных нефтехранилищ. Потоки горящей нефти и бензина устремились к Волге. Река горела. Горели стоявшие на сталинградском рейде пароходы. Всё пространство над городом заволокли густые клубы чёрного дыма.

Да, тяжело было видеть эту картину разрушения и смерти. Но мы видели и другое: решимость советских людей – военных и гражданских – в любых условиях, перед лицом самых невероятных трудностей противостоять врагу.

12 сентября гитлеровцы вплотную подошли к городу, началась беспримерная по своему упорству и напряжённости борьба. Большую помощь защитникам города оказали почти непрекращающиеся контрудары 1-й гвардейской, 24-й и 66-й армий севернее города.

Наш артиллерийский полк, как резерв главного командования, принимал участие в артиллерийском обеспечении всех проводимых контрударов. Однако привлекаемых сил для нанесения решающих ударов было явно недостаточно. Особенно горько было видеть, как в ходе атаки отдельные группы бойцов из подразделений, прибывших из среднеазиатских республик, поднимали руки и переходили на сторону врага.

15 октября немецко-фашистские войска на узком участке, в районе тракторного завода, прорвались к Волге. 11 ноября противник вышел к Волге южнее завода «Баррикады». Наши войска оказались расчленёнными на три части.

В этих неимоверно трудных условиях советские войска отразили до 700 вражеских атак и с честью выдержали все испытания.

19 ноября 1942 года началось контрнаступление ударами войск Юго-Западного и Донского фронтов. Время до сих пор не стёрло из памяти огненную бурю восьмидесятиминутной артиллерийской подготовки по хорошо разведанным целям, полностью парализовавшую противника.

Командный состав подготовленных к наступлению войск, находившийся на наблюдательных пунктах, в едином порыве вышел из укрытий. Вверх летели шапки, раздавались крики «Ура!!», офицеры обнимали друг друга, поднимали вверх сжатые кулаки. Радость лилась через край. Из-за огромной мощи удара нашей артиллерии противник почти не оказывал огневого сопротивления. Передовые цепи наших войск пошли вперёд и быстро продвинулись на глубину 4-5 км, где в сражении были введены подвижные соединения. К концу дня войска фронтов продвинулись на 25-30 км.

20 ноября начали наступление и войска Сталинградского фронта. В первый же день они успешно прорвали оборону противника и ввели в сражение свои подвижные соединения.

Вырвавшись на оперативный простор, подвижные группировки фронтов стремительно продвигались навстречу друг другу в направлении города Калач (хутор Советский).

В сложившейся обстановке резко возросла роль сохранения в целости моста через Дон в районе г. Калач для обеспечения переправы наших танковых корпусов и тяжёлой артиллерийской техники, так как лёд, сковавший реку, был ещё слишком слаб.

Задачу захвата моста командир 26-го танкового корпуса возложил на командира 14-й мотострелковой бригады корпуса подполковника Г. Н. Филиппова. Для обеспечения огневой поддержки был выделен артиллерийский дивизион 122-мм гаубиц нашего полка. Организацию взаимодействия с передовым отрядом поручили мне, исполняющему в то время обязанности командира дивизиона. При встрече с Г. Н. Филипповым приняли решение: для достижения внезапности захват моста провести ночью, без предварительного огневого воздействия, подойдя к нему под видом отступающих немецких групп, которые, по данным нашей разведки, в течение дня отходили по мосту к Сталинграду под натиском наступающих советских войск.

В ночь на 23 ноября созданный передовой отряд в составе танковой роты с десантом мотострелков на борту выдвинулся на дорогу, ведущую к мосту. Колонну возглавили Г. Н. Филиппов и я со средствами радиосвязи на трофейной немецкой машине.

Включив малый свет фар, колонна 23 ноября в 3 часа спокойно подошла к мосту. Наряд охраны моста открыл шлагбаум, приняв нас за своих. В короткой схватке уничтожив оторопевших гитлеровцев, наш отряд стремительно преодолел мост и только там открыл шквальный огонь из всех имеющихся огневых средств по расположенным вдоль дороги домам, в которых размещались гитлеровцы. В то же время мною по радио была дана команда дивизиону на проведение огневых налётов по заранее намеченным районам.

Передовой отряд подполковника Г. Н. Филиппова с ходу попытался овладеть г. Калач, находившимся в 2-х км от переправы, но встретил упорное сопротивление. Бой за город продолжался всю ночь, но вскоре подошли передовые части главных сил корпуса, и город был взят.

Выполнив поставленную задачу по обеспечению действий передового отряда подполковника Г. Н. Филиппова, мой дивизион в составе нашего полка был перенацелен на обеспечение боевых действий 45-й танковой бригады 4-го танкового корпуса, которая утром 23 ноября переправилась через мост. Успешно развивая наступление, в 16.00 того же дня в районе хутора Советский первой встретилась с 36-

й механизированной бригадой 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта, наступавшего с юга, завершая тем самым окружение войск 6-й полевой и 4-й танковой армий противника, насчитывающих 22 дивизии (около 330 тысяч человек) и 160 отдельных частей обеспечения.

26 ноября в районе наблюдательного пункта 45-й танковой бригады я был тяжело ранен. 27 ноября 1942 года с повреждением костей предплечья правой руки был отправлен в госпиталь на лечение. До 25 марта проходил лечение в эвакогоспитале №3923, располагавшемся в посёлке Ракитянка Чкаловской области. После завершения лечения я получил назначение на должность начальника штаба дивизиона 459-го миномётного полка, формировавшегося в коломенском учебном артиллерийском центре. 27 марта прибыл в часть.

Закончив формирование, в июне 1943 года полк был направлен на Брянский фронт; разгрузившись на станции Мценск, сосредоточился в лесах восточнее Масальска и был включён в состав 25-го танкового корпуса, которым командовал генерал-майор танковых войск Ф.Г. Аникушин.

5 июля 1943 года началась знаменитая Курская битва. Буквально в течение одной недели ударные группировки врага, насчитывавшие до 70 дивизий, были измотаны и обескровлены. С 10 июля я приступил к исполнению обязанностей командира 1-го дивизиона 159-го миномётного полка. 12 июля 1943 года наступил новый этап Курской битвы контрнаступление советских войск на орловском направлении. В первый же день соединения первого эшелона овладели всей оборонительной полосой. В прорыв вошли подвижные соединения. Однако с рассвета второго дня нашего наступления противник, введя в бой свежие силы, оказывал упорное сопротивление, что определило решение Ставки ВГН о передаче 25-го танкового корпуса в состав Западного фронта.

16 июля командующий войсками фронта генерал В. Д. Соколовский поставил 25-му танковому корпусу задачу войти в прорыв на участке Восты, Слободка и во взаимодействии со стрелковыми соединениями 11-й гвардейской армии развить успех в юго-западном направлении, овладеть станцией Хатынец – крупным узлом железнодорожных и шоссейных дорог. С вводом в сражение наших танковых сил положение на фронте резко изменилось в пользу советских войск. Армии Брянского фронта глубоко охватили группировку врага и вынудили его к отходу. 29 июля был освобождён г. Болхов, 5 августа – Орел.

В результате Орловской наступательной операции наши войска продвинулись на запад на 150 км. Темп наступления был очень высоким, что затрудняло действия артиллерийских частей, обеспечивающих наступление войсковых соединений. Огневые позиции артиллерии приходилось менять почти ежедневно, совершая 30-40- километровые марши в оперативной глубине обороны противника.

Яркой страницей запечатлелось в памяти перемещение моего дивизиона на новые огневые позиции по дороге на Брянск.

Следуя на автомашине ГАЗ-А во главе колонны дивизиона, я обратил внимание на то, что впереди на дороге не было следов от движения советского транспорта, а обочины дороги проходили по заболоченной местности. Сразу же мелькнула мысль о возможности минирования этого участка дороги. Я дал команду водителю остановиться. Выполняя приказ, водитель начал торможение, прижимаясь к правому краю дороги. Однако в момент остановки машина правым передним колесом наехала на мину. Произошёл взрыв. К счастью, машина не загорелась, но водитель был ранен. Получили ранения также несколько разведчиков и связистов взвода управления дивизиона, сидевших в кузове. Я получил только лёгкую контузию. Выбравшись из искореженного грузовика, немного отдохнув и отправив раненых в госпиталь, разминировав участок дороги, пересел в другую машину и повёл дивизион дальше. Надо было выполнять поставленную задачу.

После завершения Орловской наступательной операции 25-й танковый корпус к 20 августа сосредоточился в районе г. Мценск для доукомплектования и приведения в порядок после наступательных боёв, а также оперативно- тактической подготовки и отработки слаженности подразделений при ведении боевых действий.

Осенью 1943 года обстановка на советско-германском фронте характеризовалась новыми победами Советской Армии. Была освобождена Левобережная Украина. Утром 6 ноября красные флаги взвились над столицей Украины Киевом. Но противник оказывал упорное сопротивление. 15 ноября фашистские войска перешли в контрнаступление на киевском направлении, сосредоточив основные силы вдоль Житомирского шоссе. Советское командование срочно приняло ряд мер. Южнее и западнее Киева перешли к обороне войска Центра и левого крыла 1-го Украинского фронта. Из резерва Ставки в состав фронта передали 1-ю танковую армию, 18-ю армию и 25-й танковый корпус.

25-й танковый корпус получил задачу обороняться в междуречье рек Здвиж и Тетерев в полосе 18 км. Все танковые бригады действовали в первом эшелоне. Каждая из них усиливалась батальоном 20-й

мотострелковой бригады и батареей 1497-го истребительно-противотанкового полка. 459-й миномётный полк развернулся на огневых позициях за 111-й танковой бригадой, находившейся в центре боевого порядка корпуса.

Более двух недель воины корпуса вели тяжелые оборонительные бои совместно с другими соединениями 1-го Украинского фронта, отражая наступления фашистов на Киев. Особенно тяжело пришлось корпусу в ночь на 5 декабря, когда противник внезапно нанёс удар на стыке 111-й и 162-й танковых бригад силами до двух пехотных полков при поддержке 30 танков и авиации. В упорном бою танкисты при мощной поддержке огня 459-го миномётного полка отбили все атаки врага. На поле боя осталось 12 подбитых вражеских танков, немало сгоревших бронетранспортёров, более сотни фашистских трупов.

Последующие пять дней корпус продолжал вести оборонительные бои с противником, пытавшимся прорваться к г. Малин.

Не добившись успеха на киевском направлении, фашисты перенесли главные усилия на коростенское направление. Созданной ими группировке из двух танковых и трёх пехотных дивизий удалось 19 декабря захватить г. Коростень и, потеснив соединения 13-й армии, овладеть п. Стремигород, а также крупным железнодорожным узлом Чоповичи на железной дороге Коростень Киев.

Перенацеленный на это направление решением командующего войсками 1-го Украинского фронта 25-й танковый корпус в ночь на 20 декабря контратаковал противника, пройдя в полной темноте через боевые порядки стрелковых частей.

Неожиданное появление большого количества танков и самоходно-артиллерийских установок, а также интенсивный артиллерийский и миномётный огонь произвёл ошеломляющее впечатление на противника, подавив волю к сопротивлению. В панике враг начал отход на запад, бросая тяжёлую технику. Развивая успех, части корпуса 23 декабря овладели станцией и п. Чоповичи. Затем начали преследование отходящих частей врага.

Утром 28 декабря 1943 года 25-й танковый корпус получил задачу наступать на Новоград-Волынский и совместно со стрелковыми дивизиями 24-го стрелкового корпуса овладеть городом. В последний день декабря гёмно-серые тучи заволокли небо. Мелкий дождь, чередовавшийся со снегом, не прекращался целые сутки. Дороги развезло. Передовые части полка подходили к городу с востока и северо-востока. В ночь на 1 января 1944 года переправившиеся через реку Случь воины 111-й и 175-й танковых бригад овладели станцией и

северо-западной частью города. Удар по железнодорожному узлу был нанесён ровно в полночь. Со стороны северного шоссе в город вошли батальоны 20-й мотострелковой бригады. 1 января к исходу дня город был полностью освобождён.

3 января Москва салютовала войскам, освободившим древний город на р. Случь – важный узел железных и шоссейных дорог. Частям корпуса было присвоено почётное наименование Новоград-Волынских.

С 4 по10 января соединения корпуса закреплялись на достигнутых рубежах, отражая контрудары противника.

11 января 1944 года часть сил корпуса по приказу командующего 13-й армией приступила к преследованию противника и на следующий день овладела г. Корец.

14 января 25-й танковый корпус был выведен в резерв фронта для технического обслуживания боевой и транспортной техники. Одновременно подводились итоги прошедших боёв, обобщался опыт боевых действий частей и подразделений.

Рано утром 17 января 25-й танковый корпус получил задачу совершить семидесятикилометровый марш в район Шепетовки в готовности отразить атаки фашистов в направлении города Новоград-Волынский, организовав оборону восточнее города Славуты. Более недели воины корпуса вели оборонительные бои, отражая яростные атаки врага, не допуская его прорыва к Новоград-Волынскому.

2 февраля 1944 года 25-й танковый корпус перешёл в подчинение командующему 13-й армией генералу Н. П. Пухову и занял оборону на реке Струбла в готовности перейти в наступление на г. Дубно. Отразив контрудары подходящих резервов противника, воины корпуса 7 февраля оказали содействие соединениям 13-й армии в ликвидации группировки противника южнее Дубно и овладели городом после упорных двухсуточных боёв.

Тяжёлые бои для 162-й танковой бригады развернулись 23 февраля 1944 года. Противник силами до двух пехотных полков с 40 танками перешёл в наступление, стремясь снова захватить г. Луцк. Однако, стойко обороняясь, войны бригады отразили все атаки врага, нанеся ему большие потери.

5 марта соединения 60-й армии освободили древний украинский город Изяслав Каменец-Подольской области. На подступах к городу успешно действовала 162-я танковая бригада, отражавшая неоднократные атаки танковой группировки противника, стремившейся деблокировать окружённые в восточной части города подразделения фашистов. Все атаки врага были успешно отбиты, пробиться в город противнику не удалось.

7 и 8 марта 111-я танковая бригада захватила плацдарм на р. Стырь в районе г. Радомысль, полностью разгромив пехотный полк противника. 9 марта она захватила опорный пункт в п. Княгинская. Успешным действиям бригады способствовала непрерывная огневая поддержка 459-го миномётного полка.

Утром 15 марта под прикрытием дымовой завесы войска 13-й армии атаковали противника севернее г. Дубно, создав к исходу дня брешь в обороне. Утром 16 марта в неё ввели соединения 25-го танкового и 1-го гвардейского кавалерийского корпусов. Продвижение войск затруднялось активными действиями вражеской авиации и неблагоприятными условиями местности. Нашим войскам приходилось вести боевые действия в условиях полного бездорожья в районе так называемого Малого Полесья.

11-я танковая бригада 18 марта вышла в район посёлка Ситно и, развивая наступление, совместно с частями 2-й гвардейской кавалерийской дивизии, разгромив противника, освободили г. Червоноармейск.

Трудные бои развернулись севернее города Броды. В этих боях воины 25-го танкового корпуса проявили стойкость и воинское мастерство. Воины 20-й мотострелковой бригады при огневой поддержке 459-го миномётного полка ворвались на северную окраину города. 175-я танковая бригада, прорываясь к городу, уничтожила 6 вражеских танков, 8 артиллерийских орудий и почти батальон мотопехоты. 111-я танковая бригада разгромила прорывавшиеся из г. Броды моторизированные группы, нанеся им значительный урон. В конце марта город был полностью освобождён.

В апреле 1944 года соединения 25-го танкового корпуса были выведены в резерв фронта для доукомплектования личным составом, материальной частью и подготовки к новым боям.

В период с 4 по 6 июля 1944 года частям корпуса вручались боевые знамёна, новые образцы которых были утверждены указом президента Верховного Совета СССР.

8 июля 1944 года 25-й танковый корпус получил задачу в составе конно-механизированной группы войти в сражение в полосе 13-й армии после прорыва противника для развития успеха на львовском направлении. Утром 16 июля корпус вошёл в прорыв, имея в первом эшелоне 111-ю и 162-ю танковые бригады, усиленные подразделениями самоходно-артиллерийских полков. К исходу первого дня боя бригады овладели районом Холоюва. Развивая успех, 17 июля передовые части корпуса форсировали реку Западный Буг, захватив плацдарм на её левом берегу. Не ожидая наведения переправ, танки форсировали реку вброд. По дну реки перетаскивали свои орудия и артиллеристы.

20 июля бойцы 20-й мотострелковой и 111-й танкового бригад разгромили противника в районе города Каменка-Струмиловская при непрерывной огневой поддержке 459-го миномётного полка.

Тем временем остальные силы корпуса во взаимодействии с соединениями 1-го гвардейского кавалерийского корпуса, продвигаясь в направлении г. Жолкев, вышли к реке Сан. 22 июля соединения корпуса севернее города Львов были атакованы крупными силами противника. С ходу заняв огневые позиции, воины 459-го минометного полка метким огнём сорвали планы врага, обеспечивая действия танков и мотострелков при отражении контратак противника.

24 июля воины корпуса вышли к государственной границе и успешно форсировали р. Сан. Выход к государственной границе стал большим праздником для бойцов, воодушевил на новые подвиги.

Последующие бои корпуса на левом берегу р. Сан 25 и 26 июля характеризовались возросшей активностью вражеских войск. Контратаками подошедших резервов противник стремился ликвидировать плацдарм, но успеха не добился.

В ночь на 29 июля 25-й танковый корпус начал выдвижение на г. Кросно – крупный узел дорог. В строю корпуса оставалось 30 танков, которые были включены в сводный отряд под командованием командира 162-й танковой бригады. В результате стремительной атаки 30 июля танки ворвались в центральную часть г. Кросно. В полдень враг нанёс ответный контрудар. Потеряв половину оставшихся танков, сводный отряд был вынужден отойти и занять оборону восточнее города.

На следующий день корпус из состава конно-механизированной группы был передан в состав 38-й армии генерала К. С. Москаленко.

К 5 августа 1944 года соединения корпуса по приказу командующего 38-й армией сосредоточился в 30 км восточнее г. Кросно для восстановления боеспособности и подготовки новых боевых задач. Однако уже 7 августа 111-я танковая и 20-я мотострелковая бригады, а также 459-й миномётный полк были переданы 27-му стрелковому корпусу, в составе которого до 27 августа вели тяжёлые бои по овладению плацдармом на правом берегу р. Вислока южнее г. Кросно. Задача была выполнена успешно.

С 25 сентября 1944 года 25-й танковый корпус принимал участие в Карпатско-Дуклинской наступательной операции, входя в подвижную группу 38-й армии, предназначенную для развития успеха наступления войск 38-й армии. При этом танки 111-й бригады использовались как танки непосредственной поддержки пехоты специальных штурмовых батальонов, созданных для прорыва главной полосы обороны. Горно-лесистый характер местности благоприятствовал организации обороны противника и сильно усложнял организацию её прорыва.

Наступление началось 8 сентября мощным огневым ударом. Прорыв обороны противника в первый день был успешным. За 2 часа боя штурмовые батальоны продвинулись на 6-8 км и овладели первой позицией главной полосы обороны врага. Однако к полудню к участку прорыва противник начал подтягивать резерв с других участков фронта. Развернулись упорные бои. Темп наступления резко упал. К тому же погода начала портиться, пошел дождь. К исходу первого дня наступления командующий 38-й армией принял решение на ввод в сражение подвижной группы. При этом он приказал передовые отряды 25-го танкового корпуса использовать для поддержки дивизий первого эшелона для завершения прорыва главной полосы обороны противника. Из-за узости участка прорыва маневр танковых подразделений был скован. Единственная дорога на Кросно была перегружена. Фланкирующие огневые точки противника успешно вели огонь по нашим наступающим танкам. Потери боевой материальной части росли. Не лучшим образом действовал и 1-й Чехословацкий армейский корпус. Для него участие в этой операции было первым боевым крещением.

С вводом в сражение подвижной группы и второго эшелона 38-й армии резкого перелома в боях в нашу пользу не произошло. Более того, соотношение сил менялось в пользу противника. Возникла угроза невыполнения поставленных в операции задач.

9 сентября к исходу дня командиры и корпусов были вызваны к командующему войсками 1-го Украинского фронта. На этом совещании пришлось присутствовать и мне, исполняющему в то время обязанности начальника штаба артиллерии 25-го танкового корпуса. Здесь я впервые увидел командира 1-й бригады Чехословацкого армейского корпуса бригадного генерала Л. Свободу.

Подводя итоги первых двух дней боёв и отметив невыполнение соединениями армии поставленных в операции задач, командующий 1-м Украинским фронтом сказал: »Властью, данной мне Советским правительством, я отстраняю Вас, господин генерал Крохотвил, от командования корпусом как не справившегося с командованием корпусом и не умеющего твёрдо руководить войсками. Господин генерал Свобода! Приказываю Вам немедленно приступить к командованию корпусом, взять твёрдо в руки управление войсками корпуса и решительно выполнять боевую задачу».

В ночь на 10 сентября был подписан соответствующий приказ, в котором от должности был отстранён и командир 25-го корпуса.

14 сентября на доукомплектование были выведены танковые бригады. Вся артиллерия продолжала участие в боях. Штаб нашего корпуса в это время размещался в районе поселения Дукля вместе со штабом 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Общение с командованием корпуса, особенно с генералом Л. Свободой, было постоянным и товарищеским. До сих пор свежи в памяти неоднократные и дружные обсуждения хода боевых действий, обычно заканчивавшиеся товарищеским обедом или ужином.

Хорошо владея русским языком, Л. Свобода неоднократно подчёркивал большое значение бескорыстной помощи советских людей в борьбе братских народов против фашистских поработителей.

К концу сентября советские войска вышли к Карпатскому хребту и на отдельных участках преодолели его.

6 октября Чехословацкий армейский корпус при содействии войск 38-й армии овладел Дуклинским перевалом и вступил на родную землю.

К 28 октября 1944 года советские войска продвинулись на 15-20 км к западу и юго-западу от перевала и перешли к обороне.

12 ноября 1944 года 25-й танковый корпус был выведен в резерв фронта. Его соединения сосредоточились в районе Ланьцута. Здесь и состоялось знакомство личного состава с новым командиром корпуса генерал-майором танковых войск Е. И. Фоминых.

1945 год личный состав 25-го танкового корпуса встретил на левом берегу р. Висла на Сандомирском плацдарме, где приступил к новым боям на польской земле.

25-й танковый корпус прибыл на Сандомирский плацдарм в район Сташув без танков. Оставшиеся в строю боевые машины были преданы 38-й армии. Закончив укомплектование танками и активно, по 10-12 часов в день, корпус проводил боевую подготовку. 12 января 1945 года корпус в качестве подвижной группы 3-й гвардейской армии принял участие в наступлении. Часть танков 111-й и 162-й танковых бригад действовала в качестве танков непосредственной поддержки наступающей пехоты. Активную поддержку огнём осуществлял 459-й миномётный полк, в котором в это время я был начальником штаба. Противник оказывал активное сопротивление, вводя в бой имеющиеся резервы. Отразив контратаки фашистов, 15 января воины корпуса овладели крупным промышленным и административным центром Польши городом Кельце. За овладение г. Кельце личному составу корпуса была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

В последующих боях 25-й танковый корпус принял участие в освобождении городов: Пиотркув, Вадлев, Серада, Калиш. Утром 29 января вышел на подступы к реке Одер, где, встретив упорное сопротивление врага, несколько суток вёл тяжёлые бои в районе Глоглау.

6 февраля корпус форсировал р. Одер и, развивая наступление, 13 февраля овладел г. Фрейштадт (Кожухов). На следующий день Москва салютовала воинам-победителям. Успешно продвигаясь на запад, корпус овладел г. Гроссендер и 1 марта был выведен в район Нейсдорф в резерв фронта для доукомплектования танками.

Утром 3 марта был создан из оставшихся в корпусе танков танковый отряд, имевший 10 танков и 12 самоходных артиллерийских установок. Под командованием командира 175-й танковой бригады при огневой поддержке 459-го миномётного полка и 2-го гвардейского миномётного дивизиона совместно со стрелковыми частями отряд успешно действовал в операции по очистке от противника левого берега р. Нейсе.

9 марта воины корпуса оказали содействие стрелковым частям в завершении разгрома противника в городе-крепости Глогау.

Высокое воинское мастерство, мужество и героизм, проявленные воинами 25-го танкового корпуса весной 1945 года в междуречье Одера и Нейсе, были отмечены наградами: 111-я и 162-я танковая бригада — орденом Кутузова, 262-й гвардейский тяжёлый самоходный полк — орденом Богдана Хмельницкого и 2-й гвардейский миномётный дивизион — орденом Александра Невского.

16 апреля 1945 года началась Берлинская наступательная операция. Воины 25-го танкового корпуса совместно с частями 197-й стрелковой дивизии стремительной атакой завершили разгром противника на левом берегу р. Нейсе и успешно форсировали её. Развивая успех, уже в полдень воины корпуса завязали бои за г. Форст — сильно укреплённый опорный пункт нейсенского оборонительного рубежа. К исходу дня после напряжённых уличных боёв город был взят.

С рассветом 18 апреля воины корпуса, преодолевая упорное сопротивление противника, оборонявшего рубеж р. Шпрее, развернули наступление на Котбус. К вечеру 22 апреля после упорных двухнедельных боёв город был взят.

Особого напряжения бои с противником достигли 23 и 24 апреля. Фашистское командование неоднократными контрударами стремилось остановить продвижение советских войск, но успеха не достигли. Войска 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов соединились юго-восточнее Берлина, завершив окружение берлинского гарнизона.

Утром 24 апреля 25-й танковый корпус был выведен в район Нойендорф, где вёл напряжённые бои с группировкой противника, пытавшейся выйти из окружения. 27 апреля1944 года воины корпуса раз-

громили противника в районе города Любин. 29 апреля успешно отражали контратаки противника на рубеже Клейне-Хальбе. 30 апреля к исходу дня 175-й танковой бригаде пришлось отразить ещё один контрудар противника на рубеже Лейбш. Гитлеровцы, доведённые безнадёжностью своего положения до полного отчаяния, делали последние попытки просочиться на запад, но успеха не имели. Наши артиллеристы почти в упор расстреливали танки и бронетранспортёры врага. Их прикрывали мотострелки, ведя интенсивный огонь из пулемётов и автоматов.

1 мая 1945 года было принято решение приступить к разгрому почти миллионной группировки немецко-фашистских войск в Чехословакии. В группировку выделенных для операции войск вошёл и 25-й танковый корпус. 7 мая он был включён в состав 4-й гвардейской танковой армии. 8 мая советские войска овладели Дрезденом и, продолжая наступление, вступили на территорию Чехословакии.

Время не стёрло из памяти события тех дней. Яркими страницами вспоминаются встречи с жителями населённых пунктов Чехословакии, через которые мы проходили, их восторженные улыбки, тёплые, приветственные слова, многочисленные букеты цветов.

В ночь на 9 мая передовые части 4-й гвардейской танковой армии совершили 80 километровый бросок, преодолев Рудные горы, на рассвете ворвались в Прагу. При активной поддержке боевых дружин восставшей Праги 9 мая город был полностью освобождён и спасён от готовившегося разрушения.

Необходимо отметить, что тяжёлых боёв при освобождении города не было. Немецкое командование главное внимание обратило на возможность вывода своих войск из-под нашего удара в зону действий американской армии. Кровопролитные, тяжёлые бои продолжались 10 и 11 мая с окружённой группировкой немецко-фашистских войск, возглавляемой генерал-фельдмаршалом Ф. Шернером, стремившейся, несмотря на большие потери, прорваться на запад. Активные действия наших войск позволяли успешно отражать все атаки фашистов и их попытки прорыва. Особенно больно было осознавать, что при этом мы несли немалые людские потери, когда весь советский народ уже праздновал победу.

Одновременно с ликвидацией окружённой группировки врага, развивая наступление, 11 мая наши войска вошли в соприкосновение с 3-й американской армией. 175-я танковая бригада встретилась с американцами в районе г. Клатови (36 км южнее Пльзеня). К полудню 162-я танковая бригада вышла в район г. Пшибрам (40 км юго-восточнее Пльзеня), захватив штаб так называемой Русской освободительной

армии Власова. В это время я был вместе с командиром бригады полковником И. П. Мищенко. Власовцы сопротивления не оказывали. Самого Власова в штабе не было. Со слов начальника штаба генерала Трухина, он находился в расположении 1-й дивизии РОА, стремившейся выйти в расположение американских войск. Полковник И. П. Мищенко немедленно поставил задачу командиру мотострелкового батальона бригады капитану М. И. Якушеву захватить Власова. 12 мая к исходу дня Власов был пленён и доставлен в штаб корпуса, где, по предложению командира 25-го танкового корпуса Е. И. Фоминых, подписал приказ своим частям о сдаче оружия.

На этом для меня участие в войне закончилось. В звании капитана я исполнял обязанности начальника штаба артиллерии 25-го танкового корпуса. Командующим артиллерией корпуса в это время был полковник Орехов.

В период Великой Отечественной войны я был награждён:

- орденом Красной звезды (№254747) приказом командующего войсками 11-й гвардейской армии генерала И. Х. Баграмяна (№069 от 1 сентября 1943 года) за организацию и обеспечение огнём артиллерии боевых действий 162-й танковой бригады при овладении крупным узлом железных и шоссейных дорог Хотынец в июле 1943 года в Орловской наступательной операции. Награду вручал начальник политотдела 25-го танкового корпуса полковник П. М. Елисеев в штабе корпуса, находившегося в районе г. Минск;
- орденом Отечественной войны второй степени (№38488) – приказом командующего войсками 13-й армии генерала Н. П. Пухова (№11/н от 20 марта 1944 года) за умелую организацию артиллерийского обеспечения действий передового отряда 25-го танкового корпуса при овладении г. Новоград-Волынский. Награду вручал в начале апреля 1944 года командир корпуса генерал-майор танковых войск Ф. Г. Аникушкин в штабе 25-го танкового корпуса, находившегося западнее г. Броды;
- орденом Отечественной войны первой степени (№77597) – приказом командующего войсками 3-й гвардейской армии генерала В. Н. Гордова (№089/н от 2 февраля 1945 года) за непосредственное участие в организации артиллерийского обеспечения боевых действий 25-го танкового корпуса при освобождении крупного административного центра Польши г. Кельце. Награду вручал в середине февраля генерал В.Н. Гордов в штабе 3-й гвардейской армии; орденом Красного Знамени (№ 290060) –

приказом командующего бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Украинского фронта (№026 от 28 апреля 1945 года) за умелую организацию артиллерийского обеспечения боевых действий 25-го танкового корпуса при форсировании р. Нейсе. Награду вручал командир 25-го танкового корпуса Е. И. Фоминых после окончания войны в штабе корпуса.

В годы войны в мае 1942 года во время артиллерийского обстрела погибла моя мать, Семёнова Наталия Фёдоровна, которая работала начальником машиносчетной станции Ижорского завода. Братьев и сестёр я не имею. Отец умер в 1932 году. Близких родственников не осталось.

Военную службу проходил в составе 4-й гвардейской танковой армии с июля 1945 по март 1981 года. Уволен из Вооружённых Сил СССР приказом министра обороны (№0176 от 11 марта 1981 года) по ст. 59-б.

Перечень опубликованных научных трудов и статей:

- «Боевое применение инженерных бригад РВГК, вооружённых ракетами Р-1, Р-2 в операции». Учебное пособие для слушателей Военной академии им. Дзержинского. Издано в 1956 году в академии. 8 печатных листов.

– «Основы боевого применения атомной, тяжёлой реактивной и ракетной артиллерии». Издано в 1957 году в академии.

– «Артиллерийское обеспечение боя и операции». Учебник для слушателей военных академий. Издан под редакцией маршала артиллерии Г. Ф. Одинцова в 1958 году.

– «Научно-технический прогресс и развитие вооружённых сил». Учебное пособие для слушателей вузов Вооруженных Сил Сирийской Арабской Республики. Издано в 1979 году под редакцией министра обороны, корпусного генерала М. Тласа на арабском языке.

«Советское военное искусство и основные периоды его развития от Кутузова до Жукова». Военно-исторический очерк. Издан в 1980 году на арабском языке для офицеров Вооружённых Сил Сирии. 20 печатных листов.

Статьи в газете НПО Машиностроения «Трибуна»:

– «55-я годовщина коренного перелома в ВОВ» (начало контрнаступления под Сталинградом). 14 ноября 1997 год.

– «Мы армию нашу растили в сраженьях» (к 80-й годовщине создания Красной Армии). 20 февраля 1998 год.

«У России был, есть и будет надёжный гарант безопасности» (к 39-й годовщине ракетных войск стратегического назначения). 11 декабря 1998 год.

– «День памяти и скорби» (к 68-й годовщине нападения фашистской Германии на Советский Союз). 18 июля 1999 год.

– «55-я годовщина Великой Победы». 4 и 12 мая 2002 год.

«Народ верит в свою армию» (к 83-й годовщине создания Красной Армии). 23 февраля 2001 год.

– «Вернуть инженеру былое величие» (к 300- летию создания системы инженерного и военного образования в России). 1 марта 2001 года.

«56-летие Великои Победы». 7 мая 2001 год.

– «Так готовилась война» (К 60-летию нападения фашистской Германии на СССР). 22 июня 2001 год.

«Навеки вместе» (К 57-й годовщине Карпатско-Дукленской операции). 26 октября 2001 год.

«60 лет Московской битве». 2 и 9 ноября 2001 год.

– «Последняя операция советских войск против гитлеровской Германии» (к 57-й годовщине победы). 7 мая 2002 год.

– «59 годовщина Курской битвы». 5 и 12 июля 2002 год.

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Жуков Сергей Владимирович***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Серов Иван Семенович

ДУЭЛЬ ТАНКА-ТРАЛЬЩИКА С ТАНКОМ «ТИГР»

Я родился 25 октября 1915 года в селе Польное Ялтуново Шацкого района Рязанской области, в семье крестьянина-середняка. Кроме отца и матери, в семье было четыре брата и сестра – Григорий, Андрей, Михаил, Иван и Мария. Все братья и сестра в разное время и из разных мест были взяты на фронт ВОВ. Григорий и Михаил погибли на фронте в первые месяцы войны, т.е. в 1941 году. Андрей, Иван и Мария были на фронтах войны до 9 мая 1945 года. Андрей скончался на родине в 1980 году, Мария скончалась в 1992году.

В 1931 году я уехал в Москву. Работал в Московском паровозном депо имени Ильича с 1931 по 1934 год слесарем по ремонту паровозов. В 1935 году окончил курсы машинистов дрезин и мотовозов и был направлен на работу на Украину в г. Старобельск, откуда в 1936 году был призван в Красную армию в г. Коканд Узбекской ССР, где прослужил в отдельном танковом батальоне в должности командира башни до октября 1938 года. В 1938 году я поступил учиться на паровозного машиниста в г. Волховстрой, откуда в 1939 году Волховским райвоенкоматом был направлен на шести- месячные курсы командного состава в г. Луга. По окончании курсов был направлен в г. Мурманск, где работал помощником машиниста электровоза, а потом старшим инспектором по военно-мобилизационной работе.

22 июня 1941 года в 12 часов дня Молотов В.М. объявил по радио, что Германия вероломно напала на Советский Союз – началась

Великая Отечественная война. В мурманском военкомате сразу началась мобилизация мужского населения для отправки на фронт. Город был неузнаваем – плач детей, жен и матерей, которые провожали своих близких и родных на фронт. Стали создаваться добровольные ополченские отряды.

27 июня 1941 года меня вызвали в военкомат и дали направление на Карельский фронт в г. Валокурти (Кандалакшское направление) в 429-й танковый батальон 14-й армии, а потом 19-й и 26-й армий. В батальоне в основном были легкие танки: Т-7, Т-26, Т-27, но в начале 1943 года наши легкие танки были заменены американскими средними танками М-3 (генерал Грант).

В основном 429-й танковый батальон вел оборонительные бои. Я занимал должность командира танка. В одном из боев был убит командир танкового взвода Саша Макаров, после этого боя меня назначили командиром танкового взвода.

После заключения мирного договора с Финляндией в 1944 году на базе 429-го танкового батальона под г. Тула (тесницкие лагеря) был сформирован 91-й отдельный танковый инженерный траловый полк, где я был назначен командиром танковой роты.

Полк был передан 1-му Украинскому фронту в 4-ю гвардейскую танковую армию генерала Лелюшенко Д.Д.

За боевые действия полку было присвоено звание Келецкого 119-го гвардейского орденов Михаила Кутузова, Богдана Хмельницкого, Александра Невского. Всё это было в конце войны.

Но в начале 1944 года я со своей танковой ротой минных тральщиков (10 танков) придавался 10-му корпусу 4-й танковой армии. Задача роты тральщиков состояла в том, чтобы проделывать проходы в минных полях противника, по которым должны проходить наши линейные танки, обеспечивая наступление 10-го танкового корпуса 4-й танковой армии.

12 января 1945 года начались боевые действия на Сандамирском плацдарме (в Польше). В боевую задачу моей роты входило: проделать проходы в минных полях противника, по которым должны пройти линейные танки 63-й танковой бригады полковника Фомичева М.Г. (впоследствии генерал-майор, дважды герой Советского Союза). Моя боевая задача была выполнена без потерь в боевой технике.

А танки 63-й бригады, преодолев минное поле, двинулись дальше, выполняя боевую задачу.

Я со своей ротой из 10 танков двигался сзади по заданному маршруту. Достигли города Хенцин.Здесь ко мне подбежал майор и сообщил следующее: в 3-5 км от города движется огромная колонна

немцев с большим количеством боевой техники, немцы думают, что в городе стоят их войска, если мы не примем никаких мер – то они нас уничтожат. Мы немедленно собрали все разрозненные подразделения, которые находились в городе, я отцепил от танков тралы, четыре танка оставил замаскированными на окраине города, навстречу идущей колонне, а на остальные шесть танков посадил по несколько человек на броню. Все остальные разрозненные подразделения замаскировались на окраине города. Подпустив немецкую колонну ближе к городу, мы открыли шквальный огонь, расстреливая из пушек и пулеметов, давя гусеницами. В немецкой колонне поднялась страшная паника (для них это было полной неожиданностью). Горели автомашины, тягачи, шестиствольные минометы.

В отдельных местах немцы организовали сопротивление и вступали в бой, на танке командира взвода лейтенанта Безрукова В.М. вражеским снарядом была перебита гусеница, которую пришлось ремонтировать под прикрытием наших танков и наших десантников. Но исход боя был предрешен, наши танки сразу же подавляли противника. С трех часов дня до утра шел бой, колонна была полностью разгромлена.

А утром были подсчитаны результаты боя. На площадь города было свезено огромное количество подбитой нашими танками немецкой техники. На что был составлен акт, который до настоящего времени хранится у меня как реликвия Великой Отечественной Войны.

За этот бой я был награжден орденом «Красное Знамя», личный состав роты был награжден орденами и медалями.

Ещё один эпизод боя. В Германии, в районе города Леобшютц, несколько дней шли ожесточенные бои. На одном стратегическом направлении расположена деревня. Немцы заняли круговую оборону, и наши войска не могли выбить немцев из этой деревни, посылать же наши танки для уничтожения засевших там немцев было нецелесообразно, так как противник располагал грозным противотанковым оружием фаустпатроном, который мог прожигать любую броню. Танки моей роты были экранированы, и фаустпаптрон для них не был опасен.

Я со своей ротой танков, не отцепляя тралы, ворвался в деревню, с хода открыл ураганный огонь из пушек и пулеметов, раздавил два противотанковых орудия и уничтожил более роты солдат и офицеров. После боя мы обнаружили три пробоины на экранированных листах, но броня на танках не пострадала.

За этот бой я был награжден орденом Александра Невского.

Ещё один эпизод – дуэль танка-тральщика с танком «тигр».

На подступах к городу Люкенвальде я со своей ротой минных тральщиков проделал проходы в минных полях противника. Один мой танк был подбит вражеским снарядом, остальные исправные танки я отвел в укрытое место, а подбитый танк решил отбуксировать к недалеко стоящему отдельному домику и поставил его между двумя кирпичными стенами, а диски трала поднял выше лобовой части танка.

Не прошло и 10 минут, точно из-под земли появились три немецких танка «тигр». Заметив русский танк, они открыли по нему ураганный огонь, но все снаряды попадали только в диски трала, не задевая самого танка. Не добившись успеха, немецкие танки прекратили дуэль, а танк-тральщик своим снарядом разбил на одном немецком танке гусеницу. В результате немецкий танк оказался в плену наших войск. Состоявшаяся дуэль была в пользу танка-тральщика.

Много раз я со своей танковой ротой минных тральщиков проделывал проходы в минных полях противника, по которым проходили линейные танки 63-й, 62-й и 61-й танковых бригад, обеспечивая наступление 10-го корпуса 4-й гвардейской танковой армии, за что получал другие правительственные награды, участвовал в штурме Берлина и в освобождении Праги. Был ранен.

Награжден:

- орденом Красного Знамени,
- орденом Александра Невского
- орденом Отечественной Войны I-й степени
- орденом Красной Звезды
- медалями «За оборону советского Заполярья», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги»

и ещё шестнадцатью медалями.

Демобилизовался из армии 30 сентября 1946 года в звании старшего лейтенанта. Работал в Москве в одном специализированном управлении в должностях: мастер, прораб, начальник участка, без отрыва от производства окончил курсы административно-руководящего состава.

Много раз на моих глазах на поле боя горели подбитые немецкие танки, горели советские танки и танки моей роты.

Но я заметил, что наши танки горели как-то медленно и вяло, а подбитые немецкие танки сразу же охватывало огненное пламя почти со всех сторон, и через 20-30 минут происходил сильный взрыв от детонации собственных снарядов, которые находились в горящем танке. Взрывы были такой мощности, что башня танка летела вверх на 15-20 метров.

Нашим советским танкам меньше угрожал такой исход потому, что они работали на тяжелом топливе – на солярке, а все германские танки работали на чистом авиационном бензине. Это еще раз доказывает преимущество советских танков перед танками фашистской Германии.

Февраль 2003 года.

Следин Леонид Никитович

МАЛЕНЬКИЕ СОЛДАТЫ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ

Я родился 18 июня 1926 года в городе Омске. По национальности – русский, по вероисповеданию – православный.

До войны окончил 7 классов средней школы №10 в г. Шахты Ростовской области. Я узнал о начале войны в июне 1941 г., в дни, когда директора школы и всех мужчин -учителей стали призывать в действующую армию.

Кроме меня, на фронтах Великой Отечественной войны воевал мой отец Никита Васильевич Следин (был убит в 1943 г.), и мои братья: Иван, 1921 г.р., Сергей, 1923 г.р., Николай, 1924 г.р. Сейчас они инвалиды войны и имеют правительственные награды.

Призван в армию я был в мае 1943 года. Май 1943г. – июнь 1944 г. – город Пенза, военный лагерь Ахуны в составе 68 зенитно-артиллерийской дивизии, 1999-го зенитно-артиллерийского полка. В 1945 г. воинская часть была переименована в 6-ю гвардейскую Львовско-Берлинскую орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского дивизию, а полк – в 432-й гвардейский Львовско-Берлинский в составе 4-й танковой армии.

С апреля 1944 года на фронте. Первый бой в поселке Залещики на реке Днестре. Далее боевой путь проходил по следующим местам(в порядке их освобождения или взятия): Пилипчи, Тернополь, Збарж, Злочев, Львов, Чаплин, Самбор, Перемышль, Жешув, р. Вис-

ла, Сандомирский плацдарм, Гошкув, Петрокув, Шильберг, Ибсдорф, р. Одер, Кебен, Бреслау, Бриг, р. Нейсе, Ратибор, Примкенау, Зарау, Теплице, Котбус, Шпремберг, р. Шпрее, Люкенвальде, Потсдам. 2 мая 1945 года был в горящем рейхстаге в Берлине. Далее семидневный марш-бросок по Германии через Рудные горы в Чехословакию. По Чехословакии с боями до Праги. 9 мая 1945 года наша часть была в Праге. Конец войны.

День Победы встретил на перевале Рудных гор, на границе Германии и Чехословакии. Мы вместе с танкистами медленно двигались на перевал, а за перевалом – Чехословакия. Моросил мелкий теплый дождь. По размокшей еле проходимой грунтовой дороге мы с трудом продвигались вперед. В 2 часа ночи 9 мая 1945 года вдруг открывается ураганная стрельба из всех видов стрелкового оружия. Хватаю автомат, выскакиваю из машины, залегаю в кювете, ориентируюсь, откуда стреляют. Слышу крики: «Ура!!!! Победа!!!!». С радости поднимаюсь и вместе со всеми даю автоматные очереди в небо.

Ликование было всеобщее. Радость победы всколыхнула все войска, находившиеся в это время на перевале Рудных гор. Мы салютовали, радости не было конца, многие из нас как дети плакали.

Война закончилась, а нам еще предстояли кровопролитные бои на территории Чехословакии. И вот уже после войны, а именно 9 мая 1945 г., многие солдаты и офицеры Советской Армии отдали свои жизни за освобождение Чехословакии.

Закончил войну сержантом, занимал должность командира отделения разведки полка.

В июле 1945 года своим ходом, со всей боевой техникой, выехали из Чехословакии через Австрию – город Вену и озеро Шапрон – в Венгрию. В Венгрии служба проходила по городам Кесег, Будапешт, озеро Балатон. В сентябре-октябре 1945 года передислокация через Австрию в Германию.

В Германии прослужил до самой демобилизации, а служба проходила по следующим городам: Дрезден, Берлин, Бизенталь, Франкфурт, Фюрстенвальде, Лейпциг, Гале, Хемниц.

Демобилизовался в мае 1950 года из германского города Хемниц. После 7 лет службы вернулся в родной город Шахты Ростовской области.

Во время войны получал легкие ранения, лечение проходил в полковой санчасти.

После демобилизации поступил в Новочеркасский геологоразведочный техникум, который окончил в 1953 году, а в 1954 году поступил в Московский институт нефтехимической и газовой промышленности имени Губкина и окончил его в 1961 году. Занимался геологическими исследованиями территории СССР, а также зарубежных стран, таких, как: Монголия, Сирия, Гвинея, Афганистан, Ливия.

За годы войны было множество эпизодов, о которых можно рассказать. Вот некоторые из них.

Почти никто не верит, что мы, рожденные в 1926 году, принимали участие в боевых действиях на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Но это было так. Мы воевали и воевали хорошо. Нас призвали весной 1943 года. После короткого курса обучения в апреле месяце 1944 года нас ввели в состав 1999 зенитного артиллерийского полка 68 зенитной артиллерийской дивизии Резерва главного командования.

Когда нас, почти мальчишек, привели на сборный пункт полка, командир полка майор Иванов Г.Н. горько бросил:

- Довоевались. Из детского сада начали призывать в армию. Ну что с ними будем делать? Вы только посмотрите на них. Шкеты какие-то с цыплячьими шеями.

Выглядели мы тогда действительно неважно. Да и как нам было выглядеть хорошо, когда питались мы, в сущности, «подножным кормом». Чтобы прокормить самих себя мы часто целыми отделениями бродили по пустырям, вырывая с корнем молодую крапиву для «витаминного» борща. Но как бы то ни было, мы жили, обучались воинскому делу и сумели показать и доказать, на что мы способны – все без исключения «детсадовцы» к концу войны имели награды разного достоинства, от медали «За боевые заслуги» до Звезды Героя Советского Союза. Но речь ниже пойдет не о нас, хотя каждый из нас достоин, чтобы о нем писали, помнили.

Помнится между Полтавой и Киевом, на каком-то небольшом полустанке, наш воинский эшелон задержали на неопределенное время. Мы, обрадованные неожиданной остановкой, высыпали из вагонов и с молодым задором разминались. В эти минуты ко мне подошли два мальчугана, одетые в невообразимо грязное тряпье. Один из них тронул меня за руку и спросил:

– Дяденька, вы едете на фронт?

Я опешил и подозрительно осмотрел мальцов. Обращение ко мне «дяденька» меня подняло в собственных глазах. Я спросил, как мне показалось строго:

А вам зачем знать?

Один из них ответил:

– Мы тоже хотим на фронт.

Вот это да! – обдало меня жаром. И я, почти голосом командира полка Иванова Г.Н. бросил:

– Нам еще не хватает «детского сада».

На что второй с гордостью ответил:

– Мы не детский сад. Мы пионеры.

Но мне они показались подозрительными (нас все время предупреждали о бдительности) и я решил отвести пацанов к дежурному по эшелону лейтенанту Вураки А.Ф.

Вот что, друзья, сказал я, по-моему, хитро, я не против, чтобы вы поехали на фронт, но это нужно оформить официально. Идемте!

Куда? насторожились ребята.

– В штаб.

Не, там нас не возьмут, махнул рукой один из них, пробовали. Ничего не получится. Идем отсюда, Хабир.

К нам подошли другие солдаты, начали расспрашивать ребят. Пожилые солдаты совали мальцам хлеб, сахар. Нужно было видеть с какой жадностью они все это ели.

Ко мне подошел командир взвода, спросил:

– В чем дело?

Да вот, просятся на фронт.

– Куда? – удивился он. – А ну брысь отсюда!

Мальчишки, видимо наученные горьким опытом, не стали дожидаться повторного приказа, и «брызнули» в разные стороны.

– Что натворили фашисты! – вздыхали старые солдаты.

Раздалась команда по вагонам и эшелон, медленно набирая скорость, продолжил движение.

Каково же было мое удивление, когда на следующей остановке, дежурный по эшелону вместе с начальником караула вели этих мальчишек к начальнику штаба полка капитану Царапкину В.Ф.

Лейтенант Вураки А.Ф. доложил:

– Товарищ капитан. Задержаны двое подозрительных. Одного нашли в вагоне прикрытия, другого – в «собачьем» ящике под вагоном.

Мы окружили ребят плотным кольцом и ждали, чем все это кончится. Неожиданно оба пацана подошли к капитану Царапкину, поняв видимо, что он старший, и плачущим голосом, перебивая друг друга, взмолились:

Дяденька капитан, возьмите нас ради бога на фронт. Мы все будем делать так, как вы, мы пионеры. Возьмите, а? У нас нет дома.

Они заплакали горькими слезами, размазывая глаза грязными, давно немытыми руками.

- А родители ваши где? – спросил капитан.

-Не знаю, угрюмо ответил один.

-Мою маму немец убил, а папа пропал без вести, – ответил другой, вытирая слезы – возьмите нас.

У многих солдат в эти минуты на глаза навернулись слезы. Мы, молодое поколение полка, еще не знали страшных будней войны и стали просить капитана:

-Давайте возьмем их с собой.

Старые солдаты прижали к себе мальчуганов и тут же смахивали со щек крупные солдатские слезы. В это время опять раздалась команда:

-По вагонам!

-Лейтенант Стрельников, распорядился капитан Царапкин, возьмите их в свой взвод, а я доложу командиру полка. Чем черт не шутит. Может он примет решение.

-Есть взять ребят во взвод, – отчеканил лейтенант Стрельников. Солдаты, как пушинок, подхватили ребят и отдали их солдатам в вагоне. Четко цокая колесами на стыках рельс, поезд вновь пошел к фронту. Капитан Царапкин В.Ф. легко вспрыгнул на подножку штабного вагона, посмотрел вдоль эшелона, не отстал ли кто, скрылся в вагоне

На следующей остановке к нам в теплушку поднялся лейтенант Вураки А.Ф. и со вздохом сказал:

-Ничего не получается. Майор Иванов Г.Н., да и замполит капитан Захаров С.С. приказали сдать ребят в ближайшую комендатуру. Вот так, развел он руками. Накормите ребят, соберите им харчишек на дорогу. Он обнял ребят, прижал их к себе.

-Ничего не поделаешь, рановато вам воевать.

Оба мальчугана сжались, сразу сделались какими-то маленькими и до того жалкими, что мы взмолились:

-Товарищ лейтенант, разрешите их оставить у нас. Ну, хоть до Киева, а то мы всем взводом пойдем к командиру. Если надо – пойдем к командиру дивизии.

Лейтенант Вураки снисходительно улыбнулся. – Ладно, довезем до Киева, а там посмотрим.

Пока эшелон шел до Киева, мы узнали короткие нехитрые биографии наших случайных попутчиков.

Марков Константин («Косточка») родился и жил в Ленинграде, пережил там блокаду, был ранен. Отец его погиб на фронте, мать умерла от голода. Из Ленинграда был эвакуирован, но по дороге

отстал от эшелона, долго скитался по дорогам России и, наконец, попал к нам

Саяпов Хабир Нуралиевич – татарин. Родился в 1929 году. До войны жил в Челябинской области, Златаусском районе, Кувшинском сельсовете на станции Тундеш Южно-Уральской железной дороги. Деревню он свою называл Пролей Каша. Отец погиб на фронте в первые дни войны, мать потерял. Пробирается на фронт мстить за отца.

Все это произвело на нас гнетущее впечатление. Ребят стало жалко до слез, особенно пожилым солдатам, у которых дома на родине остались дети. Мы решили просить командира полка оставить их у нас, во взводе управления. Как только эшелон прибыл в разбитый Киев, мы всем взводом пошли к штабному вагону. Старший из нас (по возрасту) не помню кто, веско потребовал:

– Товарищ лейтенант, зовите командира полка.

Лейтенант скрылся в вагоне и через минуту к нам вышли командир полка майор Иванов Г.Н., начальник штаба капитан Царапкин В.Ф. и замполит полка капитан Захаров С.С.

В чем дело? строго спросил майор Иванов. По какому случаю сбор? Вы кто, бойцы советской армии или цыганский табор? Лейтенант Стрельников, наведите порядок.

Лейтенант подошел к нам и скомандовал:

– В две шеренги становись.

Солдаты, приученные к дисциплине, быстро разобрались и построились.

Смирно! Равнение на середину, скомандовал лейтенант Стрельников и, четко повернувшись, доложил майору Иванову Г.Н.:

– Товарищ майор, взвод управления полка по вашему приказанию построен.

– Ну, так в чем дело? – спросил майор.

Мы, до этого смелые и решительные, вдруг оробели. Одно дело толпа, другое дело – строй.

– Ну, в молчанку будем играть? - спросил майор. – Что случилось, я вас спрашиваю?

Наконец, старший из нас пожилой солдат спросил:

Разрешите обратиться, товарищ майор.

– Разрешаю, – ответил майор Иванов. Мы просим оставить ребят у нас во взводе. Они сироты. Пропадут, товарищ майор. Разрешите.

– Каких ребят, – не понял майор.

– Да вот этих – солдат вытащил из-за спины ребят и поставил перед собой.

– Мальцы, ну куда они, пропадут ведь.

Майор Иванов недоуменно осмотрел ребят, перевел взгляд на солдат, потом повернулся к капитану Царапкину, спросил:

– Капитан, почему не выполнили мое приказание?

Капитан Царапкин пожал плечами, как-то просто ответил:

– Жалко стало, товарищ майор, понимаете просто жалко. Уж очень просили бойцы, вот и пожалел.

– Что будем делать, комиссар? – спросил майор замполита, называя его по старому комиссаром.

Капитан Захаров, видимо давно уже понявший суть происходящего, спокойно ответил:

Раз бойцы просят можно оставить их в полку. Я думаю, дисциплина во взводе, да и в полку будет крепче. Солдаты наглядно будут видеть, кого они защищают.

– А ты что думаешь? – повернулся майор к капитану Царапкину, но очевидно поняв, что ребята оставлены во взводе с его разрешения, не выслушав ответа, отвернулся.

– Задали вы мне задачу, – задумчиво произнес майор, потом решительно добавил:

– А что, товарищи, возьмем? Пусть для них полк будет домом родным, а мы будем для них родители. А?

Ура! закричали мы, ломая строй.

Майор Иванов повернулся к капитану Царапкину и приказал:

Помыть, выдать обмундирование, поставить на довольствие, а завтра обоих ко мне, – и, повернувшись, легко вскочил на ступеньки тамбура штабного вагона и скрылся в нем.

Мы окружили ребят и радостные, и возбужденные потащили их к своему вагону.

Утром следующего дня ребята уже помытые, одетые в широкое, не по росту, обмундирование, вновь стояли около штабного вагона. Поодаль выстроился наш взвод. Из штабного вагона вышел майор Иванов, поздоровался с нами, подошел к ребятам.

– Итак, с этой минуты вы не хлопцы-пацаны, а бойцы Красной Армии. С сегодняшнего дня вы солдаты, и как все, будете стоять на боевом посту в действующей армии, – сказал строго.

Служим Советскому Союзу в один голос ответили ребята, отдавая честь.

Майор Иванов улыбнулся, спросил:

Как фамилия?

– Косточка Марков, – ответил первый.

Косточка? Что за имя?

– Так меня звала мама, – смущаясь, ответил Костя Марков.

– Понятно, Косточка. Откуда сам?

Из Ленинграда. И он, сбиваясь, рассказал свою коротенькую, но правдивую биографию. Был ранен. Мама умерла от голода. Папа как ушел на фронт так до сих пор не знаю, где он. Мама говорила, что он убит в народном ополчении.

– Дяденька майор, я хочу на фронт, я хочу отомстить за папу и маму.

Мститель мне нашелся, бросил майор. – Ну ладно, а ты? спросил он второго. Он четко ответил: – Я Саяпов Хабир.

Саяпов Хабир. Татарин, Отец погиб на фронте. Я его очень любил. Мама не знаю где. Если вы меня не оставите в армии, я все равно пойду на фронт, решительно заявил он. – Я фашистов зубами буду грызть.

– Зубами фашиста не возьмешь, – бросил майор. – На фашиста нужно более твердое оружие. Ладно. Зачислим вас во взвод управления, будете нам сынами полка. Договорились? Так кем хочешь быть, боец Марков? – спросил майор.

Разведчиком, ответил Марков.

– Ну а ты, – повернулся майор к Саяпову.

– Связистом, – как давно решенное, ответил Хабир. – Я маленький, я везде проберусь. Стрелять я умею, меня папа часто водил в тир.

Майор горько улыбнулся. Что он думал в эти минуты? Но справился с собой и, повернувшись к лейтенанту Стрельникову, приказал:

– Лейтенант, зачислите одного в отделение разведки, а другого – в отделение связи.

Спасибо, дяденька майор, засияли от радости ребята.

– Что это за дяденьки, – нарочито строго нахмурился майор. – В армии дяденек нет. В армии есть бойцы и командиры. У всех есть звания. Обращайтесь по уставу.

– Есть, – четко ответили ребята.

– Вот так-то.

Мы подхватили ребят и потащили в свой вагон. С этих пор началась служба сынов полка Маркова Косточки из Ленинграда и Саяпова Хабира из Татарии.

Первое боевое крещение мы получили в конце апреля 1944 года возле железнодорожного моста через реку Днестр, около города Залещики. Перед нами была поставлена задача, не дать противнику разрушить стратегически важную переправу, по которой осуществлялась переброска наших войск.

Противник не хуже нас разбирался в обстановке и стратегической важности переправы. Немцы на разрушение моста бросали огромные силы. В налетах на переправу участвовало порой до сотни самолетов разных модификаций: бомбардировщики «Юнкерс-88», пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87» и истребители типа «МЕ-109Ф» и «Фоке-Вульф-190». Земля стонала от разрывов бомб. Небо покрывалось густыми вспышками зенитных снарядов. Грохот и вой стояли такие, что порой закладывало уши.

Наши сыны полка в этом бою показали себя с самой наилучшей стороны. Косточка Марков безошибочно определял тип самолетов противника, а Хабир Саяпов тут же сообщал с поста наблюдения на командный пункт полка и в батареи о приближении самолетов, их типе и направлении. По этим данным сразу же принимались решения, полк всеми батареями открывал прицельный огонь и самолетам противника ничего не оставалось, как только беспорядочно сбрасывать свой смертоносный груз и отбывать восвояси, не выполнив задания.

Бывали случаи, когда бомбы рвали проводную связь. Тогда Саяпов Хабир, а иногда и Косточка Марков подхватывали телефонный кабель в руку, бежали по линии, обнаруживали повреждение и тут же восстанавливали связь. Мы, молодые «салажата», как нас порой называли бывалые солдаты, тоже не терялись и вели меткий огонь по вражеским самолетам. Ни один фашистский стервятник не прорвался к переправе и не разрушил ее. В этих боях мы узнали и цену боев. Немало полегло от осколков и пулеметного огня наших друзей, в том числе «салажат». Среди них командир орудия Сохнюк Павел Александрович и заряжающий Беспелюгин.

14 июля 1944 года началась Львовско-Сандомирская наступательная операция. Наш 1999 зенитно-артиллерийский полк прикрывал от ударов вражеской авиации 10-й гвардейский танковый корпус, входящий в состав 4-й танковой армии. Наши воспитанники в этой операции принимали самое активное участие. Они с детской непосредственностью рвались в бой и нам надо было их всячески оберегать. Однажды, в очередном бою на Львовщине, внезапно прервалась связь с КП. Не дожидаясь приказа, Хабир схватил провод и как по путевой нити «Ариадны» побежал искать обрыв. Каково же было наше удивление, когда Хабир, восстановив связь, возвратился с «языком». Оказалось, что связь рвал «бендеровец», как выяснилось после допроса диверсанта. Хабир захватил бандита и, угрожая автоматом, привел

врага в штаб, за что одним из первых был награжден медалью «За отвагу». Как же мы завидовали ему, пока сами не стали получать заслуженные нами награды.

В последующих операциях, вплоть до победного завершения боевых действий в Чехословакии, отважные сыны нашего полка действовали смело и решительно, наравне с бывалыми воинами-фронтовиками, преумножая героические подвиги наших воинов.

К великому сожалению, где-то в Карпатах, около деревни Сусидовичи, погиб Косточка Марков. Вот что говорит о его гибели начальник штаба полка Царапкин В.Ф.: «Воевал он разведчиком, но часто выполнял обязанности связиста-линейщика. Вместе с другими связистами он обеспечивал бесперебойную работу связи, а она часто нарушалась по самым разным причинам: то осколком перебьет провод, то кто-то нечаянно или намеренно порвет провод. Косточка охотно выполнял приказания по восстановлению связи. Трудился он с упоением, мужественно. Часто ходил на линию один, так как из-за больших потерь линейщиков не хватало, находил повреждения и устранял их. На Висленском плацдарме он одним из первых был награжден медалью «За боевые заслуги», хотя за его подвиги это было понашему мало».

В одном из боев с группой немцев, пытавшихся остановить продвижение передового отряда 10-го гвардейского танкового корпуса и двух батарей нашего зенитно-артиллерийского полка под командованием Вураки А.Ф. и Квачева Я.И. мы, заняв огневые позиции, совместно с танками корпуса вели несколько часов тяжелый бой. Связь непрерывно рвалась, боем управлять было трудно, местность открытая, покрыта редкими кустарниками, за которые можно было спрятаться, связисты сбились с ног. Косточка, так же как и Хабир, непрерывно на линии с батареей Вураки и Квачева, а связь все рвется и рвется, кругом все кипит, грохот, стрельба и вой вражеских самолетов. Трижды Косточка восстанавливал связь, а она вновь рвалась, но что это – Костя на линии, а связи нет. Послали солдата Дмитриева, иногда командиры звали его «Митрич», он и обнаружил бездыханное тело Косточки на линии с неприсоединенными концами телефонного кабеля в руках. Осколком мины были пробиты грудь и живот, раздроблены кости ног и рук, а на разорванной гимнастерке блестела медаль «За боевые заслуги». Мы вынесли бездыханное тело сына полка и положили в наспех вырытую могилу, прикрыли тело солдатской шинелью и зарыли его в чужой польской земле, на окраине деревни Сусидовичи.

Наш солдат-радист С. Орлов (впоследствии погибший в Германии) сказал на месте похорон: «Его зарыли в шар земной, как будто в мавзолей». Писать, сообщать о его гибели было некому. Похоронили сына полка Маркова Косточку с солдатскими почестями, дали скромный салют из автоматов, оплакали и снова в бой. Воевал сын полка храбро и честно. Этот мальчик сделал не менее, а может быть и более чем взрослый солдат. Он был примером храбрости даже для старых солдат. Слава ему, тихому, скромному, храброму, доброму и наш солдатский низкий поклон. Он свой долг мщения выполнил ценою не расцветшей юной жизни. Он жив в нашей памяти – его старших побратимов. (К сожалению, даже в архивах Министерства Обороны СССР в г. Подольске Косточка Марков в числе погибших не числится. Это еще одна безымянная могила времен Великой отечественной войны. И мы хотим восстановить светлую память о нем, нашем храбром и незабываемом сыне полка).

Его неразлучный друг Саяпов Хабир тоже воевал храбро и отчаянно. После гибели Косточки он был потрясен, сильно переживал, плакал детскими неподдельными слезами, несколько дней ходил грустным и печальным. Ему предлагали вернуться домой, на Родину, но он и слушать об этом не хотел. «Теперь, – говорил, – мне еще и за Косточку мстить надо. Поубивали пап, мам, а вот теперь и моего друга убили». С этого времени он еще рьяней и смелее стал выполнять приказания и более часто напрашивался на боевые задания. Часто под непрекращающимся огнем вражеской артиллерии, бомбежками, под свист пуль пробирался на огневые позиции наших батарей, передавал приказы командира о предислокации или смене огневых позиций, или переносе огня на другие объекты. Наши 37-мм зенитные орудия вели огонь не только по самолетам, но, бывало, и по пехоте противника. Особый эффект создавался при стрельбе трассирующими снарядами прямой наводкой. Эти огненные стрелы наводили ужас на врага. Возникала паника, что создавало благоприятные условия для наступления нашим танкам и пехоте. Часто, когда огонь батарей переносился по пехоте, Саяпов Хабир забирался на высокое дерево и указывал места скопления немцев. Те, в свою очередь, заметив его на дереве, бешено вели по нему огонь, но к счастью все обходилось благополучно. Помню, при форсировании реки Одер наши части подверглись массированному звездному налету вражеской авиации. Сразу сориентироваться, с какой стороны тебя начнут бомбить трудно. Налеты осуществлялись с немецкой пунктуальностью, через каждые 30 минут, а

между налетами обстрел артиллерией. Десятки «Юнкерсов» и «Мессершмитов» не давали возможности поднять головы. Наша пулеметная рота стояла так, что обзор был только с трех сторон, а «Мессеры» прорывались с четвертой, со стороны леса. Надо было срочно передать командиру роты старшему лейтенанту Косолапову И.Н., чтобы он перенес огонь на этот незащищенный участок. Кругом все бушует, горят машины, рвутся снаряды, стрекот пулеметов, разрывы бомб. И вот Саяпов Хабир, в этом аду, уже ползет по поляне, встает, прыгает, снова бежит, падает в воронку, опять появляется и скрывается в лесу. Мы уже видим, как вражеские самолеты с ревом уходят от огня зенитчиков в сторону, беспорядочно сбрасывая свою бомбовую нагрузку не причинив вреда нашим боевым порядкам. Приказ выполнен, ждем возвращения Хабира, а его все нет. В последствии оказалось, при перебежках он был ранен и уже раненым выполнял приказ. Командир роты пулеметчиков оставил его у себя до окончания боя, а затем отправил в медсанчасть. Почти все время он был в гуще боевых дел полка. Как много наши сыны полка выполнили, казалось, не очень важных, но очень нужных поручений. Они ни разу не отказывались от поручений, не увертывались. Сейчас просто диву даешься, как эти мальцы с понятливостью и серьезно относились к любому приказу или поручению.

После взятия Берлина наша дивизия участвовала в завершающей крупной операции Великой Отечественной войны по освобождению братской Чехословакии и восставшей Праги. И в этой операции Хабир не раз проявлял себя настоящим бойцом. Наш, теперь уже 432 гвардейский зенитный артиллерийский орденов Богдана Хмельницкого и Александра Невского полк, в составе передового отряда 10-го гвардейского танкового корпуса, первыми 9-го мая 1945 года в 2 часа 30 минут ворвались в город Прагу, а в 9 часов утра 9 мая 1945 года в районе города Праги на высоте 550 метров появился самолет противника типа «Физлер-Шторх». Огнем второй батареи под командованием гвардии капитана Квачева Якова Ивановича самолет был сбит. Это был последний сбитый самолет противника в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Война закончилась. Прага ликовала. Жители Праги нас целовали, обнимали, обсыпали цветами, угощали вином, приглашали домой в гости, дарили на память сувениры. Нас ждал долгожданный мир. Это был праздник большой Победы. Но мы солдаты. Опять приказ по машинам и мы уже дислоцируемся вблизи города Кландо в местечке под названием Либушин. Здесь был Парад Победы и в строю, наравне со всеми, гордо стоял наш маленький сын

полка, наш храбрый солдат Хабир Саяпов, наш маленький солдат Большой Победы. Грудь его украшали орден «Славы 3-ей степени», медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» Наша дивизия, теперь уже 6-я гвардейская Львовско-Берлинская, орденов Кутузова и Богдана Хмельницкого, из Чехословакии передислоцировались в город Фюрстенвальде. Здесь и началась демобилизация старших возрастов. Мы с грустью провожали старых боевых солдат, наших отцов и дедов по домам. Нам к этому дню исполнилось по 19 лет, и мы продолжали службу. Нам, солдатам 1926 года рождения, военного призыва 1943 года, после войны выпала честь прослужить еще несколько лет вплоть до демобилизации в 1950 году. Что касается нашего сына полка Хабира Саяпова, то его из Германии в июле 1945 года направили в Советский Союз, после чего всякая связь с ним прекратилась. Лишь летом 1989 г., почти через 45 лет наш однополчанин генерал-майор Вураки Андрей Федорович, работая в архивах министерства обороны СССР в г. Подольске, разыскал и сообщил мне краткие сведения о нем. Саяпов Хабир Нуралиевич 1929 года рождения, с 18 апреля 1944 года был зачислен в наш 1999 зенитно-артиллерийский полк. Воевал как линейный наладчик связи, имел серьезные ранения. В июле 1944г. был награжден медалью «За отвагу», а в марте 1945г. орденом «Слава 3-ей степени». В 15 лет получить такие боевые награды удосуживался не каждый взрослый воин.

Узнав его довоенный адрес, я написал в сельский совет, и вскоре получил ответ. Писал его родной брат, тоже участник Великой Отечественной войны Галим Нуралиевич. Хабир жил и работал на Родине, был женат и у него двое детей – сын и дочь. Полученные раны на войне все время беспокоили его, а в последнее время болезнь его подкосила. Он страшно мучился, и в результате 4 сентября 1985 года его не стало. Ушел из жизни наш юный боевой друг. Слава ему и низкий поклон от однополчан. Прошло много лет, навсегда остались в памяти ветеранов события минувших лет. Воспоминания о боевых друзьях, с которыми пришлось переживать и горечь неудач, и радость Победы, и скорбь о гибели боевых товарищей, друзей, шедших рядом по долгим фронтовым дорогам, но чаще всего память возвращает нас к нашим сынам полка, один из них вот уже более полувека лежит в польской земле, второй похоронен у себя на Родине.

В марте 1945 года на одном из участков фронта (на территории Германии) продвижение наших войск преградил интенсивный артил-

лерийский обстрел. Уже горело несколько машин. Нашему зенитному полку предстояло как можно быстрее преодолеть это препятствие. Огонь велся слева из леса, и все, что выходило на это открытое пространство, уничтожалось. Командир полка, Васильев Василий Афанасьевич, приказал начальнику разведки полка капитану Воронину Анатолию Сергеевичу и мне (я в то время был командиром отделения разведки) произвести разведку и уничтожить эту артиллерийскую установку.

Вдоль опушки леса, откуда велся огонь, протекала небольшая речка. Мы, сгибаясь и оглядываясь по сторонам, потихоньку двигались по пойме речушки и как-то незаметно оказались в болоте.

Выбравшись из этого болота, решили перебраться в лес, как вдруг слышим тихую русскую речь: «Товарищи, не стреляйте в нас. Мы – русские девочки, хотим помочь вам! Там стоит немецкий танк и стреляет. Немцы могут увидеть вас. Пойдемте с нами, мы проведем вас незаметно к этому танку».

Мы согласились, и они огородами и только известными им тропами, по густому лесу, подвели нас к танку. Мы сказали, чтобы они уходили, так как здесь очень опасно, а сами приблизились к танку. Люк танка был открыт. Капитан Воронин А.С. приказал мне подойти ближе и в открытый люк бросить гранату. Я почти вплотную подобрался к танку и бросил гранату, а сам успел лечь на землю.

Раздался взрыв, и уже через секунду послышалась немецкая автоматная очередь. Капитан Воронин и я открыли ответный огонь. Мы увидели в нескольких десятках метров от нас двух немецких автоматчиков, которые, приседая, стреляют в нашу сторону, убегая в глубь леса. Потом мы увидели брошенные снаряды, которые они подносили к уничтоженному нами танку. Танк заглох. Дорога была открыта.

В этом боевом эпизоде хотелось бы отметить то, что эти безымянные девочки, по всей видимости, батрачившие в немецких селах и деревнях, увидев нас, решили нам помочь, при этом они ставили под угрозу свою жизнь. Потом, когда наш полк вошел в немецкую деревню, мы узнали этих маленьких, щупленьких девчонок. Они плакали от счастья , были рады своему освобождению. И в неволе они оставались патриотами нашей великой России. Несмотря на угрозу смерти, они выполнили свой священный долг перед Родиной. И мы, два солдата, благодарны им за то, что они, может быть, ценой своей жизни спасли нас. Спасибо им.

После взятия Берлина нам пришлось участвовать в освобождении Чехословакии. Совершили марш-бросок по территории Германии 9

мая 1945 г., преодолев перевал Рудных гор в районе Духов, Терезин. Наши боевые части, сметая сопротивление противника, стремительно продвигались в глубь Чехословакии, к Праге. Там, где не было сопротивления, местные жители плотной толпой выстраивались вдоль дорог и морем цветов встречали наших солдат. В руках чехи держали бутыли с виноградным вином и настойчиво приглашали в гости. Они ликовали, и радости их не было конца. Мы вместе с ними радовались, приветствовали их криками «Ура!». Но останавливаться было нельзя впереди Прага, и нам еще предстоит с боями двигаться вперед.

И вот 9 мая зенитчики 2-й и 4-й батарей 432-го зенитно-артиллерийского полка под командованием майора Васильева В.А. вместе с танкистами 63-й гвардейской танковой бригады ворвались на западную окраину Праги. Завязались уличные бои. Было уничтожено до 20 человек немцев. Самое знаменательное в этом бою то, что боевой расчет командира орудия Ивана Дмитриевича Зелепукина сбил последний в Великой Отечественной войне гитлеровский самолет «Физлер-Шторх».

Награды:

- орден «Славы 3-й степени» (этой наградой я удостоен за операцию по уничтожению немецкого танка);
- орден «Великой Отечественной войны 2-й степени»
- две медали «За отвагу» (награжден этими медалями за участие в боях по взятию Берлина и за освобождение Праги);
- медали: «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне»;
- польская медаль «Свобода и вольность»;
- 10 других юбилейных медалей.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Первухин Игорь Юрьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Супрунов Яков Семенович

ФРОНТОВЫЕ ЭТЮДЫ

Я родился 8 октября 1923 года. Перед войной окончил техникум советской торговли и получил специальность бухгалтера.

Но мирную профессию пришлось сменить на военную. В сентябре 1941 года был призван в армию, направлен в полковую школу. Но закончить ее не удалось – нас бросили на защиту Москвы.

Был ранен. После госпиталя снова на фронт. И снова ранение, в мае 1942 года. Госпиталь в Березниках.

Комиссия признала меня непригодным к военной службе. Там же, в Березниках, пошел работать на химкомбинат. Узнав о формировании Уральского танкового добровольческого корпуса, записался добровольцем. Воевал командиром разведотделения.

Фронтовой путь закончил в ноябре 1944 года после контузии. Награжден двумя орденами Отечественной войны, орденом Красной Звезды, медалями.

Курсанты

Ноябрь грозового 1941 года. На станции Ртищево из пассажирского поезда сошел курсантский взвод полковой школы, направленный во вновь формирующуюся воинскую часть. Выпавший накануне снежок таял под лучами не по- осеннему греющего солнца, оставляя на

перроне лужицы. По ним расхаживали вездесущие вороны, копошились стайки воробьев. В небольшой комнате отдыха, где курсанты оставили свои нехитрые пожитки, на кровати лежали два мальчика. Грудной ребенок все время спал, а другой, постарше, лежал с закрытыми глазами, почмокивая нижнюю губу.

– Болен? – спросил у сидевшей рядом с малышами женщины сопровождающий нас старшина.

– Та ни, не хворый вин. Зовсим охлянув, якый уже день одниею водою жевемо. Из-пид Кыева мы, а батьки там зосталыся, взялы ружья – и в лис, ворога быть.

На лице старшины заходили желваки. Вошел комендант станции, сообщил нам:

– Уедете только ночью. Я договорился, вас покормят на продпункте. Хлеб получите и на ужин, но ужина не будет.Попросив женщину присмотреть за вещами, мы отправились на продпункт, расположенный в бывшем ресторане вокзала.

– Вот что, ребятки, – обратился к нам старшина, – мы пообедаем, а хлеб, что на ужин, отдадим детям. Кого мы едем защищать? Родину, ее людей, ее детей. А эти дети с голода пухнут. Я весь свой хлеб им отдам.

Гороховый суп и овсяную кашу мы ели без хлеба. Вернувшись в комнату отдыха, выложили из карманов свои пайки. Женщина молчала. Ребенок постарше, увидев хлеб, смотрел на него широко открытыми глазами. К нему подошел старшина, достав кружку из левого рукава, подал ребенку.

Бери, пей с хлебом. Это гороховый концентрат, очень полезный. И хлеб вот, бери.

– Не бийся, сынку, це таткови друзи.

Вы сразу ему много не давайте, посоветовал старшина.

– И сами ешьте, а то деток своих оставите сиротами. Меньшего-то как кормите, может, молока ему достать? А ехать вам есть куда?

– Союз большой. Я ведь инженер – энергетик, где-нибудь работа найдется. Думаю вот до Урала как нибудь добраться, – перешла она с украинского на русский.

К женщине подошел невысокий курсант.

Возьмите эти деньги. Мама на дорогу дала. А куда я их дену? Не фрицу же в подарок. Меньшему и купите молока.

Что ж вы все мне поотдали, а сами-то впроголодь.

– Берите, берите, – сует курсант деньги в руки женщине, – а что впроголодь – так злее будем фашистов бить.

В комнату зашел комендант, в руке бутылочка молока с надетой соской.

– Жена полгорода обошла, пока нашла соску. Оно кипяченое, – приложив бутылочку к щеке, добавил, и температура нормальная. Уж я–то знаю. Почти год дочушку из бутылочки кормили. Утром жена еще принесет.

Хотел что–то добавить, но, махнув рукой, по–солдатски повернулся и не прощавшись вышел.

У меня предписание доставить вас в Пензу и передать представителю части, а самому вернуться в полковую школу, – обратился к нам старшина. – Но я решил, и жене об этом сказал, что поеду с вами на фронт. Негоже мне вас, неоперившихся, отправлять в бой, а самому сидеть в тылу. Только вот... Куда деть этих детишек? Придется вернуться ненадолго, тут же рядом. Повернувшись, он сказал как само собой разумеющееся: – Жить будете в Грязнухе. Это рядом с расположением части. У нас квартира двухкомнатная, места хватит. На первых порах поработаете в нашей столовой, а там подыщем что–нибудь посерьезнее. А вас, ребятки, я догоню, не сомневайтесь. А теперь отбой. Кроватей маловато, уложите матрацы на пол, чтоб всем разместиться. В три часа ночи разбужу. Спите.

С маршевой ротой

На поляне, среди раскидистых дубов, только что закончился концерт заезжих артистов по случаю присвоения части гвардейского звания. Ко мне, снимающему красное полотнище с раскрытых боков ЗИСа, служившего сценой артистам, подошел помначштаба по разведке

– Ну, как, гвардия? Знак «Отличный разведчик» и медаль «За боевые заслуги» будем обмывать чуть позже. А сейчас едем в сто десятую. Надо посмотреть, где завтра будем наступать. Бери Микрюкова, он самый легкий в вашем взводе, исключая тебя. Едем с Болгарем вчетвером на его «Хорле». Окинув меня взглядом, капитан добавил: Прикрой сержантские погоны комбинезоном.

Через пару часов езды по бездорожью послышалась частая минометно-пулеметная стрельба.

– Это сто десятая. Возьми, сержантик, Микрюкова, посмотри, что у них там, а мы с Болгарем в перелесок, где штаб дивизии.

Мотоцикл двинулся дальше, а я и Микрюков спустились в балочку. На противоположном склоне, покрытом султанами разрывов, густо лежало более полусотни солдат. Кто–то старался нагорнуть перед собой бугорок земли, а кое–кто лежал уже в неестественной позе. В лощинке было несколько раненых. Около них суетился старшина, пытался перевязывать. Кисть его левой забинтованной руки намокла от крови.

– Это что за комедия? – срываясь на крик, спросил я одного из раненых. Вас же всех перебьют на взгорке, как куропаток. Вы из сто десятой?

Маршевая рота. Сегодня только прибыли в полк. Покормили и приказали взять эту высотку...

– Эх, вы, салаги–недоучки. Чего же они лежат? Надо броском вперед...

– Да нет, товарищ сержант, это не салаги. Мы все в боях уже были, из медсанбата. Некоторые еще с повязками и наклейками. Да вот... Было у нас два лейтенанта, еще в полку дали старлея. Только поднялись в атаку первыми разрывами всех троих убило, а меня ранило. Пытался я их поднять в атаку, да куда там. Погибли ребята ни за понюшку табака.

Микрюков, помоги старшине, а я попробую их поднять. Ежели что – иди в лес, капитану доложишь.

Минометный обстрел немного ослабел, и я, пригнувшись, одним броском побежал до лежавших. Падая, я ощутил на груди полотнище, которое, сняв с автомашины, впопыхах запихал под комбинезон. «Не потерять бы, а то попадет от Анциферова. Дурак, не отдал его, теперь носись с ним, как дурень со ступою». Приподняв голову, увидел, что многие смотрят в мою сторону наверное, привлекла внимание отличавшаяся форма одежды. «Живы, много еще живых, медлить нельзя, иначе некого будет поднимать».

Я резко поднялся во весь рост:

– Я ваш новый командир роты! Слушай приказ! Коммунисты и комсомольцы, все, кто меня слышит! набрал полную грудь воздуха, что есть силы прокричал: – За Родину, за Сталина, вперед!

Мой автомат остался в мотоцикле. Рука потянулась к кобуре с пистолетом. Другой рукой рванул воротник комбинезона, выхватил красное полотнище, поднял его над головой и кинулся вперед. Меня догоняли и обгоняли те, кто еще минуту назад лежал на подступах к высотке. Даже многие раненые устремились вслед за бегущими.

Послышалось, нарастая, «Ура!» Рота ворвалась в окопы на минометную батарею. Ко мне подбежал раненный в руку старшина, выхватил у меня красное полотнище.

– Спасибо, лейтенант! Теперь и сами справимся. Передай – высотка наша. Ждем подкрепления. Боюсь, сами не удержим.

Бросив взгляд на окопы высотки, в которых уже хозяйничали бойцы роты, я медленно подошел назад, где оставил Микрюкова. Выстрелы прекратились, установилась тишина, угнетающая своей неизвестностью больше, чем грохот боя. Навстречу мне спешил Микрюков.

– Ты, почему ушел из лощины, я же приказал ждать!

Боялся, что тебя убьют. Что я тогда скажу капитану? Ведь батя этого мне не простит. Пойдем скорее, темнеет уже, а до леска не близко.

Спустившись в низину, добрались до леска.

– Ну, как там? – спросил майор, командир батальона. На его голове вместо каски белела повязка из бинтов.

– Высотку взяли. Но не удержат, – ответил я.

Удержим, теперь две роты со мною, – спокойно возразил майор.

Из леска было видно, как на высотку по склону поднимаются солдаты шло пополнение.

Поздней ночью, когда я возвратился во взвод, ко мне подошел Анциферов.

– Где красный материал, снятый с бортов ЗИСухи?

– Водрузил на безымянной высоте, – ответил я.

Ты все шутишь, а я серьезно.

– Куда уж серьезнее…

Встреча

Опасаясь попасть у Орла в котел вроде сталинградского, немцы спешно отводили свои войска к Брянску. Действовали по шаблону: днем отчаянно сопротивлялись, подготавливая в тылу очередную линию обороны, а ночью, оставив небольшие заслоны; отступали на 2-5 километров. Конечно, очень важно было знать, где они укрепляются. Этим и занималась разведка танкового корпуса.

Пять разведчиков всю ночь ходили по степи, изрезанной балками и перелесками, стараясь определить новый рубеж обороны противника. Уже в километре от своих окопов шагавший чуть в стороне Лешка подал тревожный знак.

В кустах двое! Одежда красноармейская… Пойду один

Вскоре он вернулся, а с ним – задержанные: высокий сухонький старик, одетый в форму мобилизованного в 1941 году красноармейца, и его жена – небольшого роста, в солдатской гимнастерке

Вот, ищут Красную Армию, хотят воевать, пояснил разведчик. – Говорил им – идите домой. Воевать – это вам не у печки греться, а они ни в какую.

Вот что, сынки, ведите к вашему командиру, с ним буду разговаривать, – решительно заявил старик.

Командир здесь я, говорите, откликнулся я.

– Молод ты для командира. Звание–то у тебя какое?

– Гвардии сержант. Тебе, дед, кого, полковника подавай?

Полковник мне ни к чему, а коли ты разведчик, то знай: немец закрепился в селе Крупьяное. И танки там, и пушки, а перед селом у балки-мины.

– Спасибо, отец, это мы уже знаем. Все–таки лучше вам домой вернуться.

– Мы того, добровольцами. Ежели сам не можешь этого решить, веди к командиру.

Мы без вас обойдемся, вам ведь только на печи лежать, кости стариковские греть, лечить ревматизм.

Так печки то нету, спокойно проговорила старуха.

– Что же за изба без русской печи?

– И избы у нас нет. Фашисты спалили.

Да лютуют немцы, мы прошли с боями уже больше сотни километров, и не видели ни одного уцелевшего села. Тогда вам остается к детям или внукам податься.

– Было у нас четыре сына и три дочери. Сыновья да зятья – все трактористы. Семь домов мой старик своими руками построил для них. МТС не успели эвакуировать, что можно, угнали в лес. Прознал немец и спалил село, а женщин с детьми порасстреляли. Меньшая дочь с грудным ребенком убежать хотела. Поймали ее, дитя отобрали и в горящий дом бросили. Доченька кинулась за ним, да и сгорела…Некуда нам уходить.

– А вы то как живы остались?

– В Карачеве были, – отозвался старик, – сестра там у нее, – кивнул он на жену, болеет очень. Вернулись, а вместо деревни обгоревшие головешки. Ты вот что, сынок, возьми нас, мы сгодимся.

Прости, отец, прав не имею.

– Как же так. Ну, объясни хоть, как этой штукой пользоваться, – он достал из карманов две гранаты. – Должны ведь мы унич-

тожить хоть одного изверга, иначе не только в рай – в ад нас не примут.

Пока разведчики объясняли, со стороны Карачева показалась группа гитлеровцев. Шли они, громко разговаривая по дороге, недалеко от которой притаились разведчики, были уверены в своей безопасности.

Вот что, сынки, мы со старухой пойдем им навстречу, погуторим маленько, – поднялся старик, направляясь к дороге.

Вернитесь, сдавленным голосом потребовал старшина разведгруппы, – я приказываю!

– Леша, беги с донесением, а мы задержимся, попробуем их спасти.

Пробираясь осторожно между кустами, мы направились к дороге. Здесь увидели разбросанные в разные стороны трупы фашистов. Тут же, у обочины, лежали рядом старики.

Старший из разведчиков, Попов, повернул их лицом кверху, сложил на груди руки:

– Спите спокойно, свой долг вы выполнили.

Через полчаса наша разведгруппа доложила комбригу полковнику Приходько о встрече со стариками.

Возьмите двух саперов с лопатами и похороните стариков в их родном селе. Да с почестями, с троекратным салютом. Пусть люди знают, как они погибли.

Ребята устали, всю ночь ведь на ногах, отдохнуть бы, заметил старший группы.

Отдыхать после войны будем, а сейчас к старикам. Мало ли что может произойти, – склонив низко голову, распорядился комбриг.

Крестники

Я шел по улице прикарпатского города Коломыя. На мне защитного цвета маскировочный костюм, прикрывающий погоны. Перехвачен широким ремнем, на котором висела финка, изготовленная рабочими Златоуста для добровольцев Урала. Ее иссиня черный футляр и цветная наборная рукоятка сверкали разноцветной радугой. Из-под офицерской фуражки, надетой набекрень, торчали давно не стриженные волосы, левая рука висела на косынке. У ворот штаба я остановился, протер и без того сверкающие хромовые сапоги. Зайдя во двор, направился к группе офицеров.

– Товарищ полковник, разрешите обратиться к капитану!

Вольно. Вызывал тебя я, – проговорил комбриг.

Несмотря на свое звание и должность, полковник больше был похож на располневшего колхозного бригадира, отца большого семейства. Не случайно за глаза его и называли батей.

– Тебя, сержантик, хоть на витрину столичного универмага, постричь бы только, усмехнулся помначштаба по разведке.

– Как рука? Сними косынку, – велел комбриг.

Рана зажила, развязывая косынку, ответил я.

– Что ты сейчас услышишь, никто не должен знать. Косувский косогор в конце улицы Коцюбинского помнишь? Тот, что между нашими и немецкими окопами?

– Больше месяца еженощно там ползал. Изучил, товарищ полковник.

– Вот и хорошо. Тебя с напарником – он тебе не знаком – доставят в Косув. Ровно в 22 часа 15 минут против блиндажа проберетесь на ничейную полосу метров на двести. Там встретите двоих. Твой напарник будет объясняться с ними не по-русски. Если с ним что случится ...сам знаешь, назад лучше не возвращаться. Кто он, и кто те двое – спрашивать запрещаю. На всю встречу 15 минут. Возьми вот часы. Ну, ни пуха ни пера.

– Часы у меня свои, идут точно. Приказ будет выполнен.

В назначенное время мы выбрались из окопов, что на окраине города Косув, и скрылись в высокой траве, не знавшей все лето ни косы, ни копыт скота. В темноте больше угадывалась, чем виднелась, опушка леса, вдоль которой окопы противника. Двигались медленно, осторожно, время, от времени останавливаясь и прислушиваясь.

Напарник легонько пожал мне плечо: мол, все в порядке. Зашелестела подсыхающая трава. На всякий случай я вынул финку из чехла. Буквально рядом, вынырнув из темноты, появились двое. Один из них подошел к моему напарнику, послышался приглушенный чужой говор. Переложив финку в левую руку, я шагнул вперед, навстречу второму, пожимая в приветствии его ладонь, ощутил едва уловимую дрожь. «Э, брат, тебе тоже страшновато».

– У нас есть 15 минут, может, познакомимся? – не надеясь на ответ, спросил я незнакомца.

– Да нет, уже десять осталось. Не удивляйся, я – русский, дворянин, офицер царской армии. 27 лет прожил вне России.

– Не пойму, почтенный. Большевиков не признал, а сегодня – помогаешь...

– Что же тут не понять. Если бы после революции семнадцатого года я вернулся в свое имение под Воронежем, где наша семья имела конный завод и две тысячи десятин чернозема, то мужики могли запросто прикончить меня. На их стороне ведь не только сила, но и закон. Вот и уехал в Будапешт, стал совладельцем трикотажной фабрики. В гражданскую не воевал, теперь же, когда на Россию напали фашисты, не могу быть в стороне. Считаю, кто бы ты ни был – красный, белый или в полосочку, под красной звездой или под царским орлом, но Родину свою, Русь святую должен защищать. И не так уж важно, кто в ней главнее, мужик или дворянин. За гражданскую междоусобицу пусть Бог рассудит, а в эту войну в ответе каждый – и перед Богом, и перед людьми.

– Вон оно как. А я в Гусятине самовольно расстрелял русского, воевавшего на стороне фашистов – наши танкисты взяли его в плен.

– Жаль, конечно, мы все еще не можем или не хотим понять, что Родина у нас одна. Она для нас, как мать. А мать не делят и не продают. Убил бы я того выродка? В бою – да!

– Говоришь, на стороне мужиков не только сила, но и созданный ими закон? А закон всевышнего, его десять заповедей? Разве не на стороне мужиков?

Отрадно, что знаешь о заповедях. Но их по-разному можно толковать. Хотя…при любом толковании черное остается черным. А ты не из дворян?

– Нет, я – воронежский мужик. Мои земляки как раз и горбатились в конюшнях и на полях твоего папеньки и, наверное, были им биты не единожды.

Незнакомец перекрестился:

– Прости нас, господи, за все зло, прости…

Его напарник, закончив переговоры, сделал знак рукой, и тут же они скрылись, словно растворились в темноте.

На второй день у проходной кухни роты управления Уральского добровольческого танкового корпуса расположились остатки венгерской роты. Солдаты уплетали из котелков наваристые щи.

Крестники! – ни к кому не обращаясь, проговорил я, стоя в стороне.

Челита – комсомолка

– Товарищ подполковник, по вашему приказанию…

Никак ты, сержантик, провинился, что тянешься, как солдат Швейк. В чём грешен?

– Мой дедушка говорил: один Бог без греха, а все люди – грешные. Но вины за собою…

– Верю. О деле. То, о чем тебе говорил по секрету ПНШ – 2, началось. Корпус перебрасывают для броска на Львов. Приказываю: бери Болгаря с мотоциклом, поведёшь на Днестр к Залещикам роту техобеспечения и медсанвзвод. В Коломыю не заезжайте. Да, вот ещё что. Нам прислали нового медработника. Она у Болгаря, отвези её к начсанбригу.

Вскоре к выстроенным в походную колонну двум десяткам автомашин, до предела нагруженным боеприпасами, горючим и ремонтной техникой, подъехал мотоцикл. Водитель Болгарь, как всегда, щегольски одет. На нём новенький комбинезон, шлем танкиста, кожаные перчатки до самых локтей. Позади примостился я, посланный полковником, а в коляске – девушка с медицинской сумкой в руках.

От шевролета к ним подошёл подполковник.

Приказ бати: следовать в Залещики. При объезде излучины реки будьте предельно осторожны. Старший колонны – вы, и…примите вот новенького медика.

Девушка выбралась из коляски мотоцикла. Маленькая, хрупкая, на голове каска, из-под которой виднелись вздёрнутый носик и по–детски полные щёки и губы. Гимнастёрка, подпоясанная бинтом, словно платье, доходила до голеница её огромных сапог.

– Меня к вам, – обратилась к начсанбригу. Вот направление, а в сумке бинты и йод.

– И что же мне с тобой делать? Ну, во что одеть, найдём, а вот какую тебе дать должность? Выручай, сержантик. Возьми её в роту управления, пусть повару помогает.

– Товарищ подполковник, я комсомолка, прибыла раненым помогать, а не повару. Учтите это. – И тут же, поправляя санитарную сумку, тоненьким голоском пропела:

– Для нашей Челиты все двери открыты…

– Ну вот, – недовольно пробурчал подполковник, – мне только и не хватало Челиты–комсомолки. По машинам! – скомандовал он. – Мотоцикл – голову колонны, замыкает «летучка»!

Узкая дорога – не разъехаться встречным машинам – почти с места шла на подъем. Слева тянулась почти отвесная скала, направо крутой спуск, заканчивавшийся обрывистым берегом реки. Натужно урча моторами, машины начали подъем. Из-за шума и грохота никто не услышал, как приблизился вражеский самолет. Спикировав на колонну,

он дал очередь и тут же улетел, может быть, использовав остатки боекомплектов.

Следовавший за мотоциклом горючевоз с топливом для танков вдруг остановился. Из его цистерны забили фонтанчики, а позади кабины заплясали языки пламени. В трех метрах позади горючевоза затормозил ЗИС, груженный боеприпасами. Увидев впереди пламя, шофер бросился бежать. Его примеру последовали несколько других водителей остановившихся следом автомашин. Казалось, считанные секунды остались до неминуемой беды.

И в это время...Кто это был – в панике не заметили: какой-то солдатик подбежал к загоревшемуся горючевозу, рванул дверцу кабины, из которой свесилось тело убитого шофера, и стащив его на землю, мигом уселся за руль. Круто развернувшись, горючевоз начал сползать вниз, все убыстряя движение. До обрыва оставались считанные метры, когда смельчак выбросился из кабины. Через какое-то мгновенье снизу донесся мощный взрыв, выбросивший высоко вверх столб пламени и дыма. Первым побежал водитель мотоцикла, развернув плащ-палатку, набросил ее на солдатика, торопясь погасить горевшую на нем одежду. Следом появились медики, суетясь, копошились в санитарных сумках.

Надо же, не то удивляясь, не то с сожалением высказывала фельдшер Галя, – сколько шоферов, а лишь один не испугался. Представьте, что бы произошло, если бы взорвалась машина с боеприпасами. Да тут не только колонну скалу бы начисто смело.

– Уберите плащ-палатку, задохнется ведь! – кричит начсанбриг и, наклонившись, сам срывает накидку. Батюшки, да это же Челита -комсомолка! Ну, миленькая, ну, дочка, живая ли ты, ну чего молчишь?

– Ой, живая, живая, испугалась только. И пить очень хочу, и есть-...Со вчерашнего дня не пила, не ела...

Начсанбриг подхватил ее на руки, поддерживаемый Болгарем и мною, зашагал вверх по крутому склону.

– Скажи спасибо, дочка, тому, кто выдал тебе обмундировку на десять размеров больше. Она тебя и спасла. Только вот носик и левую щечку прижгла. Но это не так страшно, до свадьбы заживет. А где ты научилась машину водить?

- У меня и папа, и мама, и брат все шоферы. Ой, ой, ой, вдруг по-детски запричитала она, – казенный сапог потеряла, наверно, там, в машине остался. Что теперь будет?

Впереди был Берлин

На окраине города среди дачных домиков расположился взвод разведки танкового корпуса. Подошел помначштаба по разведке в сопровождении сибирского крепыша Лешки.

Не удалось нам сходу освободить Львов. Теряем много танков. Нужна помеха. Приказ бати. На рассвете у Пустометы должна быть мотострелковая дивизия. Это от нас километров 15 на юго-запад. Нужно связаться с ними и попросить помощи. Идут человек пять – шесть.

Вшестером пусть идут другие, а если вдвоем, то иду я и Лешка Шульгин, – проговорил сержант.

Солнце только пряталось за макушки садов, а два разведчика, сориентировавшись по карте капитана, перейдя небольшую речушку, пошли искать. А кого? Где?

На рассвете вышли на грунтовую дорогу. Остановились, всматриваясь в движущиеся навстречу машину. Было ясно, что идут немцы, а вокруг голое поле. Только на небольшом косогоре у дороги росли кусты терновника, и они улеглись промеж кустов. Вскоре подъехали немецкие автомашины и остановились у этих же кустов. Причиной оказалась солдатская нужда, и через пару минут машины ушли. Разведчиков спасло то, что восходящее из–за косогора солнце еще не пронизывало кусты, зато слепило глаза. Да и фрицы спешили.

Первым поднялся сержант. Подошел к Лешке, который лежал с широко раскрытыми глазами, сжимая гранату, и молча помог ему выбраться из–под цепких кустов терновника. Также молча обошли село, встретили нужную им дивизию. Их усадили на впереди идущий бронетранспортер, отобрав оружие и даже финки гордость уральцев добровольцев.

Через полчаса дивизия с ходу вступила в бой. На правах старожилов разведчики помогали пехотинцам ориентироваться в городе. На площади у железнодорожного вокзала немцы перекрестными огнями уложили стрелков. Многие были убиты. Раненые начали отползать к домам. За ними потянулись остальные. Загорелся один, а потом и другой бронетранспортеры. В эту критическую минуту на привокзальную площадь по улице Зеленая, стреляя на ходу, выскочили три «тридцатьчетверки». Уже в темноте вокзал, а с ним и весь город Львов, были освобождены.

К разведчикам подошел комбат мотострелков:

– Спасибо вам за помощь. Мы бы и сами сделали то, что сделали, но с вами было уверенней. Вы же – гвардия. Я связался с вашим батей. Ночь вы отдохнете у меня. Ведь всю ночь не спали.

– А вы–то когда спали? – спросил Лешка.

Всю ночь спал последний раз в казарме 20 июня 1941 года. Я везучий, даже в госпитале за три года не был.

После плотного ужина с наркомовскими 100 граммами разведчиков уложили в чьей-то кровати.

А утром Уральский добровольческий танковый корпус спешно уходил на запад. Впереди были Самбор, Санок, Сандомир, Берлин, Прага.

У Славуты

Несмотря на все ведущие оси, «шевролет» через каждый 100 – 200 метров садился на дифер в украинский чернозем, превратившийся от щедрого мартовского солнца в сплошное месиво. Солдаты молча слезали, утопая в грязи, цепляли трос к идущему впереди бронетранспортеру. У моста через речку Горынь стояли танки лейтенанта Васи Моченого.

Перекур, проговорил лейтенант, там, в городе, на одного фрица два наших танка.

В городе еще шел бой, там гремело так, что дрожали длинные, с набухшими почками ветви растущей у самой воды плакучей ивы. Подъехала тридцатьчетверка без башни, служившая тягачом. На ее броне три автоматчика и связанный старшина.

– Ну, братья-славяне, закуривай трофеи! Такие и у фрицев дефицит, – водитель тягача протянул пачку.

Не задерживайтесь, велено было…

– Эх ты! Знаю – тебе приказано доставить его, водитель кивнул на связанного старшину. – Но подумай, за что? В чем его вина?

– Посторонитесь, начальство в Славуту едет!

Со стороны Шепетовки подошло несколько бронетранспортеров и « виллис», в котором сидел генерал.

– Кто, из какой части, что за базар устроили? – выглянул из бронетранспортера капитан.

К нему направился невысокий, щуплый на вид сержант. Бросив недокуренную сигарету, не спеша поправил обмундирование и начал докладывать.

– Где это ты так в грязи вывозился? – прервал его капитан.

– Так ведь у вашего бронетранспортера и у моего задачи совсем разные. Впрочем, грязь не сало, подсохло и отстало.

К машине генерала строевым шагом, словно на учебном плацу, подошел водитель тягача.

– Товарищ генерал, разрешите обратиться по личному делу. Не за себя прошу, а за того, что связан.

Что с ним? Преступление или проступок?

– Нервы не выдержали, когда увидел, как издеваются фашисты над нашими людьми. Его, боевого старшину, по старости лет определили санитаром. В городе ещё шел бой, когда он пробрался в бараки, где фрицы держали наших пленных. Страшно было смотреть от истощения и побоев они ходить не могли. Ну, задержали этих, охранников лагеря, он давай из пистолета. Скрутили его, что теперь будет…

– Ну-ка, «грязь не сало», дай-ка мне свою финку. – Сделав несколько шагов, генерал закашлялся: – В первую мировую хлебнул германских газов, до сих пор прокашляться не могу.

Он ловко срезал финкой веревки и бинты, которыми был связан старшина. Тот поднялся, растирая затекшие руки:

- Я с немцами еще в 14-м году воевал. Всего насмотрелся. Но такой подлости, такого издевательства… Зверье…

– Из какого подразделения, кто комвзвода?

– Хозяйство Лебедева. Первая рота автоматчиков. Командир взвода только вчера прибыл, а полкомвзвода утром ранен, – ответил за старшину автоматчик.

За то, что не смог сдержать гнева, – чеканя слова, проговорил генерал, – старшина из медсанчасти переводится помкомвзводом в первый взвод автоматчиков. Как фамилия?

Коновалов, ответил старшина, продолжал растирать затекшие руки. – Степан Ильич Коновалов.

– Ну, вот что, тезка. Пленного убивать не смей, а ежели в атаке уничтожить столько, что и в плен некого брать, – будем считать, что ты отомстил за Славутский гроссазарет №301. А ты, Сережа, обратился он к капитану, проследи, чтобы опять дров не наломал. Передай – я распорядился освободить, а мои приказы даже Верховный не отменяет.

– Товарищ генерал, финку возвратите, вещь казенная.

Бери, бери, и до встречи в Берлине!

Всю ночь у небольшого лесочка на берегу Горыни никто не спал, а утром сотни танков, тысячи солдат, громя фашистские гарнизоны, двинулись на юг. Началось освобождение Правобережной Украины.

Встреча

Придерживаясь реки Збруч, по еще неразбитым дорогам, а где и по бездорожью гвардейцы Урала шли на юг. Впереди двигались тан-

ки капитана Васильченко с взводом автоматчиков на броне и бронетранспортер разведчиков. Часа через четыре показались постройки городка Скала – Подольская. Минутная остановка – и бронетранспортер с десятком разведчиков устремился к домам. У крайнего из них стоял мужчина в порванном полушубке и брюках, пестревших от заплат.

Где фрицы? спросил его солдат с бронетранспортера.

– Цо пан муве?

Где есть немецкие солдаты? повторил он вопрос.

– Там герман. У моста гарматы.

Подошли танки и рассредоточились у крайних домов, а бронетранспортер разведчиков медленно двинулся по улице городка. Впереди шли пять разведчиков и два местных жителя.

Товарищу, мы тэж радянськи люды, мы пойдем передом, а увидим германа – вам скажем, – проговорил оборванец.

Вскоре они остановились, замахав руками. Выйдя из - за дома, мы увидели по другую сторону реки дорогу, забитую автомашинами с пехотой, и несколько немецких танков, а вдали виднелись пролеты моста. Вдруг раздался сплошной душераздирающий гул. Земля и воздух дрожали. Запахло гарью и пороховым дымом. Казалось, наступили сумерки, пронизываемые бесконечными молниями. Гул прекратился так же внезапно, как и начался. Там, где стояли немецкие автомашины, плескалось сплошное море огня.

Подошли танки. Из-за соседнего дома, оглядываясь по сторонам, показались жители. Громко разговаривая и размахивая руками, они подошли к нам.

– О чем спор? – спросил я

– Пан капитан, Грыць каж, шо это небесный гром убил германа за его злодейство.

– Да нет. Это русские «катюши» пропели им заупокойную.

О, русская «катюша»!

– Перед рассветом уральцы сосредоточились у города Мельница - Подольская. В предрассветной тишине с трех сторон танкисты ворвались в город. И грянул бой. Сонные фашисты выскакивали из домов в одном белье, но тут же попадали под автоматный огонь или под гусеницы тридцатьчетверок. Пленных не было, а уцелели только те, кто смог уйти за Днестр.

А Днестр вот он. Широкая и бурная река, по которой изредка плыли принесенные из верховья льдины. В этом месте она делала крутой поворот, льдины бились о левый берег и, крутясь, уходили на

середину реки. К берегу подошли танкисты взвода лейтенанта Васи Моченого и разведчики из бронетранспортера. Выше по течению тоже появилась группа солдат. Один из них вскочил на приплывшую к берегу льдину.

– Мальчишество, – проговорил механик–водитель, уже немолодой, лысеющий старшина, – драть уши за это надо.

Ты прав, согласился лейтенант, пойдем, сержант, шороху им нагоним.

Приблизившись к стоявшему на льдине, лейтенант прокричал:

– Ты что, шалапут, понырять решил?

– О, кого я вижу! Ты откуда взялся? – вскрикнул танкист и, изловчившись, спрыгнул с льдины. Здорово, чертушка!

– Пашка, Барабан, да ты ли это?

Два молодых лейтенанта обнялись, ударяя друг друга в грудь

– Это Пашка Барабанов. Мы вместе кончили училище, спали на одних нарах. Ты где?

– Я в мотобригаде 4–й танковой армии, танковый взвод разведки, – отрапортовал Пашка. – Получил задание от бати перескочить через Днестр и прогуляться по немецким тылам. Вот, готовлюсь... А ты где?

В танковом разведвзводе Уральского Добровольческого корпуса, а сержант – пеший взвод разведки. Расширяем плацдарм. Надо же – в одной танковой армии, рядом воюем! Вот где опять судьба свела. Эх, Пашка, аж не верится!

– Сегодня не первое апреля, придется поверить. А знаешь – давай двинем вместе. Ох, и погуляем по тылам фрицев!

– Согласен – махнем, пока немчура не очухалась!

На южном Буге

Короткий, но жесткий бой за город Ямполь. Армада танков и машин двинулась вдоль реки Збруч, по старой советско польской границе. По приказу комкора корпус поворачивает на юго-восток, на город Красилов, чтобы отрезать путь отступления немцам, обороняющимся в Старо- Константинове. И вот новый приказ. Рота Елкина со взводом автоматчиков и бронетранспортер разведки, обходя населенные пункты, поворачивают строго на юг. Задачи выйти к реке Южный Буг у Черного Острова в глубокую разведку, нарушать немецкие тылы.

Шли по бездорожью, лишь кое–где пользовались грунтовыми дорогами. Теплые южные ветры согнали тонкий слой снега, оставив на дорогах и пашнях «блюдца» талой воды, укрывающие топкую грязь. Местами они сливались в сплошные озера. И кто знает, что скрыто под этой водой. Иногда танк так нырял, что в открытый люк водителя летели брызги.

Колонну возглавил подполковник, заместитель комбрига, прибывший недавно из резерва. Уже немолодой, полноватый и очень общительный. Под стать комбригу, такой же балагур.

Усевшись в бронетранспортер, идущий впереди колонны, он стал доставать из своих карманов все, что было у него съестного.

Дорога дальняя, кухня будет нескоро. У кого запасов нет – берите понемногу. Берите, я знаю, разведка запасов еды с собой не носит.

Вечером нашли брод через реку, и три танка перебрались на южный берег. За ночь окопали их. Остальные разделились на две группы и замаскировались в кустах лозняка по обе стороны дороги. Всю ночь не стихал грохот боя севернее Буга, а перед утром, приближаясь, он становился все громче. Уже рассвело, когда со стороны Красилова по полевой дороге показались немцы. Ехали телеги, шли пешие, но с ними ни танков, ни артиллерии.

Подпустим до берега. Себя не выдавать. Бить только наверняка. Боеприпасы беречь, – распорядился подполковник.

Передние подводы уже заехали на мост, когда разом с трех сторон ударили пулеметы, автоматы и танковые пушки. Немцы залегли, не произведя ни единого выстрела. Да и куда было стрелять: пули летели со всех сторон. Черная пашня сплошь покрылась зелеными пятнами распластанных фашистских вояк.

– Фашисты ведь тоже люди, – проговорил подполковник, – да и не все лежащие перед нами фашисты.

Он поднялся, приказал прекратить обстрел, прокричал: « Ахтунг, ахтунг!» И на довольно сносном немецком предложил сдаться, гарантируя жизнь. Повторил несколько раз. Казалось, исход боя решен, немедля начнут сдаваться. Но вдруг одновременно раздалось несколько автоматных очередей, ранив стоящего возле подполковника автоматчика.

Окруженные с трех сторон, фашисты дружно поднялись и, натыкаясь, друг на друга, побежали к мосту. Тогда стоявшие в засаде тридцатьчетверки выскочили из укрытия и на большой скорости врезались в скопище человеческих тел. Все закружилось в сумасшедшем вихре. Беспрерывно застрекотали танковые пулеметы. Обезумевшее скопище врагов рванулось в сторону Черного Острова, но там их ждала

другая танковая засада. А с севера напирали части Уральского Добровольческого корпуса.

Поняв, что в этом месте им не прорваться, немцы попятились назад по проселочной дороге. Отойдя на безопасное расстояние, уцелевшие « тигры» повернулись в сторону железной дороги и шоссе. А на левом берегу Южного Буга, в двадцати километрах от Проскурова осталось сплошное месиво из грязи и человеческих тел.

– Почему они не сдавались, на что надеялись? Ведь уцелело два-три десятка, а полегло не меньше тысячи, задумчиво проговорил Женя Кузовников.

– Ты, сержант, явно преувеличил, хотя положили их и немало, – отозвался подполковник.

– Это им не сорок первый, – не успокаивался Кузовников.

Бронетранспортер уже на ходу. Запаслись горючим, патронами к крупнокалиберному пулемету. Прихватив с собою несколько буханок хлеба, подаренных местными жителями, покинули гостеприимных хозяев.

Танки вслед за бронетранспортерами вытянулись в походную колонну по довольно сносному шоссе. Когда позади остались сады, вдруг из кустов ударили пулеметные очереди. Танки пальнули из пушек по кустам, оставаясь на дороге. По команде подполковника разведчики цепью кинулись к зарослям. Оглянувшись на бегу, Кузовников увидел подполковника, упавшего посредине лужи. Его ноги были неестественно подвернуты, в руке зажат пистолет. Солдаты торопливо перенесли его на броню танка, прислонили к башне. Он широко открыл глубоко запавшие глаза, с шумом набрал в грудь воздуха, негромко, но внятно произнес:

– Прощайте, ребята, не обижайтесь, если что не так…

Самосуд

Ранним морозным утром, превращая в непроходимое месиво наполненный вешними водами чернозем, танкисты Уральского корпуса сбили заслон у реки Збруч и вышли на правый берег. Завязался бой за город Гусятин, который защищала эсесовская дивизия. Лишь к ночи удалось его освободить. В городе могли укрываться недобитые фашисты, поэтому на каждом перекрестке стояли «тридцатьчетверка» и несколько автоматчиков.

По улице от одного танка к другому неторопливо шли два разведчика, Чернигин и Железнов, награжденные недавно за взятого «языка» медалями «За отвагу». Вдруг со двора соседнего дома послы-

шался стон. «Помогите!» – кто–то негромко просил о помощи. Разведчики заспешили во двор. Едва успели они войти, как были сражены автоматной очередью.

Всю ночь танкисты прочесывали окрестные дворы, но обнаружить никого не удалось. Утром решили прочесать прибрежные кусты у мелководного, но широкого правого притока реки. И задержали троих немцев. Подошли три разведчика во главе с сержантом.

– Возьми, разведка, пленных. Один, видимо, русский, когда я огрел его прикладом, он загнул матом, обратился командир танка. Не привязывать же их к башне.Выручи.

– Добро, доставлю бате, – согласен сержант. – Ну, фрицы, ком, ком, шнель…

Уже видны были крайние дома Гусятина.

Вы откуда? спросил у сержанта прибывший с пополнением молодой сержантик, – я вот из–под Кизела.

Я воронежский, а на Урале лежал в госпитале.

– А с какого района? – вдруг заговорил пленный. – Я тоже из–под Воронежа, из Воронцовского района.

- Что же ты, гад, немцам служишь? прохрипел сержант.

– Ну и что, – с ехидцей ответил пленный, – отгамбалю на Колыме лет десять и вернусь к своей семье, а тебя закопают где нибудь в братской могиле.

– Врешь, гад, – вскипел от злобы сержант, – тебя, как паршивого пса, сегодня закопают вон в ту яму. Я в штаб тебя не поведу, и дал по нему очередь из автомата, уложив заодно и двух других.

Где пленные, которых тебе передали танкисты Елкина? спросил у сержанта комбриг.

Тот снял с плеча автомат, ремень, на котором висели диски, граната и кобура пистолета, сложил на подножку стоявшего рядом легкового автомобиля.

Я убил его… Он, гад, издевался не только надо мною, но и над всеми погибшими советскими солдатами. Этого я не смог ему простить, судите…

– Зачем наговариваешь на себя? За самосуд – трибунал, и тут я ничем не смогу помочь. А вот за то, что зевнул, дав возможность бежать пленным, а затем вдогонку расстрелял их ты растяпа. Из за этого я рву уже подписанный мною наградной лист на орден Красного Знамени за три подожженных танка под Озерянами.

– Кто знает, сколько я поджег, а сколько старшина. Пожалуй, только один мой…

– Молчать! Тоже мне, фраер… – и комбриг добавил крепкое словечко. Не спеша, вынув из планшетки лист, он долго его читал, затем медленно разорвал его на части, проговорил: – Возьми, сержант, на память.

Не надо, я и так буду помнить. Спасибо вам за все.

В яблоновском лесочке

Ранней весной 1944 года наша танковая часть, после тяжелых боев на правобережной Украине, была выведена на пятидневный отдых, чтобы собрать и отремонтировать застрявшую в густой грязи черноземе не только колесную, но и гусеничную технику, подтянуть тылы, пополнить горючее, боеприпасы. Расположились в небольшом лесочке у с. Яблонов. 120 часов беспрерывного труда, и бригада готова к бою.

По рации сообщили, что к нам едет высокое начальство. На одной из множества дорог в тот лесок стоял и я для встречи гостей. Промеж кустов подъезжает несколько «виллисов». Вышедшие из них военные в накидках подходят ко мне.

– Смирно! Товарищ генерал, танковая бригада отдыхает, готовится к боям. Докладывает дежурный по роте Управления гвардии сержант…

Идущий впереди невысокий военный, пожимая мою руку, проговорил:

– Представитель ставки Хрущев. Ну, гвардеец, тебе даже сосны подчиняются. Вольно. Ты…

Его взгляд упал на землю, а там, на еле пробивающейся зеленой траве куча, оставленная по большой нужде каким то солдатом. Представитель обходит куст, и прямо перед ним две такие же кучи.

Нет, тут не гвардейцы, а …дерьмо. Поехали, к свердловчанам!

И машины, развернувшись, уехали, так и не побывав в нашей бригаде.

С донесением – в Проскуров

В мае того же года держали мы оборону в Карпатах. Всю ночь я вел разведку на ничейной полосе, а утром меня вызвал полковник Денисов.

– Знаю, что ты устал. Ты же знаешь, что мы остались без офицеров связи. Бери Болгоря с мотоциклом, «хорля» и вот с этим пакетом

стреляй в Залещики, в штаб корпуса. Срочно! Прикрой погоны, поедешь как лейтенант.

Знаю, не впервой.

В штабе корпуса пакет вскрыли, потом запечатали его в другой и послали с ним меня в г. Проскуров. В штабе 4 – й танковой армии ведут меня с ним к начальству. В большой комнате окна защищены темными шторами. Я со света ничего не вижу, но докладываю:

Донесение комбрига 62. Срочное. Докладывает младший лейтенант Супрунов.

Ко мне подошел высокий военный, взял пакет, просмотрел его, приоткрыв занавеску. О чем-то тихо переговорил с сидящим у стола.

– Эту новость мы уже давно знаем, – раздался хрипловатый голос. – Говоришь, мадьяры сдались? И сколько их, товарищ младший лейтенант?

Лейтенант я. Думаю, что все мадьяры сдались бы, да ответственности боятся. И немцев опасаются.

– Откуда знаешь?

– Так это я ходил на встречу с ними.

– Ну, тебе, лейтенант, хоть сегодня в генералы. Давно воюешь?

Старлей я. А воюю еще с Москвы.

– А ну, самозванец, чеканя каждое слово, проговорил высокий, – кто тебя послал? Твое звание, должность?!

– Я сержант. На безрыбье и рак рыба. Разбомбили ведь нас. Вот батя и послал меня. А звание я сам придумал. Меня хоть в трибунал, а батю не наказывайте, – затараторил я.

Занавеску на окне приоткрыли, и ясно увидел, как с дивана поднялся Хрущев.

Разберитесь с пермяками! На безрыбье и рак рыба… Да попадись такому раку щука… Только вот свою клешню в чужой рот не суй, она еще пригодится. – И, пожимая мою руку своею мягкой, влажной ладонью, коротко бросил: «В офицерское училище!»

Шло лето 1944 года. Мы держали оборону в Прикарпатье. В наш взвод разведки прибыло пополнение, и был среди них молодой парнишка из Осетии - Юсуп Зингеров. Высокий, худой, силой не отличался. К тому же плохо говорил по-русски, чего, видимо, стеснялся.

– Какой из него разведчик? – ворчали старики, – отправьте его в мотострелки.

Я пошел к помначштабу по разведке капитану Воронкову и попросил дать Зингерову замену. Несмелый, мол, он.

– А ты, – возразил капитан, – проверь его в деле. Возьми его в разведку. Потом и поговорим.

Посмотрел я на Юсупа, и стало мне его жаль.

– Почему ты перед всеми преклоняешься? Ты же разведчик! А ты даже Машку, помповара, зовешь на Вы.

– Она ведь женщина. – Мне почему – то стало неловко.

Ночью, проверив, как у него подогнана амуниция, я вывел его из окопов, и мы пошли круто в гору. Метрах в трехстах от нас, у опушки леса, началась оборонительная линия врага. Шли тихо. Даже не шуршала высокая подсыхающая трава. Вдруг Юсуп легонько толкнул меня в бок. Я приостановился. И тут, что–то огромное придавило меня к земле. Я задыхался. Затем кто–то негромко охнул, и придавившее меня тело, свалившись, покатилось под гору. Я вскочил. Передо мною стоял Юсуп, держа в руке финку.

Его глаза, что у рыси, светились в темноте, да и сам он был похож на рысь, приготовившуюся к прыжку. Чуть ниже лежало два трупа. Оставаться здесь становилось опасно, и мы быстро опустились в окопы.

– Такую хорошую вещь фрицы испоганили,- ворчал Юсуп, вытирая финку. – Вижу – идут. Тебя толкал. Сначала одного ударил, а потом – другого.

Надо было приглушить. И был бы у нас теперь язык, высказал недовольство я.

– Зачем так? Он хотел убить, мой командир. Не надо живой оставлять. Другой раз не придет на русский земля.

И Юсупа оставили во взводе разведки.

На параде Победе в колонне 1–го Украинского фронта правосторонним в пятом ряду шел красавец сержант. На его груди сверкали ордена и медали. Это был Юсуп Гусейнович Зингеров.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Бондарук Александр Анатольевич***, студент 2-го курса Профессионального училища № 5.

Тарасова Вера Дмитриевна

ШЛИ ВМЕСТЕ С АВТОМАТЧИКАМИ, ДАВАЯ ТЕЛЕФОННУЮ СВЯЗЬ

Я родилась 4 августа 1920 года в городе Томске. В 1921 году моя семья переехала в Ярославль, а затем в Одессу. В 1934 году я окончила среднюю школу и устроилась работать на телеграф. До начала войны работала на одесском центральном телеграфе, в должности связист-бодист.

22 июня 1941 года я пришла на работу к 9 часам, на дежурство. В аппаратной на всех станциях горел свет, что означало – связи нет. На телеграфе были военные, и бригадир Надя Яськова сказала, что началась война.

Мы перешли на казарменное положение. 30 июня в 20 часов с узла связи Южного фронта приехала грузовая машина, и нашу молодежную смену отправили в г. Вознесенск на узел связи штаба Южного фронта. Нас определили в телеграфный батальон 40-го отдельного полка связи, который обслуживал штаб Южного фронта. Я начинала войну в воинском звании рядовой, на должности связист-бодист.

Осенью 1941 года наша армия вела кровопролитные оборонительные бои против немецко-фашистских захватчиков. Работы у связистов было много: документы, шифровки, боевые донесения, разведсводки срочно нужно было передавать в штаб армии в Москву. Находясь под бомбежками, солдаты кабельной роты восстанавливали прерванную связь. Командир батальона майор Саенко, старшие лейтенанты

Борзило, Дрозд, Крейза, Ткаченко, Попов и другие командиры среднего звена батальона имели хорошую специальную и общевойсковую подготовку.

В мае 1942 года на базе оперативной группы Южного фронта была сформирована 24-я армия, куда вошли 73-я, 140-я, 228-я, 255-я стрелковые дивизии и ряд других соединений и частей, в том числе 118-й отдельный полк связи под командованием полковника Селькова Ивана Петровича. 118-й ОПС был пополнен телеграфным батальоном 40-го отдельного полка связи. Опытные боевые командиры 40-го батальона заменили слабо подготовленных командиров среднего звена полка. Первый узел связи на КП 24-й армии был развернут в окрестностях поселка Тельманов, а запасной – на окраине Ворошиловграда, но задержаться надолго нам не пришлось: противник прорвал нашу оборону, и войска вынуждены были отойти на новый рубеж. Во второй половине июля 24-я армия заняла оборону по реке Северский Донец. Узел связи развернули на окраине г. Шахты, но продержаться долго не сумели. Полк получил приказ свернуть все связи и следовать на переправу через Дон, расположенную близ населенного пункта Богаевский. На машины погрузили аппаратуру, посадили часть личного состава. Остальных отправили пешим ходом. Путь был очень тяжелым.

К переправе стекались со всех сторон многочисленные колонны войск и толпы беженцев, собралось большое количество танков и самоходок, машин и людей. Переправиться на другой берег мне и моим боевым подругам помог командующий армией. Увидев на переправе небольшую группу девчонок, он приказал перевезти нас и машину с аппаратурой на другой берег. Налетевшие немецкие «юнкерсы» бомбили перекинутый через Дон узкий понтонный мост. Были большие потери людей и техники, разбомбили и нашу машину. За время отступления полк потерял около 40 человек. Утром вышли на Сальск, где был развернут узел связи полка. На высланных автомашинах отправились на узел связи в Новом Егорлыке. 2 августа 118-й полк получил приказ следовать в город Грозный в распоряжение создаваемой там Северной группы войск Закавказского фронта.

В Грозном развернули связь со всеми дивизиями, полками. Обстановка на фронте была напряженная. Немцы бомбили Грозный и Орджоникидзе, рвались к грозненской и бакинской нефти. Работа на узлах связи шла круглосуточно. Нагрузка была большая. Разведотдел, оперотдел, шифровальный отдел передавали срочные донесения. В течение многих дней и ночей связисты поддерживали устойчивую связь с соединениями армии и со штабом Северной группы войск. За муже-

ство и отвагу, проявленные при защите Грозного и Орджоникидзе, было награждено 32 бойца и командира полка. Почти двумстам воинам-связистам командование объявило благодарность. Среди тех, кто удостоился этой высокой чести, была и я.

В январе 1943 года началось решительное наступление нашей армии. За месяц с небольшим наши войска освободили: Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Железноводск, Минеральные Воды, Ставрополь и Невинномысск, выбили немцев из Краснодара. В наступательных боях полк показал себя с самой лучшей стороны, заслужил высокую похвалу командования Северной группы войск. Связь на всех направлениях действовала бесперебойно и с большой нагрузкой.

В апреле 1943 года 118-й ОПС был направлен под Сталинград, в деревню Ильевку – в резерв, в подчинение Приволжскому военному округу. В сохранившихся со времени Сталинградской битвы землянках, в лагерных палатках развернули действующий узел связи и организовали круглосуточное дежурство всех специалистов полка. Командиром 118-го ОПС назначили гвардии полковника Абрамова Михаила Алексеевича. Новый командир полка поставил перед полком задачу – завоевать гвардейское звание и знамя для нашего 118-го полка. В течение мая месяца мы занимались огневой, физической и строевой подготовкой. Командир полка проводил интересные занятия по стрельбе из личного оружия, сам бил из своего пистолета прямо-таки поразительно. Авторитет гвардии полковника Абрамова неудержимо рос. И в том, что 118-й впоследствии стал 6-м отдельным гвардейским Львовско-Берлинским орденов Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды полком связи, была его заслуга.

В июне 1943 года на партийном собрании меня приняли в ряды коммунистической партии.

Поступившая в полк директива Генштаба предписывала 118-му прибыть на станцию Кубинка. 2 июля полк прибыл в Кубинку и сосредоточился в лесу, неподалеку от железнодорожной станции. 118-й ОПС поступил в распоряжение 4-й танковой армии. 26 июля 1943 года началось наступление наших войск. Была налажена надежная связь со всеми танковыми и механизированными корпусами и бригадами, с авиасоединениями, со штабом фронта и Генеральным штабом, с соседними армиями и тыловыми частями. Приказы и распоряжения, разведсводки и оперативные донесения передавались без задержки. Связь с корпусами и бригадами поддерживалась днем и ночью.

Преодолевая яростное сопротивление противника, 4-я танковая армия продвигалась вперед. 3 августа я отправила в экспедицию принятую из штаба Брянского фронта особо важную шифровку. Вскоре

стало известно, что 4-я танковая получила приказ сосредоточиться в районе Пешково, Гнездилово, Ильинское. Ударом в южном направлении предстояло перерезать пути отступления орловско-болховской группировке немцев. 5 августа наши войска в результате ожесточенных боев овладели городами Орел и Белгород. Всему личному составу Верховный Главнокомандующий объявил благодарность.

По приказу командующего Брянским фронтом 21 августа армия была выведена в резерв. 118-й ОПС надолго обосновался в Брянских лесах. Жили в землянках, четко несли караульную службу, проводили занятия по политической и боевой подготовке. Штаб 4-й танковой армии получил устойчивую телеграфно-телефонную связь со Ставкой Верховного Главнокомандования, штабом Брянского фронта, с танковыми и механизированными соединениями. 15 января 1944 года полк был направлен в Святошино, что в десяти километрах западнее Киева.

Во второй половине февраля, совершив 350-километровый марш через Житомир, Новоград-Волынский, Корец, 4-я танковая сосредоточилась в полосе 60-й армии генерала Черняховского. 4 марта 1944 года войска 1-го Украинского фронта прорвали оборону немцев и овладели городами Изяслав, Шумское, Ямполь и другими населенными пунктами. 21 марта 4-я танковая начала новое наступление. 26 марта, в результате стремительного удара танковых соединений и пехоты, овладели городом Каменец-Подольский.

Немецко-фашистское командование не смирилось с потерей Каменец-Подольского и готовило контратаку. В отражении контратаки участвовали и связисты нашего 118-го ОПС. Они метко строчили по врагу из автоматов, забрасывали гитлеровцев гранатами. Несмотря на гремевший бой, я и мои боевые подруги продолжали поддерживать связь со штабами. В середине июля наша армия перешла в наступление. 4-я танковая армия под командованием генерал-полковника Д.Д.Лелюшенко во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией овладели г. Львов. При освобождении Львова отличились и наши связисты под командыванием полковника Остренко.

Впереди была Польша. Советские войска вступили на территорию Польши, чтобы уничтожить гитлеровский порядок, освободить от фашистского ига. Население оказывало Красной Армии большую помощь, активно сотрудничало с нами, помогая выловить оставшихся в тылу немцев, помогая раненым. Поляки угощали нас яблоками, грушами. В одном деревенском доме хозяйка накормила меня и моих подруг горячим молочным супом.

29 июля 1944 года наши войска начали форсировать реку Висла. Враг отчаянно сопротивлялся. 4-я танковая армия, совершив двухсот-

километровый переход, вышла на Висленский плацдарм, прочно закрепилась на западном берегу Вислы. Связисты с поставленной перед ними трудной задачей справились связь была установлена по всем заданным направлениям. За Вислой мы получили сообщение: приказом Верховного Главнокомандующего нашему полку было присвоено почетное наименование «Львовский». В сентябре директивой командующего 1-м Украинским фронтом 4-ю танковую армию вывели в резерв с оставлением ее на Сандомирском плацдарме.

12 января 1945 года, после мощной артподготовки, наша армия пошла в наступление. Наступление было стремительным, тяжелая 600-километровая дорога от Вислы до Одера была пройдена за 11 дней. Одер был одним из наиболее мощных оборонительных рубежей, созданных гитлеровцами. Немцы яростно сопротивлялись, но не помогли им ни десятки железобетонных дотов с множеством амбразур, ни танки, ни минометы. Наши войска форсировали Одер и закрепились на западном берегу реки. При форсировании Одера отличились и связисты – они шли в боевых порядках вместе с автоматчиками, давая телефонную связь. 4-я танковая армия много раз отмечалась в приказах Верховного Главнокомандующего, в том числе за взятие городов: Петроков, Милач, Герштадт, Равич, Трахенберг. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля 1945 года за мужество и стойкость, проявленные личным составом в боях с немецко-фашистскими захватчиками, и за обеспечение командования надежной связью в сложных боевых условиях 118-й отдельный полк связи был награжден орденом Красной Звезды.

Красная Армия продолжала наступление. С потерей Верхней Силезии фашистская Германия лишилась последней кузницы оружия. Близился крах гитлеровского рейха. Шли на Берлин. 24 апреля командующий армией поставил задачу: завершить штурм Потсдама ворот в Берлин. Никому из связистов полка не пришлось быть свидетелем, а тем более участником боев за Потсдам. Узел связи находился в районе населенного пункта Хенникендорф. 26 апреля радисты приняли сообщение о падении Потсдама. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 апреля 1945 года наш полк был награжден орденом Александра Невского.

На северной окраине Потсдама нам было приказано развернуть узел связи. В аппаратной Бодо я передавала разведсводки, боевые донесения. Последний узел связи в Берлинской операции мы развернули 1 мая 1945 года в Шенкендорфе, у самого Берлина. Приказы и распоряжения в сражающиеся корпуса, бригады, полки и батальоны передавались без задержки. В Берлинской операции войска 4-й гвардейской танковой армии вели ожесточенные бои на фронте шириной 120 км. Ночью 2 мая в Берлине бушевало море огня и металла. В 6.30 утра командующий обороной Берлина генерал Вейдлинг сдался в плен. На следующий день мы с боевыми подругами ездили на экскурсию к поверженному рейхстагу.

5 мая 1945 года чешская Прага обратилась с пламенным призывом к Красной Армии с просьбой о поддержке. Около 400 километров от Берлина до Праги 4-я гвардейская танковая армия прошла с тяжелыми кровопролитными боями всего за 5 дней. Прага была освобождена. 9 мая в 5 часов утра наша армия была построена в боевом порядке, ждали команды – «По машинам!» Вдруг стали слышны выстрелы. Мы увидели солдат, бегущих нам навстречу с криками: «Победа!!!» Радости нашей не было предела. Мы смеялись, плакали от счастья, переживая за эти мгновения все неимоверно долгие, тяжелые, страшные годы войны.

Военные боевые действия я закончила в Праге, в составе 6-го отдельного гвардейского, Львовско-Берлинского, орденов Александра Невского, Богдана Хмельницкого и Красной Звезды полка связи, в воинском звании старший сержант и должности связист-бодист.

После завершения войны нас эшелонами отправили из Праги в Москву. Демобилизовалась в сентябре 1946 года. Устроилась на работу табельщицей на Ярославский вокзал.

Ранений не имею.

Во время войны у меня погибла мама немцы убили. Обстоятельства ее гибели мне неизвестны.

Имею награды – медали «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и другие.

Ноябрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Малкин Александр Александрович***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Тройнин Митрофан Иванович

СУЖДЕНО ЖИТЬ

Родился я, Тройнин Митрофан Иванович, четвертого декабря 1921 года в селе Хохол Воронежской области. В тридцать девятом году закончил семилетку. Через год, в мае сорокового, был призван на срочную службу. До начала войны оставался всего лишь год...

В июне сорок первого я находился на учениях в горах Кавказа близ города Георгиевска. Изучали мы там радиостанции тех времен, способы ведения связи. Был я тогда радистом-пулеметчиком легкого танка Т-26 в сто четвертом танковом полку Северо-Кавказского округа. На тот момент был я в звании рядового. О начале войны нам сообщили в казарме части, где собрали весь личный состав. Поскольку у нас, находящихся на учениях, не было материальной части, на войну нас отправили как пехотинцев.

Прибыл я на центральный фронт в шестнадцатую армию. Наше подразделение стояло близ города Ярцево. Была третья декада июля сорок первого года. В моем первом бою я получил и первое свое ранение. А дело было вот как. Переправлялись мы через реку Вопь. На другом берегу попали под обстрел немецких орудий. Выстроились, пошли. Впереди меня, метрах в пяти, взорвалась мина. Ее осколки перебили мне челюсть. Но мне повезло: остальное было в порядке. Много наших полегло в том бою... Получив ранение, я своими силами выбирался в тыл, в госпиталь. Добирался тяжело...где поездом, где ногами. Оказался в городе Троицке Челябинской области в тридцать четвертом эвакогоспитале. Около месяца пролечился там...

После госпиталя меня направили в тридцатый запасный танковый полк в Челябинск. Там я окончил школу радиоспециалистов, изучал танковое дело. Вместе с рабочими участвовал в сборке танков. Выучившись на радиста-пулеметчика, попал в 148 отдельный танковый батальон на танк КВ. Батальон наш состоял из одной роты тяжелых танков (КВ), двух рот средних (Т-34) и двух рот легких (Т-26, Т-38-амфибия) боевых машин.

Помню, двадцатого декабря сорок первого года мы проезжали через Москву. Воздушная тревога. Столица к тому времени была уже прифронтовым городом... Прибыл я в своем танке в город Торжок Калининской области. На тот момент это Западный фронт Ржевского направления. Был я теперь уже в звании старшего сержанта.

Танки разгрузились. Двинулись вперед по дороге ко Ржеву. Наш танк вышел из строя, сломалась коробка передач. Мы задержались. Подразделение, конечно, нас ждать не стало: положение не позволяло. Часть ушла вперед. Поломку устранили. Вновь двинулись к линии фронта. Своих мы уже не догнали. Ушедший вперед наш батальон вместе со сто сорок пятым попали в окружение. Им там здорово досталось... Мы прибыли к своим. С ходу получили приказ: «Вот деревня надо огневые точки подавить...». Двинулись согласно приказу. Выполнили задачу, благополучно вернулись...

Наш танк обслуживали, кроме меня, еще четверо человек: командир машины (он же командир роты тяжелых танков) ст. лейтенант Иван Журавлев, командир орудия старшина Сисин, механик-водитель Володя, второй механик-водитель. Их полных имен я уже не помню. К сожалению, мы слишком мало провели времени в одной машине. Дело вот в чем... На следующий день мы прибыли на исходную позицию к той же деревне. Была она, если не ошибаюсь, возле города Старица неподалеку от берега Волги. Остановились. Мне было приказано покинуть танк. На мое место сел пехотный командир роты. Он хорошо знал огневые точки противника. Я остался ждать, залез для безопасности в подбитый танк. Ждал. Не дождался... наш танк подорвался на фугасах. Все погибли. Уже в третий раз случайность уберегла мою жизнь... Суждено было жить, но впереди было еще три тяжелых года войны...

При формировании сто шестьдесят первой танковой бригады из оставшихся в живых 148-го и 145-го отдельных танковых батальонов я был назначен радистом-телеграфистом на автомобильной радиостанции. В июле сорок второго под Воронежем участвовал в трудных боях... В конце года меня назначили начальником РСБФ (радиостанции скоростного бомбардировщика фронтовой). Прежний начальник

был направлен на курсы подготовки политработников. Второго ноября того же года вступил в ряды коммунистической партии.

В мае 1943 года уже в звании младшего лейтенанта оказался на Брянском фронте. Теперь я был в составе 25-го танкового корпуса 459-го отдельного батальона связи... Участвовал в Орловско-Курской битве со стороны Орла, сражались за Мценск. На поле боя моей задачей было обеспечение связи с бригадами и связи взаимодействия.

Затем мой боевой путь в составе Первого Украинского фронта проходил через Киев, Дарницу, Броды, Ровно... немного не доходя до Львова, пошли правее него на Сарны, Новоград-Волынский, Дукла. Пошли на Берлин. Участвовал в битвах на Сандомирском плацдарме, за Глагау. Перед Берлином стояли в Потсдаме. Берлин. Второго мая был у стен Рейхстага. Но расписаться на его знаменитых стенах не сумел – не было места... В составе четвертой гвардейской танковой армии пошли на Чехословакию. Участвовал в знаменитом рывке до Праги. Город Непомука. Догнали Власова и его последователей, пленили предателей. Закончил войну западнее Праги уже в звании лейтенанта. На фотографии я после войны.

За время войны получил два ордена и три медали: орден Красной Звезды (за обеспечение связи при форсировании Западного Буга), орден Отечественной войны II степени (за бои под Новоградом-Волынским; вручали на Первом Украинском фронте в районе Сарны)... Кроме этого, после войны получал еще медали – за выслугу, юбилейные, за отличную службу, как ветеран Вооруженных сил... Остался на действительной военной службе. Окончил Ульяновское военное училище связи, политехникум им. Подбельского. Ушел в запас в звании подполковника. Вот так и прошел войну. От рядового до лейтенанта: пехотинцем, танкистом, связистом... Трижды случайность спасала мне жизнь. Видимо, суждено жить...

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Ликач Денис Юрьевич***, студент 3-го курса Московского авиационного института.

Фишман Михаил Семёнович

ЗА «ЯЗЫКОМ»

Родился 20 декабря 1922 года, в г.Овруч Житомирской области Украинской ССР. Национальность – еврей. До войны окончил институт, член КПСС с 1943 г. Начал участвовать в боевых действиях по призыву, в составе 243-й танковой бригады, на воинской должности командира взвода в звании лейтенанта. Прибыл к месту формирования соединения, ст. Кубинка, в июне 1943 года

Боевой путь проходил через города: Лунево, Болхов, Злынь, Красилов, Каменец Подольский , Самбор, Скелат, Львов, Гусятин, Кельце, Коньске, Штейнау, Зорау, Штансдорф, Потсдам, Берлин, Прага.

Освобождал города, командуя взводом разведки:

- Злынь, Болхов, Орёл (даты операций соответственно 29.07.43, 2.08.43, 5.08.43) в составе Брянского фронта под командованием генерал-полковника Попова, 4-й танковой армии под командованием генерал – лейтенанта Богданова В.М., 30-го танкового корпуса под командованием генерал – лейтенанта Родина Г.С., 243-й танковой бригады под командованием подполковника Приходько В.И., роты управления под командованием старшего лейтенанта Рогощенкова Ф.Д..
- Каменец – Подольский 25.03.1944 – в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Жукова Г.К., 4-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта Лелюшенко

Д.Д., 10-го(30) гвард. танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Белова Е.Е., 62-й (243) гвардейской танковой бригады под командованием подполковника Денисова С.А., роты управления под командованием капитана Рогощенкова Ф.Д.

Командуя ротой разведки:

- Львов 23.07.1944 – в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева И.С., 4-й танковой армии под командованием генерал-лейтенанта Лелюшенко Д.Д., 10-го гвард. танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Белова Е.Е., 62-й гвард. танковой бригады под командованием полковника Денисова С.А.
- Берлин 16.04.1945 – в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева И.С., 4-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-полковника Лелюшенко Д.Д., 10-го гвардейского танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Белова Е.Е., 62-й гвардейской танковой бригады под командованием полковника Прошина И.И.
- Прага 6-9.05.1945 – в составе 1-го Украинского фронта под командованием маршала Конева И.С., 4-й гвардейской танковой армии под командованием генерал-полковника Лелюшенко Д.Д., 10-го гвардейского танкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Белова Е.Е., 62-й гвардейской танковой бригады под командованием полковника Прошина И.И..

Награждён:

- орден «Красного Знамени» – за взятие Берлина,
- орден Отечественной войны 2-й степени – за участие в боях на Сандомирском плацдарме,
- орден «Красной Звезды»,
- медаль «За боевые заслуги» – соответственно за освобождение города Львова и взятие города Унеча.

Ранения:

- 1943 год – лёгкое ранение, из войскового соединения не убывал,
- 1944 год – тяжёлое ранение, место лечения -армейский медсанбат, из войскового соединения не убывал. Контузия средней тяжести, из войскового соединения не убывал.

Особенно запомнившиеся эпизоды войны – бои в ходе Орловской операции, за освобождение Каменец – Подольского, Львова, Берлина, форсирование р. Одера.

Военные действия закончил в городе Прага 9 мая 1945 года в составе 62-й гвардейской танковой бригады, на должности командира роты разведки в звании майора под командованием вышестоящего командира Макщакова Б.П., имевшего звание подполковника, находящегося на должности начальника штаба бригады.

Демобилизовался в город Овруч Житомирской обл. Украинской ССР. Трудоустроен на должность заведующего отделом в редакции районной газеты.

Воспоминания

Неумолимо приближалась осень 1944 года. Позади, в глубоком тылу, остались освобождённые Каменец-Подольский, Львов, сотни других населённых пунктов. 62-я гвардейская танковая Пермская добровольческая бригада, как и весь 10-й танковый корпус, нисколько не уменьшила, а наоборот, усилила свою наступательную операцию, все дальше и дальше продвигаясь на запад. Впереди, как и положено, взвод разведчиков с ротой танков и двумя противотанковыми орудиями. Время от времени вступали в бой с разрозненными группами гитлеровцев, которые вместе со своими приспешниками, так называемыми бандеровцами, прятались в лесах, сёлах Западной Украины.

Во время коротких привалов спешили дозаправить танки, бронетранспортёры, устранить мелкие неисправности, позволяли себе минут 20 – 30 полюбоваться красотами Прикарпатья, полежать на опушке леса, подышать воздухом, насыщенным запахами трав и лесных цветов. Не обходилось без воспоминаний о своих городах, деревнях, близких людях. «Лучше, красивее нашей Уссурийской тайги не встречал, послышался громкий голос бывалого и профессионального охотника, а ныне одного из самых надёжных разведчиков Михаила Шульгина. – Вот вернусь, построю дом с балконом...»

Обычные фронтовые разговоры, воспоминания в перерывах между боями. Каждый из нас понимал, что осуществить свои мечты, планы можно только смертельными ударами по фашистским захватчикам и полным разгромом их в своём логове.

Именно высокий патриотический и моральный дух, ответственность за судьбу своей Родины придавали каждому из нас новые силы, ускоряли продвижение к ненавистным немецким рубежам .

В один из солнечных дней быстро переправились через реку Висла, заняли район дислокации на знаменитом Вислинском плацдарме.

Передышка. Условный отдых. Приводили себя в порядок. Немало разведчиков, получивших лёгкие ранения во время последних боёв, отказались от госпитализации и долечивались сейчас, принимали посильное участие в обустройстве своего быта.

В воздухе господствовала наша авиация, и вражеские снаряды не долетали. Это способствовало возведению добротных землянок, бани и даже чего - то вроде клуба. Это была длинная землянка в два наката. Умельцы смастерили сцену и длинные скамейки. Помню, один раз приехала московская агитбригада.

От всей души повеселились, на короткое время забыв о фронтовых буднях, слушая выступления известного артиста – куплетиста Гаркавченко и прекрасной певицы. Здесь выступал и армейский ансамбль.

Мы понимали, что впереди нас ждут новые походы и тяжёлые бои. Это подтверждалось непрерывным пополнением бригады, всех частей добровольческого соединения личным составом, техникой и новыми мощными образцами вооружения. По всему было видно, что на плацдарме надолго не задержимся. Взвод усиленно отрабатывал разные варианты ведения разведки на чужой территории, оттачивал огневое мастерство, подгонял новое обмундирование, учился ходить по компасу по незнакомой местности, взаимодействовать с экипажами боевых машин, сапёрами и многое другое

Как – то под вечер, сидя с разведчиками, я наблюдал, как один солдат пытался отшлифованным камнем наточить свой нож (подарок пермских машиностроителей). Проходя мимо нас, старший лейтенант Иван Бобошко заметил: «С этим камнем ничего путного не получится. Сходите к автомобилистам, у них есть настоящее механическое точило. Не откажут».

К совету прислушались. Через месяц с небольшим эти острые, как бритва, ножи очень нам пригодились.

В штабе бригады, на сборах офицерского состава, шла очень напряжённая работа. Особое внимание уделялось ведению боя в зимних условиях. Опыта, конечно, не хватало. Ранее наш корпус не вёл активных боевых действий в холодное время года. Так получилось. Теперь придётся пройти и через неведомую нам зимнюю фронтовую школу. С учётом новых климатических условий сменили форму. Выдали утеплённые брюки. Шинели заменили телогрейками или бушлатами. Я выбрал первое. Бойцы примеряли рукавицы. Чтобы их не потерять, делали нехитрые приспособления. Летнюю смазку автоматов и пистолетов сменили на зимнюю. В общем, подготовились без спешки и основательно.

Новый 1945 год встретили в тёплых землянках. Выпили стограммовую порцию водки за победу, за жизнь каждого из нас. А через день ночью по тревоге заняли исходные позиции. Я участвовал в Сталинградской и Орловско-Курской битвах, но такого количества боевой техники не видел. В лесу, где мы ждали команду «Вперёд!», под каждым деревом стояли танки, тысячи артиллерийских стволов разных калибров, несчётное количество прославленных «катюш» и другой техники. Перед такой силой никто не устоит , земля будет гореть под ногами фашистов!

Этот момент настал. 12 января на всю мощь загрохотала артиллерия. Под прикрытием огненного вала, который время от времени перемещался в глубь вражеской обороны, двинулась танковая армия. Взвод, как всегда, был в передовом отряде.

Такого напора стали и огня немцы не выдержали. Побежали, оставляя технику и сотни убитых. С короткими боями мы безостановочно продвигались вперёд, освобождая польскую землю от нечисти, стремительно приближаясь к вражеской Германии.

Ночью остановились в небольшой деревне. Чутьё подсказывает, что до границы рукой подать. Ничего не видно, всё занесло снегом. Постучались в дом, который отличался от остальных своими размерами большой, со многими окнами. Засветилась лампа. Хозяин с длинными чёрными усами сообщил, что немцы спешно ушли ещё позавчера и что граница в полукилометре от деревни.

«Незадолго до начала войны выкопали противотанковый ров вдоль границы, – рассказывал хозяин. -Поедете прямо до развилки дорог, а потом свернете налево и увидите небольшой домик. В нём когда – то размещалась их охрана. Переехать можно. В этом месте ров засыпали, их танки недавно проходили».

Подумав немного, хозяин говорит: «Снега много, можно сбиться с дороги. Я с вами пойду и покажу переезд».На всю жизнь я и мои фронтовые братья запомнили эту ночь. Мы достигли границы «всемогущего» рейха, мы на его земле.

Радости не было предела. Кто - то выпустил вверх автоматную очередь. Мы обнимались, как дети, позабыв на какой – то момент, что впереди нас ждут не угощения, а смертельный огонь и новые испытания на прочность.

Передали по рации в штаб бригады наши координаты и место переезда через ров, получили приказ дальше не двигаться, ждать основные силы, вести визуальную разведку.

Утром снова вперёд. Не встречая организованного сопротивления, бригада обходила крупные населённые пункты, уничтожала разрозненные группы немцев. Приближались к Одеру. Вот она, заснеженная и обледеневшая германская река. Это случилось 22 января в середине дня. Теперь будем громить фашистов на их земле. На противоположном берегу из небольшого городка Штейнау иногда доносились автоматные очереди, одиночные выстрелы. Изредка мины крошили ледяной покров реки.

Я стоял и смотрел на противоположный чужой берег и был уверен, что предстоит рейд туда, в неизвестность. Какие там вражеские части, какие инженерные сооружения – все эти сведения нужны командованию. Собрал разведчиков, объяснил им обстановку, предупредил, чтобы были готовы к выполнению боевых задач, и на всякий случай выставил группу наблюдателей за противоположной стороной.

Долго ждать приказа не пришлось. Начальник штаба бригады подполковник Макшаков сказал мне: «Нам надо знать, кто и сколько их там за Одером. Собери группу самых смелых разведчиков, и переправляйтесь. Вас поддержат. Чтобы был «язык».

Потом внимательно посмотрел на меня и тихо добавил: «Понимаешь, так надо, иначе нельзя. Желаю удачи и до скорой встречи...»

Сборы были недолги. Юсуп Зингеров, Михаил Шульгин, Иван Шевченко, Борис Логинов и Виктор Коростлёв физически крепкие ребята, на счету которых немало успешных разведывательных рейдов. Залегли рядом со мной в заранее подобранном месте, отсюда хороший обзор противоположной стороны и не очень крутой спуск к реке. Наблюдения ничего не дали . Там царила тишина. Не замечено никаких движений. Это настораживало вдвойне. Неужели немцы заметили нас и только ждут, чтобы взять нас, как говорится, голыми руками. Тревожил и сам переход. Ползти по льду тяжело, сапоги будут скользить по устоявшемуся льду. Тихонько поделился мыслями с ребятами. Сразу откликнулся сержант Шульгин: « Когда зимой ходили в тайгу, чтобы не скользить, надевали на нижнюю часть сапог так называемые чуни, изготовленные из шкур медведя или лося. Можно и ткань шинельную приспособить « .

«А где её взять?» – спросил кто – то.

«Разрешите пробраться к старшине роты управления Борису Панюшкину, – шепчет Михаил. – У него в хозмашине что хочешь можно найти, и заодно попрошу у связистов проволоки. Быстро сделаем чуни».

На это ушло не более полутора часов. Из двух стареньких шинелей сделали что-то наподобие резиновых галош, которые стали модными в послевоенное время.

После полуночи спустились к реке, решили ползти один за другим с интервалами в пять – шесть метров. Головной – отличный снайпер и силач Юсуп Зингеров. А луна во всём своём величии играет с нами злую шутку. Её нежно голубоватый свет осветил всё кругом. Каждый дальнейший метр кажется дальней дорогой.

Наконец одолели её. Смотрю, Зингеров поднялся на край берега и вскоре подаёт условный сигнал .

Шесть пар глаз всматриваются в неизвестность. Тихо. Никаких признаков жизни. Ползём вперёд и вдруг, словно по команде, замерли. Недалеко, почти рядом, заметили маленькую вспышку ,уловили тихий шёпот. Кто то прячется. Тихо тихо ползём, шёпот усилился. Вперёд выдвинулся ефрейтор Логинов. Машет рукой. Теперь уже сомнений нет. Делаем последний бросок. Как снег на голову сваливаемся на трёх немцев, которые были в дозоре и спокойно покуривали в небольшой воронке. Блеснули ножи, двое гитлеровцев упали, а третий от неожиданности и испуга что-то говорил. Кляп, ловко вставленный в рот, оборвал его бормотание.

Задача выполнена только наполовину. Все усилия сосредоточены на доставке пленного. Снова на Одере. Ползём. Меньше, чаще делаем короткие перебежки, волоча добытый трофей. В спешке меньше прикрывались. Это была ошибка, или, проще говоря, непростительное лихачество. Нас заметили.

Над головой «заиграл» фейерверк трассирующих пуль наших и немецких. Красивое зрелище, но смертельно опасное. С помощью разведчиков взвода, прикрывавшего коридор, по которому пробирались к своим, доставили «языка» в штаб.

«Язык» лежал на полу без движения. Вездесущий и смелый фельдшер Валентина Козлова не смогла привести его в чувство.

Немец был убит своими же вояками. Все были в шоке. Как это могло случиться? Ведь мы его оберегали. Как известно, пуля – дура, не щадит никого. Стоявший невдалеке офицер связи корпуса с издёвкой заметил: «Подобрали убитого ...».

Козлова внесла ясность: «Что ты мелешь? Посмотри, кровь ещё тёплая, капает». Цыкнули на него и другие офицеры штаба. Морально поддержали нас. Разведчики, опустив головы, сидели на полу в углу помещения, молчали . Каждый думал о большой неудаче и мысленно готовился к новому походу во вражеский тыл. Тягостную обстанов-

ку разрядил подполковник Макшаков. Подойдя к нам, он сказал: « На войне и не такое бывает, вешать голову не надо, лучше подумайте, как выполнить боевую задачу. Она не отменяется. – Отвёл меня в сторону, похлопал по плечу и добавил: Нам позарез нужен «язык», уверен, вы сможете его доставить».

Усталость как рукой сняло. Снова в ночную стужу. Решили сделать вторую попытку метрах в 400 500 левее от первого провалившегося поиска. Снова до боли в глазах вглядываемся в противоположный берег. Он молчит. Погода сжалилась над нами. Закрутила , завьюжила низовая метель, потускнела луна. Идём, ползём отработанной схемой. Быстро поднялись на край берега. Невдалеке стояли большой дом барачного типа и несколько хозяйственных построек без окон. В стороне, ближе к нам, несколько навесов со стеллажами. Подползли к ним. Тишина .

Короткими перебежками добираемся к дому. Двое ложатся на крыльцо, четверо тихонечко заходят в длинный коридор. Стоим, сдерживая дыхание, прислушиваемся. Из второй от нас комнаты доносится храп. Кто-то там есть. Кто именно? Что за люди? Не промахнуться бы. Подходим, без скрипа открываем дверь и сразу наталкиваемся на немца, который, по – видимому, был дозорным , бросил пост и зашёл погреться. Он не успел и слова сказать, как железный кулак Бориса Логинова оглушил его, а Юсуп Зингеров ловко вставил кляп в рот. В считанные минуты без единого выстрела покончили с остальными четырьмя солдатами .

Отходили быстро и бесшумно. В центре пленный со связанными руками. Когда спускались к реке, я заметил , что Иван Шевченко держит небольшую широкую доску. «Зачем? – подумал я, – только такого трофея не хватает». Ступив на лёд, старший сержант положил на доску немца. Подталкиваемая, доска легко скользила по реке, облегчая работу всей группы.

Боевое задание выполнено. Поздравления сыпались со всех сторон, а командир роты управления капитан Фёдор Рогощёнков принёс котелок горячего сладкого чая. Гитлеровец сначала что - то мычал, бормотал, а потом стал чётко отвечать на вопросы переводчика Матвея Каплана. Из слов «языка» и по данным из других источников стало ясно, что на противоположном берегу небольшие группы дозорных, а основные силы немцев на подходе и смогут развернуться не ранее чем к полудню. Но фашисты и здесь просчитались. Наша бригада, как и весь танковый корпус, успешно форсировали Одер и нанесли сокрушительный удар гитлеровцам, расчленив и раздробив их на части.

Создать сплошной фронт у немцев уже не хватало сил. Мы стремительно продвигались вперёд, танкисты разбивали опорные пункты, уничтожали подходящие резервы, склады, коммуникации, всё то, что могло пригодиться немцам. Вслед за Одером форсировали реки Бобер и Нейсе, вплотную подошли к логову фашистских поработителей.

Вспоминаю о минувших боях, и предстают прямо передо мной образы фронтовых друзей, с которыми вместе ковали Великую Победу и многие из которых не дожили до этого светлого дня.

Память об этих бесстрашных, настоящих патриотах всегда живёт в моём сердце. Никогда не забываю слова из популярной песни « Где же вы теперь, друзья – однополчане, боевые спутники мои?». Живите долго долго. Гордитесь нашим боевым братством и настоящими общими победами .

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Густов Лев Сергеевич***, студент 2-го курса профессионального училища №5.

Шиманкин Владимир Васильевич

ОТ ОБОРОНЫ ПОД СТАЛИНГРАДОМ К ШТУРМУ БЕРЛИНА

Я родился 9 июня 1921 года в Горьковской области. По окончании средней школы в 1940 году был призван в Красную армию – красноармеец, старшина команды, с октября 1941 года курсант военной школы. В июле 1942 года в звании младшего лейтенанта был назначен старшим помощником начальника штаба по специальной связи 49-й механизированной бригады и направлен под Сталинград, где в это время шли тяжелые оборонительные бои. С июля 1944 года и по конец войны прошел боевой путь до Берлина и Праги в составе 4-й гвардейской танковой армии в 93-й (впоследствии 68-й) отдельной гвардейской танковой Житомирско-Берлинской Краснознаменной орденов Александра Суворова, Михаила Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского бригаде.

На данный момент являюсь полковником в отставке, последняя должность – начальник оперативного отделения – заместитель начальника штаба дивизии ПВО. Член-корреспондент Академии военно-исторических наук Российской Федерации. Принимаю активное участие в ветеранской работе, являясь ответственным секретарем Совета ветеранов 4-й гвардейской танковой армии и одновременно секретарем мемуарного совета Московского отделения Академии.

Война застала меня в Горьковском облвоенкомате, где проходил службу красноармейцем, потом старшиной команды, до поступления

в октябре месяце 1941 года в специальную школу Генерального штаба, которую окончил в июле 1942 года. После окончания в звании младшего лейтенанта был направлен старшим помощником начальника штаба по специальной связи 49-й механизированной бригады под Сталинград. Бригада формировалась в городе Дзержинске (Горьковская область). По окончании формирования в сентябре 1942 года бригада убыла на Сталинградский фронт.

Первое боевое крещение

Первый бой, как и последний, остается в памяти на всю жизнь.

Сразу же после выгрузки из эшелонов на станции Себряково Волгоградской области подразделения бригады своим ходом двинулись по заснеженной степи к назначенному рубежу и сосредоточились в районе Суровикино, хутор Нижне-Калиновский. Сама станция Суровикино в тот момент находилась в руках немцев.

Когда подразделения только приступили к подготовке позиций к обороне, немцы «приветствовали» нас минометным и артиллерийским обстрелом, делали пробные вылазки – прощупывали: кто перед ними?

Но уже на третий день из мотострелкового батальона поступило донесение: немцы на окраине Суровикино сосредотачивают значительные силы танков и пехоты. Комбриг Гречко, находившийся в тот час на НП возле железнодорожной насыпи, приказал артиллеристам и минометчикам накрыть огнем скопление противника, а мотострелкам подготовиться к отражению атаки.

В то время над хутором появились вражеские самолеты, воздух наполнился воем сбрасываемых бомб, а землю сотрясали взрывы падавших вместе с ними мин. Немецкая авиация в пору Сталинградской битвы использовала противотанковые и пехотные мины как средства бомбового удара. Группа офицеров и бойцов решили укрыться в погребе. Я вскочил туда последним. И только переступил порог внутренней двери, как взрывом мины разметало крышу. Несколько человек было убито, остальные получили разной степени ранения, ушибы и контузии.

Когда всё стихло, стали извлекать из завала погибших и искалеченных. Первым вытащили меня. Ударом взрывной волны меня оглушило, и я потерял сознание. Через некоторое время я очнулся, присел и огляделся. Рядом по обе стороны лежали трупы. Среди них я узнал капитана Остроброда, начальника штаба бригады. Вокруг суетня, слышались стоны раненых, их на носилках выносили со двора. Возле хаты дымилась искореженная штабная радиостанция.

«Значит, связи нет, — промелькнуло в моем сознании. — Ни со штабом корпуса, ни с НП комбрига... Полковник не знает об этом... Идет бой, а связи нет... Начальник штаба убит... Надо доложить комбригу...»

Я побрел, качаясь, как пьяный, туда, откуда доносилась, нарастая, канонада. В голове шум, было муторно до рвоты, но я шел не останавливаясь.

– Смотри, славяне! Один ожил!

– Куда его понесло? Ведь шарахнуть может и костей не соберешь, — были голоса вслед.

Я шел, не обращая внимания, таким, как встал – без шапки, в разодранной шинели. В мозгу сверлило: «Связи нет... Убит Остроброд... Комбриг не знает... Надо доложить...» Свистели пули, рвались снаряды, я шел, спотыкаясь, вдоль железнодорожной насыпи, не осознавая опасности. Вот рвануло где-то близко. Меня обдало жаркой волной, но, покачнувшись, не упал, не остановился.

– Куда ты прешься? — кричали мне со стороны артиллерийских позиций возле кладбища. — Ложись! Или жизнь надоела?

Я шагал, не понимающий, не воспринимающий окружающее. Мое зрение ориентировалось на НП комбрига. Там уже меня заметили, и оттуда навстречу мне бежал офицер. Размахивая шапкой, он кричал: «Пригнись!».

Полковник Гречко и заместитель начальника штаба бригады майор Михайлов корректировали огонь своего артиллерийского дивизиона, находившегося в районе кладбища в километре от НП. Комбриг выслушал мой доклад, не отрываясь взглядом от происходящего у линии окопов, где мотострелки занимали оборону. А там в это мгновение автоматчики выскакивали из окопов и бежали в сторону НП. К окопам приближались немецкие танки. Комбриг вскочил и бросился к ним на встречу. За ним последовали майор Михайлов, другие офицеры и бойцы, находившиеся на наблюдательном пункте. Я за ними.

– А ты куда? Вернись! – бросил кто-то мне на бегу.

– Как куда? С вами, в атаку – ответил я, расстегивая кобуру своего «ТТ»,

Благодаря решительности и личному вмешательству комбрига положение было восстановлено. Немцев встретили организованно. Пэтээровцы прицельно били по нахально ползущим танкам. Вот уже два из них замерли на месте. Выскочивших из них гитлеровцев косили автоматные очереди.. Еще два прямо у окопных брустверов задымили

чадными факелами. Их подожгли мотострелки бутылками с зажигательной смесью.

Сражение было выиграно. Немцы отступили, оставив несколько десятков убитыми и шесть сгоревших танков. День этот для многих в мехбригаде стал днем боевого крещения. А для меня на всю жизнь он отмечен особой памятью. И, хотя в последующих боях на степных просторах донского края было много горячих схваток с врагом, а названия многих освобожденных населенных пунктов забылись, — в моей памяти прочно врубились наименования только этих двух хуторов: Нижне-Калиновский и Бобовня.

Ломая стойкое сопротивление немцев, части 5-го мехкорпуса, куда входила и наша бригада, стремились вперед вдоль железнодорожной линии.

Особенно жестокими были бои за Морозовскую. Уличные бои нередко перерастали в рукопашные схватки. 9 января станица Морозовская была полностью освобождена.

Что называется не переводя дыхания, 49-я и 50-я мех-бригады ломая упорное сопротивление противника и уничтожая его разрозненные подразделения, пытавшиеся задержать наше продвижение вперед, углубившись на 40 километров, заняли хутор Бобовня и железнодорожный разъезд с тем же названием.

Бойцы сильно устали за многие дни непрерывных сражений, и командиры бригад, посоветовавшись, приняли решение. сделать остановку на ночлег, чтобы дать личному составу отогреться, покушать и хоть чуть- чуть отдохнуть. А с рассветом сделать рывок на Тацинскую. По оценке Героя Советского Союза генерала М. К. Шапошникова, который в то время исполнял обязанности командира мехкорпуса, штабы бригад допустили беспечность, не выставив боевое охранение, не выслав разведку. И это обернулось бедой.

Перед рассветом немцы, опередив намерения командования бригад, силами пехотного полка и огнем орудий бронепоезда обрушили удар на Бобовню. Отход бригад был стихийным, под сильным прицельным огнем, и мы несли большие потери. Полковник Гречко принимал меры, чтобы придать отходу организованный характер. Отходили к Сухой Балке. По периметру ее склона вблизи хутора Сенного заняли оборону. Но закрепиться в такой обстановке не удалось.

Немцы нанесли по Балке концентрированный артиллерийско-минометный огонь. Схватка была до отчаяния яростной, но силы были неравными. Пришлось, отходить. Отход прикрывала группа мотострелков. С ними был полковник Гречко. Много погибло в той Су-

хой Балке бойцов и командиров. Погиб в том бою, сдерживая натиск гитлеровцев, и комбриг сорок девятой полковник Гречко. Вынести его, к сожалению, не удалось...

Через два дня вновь вошли в Бобовню. Хоронили погибших товарищей. Среди них узнали своего комбрига. Труп его был обезображен, ордена сняты, петлицы спороты. Прогремел над братской могилой троекратный салют. Бойцы поклялись отомстить врагу за смерть боевых товарищей.

Таков был первый бой. Но ничуть не менее сложными и кровавыми были последующие бои, вплоть до последней стычки с войсками оккупантов.

Мы сильно пострадали от тяжелых боев: в бригаде осталось всего 5 танков, большая часть личного состава была убита, боевая техника приведена в негодность. Но мы двигались за наступавшими частями, находясь в резерве командира механизированного корпуса, для решения непредвиденных задач. Но так было недолго.

Сдав оставшиеся танки и другую боевую технику, бригада получила команду убыть на последующее пополнение личным составом и техникой. Отдых и новое укомплектование проходило недалеко от города Карачева в Брянских лесах и продолжалось недолго.

Последующие бои были не менее тяжелыми Наоборот, они носили более ожесточенный характер, но отличались от первоначальных высокой маневренностью, лучшей оснащенностью боевыми средствами, танками. Обновленный личный состав уже имел опыт ведения боя, во всех звеньях улучшилось управление – как в частях и подразделениях, так и между ними. Особенно запомнились сражения за город Каменец-Подольский в мартовские дни 1944 года в суровых условиях весенней распутицы. Бои за Скалат Стары, Лянцкорунь, Жердье, по освобождению Гусятина, Оринино недалеко от Каменец-Подольского навсегда останутся в моей памяти.

...25 марта 1944 года бригада, поддерживаемая гвардейским минометным полком и шестью самоходно-артиллерийскими установками, обошла Каменец-Подольский с юга и приблизилась к реке Смотрич в районе деревень Татариска и Кубочевка. Разведав броды, танки с десантом пехоты на броне форсировали реку и ворвались на окраину города. Фашистские войска удара с юга не ожидали, и внезапное появление наших танков вызвало панику. Немцы стали спешно отходить в сторону железной дороги. К утру 26 марта мотострелковый батальон майора Т.Г. Козиенко овладел базарной площадью. Подразделения бригады очищали от противника улицу за улицей. Бои

шли за каждый дом и отличались большой ожесточенностью. К 10 часам была занята железнодорожная станция. Слаженно действовала артиллерия. Искусно маневрируя, метким огнем они уничтожили 4 танка, 10 пулеметных точек и до роты вражеских солдат. За этот подвиг младшему лейтенанту Я.Д. Хардикову было присвоено звание Героя Советского Союза.

26 марта Каменец-Подольский был полностью в наших руках. Отдельные группы немцев, разбежавшиеся по чердакам и подвалам, в течение дня были пленены или уничтожены.

Штурм города был проведен в таком стремительном темпе, что фашисты не смогли использовать преимущества своих оборонительных рубежей, не успели взорвать заминированный Турецкий вал, электростанцию, спиртоводочный и пивоваренный заводы, другие промышленные предприятия. В результате быстротечных боев удалось освободить из тюрем более 800 советских граждан, которых ожидала верная смерть. Гитлеровцы бросили на произвол судьбы свыше 1000 раненых. В результате столь стремительного удара фашистские войска были рассечены на две части. 21 дивизия оказалась окружена северо-восточнее Каменец-Подольского.

Однако сплошного кольца окружения, как внутреннего, так и внешнего, создать не удалось. Не хватило сил. Бездорожье и распутица не позволили произвести своевременный маневр, к тому же мы несли значительные потери и были ослаблены. Немецко-фашистское командование, отведя свои войска за реку Днестр, стремилось вновь овладеть Каменец-Подольским и Оринино и выбить наши части из других населенных пунктов. Но этого не произошло. Подошли войска 38-й армии.

Приказом Верховного Главнокомандующего от 27 марта 1944 года за образцовое выполнение заданий командования 49-й механизированной бригаде было присвоено почетное наименование Каменец-Подольской. Позднее, после войны, многим воинам 4-й гвардейской танковой армии, в том числе и 49-й мехбригаде были присвоены почетные звания «Почетный гражданин города Каменец-Подольский», в том числе и автору этих строк.

Я во время всей этой операции, находился в составе оперативной группы, обеспечивая управление подразделениями бригады и устойчивую связь со штабом мехкорпуса.

Навсегда останутся в памяти суровые и тяжелые бои за город Львов и предшествующее этому уничтожение крупной (в составе 8-ми вражеских дивизий) Бродской группировки противника, стремящейся

выйти в район Львова и соединиться со своими основными силами. В этих боях я принимал участие уже в составе 93-й (впоследствии 68-й гвардейской) отдельной танковой бригады так же в должности старшего помощника начальника штаба бригады по специальной связи.

68-я отдельная гвардейская танковая Житомирско-Берлинская Краснознамённая орденов Суворова, Кутузова, Б. Хмельницкого и А. Невского бригада занесена в число особо отличившихся соединений и частей, прославивших своими боевыми подвигами героический путь Советской Армии в годы Великой Отечественной войны. Получить два почётных (Житомирско- Берлинская) и пять боевых орденов, – это дано не многим. Всего 29 соединенеий и частей в годы Великой Отечественной войны пять раз и более награждались орденами за свои боевые подвиги, в том числе и 68-я отдельная гвардейская танковая бригада (из них четыре ордена бригада получила при моём участии в боевых действиях в качестве бригадного шифровальщика.).

Впереди был Сандомирский плацдарм и ожидание решающих схваток с врагом на пути к Берлину.

Через Одер в Германию

Продолжая выполнять задачи передового отряда армии, бригада 19 января 1945 года, совершив 70- километровый бросок по тылам врага, не ввязываясь в затяжные бои, сметая со своего пути мелкие разрозненные группы противника, в 17 часов, сходу уничтожив вражеский гарнизон в городе Осякув, овладела им и захватила исправный мост через реку Варта. Выслав боевую группу вперед в направлении города Вершув, командир бригады майор Дементьев А.А. приказал захватить переправу через реку Пресна.

К 19:30 бригада достигла города Вершув. Здесь командарм Лелюшенко подкрепил танковую бригаду 22-й самоходно-артиллерийской бригадой, что усилило наступательные возможности передового отряда. Продолжая наступление, передовой отряд к исходу 21 января внезапно для противника ворвался в город Бранценталь. Рассеяв и разгромив полицейские группы, отряды жандармерии и фольксштурма, он так внезапно появился в городе, что немцы не успели перерезать провода связи и взорвать электростанцию. Заняв круговую оборону, комбриг Дементьев А.А. направил разведку в направлении города Милич. Военные действия полностью перешли на землю врага. И на нашей улице наступил праздник. Начался великий поход свободолюбивых народов.

Командир разведвзвода старший лейтенант Макаров В.М. со своими разведчиками медленно подходил к городу. Город спал, убаюканный геббельсовской пропагандой о неприступности немецких границ.

Немцы не могли даже предположить, что в нескольких километрах остановились русские танки с десантом автоматчиков. Взяв без особого труда «языка», разведчики благополучно возвратились назад.

Приведенный пленный показал, что город обороняет не более батальона пехоты и полторы тысячи солдат «фольксштурма». Есть в городе и истребительные группы, вооруженные фаустпатронами.

Комбриг принял решение захватить крупный пункт обороны немцев на подступах к Одеру внезапной стремительной атакой.

Танковый взвод 1-го батальона, не останавливаясь, сходу ворвался в город. За ним пошли танки 2-го батальона. Лязг гусениц по асфальту и шум моторов нарушил ночную тишину города. Город ожил и ощетинился. Каждый квартал, улицу брали с боем. Танко-десантная рота лейтенанта Покидаева очистила от немцев центр города.

В городе жителей не было, но в квартирах горел свет, по радио звучала бодрая музыка – всё говорило о том, что здесь, в глубоком тылу, появления наших войск немцы не ожидали.

Вечером 22 января комбриг по радио получил распоряжение командарма Лелюшенко: удерживая Милич, направить передовой отряд в Равич и овладеть им. До этого города было около 50 километров.

Передовой отряд рота танков с ротой автоматчиков бригады и рота самоходно-артиллерийских установок от 22-й самоходно-артиллерийской бригады – двинулся в путь ночью. Командиром передового отряда был командир танковой роты капитан Оболенкин. Во время движения встречали разрозненные подразделения и группы противника, что не сильно повлияло на выполнение задачи.

...Ворвались в город с разных сторон. Заняли железнодорожную станцию и встретились в центре города. Когда бой утих, к капитану Оболенкину явился бургомистр города и по старинному немецкому обычаю, с целью сохранения города вручил ему на серебряном подносе ключи от города. В городе было захвачено два эшелона с танками, орудиями и другой техникой, 5 складов с боеприпасами, горючим и продовольствием. Уничтожено 20 танков, около батальона гитлеровцев и 40 автомашин. Около 30 немцев сдались в плен. Все улицы были забиты автотранспортом, повозками, исправной и разбитой техникой.

За этот подвиг командир взвода 1-го танкового батальона старший лейтенант Кузьмин получил звание Героя Советского Союза, остальные экипажи получили высокие правительственные награды.

Танкисты, артиллеристы и автоматчики заняли в Равиче круговую оборону. Оставив в Миличе 3-й танковый батальон для обороны города, бригада, по указанию командарма, двинулась на Равич, для удержания до подхода главных сил армии.

Столь дерзкие и решительные действия передового отряда армии, обеспечивающие наступление её главных сил и общевойсковых соединений, в значительной степени обусловлены правильно организованным управлением внутри подразделений бригады, между частями и соединениями внутри армии. Основным элементом управления в этой сложной и быстро меняющейся обстановке была радиосвязь. Со штабами корпусов и армии осуществлялась бесперебойная шифросвязь. Бригадный шифровальщик всегда был в составе оперативной группы и следовал в боевых порядках бригады.

Выделение из штаба армии в состав передового отряда радиостанции «РСБ» повышенной далности для связи с армией и, в отдельных случаях, со штабом фронта было правильным и себя полностью оправдало.

24 января бригада передислоцировалась из города Равич в город Трахтенберг, который уже был занят частями 10-го гвардейского танкового корпуса, и до 26 января находилась здесь в обороне, ожидая главные силы и подвоза горючего.

Противник стремился сдержать наступательный порыв наших войск. На направлении нашего наступления он подтянул части танковой дивизии «Герман Геринг». Объединяя другие разрозненные группировки, отступавшие под ударами наших войск, он пытался блокировать отдельные части, остановить их, не дать продвинуться к реке Одер. Но все попытки противника успеха не имели. Он бросался с одного направления на другое, где продвигались наши войска, и, как смертельно раненый зверь, наносил отдельные удары, огрызался, но существенно изменить ничего уже не мог. Наши соединения и части давили врага своей броневой мощью и продвигались всё дальше и дальше на запад. Впереди был Берлин.

…Перед решающим штурмом Берлина было еще несколько тяжелых схваток с противником. С 19 по 25 марта бригада, совместно с 10-м гвардейским танковым корпусом и другими соединениями армии, участвовала в уничтожении еще одной крупной окруженной немецкой группировки, пытавшейся соединиться с частями, шедшими на помощь Оппельнской группе войск.

Подразделения бригады вместе с 13-м тяжелым танковым полком, 380-м легкоартиллерийским полком, дивизионом «Катюш» 312-го гвардейского минометного полка обороняли Ваккенау и Шнеллевальде.

19 и 20 марта немцы, подтянув резервы, предприняли наступление с целью перерезать дорогу Шнеллевальде-Ваккенау и соединиться с частями, действующими в районе Риггерсдорф. Предприняв три атаки и понеся потери они отошли, но проведя маневр, с господствующих высот стали вновь обстреливать наши позиции. По распоряжению командира бригады 2-й танковый батальон был выведен на рубеж Дитмансдорф, 3-й танковый батальон – на рубеж Риггерсдорф с задачей сковать огнем возможное продвижение противника и не дать ему пробиться в район расположения штаба бригады, который находился в Шнеллевальде. Днем и вечером противник несколько раз контратаковал наши позиции, совершая одну атаку за другой и, не считаясь с потерями, вгрызался в нашу оборону. Весь личный состав, все кто мог держать оружие, окопались на окраине Шнеллевальде, Ваккенау и отражали яростные контратаки противника.

Особую опасность представляли «фаустники». Они подползали к нашей обороне, выискивали замаскированные танки и били по ним из фаустпатронов. Принявший командование бригадой полковник Маряхин С.С. (начальник оперативного отдела 4-й танковой армии; майор Дементьев А.А. в этой сложной обстановке допустил ряд не совсем правильных решений и командармом был отозван) приказал занять жесткую оборону и держаться до прибытия 61-й танковой бригады, направленной к нам на помощь. Мы находились в плотном окружении противника. Положение было критическим. Подразделения бригады и приданные части дрались на пределе своих возможностей против во много раз превосходящих сил немцев, которые, не считаясь с потерями, лезли со всех сторон.

Поздно вечером полковник Маряхин провел совещание со всеми офицерами. Не скрывая глубокой озабоченности и опасности, нависшей над нашими частями, он изложил обстановку и призвал всех к стойкости, исполнительности, выдержке и строжайшему соблюдению дисциплины.

В подразделениях прошли партийные и комсомольские собрания, все поклялись стоять насмерть, не отступать, какие бы силы не бросил на нас противник.

Всю ночь шли тяжелые бои. Потери были со всех сторон. Офицеры и бойцы в этих боях показали образцы мужества, отваги, самопожертвования, предпочитая умереть, но не отдать обороняемые рубежи. Ночью для закрепления и удержания важного узла обороны прибыли четыре танка 61-й танковой бригады. Важно было не прибытие 4-х танков, а снятие блокады, исключение возможности прорыва на отдельных участках.

После этого подразделения бригады участвовали в уничтожении Ратиборской группировки. В результате выхода соединений армии на рубеж Эгендорф-Троппау-Ратибор была закрыта дорога на Чехословакию, откуда немцы перебрасывали в Германию резервы.

После победы

...Закончилась война. Бригада меняла места дислокации. После двухмесячного пребывания в Чехословакии, в городе Кладно, где командир бригады полковник Хмылов К.Т. был комендантом города, бригада находилась в Венгрии, Австрии. После прибытия в январе 1946 из отпуска я получил новое назначение. На этот раз в Союзническую Комиссию по Австрии (г. Вена), где пробыл до августа 1948 г. С 1948 г. моя служба продолжалась в 42-й Воздушной армии Бакинского округа ПВО, где я был офицером, старшим офицером восьмого отдела штаба 42-й Воздушной армии. В 1952 г. окончил Липецкие Высшие офицерские летно-тактические курсы усовершенствования офицерского состава ВВС (ВОЛТКУ) с аттестационным выводом: «Может быть использован на оперативной работе в авиационных частях и соединениях ПВО и ВВС».В должности офицера, старшего офицера оперативного отдела штаба Воздушной армии прослужил около 2-х лет, затем был назначен офицером Оперативного Управления штаба Бакинского округа ПВО, а в 1959 – начальником оперативного отделения зам. начальника штаба 16-й гвардейской дивизии ПВО (г. Красноводск) Бакинского округа ПВО.

В 1964 г. окончил ВАК (Высшие академические курсы) при Командной академии ПВО (г. Калинин). В 1969 г. по состоянию здоровья уволен из кадров Вооруженных Сил по статье 59 «Б» (по болезни).

Переехал в Москву и в течение 17 лет работал в Министерстве радиопромышленности СССР в должности инженера, старшего инженера Управления внешних сношений. Профиль работы соответствовал моим знаниям по вооружению войск, находившихся в войсковых частях, дислоцированных за границей. Здесь я занимался формированием комплексных бригад оборонных отраслей промышленности и направлением их в войсковые части, дислоцированные за границей, по гарантийному обслуживанию, проведению доработок зенитно-ракетной и авиационной техники.

Находясь на службе в Вооруженных Силах и после увольнения из рядов ВС, занимал определенную жизненную позицию и неоднократно находился на выборных должностях, будь то в партийных или общественных организациях.

Я, как представитель старшего поколения, ветеран войны и Вооруженных сил, с большим уважением и глубокой почтительностью отношусь к нашему прошлому и тому что мы потеряли 10 лет назад. Да, у нас были недостатки и промахи, можно было по-иному решать многие вопросы общественной, политической и социальной жизни, но мы шли по не изведанному ранее пути. Аналогов не было в истории. Классики социалистических и коммунистических идей давали лишь общие контуры нового строя и указывали на их многообразие. Социальные взрывы прошлого, наоборот, указывали на решительность действий нового социального строя, взявшего власть в свои руки. Было ясно, что старый класс добровольно свои позиции не уступит. Что будет изнурительная кровавая схватка. Мы считали процессы 1937-1939 гг. вынужденными мерами, но полагали их правильными и встречали с одобрением. У нас было суровое детство и тревожная юность, мы воспитывались во времена бурных событий перехода от одной общественной формации к другой, считали ее более прогрессивной и ежегодно ощущали ее благотворное влияние.

Я сам выходец из деревни, ощутил суровую действительность 20-х годов, застал в деревне лапти и на деревенских полях соху. На моих глазах проходила коллективизация сельского хозяйства, грандиозные стройки первых пятилеток, преображающие весь облик и устои прошлого. Видел первые начинания в ликвидации безграмотности на селе, всеобщее обязательное бесплатное обучение. На глазах моего поколения совершались грандиозные достижения в области науки, техники и культуры.

Мы воспитывались не только на книгах Пушкина, Лермонтова, Толстого, Горького, Достоевского, но особенно на книгах Николая Островского «Как закалялась сталь», «Рожденные бурей», Михаила Шолохов «Поднятая целина», «Тихий Дон», на лирике К. Симонова, С. Есенина, В. Маяковского. Их герои были нашими кумирами. Мы не по годам взрослели. И когда в Германию пришел фашизм, а впоследствии в Испании разразилась гражданская война, мы уже поняли всю суровость нашей настоящей действительности. Лейпцигский процесс и триумф Г. Димитрова еще более закалил нас и напутствовал к суровой борьбе. Комсомольская юность, готовность к труду и обороне вот был наш ответ на происходящее.

Большое влияние на мое мировоззрение оказал мой отец. Он возвратился с Гражданской войны искалеченный, но умудренный опы-

том жизни и лозунгами большевиков: «Земля крестьянам», «Фабрики рабочим». Он видел и слушал речи Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина. Восторгался искусством Троцкого говорить и убеждать, но прочно принял идеи Ленина. В 1917 году он стал коммунистом.

Мои фронтовые награды:

- две медали «За боевые заслуги» – одна №135990 за боевые действия под Сталинградом, вторая без номера;
- медаль «За отвагу» №1475500 – за боевые действия во время Львовской операции;
- два ордена «Отечественной Войны» – №331092, второй без номера – за боевые действия в Берлинской операции;
- орден «Красной Звезды» №3428825
- 25 оборонных и юбилейных медалей.

Мои публикации:

1. Подготовлена к изданию рукопись «Будни и подвиги» (Боевой путь 68-й93-й) отдельной гвардейской танковой Житомирско-Берлинской Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова, Хмельницкого и Невского бригады) на 187 страницах.

2. Опубликованы в журнале «Вестник ПВО» в 1965-1969 годах:
«Методика проведения летно-тактических учений в полках ПВО»;
«Из опыта подведения итогов боевой подготовки в дивизии ПВО».

Отдельные статьи, касающиеся боевой подготовки в дивизии ПВО, разработки материалов проведения командно-штабных учений в Округе ПВО и дивизии ПВО

В качестве нештатного корреспондента написал ряд статей в армейской и фронтовой газетах в 1943-1945 годах о боевом пути бригады и подвигах однополчан.

Февраль 2003 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Диков Владимир Александрович***, студент 2-го курса профессионального училища № 5.

Шишкин Николай Константинович

ФРОНТОВЫЕ ПУТИ-ДОРОГИ

Я родился 19 декабря 1921 года в городе Челябинске в семье рабочих. В 1939 году с «золотым аттестатом» окончил среднюю школу № 1 в городе Петропавловске в Казахстане и в том же году без экзаменов был зачислен студентом Уральского политехнического института в Свердловске. В армию призвали осенью 1939 года, и после небольшой подготовки в сибирском городе Ачинске наш 613 стрелковый полк отправили на Карельский перешеек, где уже начались бои с белофиннами.

На финской войне был наводчиком в полковой артбатарее (76-мм орудие на конной тяге). Участвовал в прорыве линии Маннергейма, штурме Выборга. После финской войны наш полк перебросили весной 1940 года на полуостров Ханко на Балтике.

Великая Отечественная война застала меня на этом полуострове. Там располагалась военно-морская база Краснознаменного Балтийского Флота, созданная с целью защиты входа в устье Финского залива и укрепления обороны дальних подступов к Ленинграду. В состав этой базы входила 8-я отдельная стрелковая бригада, в которой я служил в качестве командира артиллерийского расчета.

За неделю до начала войны мое орудие было поставлено на огневую позицию в опорном пункте стрелковой роты, в 400 метрах от государственной границы. В те дни расчет усердно и настойчиво отра-

батывал взаимодействие, стал хорошо слаженным организмом. 1 июля 1941 года противник при поддержке авиации и флота предпринял яростную попытку штурмом овладеть военно-морской базой.

Враг обрушил на позиции наших войск шквал артиллерийского огня. Задача, поставленная перед моим орудийным расчетом, состояла в том, чтобы прикрыть промежуток между пулеметными дзотами. Я увидел, как солдаты противника пытались забросать гранатами один из наших пулеметных расчетов, как взобрались они на крышу второго дзота. Командир пулеметного взвода младший лейтенант Иван Емельянов вызвал огонь на себя. Мой артиллерийский расчет ударил по колпаку дзота шрапнелью. Уцелевших солдат противника словно ветром сдуло с дзота. Крадучись, они ложбинкой пытались пробраться в тыл обороняющихся.

Исход боя решали минуты. И тут снова заговорило 76-мм орудие. Путь к дзоту усеяли десятки трупов вражеских солдат и офицеров. Первый бой шел несколько часов. Противник неистовствовал, его атаки следовали одна за другой. Ствол нашего орудия раскалился так, что до него нельзя было дотронуться. Расчет выпустил почти весь заготовленный боезапас, осталось только несколько снарядов.

В этом бою пулеметчики младшего лейтенанта И. Емельянова и мой артиллерийский расчет уничтожили более 200 вражеских солдат и офицеров. За мужество и доблесть, проявленные в первом бою, расчет орудия был награжден. Меня наградили медалью «За отвагу».

В боях под Ленинградом в мою память врезалось 2 сентября 1942 года. Тогда в районе Ивановское наши войска пытались прорвать блокаду Ленинграда.

Подразделения стрелкового полка и орудия полковой батареи медленно продвигались вперед. Орудие под моим командованием действовало в боевом порядке атакующей пехоты, ведя огонь по обнаруженным огневым средствам противника. Отдельные пункты местности неоднократно переходили из рук в руки, зачастую стороны забрасывали друг друга гранатами и вступали в рукопашную схватку.

В один из таких моментов в воздухе появились вражеские самолеты. Вынырнув из-за пушистых облаков, они с низких высот начали сбрасывать свой смертоносный груз. Одна из бомб разорвалась рядом с моим орудийным расчетом. Раздался оглушительный грохот, вздыбился огромный фонтан земли.

Выбравшись из-под завала, я увидел, что окровавленный наводчик орудия уткнулся в станину. Заряжающий, неловко согнувшись, стонал от боли у ящиков со снарядами. Подносчик боеприпасов ле-

жал в полузасыпанном окопе, куда его отбросило взрывной волной. В ушах стоял неистовый звон. Я огляделся: впереди наши пехотинцы пытались продолжать атаку. Внезапно на правом фланге вражеские солдаты перешли в контратаку. Для нашей пехоты сложилась критическая ситуация.

Я подошел к орудию. Увы, осколком бомбы разбило панораму прицела. Но мне удалось открыть замок он действовал. В это время гитлеровцы, стреляя на ходу, уже приближались к нашим позициям. А ответного огня по гитлеровцам почти не было. Обстановка становилась угрожающей.

Я бросился за снарядом, зарядил. Развернул орудие в сторону врага, не знаю, правда, откуда только силы взялись! Навел ствол орудия в гущу фашистов. Прозвучал выстрел, за ним второй, третий... Многие гитлеровцы были скошены от разрывов. Уцелевшие фашисты не выдержали меткого огня и стали спасаться бегством. Контратака захлебнулась.

– Ну, артиллерист, молодец! – сказал после боя мне командир стрелковой роты. – Здорово ты нас выручил, хотя и один вел огонь за весь орудийный расчет. Умеешь воевать по-настоящему. Спасибо тебе!

Вскоре меня направляют на учебу в артиллерийское училище. Я начал овладевать военным делом. Поскольку я с детских любил технику, это позволило мне быстро изучить самоходно-артиллерийскую установку, освоить все премудрости. Получив в апреле 1943 года звание «лейтенант» я был назначен командиром самоходной артиллерийской установки ИСУ-152 и вскоре вновь направлен на фронт.

Июль 1943-го. После выгрузки в Козельске нашему 1545-му тяжелому самоходно-артиллерийскому полку, входившему в состав 4-й танковой армии, приказано сосредоточиться где-то поблизости от линии фронта. В те дни нам было известно только то, что южнее на Курском направлении – враг, сосредоточив огромные силы, перешел в наступление. В ожесточенных оборонительных боях советские войска нанесли ему огромные потери и сами перешли в контрнаступление.

...Ночь. Мы на марше. Машину, хоть в ней почти полсотни тонн, на ухабистой дороге кидает как пушинку. В ушах гул, грохот – все-таки полтысячи лошадиных сил трудятся. Каково же механику-водителю Саше Никонову? За рычаги сел лишь месяца полтора назад...

Спрашиваю по переговорному устройству:

– Никонов, устал?

Смеется:

Никак нет, командир! Надо привыкать. Без мозолей что за механик?! Вот только ничего не видно. Хорошо хоть колея глубокая - машину держит.

Темно. К тому же пыль забила все, что можно. Не только через открытый люк механика-водителя не видно ничего, но, даже высунувшись в командирский, дорогу не увидишь. Не сбиться бы с пути, ведь в головной машине идем.

Командир, куда? слышу голос Никонова.

– Развилка. Остановил машину, надо осмотреться. Сверяюсь по карте. Вот она, нужная дорога.

Смотрю на Никонова зубы да глаза, остальное черное от пыли.

– Может, подменить? Хоть отдохнешь немного, до привала?

Нет, командир. Дотянем без подмены.

Любил он это слово – «командир». Хотя и сам имел такое же по рангу звание – «техник-лейтенант».

Уговаривать не стал. Уже известно – он да его друг механик-водитель второй самоходки Борис Сувальский ни за что не оставят своего места, если у них сохранилась хоть капля сил. Помню, как в мае в Челябинске, на заводе, где получали технику, нам показали нашу будущую машину, эту стальную громадину ИСУ-152. Ее собирали вместе с пожилыми рабочими подростки, почти мальчишки. Им пятнадцати-шестнадцатилетним, приходилось ворочать многотонные детали. Никонов тогда две ночи помогал этим пацанам, а днем был на занятиях, в строю...

Но как же быть? Светомаскировочные устройства на фарах забиты пылью и дорогу совсем не подсвечивают. Решил попробовать светить «переноской» – ручным фонариком. Налепили на стекло бумажку с прорезью, и получилась световая стрелка. Усаживаюсь поплотнее на откинутый лючок механика и высвечиваю «зайчика». Мне сверху-то лучше ориентироваться. И Никонов теперь увереннее ведет машину.

...А вот и привал. Прямо на дороге. Подбежал Иван Уколов, командир другой самоходки, «двойки».

– Ну как, Никола, в голове-то трудно идти? - Товарищ лейтенант, зато у нас пыли поменьше, опережает мой ответ расторопный Федя Аладин, заряжающий из моего экипажа. Ему всего семнадцать лет. – Как там Фролов-то, еще не задохнулся? это он о своем друге, заряжающем уколовской машины. С Уколовым же мы почти год вместе. Открытый, честный, смелый. В любую минуту готов прийти на по-

мощь. В самой тяжелой обстановке первым шагнет вперед. И ловок, находчив. С ним было как-то сразу уверенно и надежно. Проверили машины – катки, гусеницы, тормозные ленты. Все в порядке. Неисправностей не обнаружено.

Вопрос о машинах – особый. Это были новые мощные тяжелые самоходно-артиллерийские установки с пушкой-гаубицей 152-миллиметрового калибра. Их только что создали наши замечательные конструкторы и труженики тыла для борьбы с впервые появившимися на полях сражений в массовом количестве фашистскими « тиграми «, « пантерами « и «фердинандами».

Подъехал командир полка – подполковник Карташов. Остановился возле уколовской машины. Тот вскочил, вытянулся для доклада.

– Вольно, вольно, ребята, – пробасил комполка. – Как машина? Может, есть грешки ткнул сапогом в провисшие траки.

– Мелочи, товарищ подполковник, – отозвался Уколов. – Траки – что, заменить минута. А машина хороша.

– Ну а в бою? Не подведет? – настаивает Карташов.

– Не подведет! Увидите! Ведь орлы какие, – Уколов оглядел своих ребят.

– Орлы не орлы, а за Орел придется драться. И крепко. Так что готовьтесь. Может, даже завтра.

А тут Аладин вездесущий:

– Ни одна зверюга, товарищ подполковник, не уйдет... Вот снаряды только тяжелы, нельзя ли было хоть немного сделать их полегче?

Карташов понимающе улыбнулся, глядя на щуплого с виду Аладина, которому трехпудовые снаряды, конечно, были не игрушкой.

Мы знали, что в этой войне у командира полка погибла жена, где-то у добрых людей осталась маленькая, лет четырех-пяти, дочурка, а старики – родители остались на Брянщине, в оккупации.

Пока не взревели моторы, слышны глухие, раскаты не то грома, не то взрывов. А на южной части неба – всполохи, как зарницы. Там уже несколько дней ведутся тяжелейшие бои. Идет великое сражение, как назовут его потом, – Курская битва. И в эту битву, наверное, уже завтра вольемся и мы.

Вспомнились бои в июньские дни 1941 года на полуострове Ханко, когда враг обрушил на нас всю мощь своего первого удара, тяжелейшие бои на Невском пятачке, а еще раньше в 39 40-х годах на Карельском перешейке при прорыве укреплений Маннергейма. Как все это было непохоже, но то же время одинаково: и тревожное ожида-

ние, и собранность, и какой-то приподнятый настрой, подтянутость, решимость друзей-однополчан.

...На рассвете полк был уже в своем районе. Едва заправили машины горючим, вернулся командир нашей батареи старший лейтенант Буртовой. Как всегда, Буртовой был немногословен.

– Через час выступаем. На исходные позиции. Проверить прицелы. Нулевые. Покормить экипажи. Обстановка: наши войска под Курском бьют фашистов в хвост и в гриву. Теперь настал и наш черед ударить под Орлом.

Удар танкистов был неотразим. Вслед за валом огня они стремительной лавиной обрушились на вражеские позиции. Наши «зверобои», как назвали ИСУ-152 на фронте, выдержали все экзамены и показали свою мощь. Башни «тигров» и «пантер» сметало как рукой. Позади уже несколько боевых дней. Враг отчаянно цепляется за каждый выгодный рубеж.

Позднее стало известно, что наша 4-я танковая армия наносила удар по коммуникациям орловской группировки фашистов, угрожая ей окружением. Этим ударом наши танки отвлекли на себя несколько танковых и механизированных дивизий гитлеровцев. Сбив противника с одного из промежуточных рубежей, танкисты развили наступление в глубину. Нашей батарее приказано поддерживать танковый батальон майора Лискина. (Здесь я хочу сразу оговориться, что фамилию эту помню лишь на слух. Возможно, она была другой, близкой к этой.)

До батальона недалеко – километра два. Добрались мы быстро. Танки были в небольшой лощинке, когда самоходки подошли к ним. Едва старший лейтенант Буртовой успел уточнить задачу, как началась атака на небольшую, всего лишь в несколько дворов, деревеньку в направлении Большой Черни, что на речке Нугрь.

Как только танки и самоходки вышли из лощинки и перевалили через гребень, все вокруг открылось – огонь, дым, взрывы, грохот. В небе – карусель самолетов, а вокруг – словно клочья ваты – разрывы от зениток. Задымилось несколько наших танков. Горят и вражеские машины. Черные шлейфы дыма медленно поднимаются вверх.

На окраине видны фашистские танки. И вспышки выстрелов. Бычков наводит. Выстрел. Взрыв. Фонтан огня, земли. Что там – неясно. Правее встал Устинов.

В перелесках, в желтом хлебном поле, среди холмов в дыму трудно сразу обнаружить цель. К тому же пылевая завеса от взрывов бомб и снарядов, шлейфы дыма, копоть, гарь.

Танки замедлили свое движение. А справа даже приотстали, развернувшись в сторону темневшего вдали леса. С опушки частые выстрелы. Но врагу ответила огнем батарея лейтенанта Михаила Козлова. Она была правее нас. Противник примолк.

Вдруг вижу: Уколов разворачивается на месте почти на девяносто градусов влево. Громыхает выстрел. Взрыв чуть не под носом – метров триста. А там стояла вражеская пушка. Била в борт. Как ее заметил Иван? Молодчина!

А танки Лискина опять пошли вперед. По противнику ударили эрэсами Илы. Вся роща задымилась, горит. Бьет наша артиллерия.

В наушниках голос Буртового: «Иртыши»! Вперед, вперед! Не отставать от коробочек. Наблюдать вправо. Вперед!

Команды-то, в общем, лишние. Мы и так почти в одной линии с танками. Так было определено еще до боя. Но вот соседи развернулись вправо, приотстали, и фланг открылся. Сверху, переворачиваясь через крыло, один за другим с воем бросаются в пике «юнкерсы». Их неубирающиеся шасси торчат как лапы коршуна. Земля стонет. Машины вздрагивают от близких разрывов. Встал еще один танк, другой. А тут и наши краснозвездные появились. «Ястребки». Часть «юнкерсов» уходит, другие же догорают на земле.

Напряжение не снижается. По рации команда:

– «Иртыши – один, два»! В излучине вражеские танки. С места огонь.– Это команда Буртового нам с Уколовым.

Излучина реки справа. Вглядываюсь. Точно, танки. Бычков тоже видит цель. Никонов же кричит:

– Куда поворачивать? – Ему из своего люка видно только поле хлеба да небо. Аладин уже зарядил орудие. Выстрел. Недолет. Обманула лощина – цель казалась ближе.

– Готово! – кричит Аладин. Он уже загнал в казенник второй снаряд. Вот тебе и хрупкий, неказистый! Пятидесятикилограммовый снаряд со звоном залетал на свое место, даже без досылателя.

В это время стволы вражеских танков развернулись в нашу сторону и полыхнули вспышки выстрелов. Над моим открытым люком просвистела болванка. Даже завихрением обдало. Юркнул в люк, командую:

– Огонь!

И тут же у одного из фашистских танков башня буквально взлетела. А следом взметнулся и столб огня.

– Есть! Давай, Бычков, по второму.

Но по второму выстрелил Уколов, « Иртыш-два» – мой сосед по боевому порядку. Сноп огня и земли снова закрыл цель. А когда все рассеялось, другие танки противника уже укрылись в саду. Один начал бить из-за сарая в сторону наших правофланговых танков – в борт. Видим вспышки, облака пыли.

Бычков докладывает:

– Разрешите сквозь сарай, бронебойным?

Я и сам так думал, ведь нельзя же давать ему стрелять. Выстрел оказался точным - вражеский танк больше не стрелял. Высокие хлеба, которые недавно мешали нам наблюдать за целями, теперь послужили защитой: из-за них были видны только башни наших танков и самоходок, танки же противника мы видели, что называется, в «полный рост».

– « Иртыш-один», « Иртыш-два, вперед! В линию!

Это Буртовой возвращает нас на свои места. Пока мы вели дуэль в излучине, танки батальона уже продвинулись вперед, а с ними и остальные самоходки батареи. Вдруг мощный удар сотрясает машину. Сноп искр. Запах каленого металла. Гарь.

Кричу:

– Все целы? Целы. Машина даже не остановилась. Больше того, после удара Никонов резко бросил ее вперед, в низинку. Ведь вторая болванка может оказаться «удачливее»! Эта же ударила в угловую часть брони и рикошетом отлетела, не пробив ее. Удар был справа. Но кто, откуда? Стоп. Вот она! В кустарнике на краю хлебного массива – пушка, водит стволом. Всплеск огня. Мимо. Мы не в поле ее зрения, но ведь она бьет по танкам. Как быть? Решаю развернуться и, наведя орудие на ориентир в створе с пушкой, выкатиться на нее для выстрела. Всего лишь одного, но точного. На два времени не хватит – пушка упредит.

Едва машина вышла чуть повыше и в прицел стало видно пушку, ее ствол начал тут же разворачиваться в нашу сторону. Но Бычков – орлиный глаз. Уже поймал ее на перекрестие.

Выстрел! И доклад сливается с грохотом. Никонов! Назад! Дым, пыль. А когда они рассеялись – пушки нет. Вот это Бычков! Не случайно он был одним из тех, кому за эти бои потом вручили орден «Красной звезды».

...Атака в разгаре. На всхолмленной местности и в оврагах противник открывает внезапный огонь то с одной позиции, то с другой. Огонь с разных сторон. Дымят подбитые танки и остаются позади. Сердце сжимается от боли при виде бредущих раненых. Стиснув зубы, глядишь на тех, которые идут, растопырив, как крылья, обгорелые руки или на тех, что несут еще и товарища. Батальону приказано обойти вражескую позицию в районе Большая Чернь. Слева, по балке. Поворот прикрывают самоходчики – огнем по позиции противника, которую он занимает по урезу реки.

Туда же бьет и артиллерия. Все задымлено. Целей не видно. Но не видит, наверное, маневра танков по балке и противник. И только когда танки вышли к речке, их заметил враг. Но мы уже на другом берегу реки - воды в реке не больше метра. Развернувшись, наши танки пошли в атаку.

И тут из-за бугра, в районе небольшой рощи, появилось несколько вражеских танков. Далековато. Возможно, не по нашему батальону ударят. Там ближе – соседний батальон атакует. Там же и самоходки другой батареи должны действовать.

Однако почему не слышно выстрелов? Боя нет. Дальность же до вражеских танков уменьшается. И их уже до двух десятков. Где же наши соседи? Почему молчат? Вдруг все вокруг содрогнулось. Раздался грохот. По броне застучали камни, осколки. В триплексы ничего не видно. Поднимаю голову. Пикировщики Ю-87 заходят в круг – и один за другим бомбят. Трещат зенитки. Откуда взялись? Их не видно было до этого. Появились наши истребители. Налет отбит.

...И тишина. Какая-то гудящая. Словно в ушах миллион сверчков трещит. Откинул люк. Не узнать округи. Как будто пахарь все избороздил. Дымящиеся воронки. Колючий едкий запах взрывчатки. А самоходки целы. Но на бортах брезенты в клочьях, дымят. С кормы все снесено. Крылья у машин обожены, Висят лоскутьями. Смотрю – Уколов возится с гусеницей. Бычков опустил ствол, он забит грязью – надо чистить.

– Да побыстрее – ведь танки же идут! – Аладин, схватив разрядник, запихнул его в ствол с куском пакли и быстро начал чистить. Наводи, скорее!

Вражеские танки уже приближались, выползая на холм между лощиной и перелеском. За рощицей гулко зазвенели выстрелы, постепенно переросшие в канонаду. Но танки противника продолжали ползти. Идут на нас.

Буртовой командует: развернуться и отразить контратаку! Но задача и так ясна. Однако что это делают танки Лискина? До пяти штук развертываются, как и мы - вправо, а остальные почему-то попятились и скатились в лощину чуть левее. Непонятно, но этот хитрец наверняка что-то придумал. Загрохотали первые выстрелы.

Контуры танков противника прояснились. Среди них идут и несколько «тигров».

– Бычков! Огонь по «тигру»! – командую я. Но тот и без того понимает, кого бить первым. Конечно, «тигра». Но Бычков что-то медлит. Танки разворачиваются и показывают борт, цель стала шире. Бычков этого, видимо, и ждал. Гремит выстрел. Наша машина дрогнула. И в то же время в фашистском танке что-то блеснуло, он стал, затянулся дымом. Из люков появляются немцы.

Рядом громыхнуло орудие Уколова. Стреляет Устинов. Горит еще один фашист.

– Экономь снаряды! – слышу голос Буртового.– Бить наверняка! Маневрируйте! Не подставлять борта!

За Уколова особо рад. Как быстро управился он с гусеницей! Да, в бою другие мерки. А враг идет, хоть и несет потери. Но и у нас загорелась самоходка. Чья? В дыму не видно номера.

И тут левее, почти на фланге контратакующих танков противника, из лесочка выскакивают наши танки. И с ходу огонь в борты фрицам. Так вот что задумал Лискин. Не зря его между собой друзья иногда величали «академиком». Академии он не кончал, а смекалкой отличался отменной. А главное, конечно, опыт: он же с первых дней в боях и все на передовой. Чем не академия!

И сразу же у фашистов загорелось несколько танков. Огонь почти кинжальный и упор. Боевой порядок фашистов смешался. Одни начали развертываться в сторону атакующих танков. Другие – пятиться. Попались в капкан! Танки врага откатываются. Их уже меньше. Вдруг наша машина снова содрогнулась, как от удара огромного молота. Как молнии сверкнули вспышки, искры. Это был удар в лоб. Однако и на этот раз броня не подвела. Честь и слава уральцам – надежно сработали!

Мы же, наверное, на прицеле, кольнула мысль.

– Никонов! Назад! Задний ход. Левее. Газу!

Никонов так рванул, что мы едва удержались на своих местах. А от натуги заглох мотор. Мы еще на виду. Конечно, можно зарядить, но сейчас, наверное, будет второй выстрел не успеть.

– Заводи! Назад! – кричу я. И вдруг стрелявший танк как- то озарился, но нет – это не выстрел. Он сам вспыхнул. В эти секунды я не слышал даже выстрела соседа. Это Иван Уколов точно всадил в фашиста снаряд. Спасибо, друг, от экипажа!

А в рации Уколов: – Никола, жив?

– Живем! – кричу. – Спасибо! Танки Лискина тем временем уже зажали фашистов с двух сторон. Теперь от них до противника всего

лишь сотня метров. Стало ясно – Лискин решил протаранить противника. Кустарник ожил, ощетинился огнем. И среди звонких выстрелов тридцатьчетверок гулко ухают наши ИСУ, добивая уцелевших фрицев.

Враг начал отходить. Открываем огонь по роще. Танкистам стало легче, враг прицельно стрелять не может. И танки наши врываются на позиции гитлеровцев, утюжат их. Потом мы видели работу Лискина: раздавленные лафеты вражеских пушек, развороченные танки. На опушке Лискин и Буртовой подтянули свои машины. Надо продолжать атаку. Но за рощей ничего не видно. Справа впереди темнеет лесок, в нем не просматривается противник – ни движения, ни дымов, тишина. Слева роща, и тоже вроде пустая. Где же противник? Куда отошел? Не помогают и бинокли. Вперед? Вдруг западня? Мешок? Ожидать, пока пройдет разведка? А время-то идет! К тому же время работает и на врага.

Слышу, как Аладин и Фролов между собой говорят:

– А ведь между рощами-то вон какое расстояние – большое. Если на полной скорости рвануть, то можно бы и проскочить. Не попадут. Да и броня у нас что надо.

– Не то, друзья, не то,– говорит им Уколов.– Тут нужен и огонь, да помощнее. А мы же можем только с места бить. Потом наверняка и мины там наставлены. Мы остановимся, а этого и ждет противник. Здесь надо похитрее.

Появился Карташов. Приказ комбрига атаковать. После огневого налета артиллерии и удара авиации. В роще слева – вражеская пехота. Ее накроет залп «катюш». Есть и танки. По ним будет нанесен основной удар

– Буртовой! По сигналу – залпом, два снаряда, а потом за танками вперед!

Товарищ подполковник! обращается к Картошову Уколов. А что, если две самоходки послать в обход, по оврагу? Если противник в роще – ударим с тыла, первыми, а если нет фрицев – мы уже впереди! Разрешите?

Карташов подумал:

– Овражек, говоришь? Пройдете?.. Буртовой! Послать двоих, наверное, этих. И показал на нас с Иваном. А здесь огня хватит и без них.

Овраг оказался длинным. Он вывел нас почти за рощу. Рассматриваем в бинокль. Так и есть – вот они... В роще хоть и замаскированы, но хорошо были видны транспортеры, машины и даже тан-

ки. Враг затаился. Скатываюсь вниз к машине и докладываю Буртовому.

– Ждите сигнала,– ответил Буртовой.

Однако позиция у нас оказалась не совсем удобная. Выбравшись из оврага, мы оказались бы на виду у противника, не будучи готовы открыть огонь. Посоветовались с Иваном. Решили, что лучше откатиться чуть назад: сохраним скрытность и сможем нанести удар внезапно. Отводим машины и по буераку скрытно вползаем в кустарник, из которого можно открыть огонь по роще. Теперь уже противник в западне.

...Ракета! Загрохотали залпы. Из-за лесочка, чуть не задевая верхушки деревьев, вынеслись Илы, ведя огонь эрэсами. Прошлись над рощей, сбросив еще и бомбы.

Ударили и мы. Роща заполыхала. Слева загудели моторы. Пушечная пальба. Появилась лавина наших танков. В это время Аладин заметил, как выползают фашисты из рощи. Наши танки, наступавшие левее нас, этого не видели. Принимаю решение не упускать отходящего врага. Наш «зверобой» открывает огонь, а рядом уже гремят орудия Уколова и подошедшей машины Устинова. Загорелся один, другой вражеский танк. Остальные уходят за опушку. Вдруг слышу: – Николай! Прикрой! Слева! Это Уколов. Смотрю, его машина в дыму и как-то неестественно завалилась. Командую механику:

– Обходи «двойку» слева! Стволом на ориентир – три. Бычков, наводи!

Круто развернувшись, самоходка поравнялась с машиной Уколова. Бычков уже наводит. Медленно тянутся секунды. Ведь противник уже тоже, наверное, поймал нас в перекрестье. Так и есть – вспышка. Но враг оказался неточным, хоть расстояние не больше километра. Грохочет теперь наш выстрел: Бычков как всегда – в острый момент – точен.

В это же время по отходящим танкам ударили вновь появившиеся Илы. Чья-то твердая рука четко направляла действия разных сил. Били и артиллерия, и авиация, и танки. Казавшаяся нам иногда самостоятельность, отдельность той или иной машины от общего боя была лишь видимой. На самом деле работал огромный, хорошо отлаженный военный механизм при четком управлении всеми его деталями и детальками, какой была и наша батарея, моя машина, машины Уколова, Устинова, танки Лискина.

И мне, вчерашнему солдату, хотя и много уже прошедшему фронтовых дорог за эти годы и только-только получившему лейтенантские звездочки, можно было только гордиться за причастность к этому организованному действию.

...Потерян счет дням и ночам. Мы идем и идем по этим нескончаемым огромным полям, над которыми столбами стоят шлейфы дыма, стеной висит густая пыль. Часто меняем направление, в упорных боях преодолевая рубеж за рубежом. И снова вперед, вперед. Одно поле сменяет другое. Кажется, не будет конца этому движению сквозь гул и огонь. Но сознание крепко держит мысль, что где-то левее тоже идут напряженные бои – там Орел. А дальше, южнее – Курск. Гигантская битва, стальной дугой охватившая курский выступ, одновременно вместившая в себя, как стало известно нам потом, действия нескольких операций: гитлеровскую «Цитадель» и советские – «Кутузов» и «Румянцев». В смертельной схватке столкнулись миллионы людей, десятки тысяч орудий, танков, самолетов...

Никто из нас тогда не думал, что у врага уже наступила агония и мы его добиваем. Наверно, истинные масштабы этой великой битвы осознаем до конца только тогда, когда распишемся на стенах рейхстага в мае 1945 года. А возможно, и позже.

Однако мы все еще на поле битвы, и снова единственная и главная цель – вражеские танки. А пока надо помочь Уколову. Его машина сидит на воронке, уткнувшись стволом в грунт. Цепляем трос, оттаскиваем ее пониже. Там безопаснее.

..Наши танки и самоходки, наступавшие слева, уже вышли из леска и в развернутом порядке развили наступление. Вскоре к ним присоединилась и наша батарея. Преследуя противника, мы вместе с танкистами вышли в район Шемякина, где встретили новый шквал огня. Танков врага не видно, но вспышки частые. Появились потери. Засекаем цель – в густом саду. Уточнив наводку, по вспышке стреляем. Разрыв в саду – цель молчит. Вспышки прекратились. Уточняем следующую цель.

– Аладин, заряжай! Цель...

И вдруг – удар. Машина содрогнулась. Рация слетела с места. Резко опустился казенник. Дыра. Пробоина. Справа. Кто стрелял – не видно.

– Никонов, назад!

Мотор взревел, и вовремя. Вторая болванка чиркнула и, срикошетив, с каким-то булькающим перезвоном улетела. Опустившись за пригорок, встали. Ствол висит. В казеннике снаряд – Аладин до удара зарядил. Слышу стук по броне. Смотрю в отверстие заглушки – ого! – командующий, генерал Баданов. По усам запомнил, когда он речь держал перед боями. А с ним еще кто-то.

– Куда, сынок, маневр держишь? Заманиваешь? – не то мягко, не то с оттенком стали в голосе спросил генерал.

Болванка в цапфе, отвечаю.

Обошел, осмотрел.

– А пороху, видать, понюхали – вон сколько вмятин схлопотали. – И уже совсем помягче: – Ну, двигайтесь задним ходом.

Отъехали в лесок. Там наши ремонтники. Они все видели. Зампотех капитан Сергей Сыромятников осмотрел машину:

Тяжело, но будем на месте делать. Менять орудие. С другой машины.

Нашли две крепкие березы с рогалиной вверху, завели бревно как перекладину, нацепили таль и приступили к делу – демонтировать пушку. Ремонт прошел «по правилам науки».

..А вскоре мы догнали полк. И снова в бой: Семеновское, Хотынец, Ветровский. Не обошлось и без потерь. Ранило Ивана Уколова. Не верилось, что так будет. Фантазию, решительность, находчивость – все ему дала природа. Под стать ему и механик-водитель Боря Сувальский. На точку выстрела машину ставил как ювелир. Да, был. В том же бою под Ветровским, где ранило Уколова, погиб Борис. Мы тогда отражали контратаку. Противник бил с фронта и контратаковал с фланга. Местность ровная, открытая – выручали только скорость и маневр с огнем. И в крошеве перекрестного огня один из вражеских снарядов угодил в борт уколовской машины. Машина загорелась, и обожженный Борис скончался на руках ребят.

В моем расчете тогда ранило Бычкова и Аладина. Осколками снаряда, когда меняли выбитый каток.

...Пока возились мы с катком, мимо проскочили наши танки, а с ними пехотинцы. Трещат автоматы. Звонко бьют тридцатьчетверки, добивая отходящего противника. Пехота налегке, жара! А кое-кто в тельняшках что за наваждение?!

– Вперед, вперед, «царица»!

Сам был в пехоте на Карельском. Обгоняя нас, еще успевают и уколоть:

Не отставай,броня. А то в Берлин не успеете.

– Вот черти этакие! Ведь атака же – какой Берлин?

Правда, забегая наперед, надо сказать, что в Берлин-то я все-таки успел, даже расписался на стене рейхстага в мае сорок пятого. Правда, сейчас стерты эти наши росписи. Не беда, память не стереть...

...Но сейчас действительно обидно, ведь атака удалась и враг отходит, добивать бы только. Теперь друзья добьют. А вот с тельняшками история... Много лет спустя, после войны, разговорились как-

то с младшим братом о фронтовых делах, путях-дорогах, и я рассказал ему об этом. Он и говорит:

– Ведь это были мы, наверное. Наша морская школа, из которой нас направили под Орел в июле сорок третьего. Мы тогда пехотой были. Жаль, не встретились, хотя и были рядом.

...Затем бои переместились дальше. К этому времени вернулись и раненные Бычков и Аладин. А мне пришлось принять батарею от раненного Буртового.

Запомнился еще один бой, поволновавший всех нас – карташовцев. Брали какую-то деревеньку, и вдруг кто-то объявляет:

– Братцы, мы же за родные места комполка деремся!

Название деревни не то Хлоповка, не то Хопово. И словно увесистее стали наши и без того нелегонькие снаряды, еще точнее стали выстрелы. Когда деревню взяли – перед глазами только пепел, даже печных труб не видно было. Все разрушено и сожжено. От ненависти к оккупантам обжигало душу. У многих слезы на глазах. Потом нас вывели из боя. Невдалеке – на ремонт и формировку. И вдруг известие в деревню возвратились жители из окрестных лесов, уцелевшие от карателей. В их числе оказались и старики – родители Карташова.

...Курская битва близилась к концу. Гитлеровские планы на лето сорок третьего года обернулись крахом. Потом история отметит, что гигантская битва на Курской дуге сломала хребет гитлеровской Германии, испепелила ее ударные бронетанковые войска, поставила Германию перед катастрофой.

Салют Родины 5 августа 1943 года в честь освобождения Орла и Белгорода был достойной наградой ее сынам. Первый салют Великой Отечественной

Июнь сорок четвертого. Смоленщина. Батарея тяжелых самоходок после марша расположилась в лесочке. Где-то отдаленно глухо звучат раскаты грома. Фронт уже три дня как начал наступление. А у нас тихо. И вдруг слышу: командиров к комполка!

До будки недалеко – минута, и мы там. Виктор Зверев, тоже командир батареи, балагур и весельчак, не теряя времени, шутливо «вводит в обстановку»:

– Застоялись?! Пора седлать!

Шишкин, батарею к рассвету вывести в рощу «N» и поступить в распоряжение комбрига Походзеева, — ставит задачу командир полка подполковник Карташов.— На борт взять дополнительно снаряды и по две бочки горючего. Двигаться без света. Вопросы есть?

– Нет!

– Выполняй!

Мы уже привыкли к лаконичным приказам Карташова, а потому без лишних слов я тут же начал наносить на карту место, куда следовало прибыть, уточнил у штабников дорогу, по которой мы должны двигаться в строгих условиях прифронтовой полосы, сигналы.

Подготовка была недолгой. Нам и раньше приходилось брать на машины по одной две бочки и дополнительные боеприпасы. Поэтому крепления были уже подготовлены заранее. Осталось только получить и уложить получше бочки и ящики со снарядами. В итоге наши мощные ИСУ-152 с уложенными на крыше ящиками стали похожими на сухопутные дредноуты.

Нашлось время поговорить и с экипажами. Ведь при успехе начавшейся операции наша танковая армия выходила к начальным рубежам войны — к границе. Хорошо об этом сказал Вася Величай, командир машины:

Не мы так кто же? Кто должен снова встать на ту черту, откуда мы ушли когда-то? Мы, и только мы!

...Наступила темнота. В июне она слабая. Дорогу видно хорошо. И в назначенный район батарея прибыла раньше срока. К рассвету все машины были уже замаскированы, а экипажи выкопали даже щели-ровики на всякий случай, для укрытия при бомбежке.

Стрелка-указатель с надписью «Хоз. Походзеева» помогла быстро найти его штаб. Комбриг был тоже не настроен на большие речи. Оглядев прибывших командиров, удовлетворенно, как бы сам себе, сказал: «Все на месте. Начинаем». И, не теряя времени, пригласил всех за штабной автобус, где среди кустов была вывешена план-схема предстоящих действий.

Здесь полковник Походзеев разъяснил, что бригада вводится в прорыв на Минском направлении в качестве передового отряда корпуса. Наступаем на Смоляны, Толочин, Борисов. Путь лежит по лесным дорогам, болотистым районам, где продвижение будет затруднено не только из-за сопротивления врага, но и сложными дорожными условиями. Главное обойти врага и ворваться ему в тыл.

Головным предстояло идти батальону капитана Фещенко. За ним — мы. До выступления оставался только один час. Но и его хватило, чтобы выйти к исходной точке и разъяснить задачу личному составу.

Обогнав стрелковые части, танкисты устремились по назначенным маршрутам. Но уже в ближайшие часы бригаде пришлось сбивать мощный заслон противника в районе Смоляны, а затем в Озерцах. Особенно упорным было сопротивление врага в Озерцах, на подступах к Толочину.

Лобовая атака на Озерцы не удалась. Противник сумел ее отбить, хоть и понес потери. В этих условиях батальоны бригады совершили обходной маневр, повторным ударом с двух сторон зажали противника в клещи и уничтожили. Самоходчики не подвели, в этом бою действовали отважно, но им пришлось пережить тревожные минуты.

Когда танкисты пошли в обход, сменили позицию и мы. Дорога проходила через рощу. Даже не дорога, а тропа, но уже проторенная — по ней прошли до нас танкисты. И вот когда до огневого рубежа оставалось каких-нибудь двести-триста метров, на выходе из рощи застряли две самоходки.

Случилось это потому, что механик-водитель техник-лейтенант Николай Семенов заметил вдруг перед машиной мину и сделал резкий поворот. Гусеницы сорвали тонкий слой грунта и тут же глубоко зарылись в песок. То же самое случилось и с другой машиной.

Значит, на опушке минное поле?! И двигаться нельзя?! Саперов нет. И где их искать? А время? Ведь до открытия огня остались считанные минуты.

«Надо рисковать»,— не успел подумать я, как Семенов крикнул:

Нашел! Отойдите все, и подальше! Он продолжал «щупать» штыком землю. И точно не более метра от первой в песке лежала другая мина. Не остановись Семенов при повороте — подорвались бы на ней.Нашли четыре мины. Больше не стали искать — время торопило. Обозначили вешками и мины, и проход.

А на рубеж мы все-таки успели. Там уже стоял танк комбрига. Доложил ему и, понятно, получил внушение за задержку. К «счастью», неприятный разговор был прерван налетом вражеской авиации. Загремели зенитки, залились звенящими трелями спаренные «максимы». Разрывы бомб, грохот, песок, дым, пыль.

– Атака через десять минут. Сигнал — красные ракеты,— заключил комбриг. Бомбежка продолжается, но надо выполнять поставленную задачу.

Была не была побежал к машинам. Успел. Хоть попетлять пришлось как зайцу по снегу. «Юнкерсы» заходили один за другим, сбрасывая бомбы по очереди...

И вот красные ракеты. Вздрогнула земля — начался артналет. Ударили и мы. Противник не был укрыт: его танки, пушки просматривались хорошо. И наши самоходчики первыми же выстрелами накрыли несколько целей. А затем все потонуло в облаке дыма и пыли.

Появились наши Илы.

Танки тронулись в атаку, стреляя с ходу. Они шли немного в стороне, а мы как бы у них на фланге. Несколько прицельных зал-

пов наших самоходных установок сделали свое дело. Крупнокалиберные снаряды быстро заставили замолчать врага на участке, который атаковали танки. Конечно, это была только доля общего огня, но доля, думается, весомая

Бой за Озерцы завершился преследованием противника. Танкисты устремились на Толочин — крупный узел железнодорожных и шоссейных дорог. До него было рукой подать — с пяток километров. А в Озерцах мотострелки остались очищать его от уцелевших гитлеровцев. В Толочине противник чувствовал себя, видимо, уверенно и в безопасности. Во всяком случае, до последнего дня туда подходили эшелоны с запада, и то, что наши танкисты ворвались в городок, для фашистов было как гром средь ясного неба.

Началась паника. Батальоны Фещенко и Калашникова завязали уличные бои. Противник ведет огонь с чердаков и из подвалов. Нам приказано обойти городок и выйти к станции, не допустить отвода эшелонов и отхода вражеских колонн. Но самоходки Величая и Крашенинникова с десантом саперного отделения уже вышли на окраину вместе с танками. Так было заранее решено, если потребуется подавить врага в каменных зданиях. Этот десант появился у нас после случая на опушке рощи. Комбриг, отчитав тогда нас за задержку, тут же приказал выделить нам отделение саперов.

Помню, когда они прибыли, седоватый, усатый сержант доложил:

– Вот прибыли, сынок, вам на подмогу. Всю войну тропим, теперь и вам дорогу смастерим.

Его боевые награды, вылинявшая гимнастерка, видавшая виды фуражка говорили, что он воин бывалый.

Стрелять умеете? — с улыбкой спросил я.

– Обижаешь, сынок! Два года на передовой... Только что из вашей вот пострелять не приходилось...

Тут и порешили — пусть у нас заодно будет и десант.

В Толочине это оправдалось. На одной из улиц в самоходку Величая с чердака полетели гранаты. Что делать? Командир самоходки только было решил ударить по зданию из пушки, как саперы бросились в дом, поливая все перед собой свинцом, бросая гранаты...

Получив команду на выход к станции, мы быстро ее выполнили. Когда мы подходили, на станции творилось что-то непонятное. Трещали пулеметные очереди. Взвивались ракеты. Гулко раздавались пушечные выстрелы.

«Может быть, там уже наши?» — подумал было я, но самоходки встретил враг. Встретил шквалом огня. С противоположной стороны

к станции подходили наши батальоны, это я понял, прислушиваясь к командам по радиосети... Тем временем наши соседи — до десятка тридцатьчетверок — ринулись в атаку. Потом узнали — это была рота Дейнекина. Открыли огонь и самоходчики.

Но что это? С направления Борисова к станции подходит поезд. И тут же на шоссе вытягивается колонна автомашин. Сомнения нет — фашисты! Враг бежит! Обрушиваем огонь по голове колонны. Снаряды рвутся точно. Колонна встала... Открыли огонь и тридцатьчетверки, а затем метнулись на колонну. Славно поработали не только огнем, но и гусеницами. Фашисты в замешательстве: одни бегут в лес, другие поднимают руки... На привокзальной площади уже наши танки. Все, Толочин взят.

Удар был столь стремительным, что противник не только не успел угнать стоявшие на путях поезда, но не смог даже предупредить, остановить идущие к станции эшелоны. Не знаю, насколько верно с точки зрения факта, но корпусной поэт Осип Колычев писал в своих стихах о боях в Толочине, как некий озорной танкист по имени Ваня Самоходов (конечно, фамилия вымышленная для рифмы) сел на место диспетчера и какое-то время принимал эшелоны. Говорили, что это было на самом деле.

Но бой тем временем еще не завершен: приказ — идти на Борисов. Осмотрелся. Нет самоходок Величая и Крашенинникова. Запрашиваю. Сквозь писк и треск по радио доносится голос как будто Величая

– Жду экипажи. В машинах только механики.— И снова треск в наушниках

Ничего не понимаю. Посылаю заряжающего Аладина к станции. Проходит с десяток минут. В районе станции нет-нет да слышатся автоматные очереди. Дым. Что-то горит. Наконец-то появились самоходки.

— Ну, что у вас случилось? — спрашиваю.

– Да как в басне про мужика, поймавшего медведя!

Произошло же следующее. Возле станции самоходки только развернулись было стволами на паровозы, как увидели свои танки: значит, решили, бой окончен. Экипажи вышли из машин. Закурили. А саперы-«десантники» поторопились в дом, чтобы проверить, не заминирован ли он. Вдруг из окон здания стали выскакивать гитлеровцы. Наши — за пистолеты. Автоматы-то в машинах остались. И встали друг против друга. Молчат не шевелясь. Наконец кто-то сообразил:

– Хенде хох! Бросай оружие! Фрицы взметнули руки вверх. Тут и саперы появились:

– Мин нет! Фашистов тоже! — докладывает их усатый командир.

– Вот так и получилось, что пока мы их разоружали да сдавали в общую колонну,— докладывает Величай, — произошла небольшая задержка

Танки снова устремились вперед на Бобр и на Борисов. Теперь уже не по лесным дорогам, а по шоссе. Но оказалось, дорога вся забита отступающими частями врага. Чего тут только нет — машины, бронетранспортеры, пушки, телеги, фургоны, двуколки...

С появлением танков сразу же поднимался лес рук сдавались в плен. И из укрытий выходили с белыми платками или поднятыми руками и группами, и в одиночку, строились в колонны. Продвигаться приходилось, сталкивая все, что попадалось на пути, в кюветы. Возникали и перестрелки. Но быстро заканчивались враг либо отходил, либо сдавался.

Населенный пункт Бобр оказался сильно укрепленным. К тому же фашисты взорвали мост через реку. Едва только наши танки и самоходки показались на виду, как враг открыл огонь. Кто-то успел бросить дымгранаты, и мы укрылись на опушке леса. Танки, пытавшиеся выйти слева от дороги, попали на заболоченную низину, и некоторые застряли.

Только мотострелки успели почти добраться до речушки, но и они под ожесточенным артиллерийским и минометным огнем залегли. Местность была практически открытой и хорошо просматривалась противником. Сам же враг укрылся в густом кустарнике и садах на крутом противоположном берегу. К тому же его орудия и танки вели огонь то с одного, то с другого места или направления. Поэтому засечь их было трудно. Надо было выдвигаться вперед, чтобы получше разобраться в обстановке. Посоветовавшись с командирами машин, решили, что эту задачу следует возложить на Василия Величая и наводчиков Бычкова и Фролова бойцов уже бывалых.

Оставив за себя старшего лейтенанта Устинова, и я пошел с ребятами. Где пригибаясь, где ползком преодолели открытые участки и, выбрав незаметный бугорок с кустиками, стали изучать передний край, до которого, что называется, рукой подать. Пехотинцы показали несколько целей, а после очередных выстрелов противника мы и сами хорошо разглядели позиции стрелявших пушек и танков. Укрытые хорошо, они даже в бинокль с такого близкого расстояния были едва различимы. Потому, чтобы не потерять их из виду, наметили ориентиры и нанесли все цели на схему.

– Теперь уже не уйдут. Врежем под самый крест! Верно, Сергей? – возбужденно говорит Фролов Бычкову. Тот промолчал. Но словно в ответ Фролову в воздухе засвистели мины с характерным нарастающим при подлете звуком. Плотно прижимаемся к земле – как лист. Трах, трах, трах – раскалывается воздух. Вокруг фонтаны земли, по спине бьют земляные комья за воротник – песок. Во рту хрустит. Не успеваю оглядеться: все ли целы, как снова серия разрывов.

Назад, ползком! кричу. Не все, по одному! Бычков, пошел!

Добрались до опушки без потерь. А тут уже офицер из штаба прибыл.

– Через полчаса атака, – сообщил он.– Вам – подавить противника на этой окраине, – показал участок. – Танки с автоматчиками пойдут в обход справа. Там броды.

Сигнал. Ракеты. И по радио – огонь! Загрохотала канонада – открыла огонь артиллерия. Появились штурмовики. Даем залп и мы. Весь передний край противника заволокло дымом. И мы решили переместиться ближе, за удобный холмик.

– Вижу цель, – докладывает Величай.

– Есть цель! – доносится от Устинова.

Машет рукой из люка и Крашенинников в сторону противника: он тоже видит цель, просит разрешения открыть огонь. Даю «добро». Грохочут выстрелы. Снаряды ложатся куда надо. Но бьет и немец. Прямой наводкой. К тому же налетели самолеты. Осколки барабанят по броне как град по крыше. Невозможно открыть люк. И видно плохо. Однако в какой-то момент передышки передний край просматривается, и самоходки, уточнив наводку, снова ведут огонь. А вот и автоматчики уже местами вышли не только к речке, но и овладели противоположным берегом. Завязали бой у окраинных домов. Теперь слово за ними.

Стрелять стало опасно – можно и своих побить. Переносим огонь на фланг, куда устремились танки. Но, видимо, броды оказались нелегкими. Остановились, ведут огонь с места. И вдруг танки стали искать укрытие: противник открыл сильный огонь. Получаем по радио приказ: самоходкам прикрыть «коробочки». Но мы и без того уже перенесли огонь на вражеские позиции на правом фланге. Трехпудовые снаряды при точной прямой наводке сразу дали результат. Тут же замолчали огневые точки.

Танки, совершив маневр, вышли из-под огня. Слышим по радио Походзеева: «– Спасибо, зверобои»! За что спасибо? Работа – одна на всех. Пехотинцы, обогнав танки, вышли к броду, потащили бревна, доски. И с ними – саперы. Вон, пробегая мимо, помахал рукой и наш

старый знакомый – усатый сержант. Торопится на переправу. Удачи вам, ребята. Нелегкая у вас сейчас ноша и работа – сильный огонь, вода по грудь, грязь по колено, а переправу надо навести.

Но противник еще не сдался. Замечаю между домикам вражеские танки с длинными стволами. По виду – «пантеры». Показал на цель Бычкову, а затем отошел от машины, чтобы поставить задачу Устинову с Величаем. Тем временем Бычков уже сделал два выстрела. Стало ясно, где противник, и другим командирам машин. А тут начался артналет пришлось залечь. Подождал и бегом к машине. Вот она. Остался шаг. Вдруг взрыв, удар. Как будто кто- то резко ударил палкой по пряжке ремня. Стою. Что-то теплое разливается под гимнастеркой. Да, попало снова. А жаль – до штурма остается уже совсем немного. Может, не идти в санбат? Перевязался. Боль вроде небольшая. А тут и команда поступила поддержать огнем пехоту и танкистов на переправе. Однако на машину забраться не могу. Приказал Устинову принять батарею...

Потом, когда в палатке полевого госпиталя меня оперировали, врач сказал:

– Повезло же тебе, парень!

Осколок сидел так глубоко, что до него врач даже не добрался. Он так и «сидит» шестой десяток лет. Как говорят, остался на память о тех днях. А Бобром наши овладели в ту же ночь. 26 июня, к исходу дня, дорога на Борисов, Минск была открыта...

Война для меня закончилась под Берлином. Там, будучи уже заместителем командира 376-го гвардейского тяжелого самоходного полка, я встретил День Победы и расписался на рейхстаге.

После разгрома гитлеровской Германии, я, кавалер шести боевых орденов и двух медалей «За отвагу», гвардии капитан, был участником Парада Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 года. В тот памятный день в составе сводного 2-го Белорусского фронта я прошагал по главной площади страны и вспоминал свой долгий и трудный фронтовой путь. Даже в самое тяжелое время я всегда верил в то, что мы одолеем фашистов.

В годы Великой Отечественной войны наш 376-й гвардейский тяжелый танкосамоходный полк в составе 10-го Уральского добровольческого танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии и в составе 3-го Котельниковского танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии участвовал в боях на Брянском, в 2-м Украинском, 3-м Белорусском, 1-м Прибалтийском, 2-м Белорусском фронтах, в десятках операций. В ходе этих боев я был дважды ранен – в мае 1944 года в Румынии, в июне 1944 года в Белоруссии.

В армии прослужил 53 года (с учетом военных действий). Полковник в отставке.

За время службы в армии в мирное время был награжден девятью орденами: «Красного Знамени» – 2 (44 г., 45 г.), «Отечественной войны» два (II степени 44 г., I степени 85 г.), «Красной Звезды» два (43 г., 44 г.), «Знак Почета» (61 г.), «За службу Родине в ВС СССР» два (III степени 75 г., II степени-87 г.), а также двумя медалями «За отвагу», медалью «За боевые заслуги» и двадцатью тремя другими медалями.

После окончания Великой Отечественной войны в 1945 году поступил в Военную академию бронетанковых войск, которую окончил в 1949 г. Затем служил в Управлении боевой подготовки бронетанковых войск, закончил адъюнктуру, защитил кандидатскую и докторскую диссертации, был на преподавательской работе в бронетанковой и общевойсковой академии. В настоящее время – профессор кафедры оперативного искусства Военной академии Генерального штаба.

Являюсь доктором военных наук, профессором. Имею звание «Заслуженный деятель науки РФ». Действительный член Академии военных наук и Академии военно-исторических наук. Автор и соавтор более 280 печатных трудов, в том числе нескольких учебников, монографий, учебных пособий. Член двух диссертационных советов. Как научный руководитель подготовил более 35 кандидатов наук. Являюсь лауреатом премии имени М.В.Фрунзе (МО РФ), им. А.А. Свечина (АВН), форума «Общественное признание».

Декабрь 2002 года.

В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Киселев Андрей Владимирович***, студент 3 курса Московского авиационного института.

Шустин Ефим Григорьевич

ПЕРЕПРАВИТЬСЯ ЧЕРЕЗ РЕКУ ДОН И ЗАХВАТИТЬ ПРИБРЕЖНУЮ ПОЛОСУ

Уроженец Белоруссии. Родился 10 декабря 1923 года в селе Горваль Речицкого района Гомельской области – очень красивое место, там, где река Березина впадает в Днепр. Я воспитывался в детском доме. В нём находился до 14 лет.

В 1937 году поступил в текстильный техникум в городе Клинцы, Брянской области. В мае-июне 1941 года проходил преддипломную практику на текстильной фабрике в поселке Пирогово Мытищинского района Московской области. И там меня застала война. Возвратился в город Клинцы.

Когда началась война, мне было 17,5 лет. Весть о войне дошла и в Речицу. Кто смог – эвакуировались. Моя мать и три сестры пытались эвакуироваться на барже в сторону Киева, но она подвергалась бомбардировке, и родные вернулись в Речицу. Туда же приехал и я, посадил мать и сестер на последний поезд, уходящий на восток.

Возвратился в город Клинцы, и там объявили, чтобы все молодые люди в возрасте 17 лет и старше уезжали на восток. Я подаю заявление о добровольном вступлении в армию.

Отправился пешком до Брянска, а затем на поезде до станции Хреновая Воронежской области. Там формировали отряды бойцов для комплектования 1-го воздушно-десантного корпуса. Это происходило в сентябре 1941года.

Позже меня отправли в город Карлмарксштадт (сейчас город Вольск), под Саратовом, на обучение. Три раза прыгал с парашютом. Парашюты замерзали и не раскрывались. Были смертельные случаи. Прыгали с бомбардировщика ТБ-3.

Был случай, о котором писали даже в газетах: «Парашютист прыгнул с высоты 600 м., а парашют не раскрылся, но он упал в снег на склоне и остался в живых…»

Тренировки еще проходили в Люберцах, под Москвой.

Я попадаю на Волховский фронт. Сталинград в то время уже был окружен. Летом 1942 г. 1-й воздушно-десантный корпус был переименован в 37-ю Гвардейскую стрелковую дивизию, которая была направлена на оборону Сталинграда.

Мать эвакуировалась с двумя сёстрами в Удмуртию. Третья сестра находилась на фронте. Но в 1942 году мне сообщают страшную новость, что умерла мама от тоски, от тревоги за сына, местонахождения которого она не знала. Отец погиб на пожаре в 1930 году.

Середина августа (1942 г.): под Сталинградом, наши отступали. В районе станицы Трехостровская получили приказ взять «языка» (пленного). Небольшой отряд из семи человек во главе с начальником штаба батальона капитаном Грошевым Алексеем Ивановичем отправился выполнять приказ. Днем переправились на лодке через реку Дон на другой берег, где располагались немцы. В этом бою был тяжело ранен командир отряда, и он не мог идти. Взяли в плен четырех немцев. Из плащ-палатки сделали носилки и заставили немцев ее нести. Переправились обратно через реку и сдали пленных начальству.

18 сентября поступил приказ переправиться через реку Дон и захватить прибрежную полосу. Ночь. Немцы заминировали берег. Ранило командира взвода. Кто-то из наших зацепился за мину, и меня ранило осколочное ранение в левую стопу, контужен. Раненых везли на телеге. Меня доставили в госпиталь в Свердловске.

За участие в боях за освобождение Сталинграда я был награжден медалью «За оборону Сталинграда».

В город Нязепетровск Челябинской области было эвакуировано 1-е Ростовское артиллерийское училище. Там я обучался девять месяцев (конец 1942 г. – сентябрь 1943 г.) и получил звание младший лейтенант

В марте 1943 г. на Урале формировался 10-й гвардейский добровольческий танковый корпус. В этот корпус входил 357 истребительно-противотанковый артиллерийский полк, куда я и был зачислен в должности командира огневого взвода.

Участвовал в боях под Киевом. Затем мы получили приказ глубоким рейдом захватить город Каменец-Подольский (март 1944), который находился в 100 км от линии фронта, и перекрыть отступление немцев.

Приказ был выполнен. Город Каменец-Подольский удалось удержать благодаря помощи местного населения, которое с оружием в руках вместе с боевыми расчетами танкистов и артиллеристов сражалось в нелегком бою с немцами, и они не прошли город. Во время боя я был ранен второй раз сквозное пулевое ранение таза. Попал в больницу. Из больницы меня забрала Мария Демьяновна Веселовская, сказав, что я очень похож на ее сына. Находился у нее месяц и полностью выздоровел. За бои в городе Каменецк-Подольском я был награжден орденом Отечественной войны I-й степени.

Один из самых трагических эпизодов во время рейдов в город Каменец-Подольский. В пути недалеко от города у одного из орудий нашей батареи сломалось колесо, и пришлось оставить орудие вместе с боевым расчетом. Впоследствии мы узнали, что весь расчет был расстрелян немцами.

1944 год. Проходили с боями Карпаты, Польшу а затем в 1945 вошли в Германию. За форсирование реки Одер, в звании лейтенанта и должности командира батареи, был награжден орденом Александра Невского. Из статьи «Последний поклон» в газете «Известия», 26 августа 1997 г., №160: «За всю войну его, этот орден, получили всего одиннадцать или двенадцать лейтенантов».

10-й гвардейский добровольческий танковый корпус дошел почти до Берлина (1945). Повернули на юг, на Прагу. Судетские горы тяжелый переход. За участие в боях за освобождение Праги был награжден медалью «За освобождение Праги». В августе 1945 года – демобилизован из армии по ранению.

Мне исполнилось 22 года. Я уже имел за своими плечами среднетехническое образование. Приезжаю в Москву и горю желанием продолжать свое обучение. Поступил в Текстильный институт (январь 1946). Кафедра химических волокон была переведена из Института тонкой химической технологии имени Менделеева в Текстильный институт. Я был зачислен без экзаменов, так как был набор молодых людей, участвоваших в Великой Отечественной войне. Закончил институт в феврале 1951 года.

В институте познакомился с девушкой, в будущем, моей женой.

С февраля 1951 года по настоящее время работаю в проектном институте ГИПРОИВ (Государственный институт по проектированию предприятий искусственного волокна, ОАО «Гипроив»).

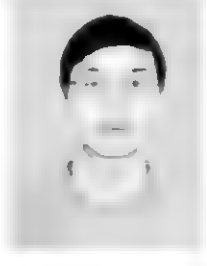
Имею боевые награды:

- орден Отечественной Войны I-й степени;
- орден Александра Невского;
- орден Отечественной Войны I-й степени.

В мирное время награждён орденом «Знак Почёта».

Также мне присвоено почетное звание «заслуженный химик Российской Федерации». Являюсь лауреатом премии Совета Министров СССР за разработку проекта Могилевского комбината синтетического волокна.

Февраль 2003 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Туптин Александр Павлович***, студент 1-го курса Профессионального училища №5.

Эфрон Константин Михайлович

В ДОЛИНЕ ПОЯВИЛИСЬ ПЯТЬ ТАНКОВ «ТИГР»

Я родился 12 мая 1921 года в г. Москве. Отец профессор, мать – актриса, потом библиотекарь.

В 1939 г. окончил среднюю школу и поступил на биологический факультет Московского государственного университета им.М.В. Ломоносова.

О начале войны узнал? когда был студентом 2-го курса на практике в Воронежском государственном заповеднике. Возвращался с учебного задания товарищи выбежали навстречу с криком: «Война, началась война!»

В армию был призван в Свердловске 15 сентября 1942 года и направлен в Таллинское военно-пехотное училище, которое было эвакуировано в г.Тюмень. В феврале 1943 года три батальона курсантов из пяти были направлены на фронт не окончив училища, так как немцы вторично взяли недавно освобожденный советскими войсками Харьков. Где-то недалеко от Балаклеи сопровождавшие офицеры из училища высадили нас из эшелона, накормили и стали передавать в часть, где мы должны были воевать (говорили, что это 18-я гв. дивизия).

В это время налетели немецкие самолеты, стали бомбить. Меня ранило в голову. Перевязали, а затем на «летучке» отправили в г. Балашов. Там меня положили в госпиталь, прооперировали, вынули

осколок. Когда я немного окреп, отправили в г. Курган на долечивание. За головное ранение мне дали месяц отпуска, который я провел в Москве. После отпуска, на формировочном пункте под ст. Апрелевка, меня направили в 89-ю отдельную роту контрразведки «Смерш».

В составе этого подразделения я пробыл до июня 1944 года, во время Курско-Орловской битвы и Проскуровско-Каменец-Подольской операции. Затем я был направлен в 49-ю мех.бригаду 6-го гв.мех. корпуса. В составе 1-го мотострелкового батальона этой бригады я участвовал в освобождении г.Львова и г.Зартина в Восточных Карпатах. Под Зартином я был ранен в обе ноги. Лежал в госпитале СЭТ-400 во Львове, а затем в другом госпитале. В середине сентября 1945 года медицинская комиссия дала мне инвалидность 3-й группы, и я был демобилизован.

Из военных событий остро запомнилось несколько дней тяжелых боев под г. Самбор. Я был тогда в 1-й роте мотострелкового батальона, ротой командовал заменивший предшествовавшего ему командира роты ст. лейтенанта Чернова лейтенант Михаил Карпенко. О нем и тогдашних действиях роты мне и хочется рассказать.

29 июля 6-й гвардейский механизированный корпус 4-й танковой армии, в составе которого была наша 49-я механизированная бригада, в соответствии с приказом командующего фронтом вышел в район г. Самбор и вступил в тяжелый бой с немецкими частями. Кроме немцев, нам противостояли части украинских националистов и власовцев. Наш 1-й мотострелковый батальон, где я был рядовым бойцом-автоматчиком, наткнувшись на ожесточенное сопротивление противника, занял оборону на склоне одного из небольших холмов. Командный пункт батальона был в нескольких сотнях метров позади нас, на обратной стороне холма, за линией окопов взводов нашей роты. Перед нами была неглубокая долина, за ней польская деревня. И мы, и немцы стремились захватить ее, но ни им, ни нам это окончательно не удавалось, деревня переходила из рук в руки.

Нашей ротой командовал лейтенант Михаил Карпенко, невысокий, крепко сбитый, решительный и быстрый офицер. Меня он взял к себе связным. Это была не очень приятная должность, так как моей обязанностью было разносить его приказы и донесения во взводы и в батальон по открытой местности. Единственным прикрытием была густая, но невысокая пшеница. Поэтому приходилось почти всегда ползать по-пластунски. Немцы нас прекрасно видели, в деревне была высокая колокольня. Стоило высунуться из пшеницы – раздавался выстрел, и где-то рядом ударяла в землю пуля, затем раздавалась

пулеметная очередь, а иногда и орудийный выстрел. Снаряды тоже ложились недалеко.

Первое время была хорошая погода, а на второй или на третий день пошел мелкий дождь. Он довольно скоро промочил нас до нитки. Сначала мы жаловались на дождь, но через некоторое время поняли, что нам повезло. В долине появилось пять танков «тигр». Они ползали по долине, но на склон подняться не пробовали, может быть, боялись застрять в грязи. Понемногу стало темнеть, а когда стемнело совсем, в окопах началась работа, все взялись за постройку импровизированных «крыш» над своими щелями и укладывание мягкой подстилки на дно щели. Материалом была все та же пшеница. Принесли термосы с горячей пищей. Бойцы поели, угрелись, отжали гимнастерки, а затем … заснули как убитые. Я тоже.

Сквозь глубокий сон я вдруг услышал крик: «Эфрон, Долежал!» Я еще не успел понять, в чем дело, как на меня спрыгнул Карпенко и хватил сапогом в бок. Он тут же спрыгнул в соседний окоп, сапогом разбудил Долежала, тоже его связного, чеха, бежавшего от немцев. И тут же мы услышали бешеную пальбу и крики атакующих: «Форвертс (немцы), «Сл-а-ава!» (западные украинцы-националисты из дивизии СС «Галичина»)» и «Ура!» (власовцы). Поднятые Карпенко бойцы вскочили и, схватив оружие, побежали, никто не успел взять вещмешок, не до того было. Так мы неслись метров семьдесят, когда, то ли благодаря вспышкам выстрелов, то ли в свете немецких ракет, увидели очертания трех орудий. Не добежав до орудий метров 15, Карпенко скомандовал: «Ложись! Огонь по противнику!». Мы грохнулись на землю, раздались отдельные очереди и выстрелы, но их сразу заглушил частый орудийный огонь. Не знаю, можно ли сказать про орудийный огонь «шквальный», но мне он запомнился именно так. Артиллеристы, надо думать, не спали так, как мы.

Огонь продолжался недолго, вероятно, минуты три-четыре. Когда пушки перестали стрелять, наступила тишина. Никаких немцев, никакой ночной атаки, так, редкая стрельба в разных местах, где-то далеко от нас. Карпенко поднял нас и повел к нашим окопам. Мы нашли в темноте свои мешки, залезли в свои уютные щели, но уже не спали. Заснули только под утро, выставив нескольких наблюдателей.

Утром лейтенант крикнул мне из своего окопа, чтобы я шел к нему. «Слушай, Эфрон, боеприпасов почти нет. Сползай, принеси. Нет ничего, ни автоматических патронов, ни винтовочных, ни гранат. Бери «эфки», бери все, бери сколько сможешь. Кроме тебя послать некого, сам знаешь». Он был прав, кроме двух-трех «стариков», солдаты были

сплошь из пополнения, пришедшие перед наступлением на Львов. Это были главным образом восемнадцатилетние (хорошо, если так) мальчишки из Сибири. Худые деревенские шкеты. Их называли «карандаши». Через три-четыре месяца из них могут получиться дельные бойцы, а пока … Они и дорогу-то не найдут.

Я вынул все свои вещи из вещмешка, отдал их Долежалу и пополз. Где можно было идти, согнувшись, изредка прямо, шел, стараясь запомнить места. В батальон пришел быстро. Набил пачками автоматных патронов вещмешок, натолкал, туго затянув пояс и застегнув все пуговицы гимнастерки, сколько влезло гранат лимонок за пазуху, потом в брюки. Не помню, куда клал запалы – вероятно, в карманы брюк. Напоследок взял ящик винтовочных патронов, по старой памяти называемый «цинком». Взял за веревочную ручку. Кладовщик посмотрел на меня и покачал головой.

Даже просто идти было тяжело. Ползти по-пластунски невозможно - везде под гимнастеркой гранаты, только как-то на боку. Как добрался, сказать трудно, тем более что несколько раз показался немцам, привлек их внимание. Когда пришел, вернее приполз, связной сразу потащил принесенное в первый взвод. Взводов в роте три. Я вздохнул, передохнул и пошел снова. Второй раз идти было трудней. Устал. Как я дошел в третий раз, не помню. Помню только, что два или три раза вставал и шел по несколько шагов в рост. Повезло. Судьба.

Когда я лежал между нашими окопами, Карпенко высунулся и сказал: «Спасибо, Эфрон. Представлю к награде». Я промолчал. Уставная форма не лезла на язык.

Между тем погода прояснилась. Стало тепло, все повеселели, из щелей поднялись махорочные дымки, послышались разговоры. День становился все лучше и лучше, настроение тоже. Мы высовывали головы, смотрели на деревню, на видневшийся километрах в двух Самбор, там их два – Старый и Новый. Какой это был, не знаю до сих пор.

И вдруг на окраине города ударило несколько снарядов, потом еще и еще. Ясно было, что подошли стрелковые части, и началась артиллерийская подготовка перед штурмом. Обстрел был сильный. Ударила тяжелая артиллерия. По-видимому, били, зная куда бить, по данным разведки. Почти все головы высунулись. В этот момент между окопами, моим и Карпенко, рванула мина, один осколок ударил меня в левый висок. Я схватился за него, между пальцами потекла кровь. Правой рукой, не думая, схватился за правый висок, не насквозь ли? Это обычная реакция, хотя и глупая. Поняв это, я посмот-

рел на окоп Карпенко. Подполз к окопу. Тело Карпенко лежало на дне. Вместо головы кровавая масса.

После демобилизации я восстановился на биологическом факультете и окончил его в 1948 году. Затем работал зав. отделом биологии Московского общества испытателей природы при Московском университете. Оттуда ушел в 1979 году во ВНИИ стандартизации Госстандарта. В 1989 году меня пригласили в Государственный комитет охраны природы СССР, где я работал ученым секретарем Научно-технического совета Комитета. В 1992 году после ликвидации Госкомприроды СССР вышел на пенсию. Веду общественную работу в Совете ветеранов 4-й гвардейской танковой армии (член совета) и в Московском обществе испытателей природы являюсь членом президиума совета ощества и председателем секции «Охрана природы».

Якушов Михаил Иванович

КАК Я ВЫКРАЛ ВЛАСОВА

Родился 15 января 1922 года в Орловской области, Новосильском районе, в деревне Тюково. По национальности – русский, по вероисповеданию православный. Беспартийный.

До войны окончил: в 1939 году – школу (10-й класс) и в в 1941 году – военное пехотное училище. После войны в 1954 году закончил военную академию тыла и снабжения (г.Калинин).

Я узнал о начале войны 22 июня 1941 года при окончании военного училища на должности командира пулемётного взвода в звании лейтенант. Начал участвовать в боевых действиях по призыву. В пункт формирования соединения (379 – я стрелковая дивизия) прибыл 18 июня 1941 года. Место формирования соединения – Краснянские лагеря имени Ворошилова (Украина). Соединение было отправлено на фронт в тот же день (18 июня), так как фронт располагался рядом. В составе 379 – й стрелковой дивизии я начал свой боевой путь, на должности командира взвода, имел звание лейтенант.

Мой боевой путь: Краснянские лагеря им. Ворошилова (18.06.41 – 7.07.41); госпиталь в Белгороде (31.07.41 – 12.09.41); Обучение в г. Кыштым (11.41 02.42); Калининский фронт (02.42 03.42); госпиталь около Калинина (21.03.42 – 25.04.42); Воронежский фронт; госпиталь в Пензенской области (конец лета 42г. 09.42); Ульяновское училище (09.42 – 02.43); г. Тула (02.43); Окрестности г. Орёл (08.43 – 19.11.43);

Киев; г. Новоград – Волынский (3.01.44); ж.д. ст. Шепетовка (3.02.44); г. Дубно (9.02.44); г. Броды; г. Дембове; н.п. Рава Русская (20.07.44); н.п. Адымно; г. Красно; г. Дукля; перешли реку Одер (январь 45г.); г. Котбус (22 апреля 1945г.); пригороды Берлина (апрель 45г.); Тольгейм; Раковник; Добржиш.

В 379- й стрелковой дивизии служил до 20 июля 1941 года. В этот день я получил осколочное ранение средней тяжести в левую руку и 31 июля был доставлен в город Белгород в госпиталь №1923. 12 сентября был выписан и направлен на службу в Горьковскую область на должности заместителя командира стрелковой роты (лыжной роты). В ноябре 1941 года был направлен учиться на курсы «Выстрел» в город Кыштым. После окончания обучения в феврале 1942 года меня отправили на Калининский фронт на прежней должности , в звании лейтенант. В марте 1942 года я был ранен в бою и направлен в госпиталь №1105 в деревню Черногубово недалеко от города Калинина. В апреле, после выписки, меня назначили на новую должность – старший адъютант батальона автоматчиков – и присвоили звание «старший лейтенант». Отправили в 145 – й запасной полк. В нём я прослужил несколько дней, после чего был переведён в 62-ю танковую бригаду 7-го танкового корпуса. Корпус был перевезён по железной дороге на Воронежский фронт (станция Елец). Сразу после разгрузки вступили в бой. Были тяжёлые танковые бои. То мы отходили, то немцы. В течение двух дней ожесточённых боёв, иной раз переходивших в рукопашную схватку, бригада уничтожила до 900 немецких солдат и офицеров, 12 танков и около 20 пулемётов. Там я получил осколочное ранение и был направлен в госпиталь в Пензенскую область. Пролечился более месяца, и с сентября 1942 года по февраль 1943 года занимался обучением курсантов в Ульяновском пехотном училище на должности заместителя командира роты курсантов. После училища, в феврале 1943 года, я был переведён в 20-ю мотострелковую бригаду на должность заместителя командира батальона. Бригада на тот момент находилась в Туле. В это же время в Тулу прибыл 25-й танковый корпус. До этого он вёл боевые действия у населённых пунктов Михайловка, Лукашёв (в районе Павлограда) и был отправлен в Тулу по железной дороге для того, чтобы привести себя в порядок и восполнить потери личного состава. В Туле нашу 20-ю мотострелковую бригаду включили в состав 25-го танкового корпуса.

Доукомплектованный 25-й танковый корпус имел в своём составе:162–ю танковую бригаду, 175–ю танковую бригаду, 20–ю мотострелковую бригаду, миномётный полк, артиллерийский полк, разведывательную роту, батальон связи.

После приведения в готовность наш корпус был направлен через населённый пункт Сухиничи к Орловской области, где мы приняли участие в Орловской операции в августе 1943 года. После прорыва немецкой обороны пошли на формирование (пополнение потерь личного состава). Во время формирования я был переведён из мотострелковой бригады в 162–ю танковую бригаду. После этого, 19 ноября 1943 года, весь корпус был отправлен по железной дороге на Украинский фронт в Киев. Прибыли в город, разгрузились и на второй день после разгрузки вступили в бой. Прорвав оборону немцев, с боями пошли на город Малин. До этого все бригады 25-го танкового корпуса шли сгруппированно, а начиная с этого города наш корпус стал периодически рассредотачиваться и собираться вновь воедино. После разделения в Малино наша 162, бригада пошла на город Коростень. Продвигались с боями, немцы отходили. 3 января 1943 года бригада подошла к городу Новоград – Волынский и была направлена через населённый пункт Полонное на железнодорожную станцию Шепетовка, захваченную немцами. Там был короткий, но тяжёлый бой (3 – 4 дня). Было побито много наших танков, и погибло много солдат. Но немцы, понеся большие потери, отступили. Оборона была прорвана. После сражения 162–ю танковую бригаду направили в бой в населённый пункт Малая роща, занятый врагом. Немцы быстро отходили, бригада наступала. В результате оборона фашистов была прорвана без значительных потерь с нашей стороны. Наши танки продвигались с боями дальше, через город Ровно до города Дубно, куда прибыли примерно 9 февраля 1944 года, и прорвали ещё одну немецкую оборону. Пошли боевым маршем на Луцк. Южнее Луцка прорвали оборону немцев и двинулись на юг в направлении города Броды, где приняли ещё один бой. Затем были направлены на город Дембове. Между г. Дембове и г. Стояно прорвали оборону немцев, и 18 июля 1944 года перешли вброд реку Западный Буг в районе населённого пункта Рава Русская. В районе н. п. Адымно перешли вброд реку Сан и дошли до Карпат, в город Красно. Этот город был занят немцами. Когда мы рано утром вошли в город, немцы ещё спали. Поняв, что город занят русскими, ударились в истерику, прыгали из окон. После города Красно с боями двинулись на город Дукля. В бою на Дуклинском перевале я получил осколочное ранение. Там мы вновь встретились с бригадами ранее рассредоточенного 25–го танкового

корпуса и, соединившись в единый «кулак», двинулись на Сандомирский плацдарм. Весь дальнейший путь бригады 25-го корпуса шли сгруппированно и больше не рассредотачивались. Перешли реку Висла (вброд, и по построенным мостам). В районе г. Луковица пересекли границу Польши с Россией и у города Раков прорвали оборону немцев, составленную из общевойсковых соединений. Дальше двинулись с боями через г. Кельце, Пиотурков, Вадлев, Варто, Калиш, пересекли границу Германии с Польшей и в январе 1945 года в районе н.п. Гулач перешли реку Одер. Пошли в город Глагау, где были сильные танковые и общевойсковые бои. Далее через Перейферхан, Тальгейм с боями 22 апреля 1945 года прорвались в город Котбус. Между Тальгеймом и Котбусом прорвали оборону немцев (апрель 1945г.). С боями двинулись на Берлин. В сам город не заходили. В апреле, когда мы находились в пригороде Берлина, танковый корпус повернули на Чехословакию. С боями прошли через города: Грос Краснит – Лештен – Тольгейм, после Тольгейма прорвали оборону, пересекли границу Германии с Чехословакией, прошли через города Хомутов – Раковник, путь окончили около Праги. На тот момент я имел звание капитан.

Военные боевые действия закончил 15 мая 1945 года в районе места Брежи в составе 162-й танковой бригады под командованием полковника Мищенко, находящегося на должности командира 162-й танковой бригады. В конце войны командиром корпуса был генерал-лейтенант Фоминых Евгений Иванович.

Возвращался с войны по следующему пути: из Чехословакии в июле 1945 года был направлен в Германию в составе 162-й танковой бригады. Там прослужил до 1947 года в звании капитан. После этого уехал в Ленинград.

Демобилизовался по болезни 13 октября 1971 года в звании полковник. После демобилизации был трудоустроен.

Погибших на войне родственников нет.

После войны остался жив брат. Звание – старший сержант. Награждён орденом Славы третьей степени и орденом Красной Звезды.

Собственных опубликованных и неопубликованных произведений не имею.

Обо мне была опубликована статья «Как я выкрал генерала Власова» в газете «Аргументы и факты» за май 1996 года . Записал Павел Аптекарь. Текст этой статьи приведён ниже.

Награждён:

1) Медалью «За отвагу» (№ 386086).

Первая моя награда. Был награждён за произведённую разведку боем в районе населенных пунктов Большие Верейки, малые Верейки (рядом с Воронежем). Разведку выполняла группа из 20 человек, набранных из 62-й танковой бригады седьмого танкового корпуса. При наступлении на деревню, занятую немцами, мы взяли в плен 6 немецких солдат и одного офицера и привели их в штаб танкового корпуса. На тот момент этим корпусом командовал генерал Ротмистров. Командиром нашей бригады был подполковник Баскаков.

2) Орденом Отечественной войны второй степени (№28921) за участие в Орловской операции в августе 1943 года.

3) Орденом Красного Знамени (№ 131640) за участие в тяжёлых боях в Карпатах (Дуклинский перевал, н.п. Цехани, г. Красно, н.п. Лыса Гора).

4) Орденом Александра Невского (№ 28975) за умелое руководство боевыми подразделениями при освобождении территории Украины (от Киева до Польши), в том числе в боях в Новоград-Волынском, в боях на железнодорожной станции Шепетовка. В районе Шепетовки штабы двух наших батальонов, разместившихся на ночь в двух домах после прибытия, были подвергнуты ночной бомбардировке. Один из домов был разрушен. Погибло 12 офицеров и солдат.

5) Орденом Суворова второй степени (№ 1751) за пленение изменника Родины генерала Власова.

6) Медалью «За боевые заслуги» (без номера).

7) Орденом Отечественной войны первой степени (№ 1462919).

Всеми наградами был награждён Указом Президиума Верховного Совета СССР. Указы подписал Секретарь Президиума Верховного Совета СССР. Орденом Отечественной войны первой степени был награждён 11 марта 1985 года.

Ранения:

1) 20 июля 1941 года получил слепое осколочное ранение верхней трети левого предплечья. Лежал в госпитале ЭГ – 1923 (город Белгород) с 31 июля 1941 года. Из него выбыл по окончании лечения 12 сентября 1941 года в часть.

2) 6 марта 1942 года получил слепое осколочное ранение левого плеча с повреждением кости. Лежал в госпитале ЭГ – 1105 с 21 марта 1942 года по 25 апреля 1942 года. После лечения был направлен в 145-й запасной полк.

3) В конце лета 1942 года на Воронежском фронте получил осколочное ранение в правую ногу. Был направлен на лечение в госпиталь в Пензенскую область. После выздоровления был направлен в Ульяновское пехотное училище для обучения курсантов.

4) В Карпатах на Дуклинском перевале я получил осколочное ранение. Наступление на немцев проходило в лесу. Я стрелял из автомата. Внезапно из-за ствола дерева выскочил немец и бросил гранату в мою сторону. Я попытался уйти от неё, но граната взорвалась, задела меня осколками. В госпиталь меня не направили, и я лежал в 232 – м медико-санитарном батальоне 25-го танкового корпуса.

Текст публикации в «АиФ» (май 1996г.)

Утром 15 мая 1945 г. я – командир батальона автоматчиков 162-й танковой бригады – выехал на разведку в зону, контролировавшуюся на тот момент американскими войсками. Дело происходило в Чехословакии, недалеко от деревни Брежи. В американской зоне сосредоточились крупные силы власовцев, и всю предыдущую ночь наш командир бригады полковник Мищенко вел с ними безрезультатные переговоры о сдаче.

Американцы тогда относились к нам хорошо, нашу машину пропустили без особых расспросов. Проезжая мимо леса, я заметил группу людей в немецкой форме. Несмотря на предостережения моего шофера Андреева, подошел к ним. Со мной заговорил офицер, оказавшийся командиром батальона 1-й дивизии власовцев капитаном Кучинским. Я стал агитировать его не сдаваться американцам, а переходить на нашу сторону.

После короткого совещания со своими офицерами Кучинский построил батальон и приказал двигаться на территорию, занятую Красной армией. Чуть позже мы узнали, что вслед для сдачи в плен двинулись артиллерийский полк и саперный батальон той же дивизии. Тем временем мы с Кучинским заметили небольшую колонну легковых автомашин, двигавшихся на запад в сопровождении двух американских «виллисов». Я спросил: кто это? Кучинский ответил, что это штаб дивизии.

Обогнать колонну мы смогли лишь минут через сорок: у власовцев машины были помощнее наших. Развернулись поперек дороги и вынудили их остановиться. Из одной машины вылез печально известный генерал Буняченко, командир 1-й дивизии власовцев. Увидев

Кучинского, обложил его матом и сказал: «Подлец, уже переметнулся...»

Кучинский подсказал мне, что вместе со штабом 1-й дивизии часто ездит сам генерал Власов. Я несколько раз прошелся вдоль колонны, агитируя водителей ехать сдаваться Красной армии. Один из них посоветовал обратить внимание на громадную черную «шкоду». Подойдя к ней, я увидел в салоне, не считая водителя, одну женщину и двух мужчин. Про женщину я позднее узнал, что она была «фронтовой женой» генерала Власова, а мужчины оказались начальником контрразведки 1-й дивизии власовцев Михальчуком и личным переводчиком Власова Росслером.

Я открыл заднюю боковую дверь и вывел переводчика из машины, намереваясь осмотреть салон. В этот момент из-под груды одеял высунулся человек в очках, без погон. На вопрос, кто он такой, ответил: «Генерал Власов». От неожиданности я обратился к нему «товарищ генерал», хотя какой он товарищ...

Власов тоже явно оторопел. Однако вскоре пришел в себя, вылез из автомобиля и, игнорируя меня, направился к американцам – просить их связаться по рации со штабом армии. Вскоре к нашей колонне подъехал еще один «виллис», где сидели американские офицеры. Я сказал им то же самое, что сказал бы и сейчас кому угодно: генерал Власов нарушил воинскую присягу, поэтому он должен предстать перед нашим судом.

На мое счастье, американцы оказались общевойсковыми офицерами, а не офицерами контрразведки – иначе история могла бы получить совсем иное развитие. Видя, что со стороны американцев сопротивления не будет, я сделал вид, что еду вместе с Власовым назад – в штаб американской дивизии. Сев позади Власова в его «шкоду», я приказал водителю разворачиваться и гнать вперед. Пока разворачивались остальные машины колонны, мы успели отъехать довольно далеко.

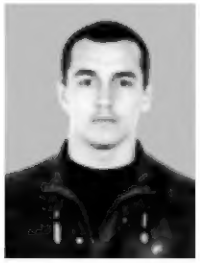
Власов пытался приказывать водителю, куда ехать, но водитель, смекнув что к чему, уже его не слушал. Генерал почувствовал неладное и на берегу красивого озера, где машина немного сбавила скорость, попытался выпрыгнуть на ходу. Однако я успел схватить его за воротник и, приставив пистолет к виску, сказал: «Еще одно движение – и я вас застрелю». После этого он вел себя спокойно.

Двигаясь без карты, мы вскоре заблудились. К счастью, наткнулись на американский пост. Долго не могли понять друг друга: так

получилось, что рядом не было ни одного переводчика. В конце концов начальник поста нашел солдата, поляка по происхождению, от которого мы не без труда узнали, где находятся части Красной армии... В 8 часов вечера я сдал Власова командиру 25-го танкового корпуса генерал-майору Фоминых. Больше я Власова не видел.

Насколько мне известно, Кучинского и двух помогавших нам шоферов-власовцев (Довгаса и Комзолова) позднее освободили от уголовной ответственности и даже наградили орденами Отечественной войны. Мне вручили орден Суворова второй степени. Тем же орденом наградили наших командиров бригады и корпуса. Кроме того, награды получили начальник контрразведки «Смерш» и оперуполномоченный, которых при задержании Власова и близко не было.

Ноябрь 2002 года.



В подготовке настоящих воспоминаний оказал помощь ***Балашов Андрей Андреевич,*** студент 3-го курса Московского авиационного института.

Оргкомитет Московского отделения Академии военно-исторических наук по изданию воспоминаний о войне «От солдата до генерала» в составе:

руководителя Оргкомитета Шоля Евгения Ивановича

и членов Оргкомитета – Вураки Андрея Федоровича, Дементьева Василия Дмитриевича, Луценко Виктора Николаевича, Кирсанова Виктора Николаевича, Красногорского Василия Ивановича, Пакина Евгения Михайловича, Пархоменко Владимира Ивановича, Порохни Виктора Сидоровича, Шишкина Николая Константиновича

выражает благодарность за участие в организации подготовки рукописей воспоминаний:

– преподавателям факультета военного обучения Московского авиационного института (государственного технического университета) – полковнику Пустовалову Геннадию Ивановичу, подполковникам Араеву Сергею Ивановичу, Гладилину Николаю Александровичу, Корневу Олегу Ивановичу, Лопаню Александру Викторовичу, Нектарьеву Андрею Степановичу, Почуеву Сергею Анатольевичу и Шкуратову Андрею Анатольевичу;

– преподавателям Профессионального училища №5 г. Москвы - Ауге Арнольду Львовичу, Миловой Ольге Владимировне и Чекалеву Владимиру Евгеньевичу.

Мемуары

ОТ СОЛДАТА ДО ГЕНЕРАЛА

Воспоминания о войне

Том 1

ИБ № 500

Подписано в печать 5.06.2003 г.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 24,64. Тираж 750 экз.
Зак. 2469/1605. С.56.

Издательство МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993
Типография Издательства МАИ
«МАИ», Волоколамское шоссе, 4, Москва, А-80, ГСП-3 125993